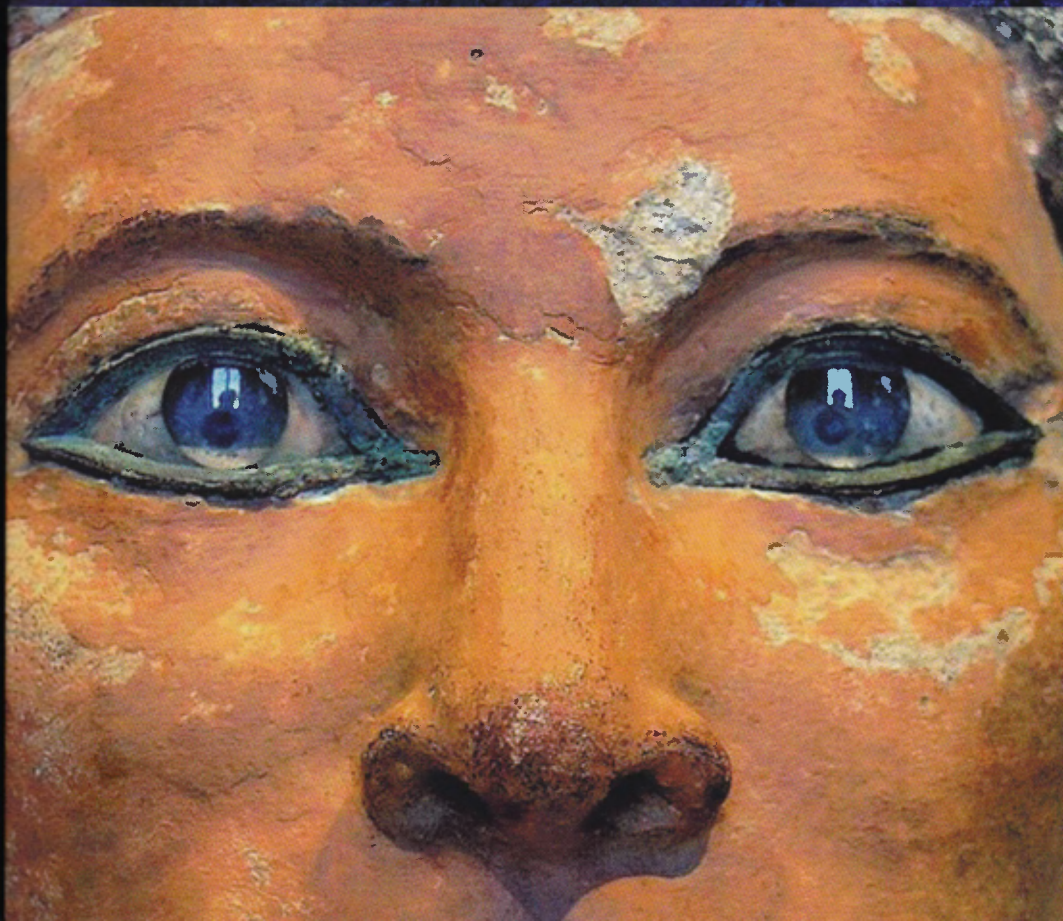

Л.С. Васильев

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

Том 1

*Научно-исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Институт востоковедения РАН*

Л. С. Васильев

История религий

в 2-х томах

Том I

УНИВЕРСИТЕТ
КНИЖНЫЙ ДОМ

УДК [2:94](07)
ББК 86.3я7
В 19

Васильев Л. С.

В 19 История религий : в 2-х томах / Л. С. Васильев. — М. : КДУ, 2016.
Т. 1. История религий :/ Л. С. Васильев. 368 стр.

ISBN 978-5-91304-614-7

ISBN 978-5-91304-615-4 (Том 1)

Двухтомник ставит своей целью познакомить интересующихся с историей религии как феномена, с возникновением и ранними формами религиозных представлений и с процессом становления развитых религиозных систем как на Востоке, где они возникали ранее, так и на Западе. В первый том включены главы о ранних формах религии, о мезоамериканских, древневосточных (включая зороастризм и иудаизм) и античной религиозных системах. Последние главы тома посвящены религиям Рима и Византии, и формированию в них христианства.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся данной проблематикой.

УДК [2:94](07)
ББК 86.3я7

© Васильев Л. С., 2016
ISBN 978-5-91304-615-4 (Том 1) © Издательский дом «КДУ», 2016

Оглавление

Предисловие	6
Глава 1. Религия и религиоведение	9
Что такое религиоведение	12
Основные функции религии	15
История изучения религии	21
Новые теории религиоведения	24
Глава 2. Религия как первооснова и становление общества	29
Процесс политогенеза. Восток и античность	34
Государство и общество на Востоке и в античном мире	39
Глава 3. Возникновение религии и ее ранние формы	46
Формирование основ религиозного сознания	47
Заимствования и взаимовлияния культур	61
Религиозные представления в эпоху неолита	64
Глава 4. Ранние религиозные представления	71
Религия аборигенов Австралии	72
Жители Океании (папуасы и меланезийцы)	75
Микронезийцы и полинезийцы	79
Отсталые народы Азии	82
Древние народы Европы	86
Глава 5. Ранние религиозные представления (часть вторая) ...	93
Первобытная Африка	95
Мифология и космогония народов Африки	101
Индейцы Северной Америки	106
Индейцы Южной Америки	112
Глава 6. От раннего комплекса к религиозной системе	115
О важности заимствования чужих новаций	116
Духовные и материальные ценности	120

	Ранние очаги урбанистических цивилизаций	123
	К. Ясперс об осевом времени	126
	Становление развитых религиозных систем	128
	Религиозные системы осевого времени	130
	Религия и этика	131
Глава 7.	Древние очаги цивилизации в Америке	136
	Основные очаги цивилизации	138
	Мировоззрение и пантеон майя	142
	«Империя» инков	147
	Ацтеки	150
Глава 8.	Древний Египет	158
	Жизнь, смерть и загробный мир	162
	Гелиопольская эннеада и столичные жрецы	
	Мемфиса	166
	Фивы, культ бога Амона и переворот Эхнатона	169
	Жрецы, храмы и культ богов	172
	Мифология	175
	Эволюция религиозных представлений	177
Глава 9.	Древняя Западная Азия	180
	Древний Шумер	182
	Вавилония	188
	Ассирия	192
	Сирия и Финикия	195
	Митаннийцы и хетты	199
Глава 10.	Дуализм древних иранцев и Зороастр	202
	Маздеизм	205
	Зороастр и его реформы	213
	Маздеизм или зороастризм?	218
	Митраизм	226
Глава 11.	Триумф и упадок иранского зороастризма	230
	Мани и манихейство. Маздак и маздакиты	232
	Исламизация Ирана и зороастрийцы	240
	Парсы в западной Индии	246
	Зороастрийцы в Иране после шаха Аббаса	249
	Зороастрийцы и парсы сегодня	251
Глава 12.	Ветхозаветный иудаизм	254
	Древние евреи и культ Яхве (Иеговы)	257

Евреи в Палестине	260
Монотеизм иудеев	265
Космогония и мифология Ветхого Завета	267
Нормы повседневного поведения	271
Иерусалимский храм. Жрецы и пророки	273
Гибель храма и изгнание евреев	276
Глава 13. Синагогальный иудаизм	280
Синагогальный иудаизм	281
Тора и Мишна	285
Талмуд	289
Каббала	293
Трансформация средневекового иудаизма	295
Глава 14. Древняя Греция: боги, герои, мифы	304
Пантеон божеств. Зевс — глава небожителей	307
Подвиги героев Эллады. Геракл	312
Героический эпос Гомера. Троянская война. «Илиада»	317
Тема приключений в эпосе. Одиссей и аргонавты	319
Религия и мифы в жизни эллинов	325
Глава 15. Древний Рим: от политеизма к христианству	329
Древнеримский пантеон. Боги и духи	330
Храмы и жрецы в Риме	333
Рим и Восток	335
Возникновение христианства	337
Евангельская традиция и споры об Иисусе Христе	341
Раннее христианство и его трансформация	347
Христианство как официальная религия Римской империи	351
Глава 16. Формирование идейно-институциональных основ христианства	353
Богословские дискуссии	354
Иконы и иконоборчество в Византии	358
Восточное православие и нехалкидонские церкви	361
Христианизация Рима и Западной Европы	364
Монастыри и монахи	366

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, посвящена одной из наиболее интересных, волнующих и всегда волновавших людей проблем. В ней рассказывается о разнообразных верованиях и представлениях, многочисленных богах и обожествленных героях, мудрых пророках и их учениях. Причем читатели знакомятся не только с религиозными учениями, но и с историей различных мировоззрений, сквозь призму которых человечество исстари привыкло смотреть на мир, оценивая и его, и самих себя, и все происходящее.

Разумеется, каждый из верующих, сторонников той либо иной религии, вправе считать, что именно он стоит на единственно верном пути, и сожалеет о тех, кто заблуждается и потому находится, скорее всего, в лапах дьявола, любителя заблудившихся душ. На это нечего возразить, ибо хорошо известно, что истинно верующего не переубедить. Однако кому, как не ему, знать, что количество религиозных систем, включая множество течений, направлений, сект и т. п., неисчислимо, и каждая из них является фундаментом системы мировоззренческих норм определенной — большой либо малой — группы верующих.

Спорить в таких случаях бессмысленно. Но тем важнее максимально точно отобразить ту сумму верований, культов и обрядов, норм морального стандарта и повседневной жизни верующих, которые соответствуют каждому из религиозных учений или ответвлений от них. Не всегда это удастся по той простой причине, что объем любого отдельно взятого издания, даже двухтомного, ограничен. В нем можно изложить только самое главное, не рассматривая мелких различий

между религиями. За недостаточную полноту и точность можно лишь принести извинения, особенно существенные для тех, кого эти важные именно для них детали непосредственно касаются. Однако во всем остальном необходимо соблюсти беспристрастность или, по меньшей мере, не идти слишком далеко в осуждении того, что кажется вам не вполне приемлемым.

Пожалуй, единственным исключением из общего правила может быть та религиозная система, которая имеет к вам непосредственное отношение, т. е. которая господствует или занимает, по крайней мере, заметные позиции в стране, где вы живете. Здесь трудно настаивать на полной объективности, ибо слишком ощутимо для каждого все то, с чем приходится сталкиваться, что называется, на каждом шагу. Поэтому оценки здесь поневоле связаны с историей страны и с теми проблемами, с которыми она — не без участия господствующей либо играющей в ней важную роль религии и ее духовных вождей, — сталкивается сегодня.

Автор предлагаемого двухтомника много лет занимался изучением религии как феномена и религий отдельных стран и народов. Учебное пособие «История религий Востока» выдержало несколько изданий (последнее, 8-е, в 2006 г.). Однако с каждым годом все острее ощущалась потребность читателя в издании, в котором бы рассматривались не только восточные, но и иные религии. Но количество книг на эту тему ограничивалось считанными единицами, причем далеко не все из них отвечали запросам читающей публики.

Имея немалый опыт работы со студентами, автор решил откликнуться на эти запросы и подверг упомянутое учебное пособие переработке, смысл и содержание которой сводились не только к добавлению новых глав, посвященных религиозным системам Запада, начиная с античности. Был переделан и материал из прежнего издания с той целью, чтобы дать читателю полное представление о феномене религии и той роли, которую она сыграла в процессе становления сапиентного человека, общества, традиций и культуры. В итоге получилась другая работа, значительную часть которой составляют, тем не менее, частично переработанные главы, что входили в книгу о восточных религиях.

В двухтомнике несколько больше внимания, нежели прежде, уделено роли религий в современном мире. Эта роль, как ни покажется

странным в наш век высокого уровня развития науки и культуры, массовых коммуникаций и широкой сети элементарного просвещения, не уменьшается. Скорее наоборот, она становится все более значимой и даже все более пугающей. И если даже это относится отнюдь не ко всем религиям, достаточно одной, сильной и агрессивной, чтобы говорить о массовых движениях, в основе которых лежит исступленная вера многих миллионов людей, стремящихся навязать свою веру другим и заставить мир жить по нормам, характерным именно для этой религии. Здесь объективность специалиста по религиям заканчивается и начинается весьма пристрастное внимание к тому, что происходит и может произойти с миром, если радикально-экстремистские лидеры таких религий будут продолжать свою деятельность.

Глава 1

Религия и религиоведение

- Что такое религиоведение • Основные функции религии
• История изучения религии • Новые теории религиоведения*

Проблема возникновения религии не только как социопсихологического феномена, но и главным образом начальной ступени ментальности и интеллектуально-духовных представлений, необычайно важна. Осмысление мира сапиентными людьми было началом и символом превращения обезьяночеловека в человека. Не использование огня или самых примитивных и грубых каменных орудий, которая существовала и у более ранних видов человекообразных, превратила обезьяночеловека в человека разумного. Человек стал человеком лишь после того, когда в его организме произошла в ходе мутации либо серии мутаций радикальная перестройка, создавшая условия для быстрого развития его мозга и, соответственно, ментальных интеллектуальных возможностей.

Разум, а не орудия охоты и даже примитивного труда в процессе производства тех же орудий, добывания пищи и защиты от влияния природной среды (использование шкур животных в качестве одежды, строительство элементарных укрытий) поставил точку в сложном и продолжительном процессе очеловечения обезьянолюдей. Но в чем проявился этот разум? Отнюдь не только и не столько в том, что орудия труда благодаря размышлению над ними стали более совершенными, хотя это было весьма значимым. Он проявил-

ся прежде всего в возникновении элементов духовной культуры. Без этого даже производящий орудия обезьяночеловек остался бы прежним.

Но коль скоро так, то совершенно в ином плане встает вопрос, что следует считать первоосновой в ходе сложного поступательного исторического процесса. Что было основной движущей силой этого процесса? Известно, что на протяжении большей части прошлого столетия в отечественной науке, прежде всего в обществоведении (хотя и не только), господствовал марксистский постулат, сводившийся к тому, что бытие определяет сознание, что материя первична, а идеи вторичны. Считалось, что духовная жизнь — просто некая «надстройка» над «базисом». Термин «базис» применительно к далекой первобытности марксизмом не использовался, ибо столь древними временами родоначальник учения не интересовался. Но это не останавливало специалистов, которые были вынуждены считаться с «основополагающими» постулатами марксизма. И они уверенно развивали идею о первичности материального начала (производство орудий охоты и примитивного труда) и заведомой вторичности духовной жизни сапиентных людей. Ныне, когда постулаты марксизма не довлеют над отечественной наукой, есть все основания для того, чтобы не просто усомниться, но решительно отвергнуть эту идею.

Смысл и основания для иной постановки проблемы элементарно просты. Нет и не может быть доказательств, которые позволили бы считать, что само по себе использование орудий было фундаментом для появления интеллекта, умения мыслить и создавать элементарные представления об окружающем мире. Нет и не может быть потому, что умение изготавливать и применять орудия было свойственно обезьяночеловеку, мозг и все важнейшие внутренние системы организма которого еще не были приспособлены ни для речи, ни тем более для разумной и отвлеченной мысли. Обезьянолюдей в этом смысле можно было бы сопоставить с дебильными людьми. Кое-что они могут делать, но разумом при этом пользоваться не умеют. Или, точнее, они не являются людьми в полном смысле слова именно потому, что лишены разума. Для чего это важно заметить и подчеркнуть? Именно для того, чтобы тем самым подтвердить роль разума у человека разумного (сапиентного) как великой первоосновы всей последующей эволюции, включая и то, что имели в виду марксисты, когда рассуждали на тему о материи и сознании, о базисе и надстройке.

Все созданное людьми было создано потому, что первоосновой (если угодно, базисом) их деятельности с момента возникновения сапиентного человека был разум. Именно благодаря разумной и осознанной его деятельности совершенствовались орудия труда и условия жизни, происходил сложный процесс перехода от присваивающего хозяйства к производящему (неолитическая революция). Разумная деятельность людей привела их к созданию ранних форм общества, затем к возникновению первичных очагов цивилизации и государственности. С учетом всего вышесказанного встает закономерный вопрос о том, какие формы имела духовная жизнь первых разумных людей, на какой основе складывалась их ментальность, в чем проявлялся постепенно развивавшийся интеллект.

Как было отмечено, частично разум в повседневной жизни использовался для совершенствования условий бытия, включая создание нового типа орудий, новых форм социального существования, переход от использования даров природы к производству пищи. Если вдуматься, именно это и означает, что с появления сапиентных людей сознание стало определять бытие, оно стало первоосновой, базисом, а все остальное – надстройкой, зависящей от первоосновы. Именно благодаря интеллекту умных людей орудия и сама жизнедеятельность человека начали совершенствоваться достаточно быстрыми темпами. Но этим возможности разума отнюдь не ограничивались. Более того, интерес к тому, как устроен мир, и какое место занимают в нем люди, равно как и постоянная забота о том, как предохранить себя от внушающих страх неведомых грозных сил, пусть не сразу, но с течением времени выходил на передний план. Идеи и духовная жизнь, духовная культура стали чем-то первичным, тогда как материальные условия существования стали определяться интеллектом и ментальностью людей.

Вот здесь мы и подходим к основной теме. Что такое религия? Когда и почему она возникла? В чем были ее суть и смысл в то далекое время, когда первые проблески разума озарили только что сформировавшихся людей вида *Homo Sapiens*? Подобных вопросов немало, причем они издавна волновали мыслителей, которые, начиная с появления письменности, оставили свои рассуждения по этому поводу. Собственно, именно их размышления и легли в основу той дисциплины, которая получила наименование религиоведения.

ЧТО ТАКОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Главная цель этой отрасли знания, существующей вот уже около двух с половиной тысячелетий, заключается в том, чтобы осуществить серьезный анализ всей совокупности проблем происхождения, сущности и функций религии, ее места в обществе, истории, культуре, ее объективной роли в древности и в современном мире. Иными словами, цель религиоведения — познать и понять религию как форму общественного сознания, как социально-психологический феномен. Уже первые религиоведы — античные философы — хорошо сознавали, что, возникнув на заре человечества и складываясь веками чаще всего на основе неадекватного отражения в мышлении людей реальных объективных процессов в природе и обществе, древние и весьма примитивные религиозные представления и верования, а также закреплявшие их догмы, культы, ритуалы и обряды опутывали сознание человека паутиной устойчивых иллюзий, заставляя со временем создавать все более вычурные и сложные метафизические конструкции мироздания, загробного существования и т. п. Укрепляясь в сознании людей, фиксируясь в памяти поколений, становясь частью культурного потенциала сначала небольших коллективов, а затем целых народов и государств, системы верований приобретали тем самым определенные социально-политические и культурно-этические функции.

Очень важно учитывать, что к числу религиоведов в полном смысле этого слова не следует относить только и именно тех, кто оценивает свой предмет с позиций рационализма — но никак не с позиций веры или откровения. Дело в том, что в рамках каждой из развитых религиозных систем со временем сложилась своя серьезная школа апологетики данной религии, представленная проповедниками и отцами церкви, учеными знатоками древних религиозных текстов, богословами и теологами и опирающаяся на откровения древних пророков, истинность утверждений которых считалась аксиомой. Принципы веры, изложенные основателями религии, оспаривать было кощунственно, а каждое слово их в рамках данной системы всегда ценилось буквально на вес золота и бережно комментировалось знатоками древних текстов. Долгие века никто и не пытался доказывать преимущества именно своей религии. И если кого-либо вынуждали переходить из религии отцов в какую-нибудь

иную, то это делалось обычно в результате грандиозных мировых катаклизмов и, как правило, с применением насилия.

Конечно, религиоведение и богословская апологетика своей религии, в которую стоит обратить всех, — это довольно разные подходы к изучению религий. Но справедливости ради необходимо заметить, что уже давно оба подхода до определенной степени нередко применял один и тот же специалист, особенно если иметь в виду европейских религиоведов нескольких последних веков, когда шел процесс активной миссионерской деятельности в странах колонизируемого Востока. Богословы-миссионеры, активные приверженцы христианства, наряду с тем, что они стремились нести Слово Божие тем народам, которые с этим словом не были знакомы, вынуждены были тщательно изучать религиозные верования неевропейских народов, с которыми они имели дело. Само собой, миссионеры не скрывали своих предпочтений, но они в то же время анализировали весь обширный спектр мировых религий, включая многочисленные секты, и связанные с ними обряды и культы, подчас мистические и примитивные. И это объективно вело к тому, что приверженность к христианству не мешала им, превращавшимся тем самым из богословов в религиоведов, знакомить других с многочисленными религиями Востока. В этом случае они являли собой таких же религиоведов, что и те, кто изучает весь спектр религиозной культуры народов мира как бы с нейтральных позиций.

Итак, целью религиоведения как отрасли современной науки является объективный анализ веры и религии как таковых. Орудием анализа здесь служит главным образом глубокое изучение великого множества различных религиозных систем, как древних и примитивных, так и более развитых и вполне современных. Главным же в конечном счете является выяснение и максимальное приближение к истинной сути всей совокупности проблем, связанных с происхождением, сущностью и основными функциями религиозной веры первобытного человека или развитой системы религиозных взглядов и институтов в наши дни.

Религиоведы, которые стремились понять и познать религию как специфическую форму общественного сознания, как социально-психологический феномен, начали свою деятельность с античной древности. Однако наибольшего развития современное религиоведение достигло лишь в последние два-три века, после того, как многочисленные ученые, прежде всего социальные антропологи (в их число

входили и упомянутые уже миссионеры, распространившиеся по всему миру после Великих географических открытий и начала колониализма), получили благоприятную возможность ознакомиться с примитивными верованиями и религиозными системами большого количества разных племен и народов, а также мелких этнических общностей, населяющих нашу планету*.

Завершая краткий очерк о религиоведении, очень важно заметить, что специалисты этого профиля наиболее свободно чувствуют себя в тех странах, где господствуют толерантные религии, и прежде всего современное христианство в западных вариантах. В странах, где религия жестка, а мораль переплетена с ней настолько прочно, что ее фактически не отделить от веры, религиоведам (как, например, в мире ислама) практически нет места. Там могут существовать лишь мыслители мусульманского толка, различающиеся между собой только большей либо меньшей степенью религиозной активности. Это существенно иметь в виду, хотя справедливости ради важно отметить еще одно обстоятельство. Так сложилось, что на протяжении едва ли не всей истории развитых цивилизаций именно западная культура проявляла живой интерес к изучению других, тогда как восточные — будь то отличавшийся нетерпимостью ислам или вполне терпимые к иноверцам Индия и Китай — обычно ограничивались изучением собственных традиционных религиозных и философских систем и мало интересовались (если интересовались вообще) соответствующими системами иных цивилизаций. В этом

* Следует заметить, что помимо ученых знатоков какой-либо религиозной системы до недавнего времени существовала и еще одна многочисленная группа специалистов, посвятивших себя изучению проблем религии. Это так называемые атеисты, количество которых во всем остальном мире всегда было ничтожно, если не считать нашу страну в те годы, когда ею управляли коммунисты, не только не признававшие религию как систему верований, обрядов, культов и тесно связанную с ней нравственную культурную традицию, но и жестоко уничтожавшие служителей культа и разрушавшие храмы и всю систему институтов той либо иной религии, прежде всего православной. Спецификой атеистов и их, если так можно выразиться, специальностью было гонение на любую религию с большими полицейскими и прочими возможностями, которые ныне именуются властным ресурсом. Естественно, что после крушения коммунистического режима атеисты в нашей стране практически исчезли. Большинство из них стали религиоведами.

одно из важных отличий Востока от Запада, о которых ниже еще будет более подробно идти речь.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ РЕЛИГИИ

Религия — отнюдь не случайно появившийся социально-психологический феномен. Более того, вера как форма осмысления мира и религиозные обряды и культы, закреплявшие эти верования и соответствующие им культурные традиции, — это первооснова ментальной культуры человечества. Безрелигиозного человека — во всяком случае в той отдаленной древности, когда сапиентные люди формировались и долгими десятилетиями тысячелетий эволюционировали, — не было и не могло быть в принципе. Безрелигиозными могли быть лишь человекообразные, их предшественники. После того, как сложился сапиентный человек со свойственными ему формами мышления и речи, первым шагом в направлении обретения культуры и социальных навыков, которые и отличали его от животных предков, было осмысление условий бытия. А эти условия, о чем уже говорилось, требовали создания комплекса верований, пусть первоначально еще очень рыхлого и примитивного, и, главное, связанных с ним норм поведения. Эти верования и нормы и определили основные функции религии.

Первой и важнейшей функцией религиозного осмысления мира человеком разумным была и навсегда осталась та, что тесно связана с его духовной культурой и становлением определенной системы ценностного восприятия мира. С некоторой долей условности ее следовало бы назвать *экзистенциальной*, ибо именно она — а не умение производить орудия для добывания пищи — сделала человека человеком. Важность этой функции в том, что осмысление условий бытия людьми, обретшими мышление и речь, сводилось к созданию определенных представлений об окружавшем их мире и о том, какое место в этом мире они занимают.

Экзистенциальная функция, связанная с формированием самых первых и основных представлений обо всем, что окружает людей на еще мало знакомой им планете, со временем превратилась в базовую основу их духовной культуры. Общий облик этой культуры, различавшийся в деталях в зависимости от конкретных условий существования той или иной популяции, подчинялся генеральным закономерностям, характерным для всей системы ранних религиозных представлений,

о которых пойдет речь далее. То общее, что было свойственно несколько десятков тысячелетий назад вышедшим из Африки группам сапиентных людей, стало для всех различных этнических общностей фундаментом почти одинакового, хотя иногда существенно различавшегося в деталях, комплекса раннерелигиозных представлений и соответствовавших им норм поведения. А многие, хотя и очень важные, но вначале казавшиеся второстепенными элементы со временем стали основой для ряда существенных различий в культуре и системе высших духовных ценностей разных этнических общностей. Все различавшиеся между собой в деталях общности отпочковывались от когда-то единой популяции сапиентных людей, постепенно расчленявшейся по законам цепной реакции и заселявшей планету.

Если первой по времени и важности функцией религии, которая, в общем-то, и начала делать человека человеком — в отличие от его человекообразных предшественников, — была экзистенциальная, утверждавшая статус и место сапиентного человека в осваивавшемся им мире, то второй по этим же признакам следует считать *компенсирующую*. Смысл ее в том, чтобы заменить в сознании людей все то, что еще недоступно их уму, что не может быть осмыслено ими с логических и рационалистических позиций. Речь идет — стоит подчеркнуть — именно о сознании, ибо лишенные его животные не нуждаются в религии потому, что лишены сознания и вследствие этого не задают вопросов, не мучаются сомнениями, не стараются понять взаимосвязь между различными явлениями и т. п. И как только в мозгу сапиентного человека появились возможности осознанно воспринимать сигналы из внешнего мира, он стал ощущать необходимость не столько установить связи с ним (хотя и это его очень интересовало), сколько понять и объяснить суть упомянутых сигналов, значимость их для него, только что возникшего разумного человека. Не имея возможности добиться позитивного результата, тем более достаточно быстро, первобытные люди, естественно, ощущали определенный дискомфорт, нечто вроде стресса. Снять стресс и обрести духовный комфорт они смогли бы только после получения ответов на интересовавшие их подчас жизненно важные вопросы. Но где взять ответы? И вот здесь-то и пришла на помощь первобытному человеку религия, пока еще в самой примитивной форме.

Выступая в роли все объясняющего покровителя и утешителя, посредника между слабостью человека и всемогуществом природных стихий, религиозное сознание уже в самой ранней модификации было при-

звано предохранить людей от злого воздействия непознанных внешних сил и в то же время научить, как избежать такого воздействия, защититься от него, как задобрить злые силы. В специфической иллюзорно-мистической форме она компенсировала бессилие человека, ограниченность его знаний, несовершенство едва возникавшей социальной структуры и многое-многое другое. Веря во всемогущество непознаваемых сверхъестественных сил, принося им жертвы, люди добровольно отдавали себя под их покровительство, надеясь при этом на их защиту.

С усложнением и развитием общества менялись формы религиозной веры. Одухотворение природных стихий и иных проявлений и даже предметов окружающей среды, не говоря уж об умерших, а также появление многих обрядов и культов изменяли характер компенсации: обращаясь к религии и твердо веря в созданные им же догмы, человек стремился найти в ней утешение, избавиться с ее помощью от неуверенности и опасений, социальных несправедливостей и личных обид. Функция религии при этом постоянно усложнялась. Религиозно активные слои населения (жрецы, монахи, отшельники, аскеты, колдуны, шаманы и т. п.) обращались к религии и связанным с ней обрядам и культам все чаще и во все более разнообразных формах. Многие из них искали вечной жизни или спасения на небе, в раю либо еще где-то от несовершенства земного существования, стремились к слиянию с Высшим Абсолютом, с божеством, которому они служили, и т. п. Простые люди все чаще прибегали к мольбам о лучшей жизни, о спасении от опасностей или о благосклонности к их близким. И все эти надежды и просьбы были рассчитаны на то, что сверхъестественные силы способны в какой-то степени компенсировать неурядицы земной жизни.

Компенсирующая функция религии, пожалуй, может считаться едва ли не наиболее значительной и уж во всяком случае самой широко востребованной верующими. Ведь многие люди не задаются вопросами о космогенезе или устройстве загробной жизни. Им не до этого. Зато все, практически все озабочены сотнями сиюминутных проблем, решение которых, как принято считать теми, кто надеется на помощь сверхъестественных сил, зависит от этих сил. Они и существуют в умах людей именно для того, чтобы помочь, избавить от напастей, компенсировать невзгоды, снять беспокойство...

Третья по значимости среди основных функций религии — *коммуникативно-интегрирующая*. Главная ее роль — в сплочении любого

социума, в соединении групп, связанных друг с другом людей в нечто единое и цельное. Объединяя ту либо иную общность людей в рамках уже сложившегося у них и санкционированного имиситуация восприятия мира, эта функция той либо иной религии, будь то ранний религиозный комплекс или более развитая религиозная система, закрепляет в данной общности свойственные именно ей социально- психологические, этические и духовные ценности и связанные с ними нормы поведения и привычные порядки. Именно это содействует облегчению связей между любыми представителями общности и способствует ее социальной, идейной и в конечном счете политической интеграции. На ранних этапах развития общества это наиболее наглядно проявляло себя прежде всего в феномене этноцентризма, суть которого сводилась к тому, что едва ли не каждая этническая общность, объединенная комплексом единых верований, ритуалов, культов, обрядов и мифов, резонно считала именно этот комплекс с его укоренившейся системой норм поведения тем незыблемым эталоном, отклонение от которого недопустимо. Свои и чужие (т. е. все не свои) — не просто основной принцип восприятия мира людей, всех многочисленных живущих где-то, в том числе по соседству с данной общностью, коллективов, но и своего рода основной закон жизни.

Нормы коммуникации, выработанные в рамках данной общности, обязательны для ее членов, но не только необязательны, но даже недопустимы при контактах с чужими. Иными словами, свои среди своих чувствуют себя в полной безопасности и всегда могут рассчитывать на помощь в случае опасности. И напротив, любой чужак и тем более совокупность чужих — это потенциальные враги, которые заведомо лишены прав и не могут претендовать на защиту, даже просто на благожелательное к себе отношение. Конечно, все зависит от обстоятельств. Иногда коллектив принимает чужого и даже помогает ему адаптироваться. Но из истории хорошо известно, что уже в глубокой древности пленники из числа чужаков чаще всего именовались тем же словом, что и возникшие чуть позже рабы. Иными словами, чужой и раб — почти синонимы, часто одно и то же. И только в том случае, если чужой или раб включается в какую-либо семейно-клановую группу в качестве младшего ее члена, женится (выходит замуж, становится наложницей) и постепенно адаптируется, оказывается частью данной общности, отношение к нему (или к его потомкам) меняется. В этом

случае интегрирующий процесс в рамках коммуникативно-интегрирующей функции данной религии делает свое дело. Чужой становится своим*.

Значимость коммуникативно-интегрирующей (и одновременно дифференцирующей) функции не уменьшается и по мере эволюции общества. Конечно, меняются конкретные ее проявления. Но суть остается неизменной: преданность той либо иной системе религиозных норм лежит в основе любой народности. Собственно, каждая народность, любой этнос, даже оказываясь в рамках большого многонационального государства, стремится сохранить свою идентичность, на страже которой стоят язык и религия.

Четвертой важной функцией религии, тесно связанной с только что упоминавшейся третьей, но относящейся, как правило, уже к более развитым религиозным системам, следует считать *нравственно-нормативную*. Это одна из важнейших функций религии, без успешной реализации которой она становится слабой, а общность, обслуживаемая ею, обречена на постепенную потерю того морального стержня, который необходим для ее устойчивого существования и прочного нормативного принципа жизни. Речь идет о тех самых заповедях Моисея, реформах Зороастра, откровении Будды или поучениях Конфуция, которые сыграли большую роль в истории уже

* Здесь надлежит сделать два существенных дополнения к изложению проблемы коммуникации и интеграции. Дело в том, что параллельно с религиозно-обрядовыми нормами, складывающимися в рамках данной ранней, даже очень ранней общности, которая благодаря этим нормам ощущает себя отличным от всех других этносом, ту же функцию выполняет и язык. В первобытном обществе разных языков было очень много, причем это легко доказывается на примере современной Африки, где языков и ныне насчитывается несколько тысяч. Обилие различных языков — тоже признак процесса становления тесной коммуникации и полной интеграции в рамках формирующейся этнической общности, сколь бы мала она на первых порах ни была. Второе, о чем надлежит сказать в этой же связи, это то, что интеграция в рамках данной этнической общности предполагает и обеспечивает ее идентичность и тем самым содействует становлению и укреплению того принципа деления мира на немногочисленных своих и всех прочих чужих, о котором только что упоминалось. Практически это значит, что та же коммуникативно-интегрирующая функция, которая сплавливает *своих*, одновременно играет роль дифференцирующего фактора, отделяющего своих ото всех остальных.

не столько религии как таковой (конфуцианство вообще не религия, хотя успешно играло роль религии в Китае на протяжении тысячелетий), сколько того либо иного общества. Религия, обычно берущая на себя роль пастыря народа, обязана заботиться о своей пастве и приучать ведомый ею народ к жесткому нормативному стандарту повседневного поведения, к тем немногочисленным, но чрезвычайно важным принципам жизни, без постоянного соблюдения которых человек легко может превратиться в животное. К сожалению, далеко не все религиозные системы справляются с этой очень важной задачей. Иногда религии это мешает делать власть, берущая над ней верх и не уважающая религию и ее служителей в собственной стране, как то, к сожалению, было в России, причем с достаточно ранних времен ее истории. В результате народ, который утрачивает или просто не ощущает влияние нравственно-нормативной функции религии, оказывается лишенным жесткого нравственного стержня со всеми вытекающими из этого негативными для него последствиями.

В тех случаях, когда иные функции, включая нравственно-нормативную, нормально реализуются, обретает силу и еще одна важная функция религии — *регулирующе-контролирующая*. Раз возникнув и сформировавшись, приобретя устойчивые структурные очертания, создав идейные догматы и практические методы воздействия на мышление и поведение людей, на всю их духовную культуру, создав основы морального стандарта и жесткие принципы повседневной нравственности, религия приспособливает к своим потребностям либо создает заново соответствующие всем этим нормам систему ценностей, ритуалы, церемониал, праздники, обряды и т. п. В этой функции религия почти вплотную смыкается как с только что упоминавшейся нравственно-нормативной своей функцией, так и со слагавшейся под воздействием нравственного норматива культурной традицией, осуществляя над всем этим верховный идеологический контроль, постоянно и неустанно регулируя принципы и практику жизни людей. Строгость и общеобязательность этого контроля могут быть различными и по мере развития общества в большинстве случаев — хотя не везде и не всегда — имеют тенденцию к уменьшению.

При всем том, однако, жизнеспособность этой функции вне всяких сомнений. Даже тогда, когда значимость других функций может ослабеть под воздействием времени и, в частности, под давлением современной науки, повышения образовательного ценза населения (это касается уже наших дней), регулирующие-контролирующая

функция позволяет данной религиозной доктрине, используя инерцию традиции, цепко держать многие стороны жизни людей, особенно на Востоке. Важно обратить внимание и на то обстоятельство, что именно в рамках этой функции религии, как о том уже шла речь, веками тщательно сохранялись и строго соблюдались основы религиозной морали, нравственного норматива. Здесь обе имеющиеся в виду функции (нравственно-нормативная и регулирующие-контролирующая) практически сливаются в одну, целью которой является сохранение всего восходящего к общечеловеческим принципам этики, к понятиям о добре и зле, хорошем и плохом, справедливости и несправедливости. Религия выступала хранительницей этих норм, а кризис религии вел к девальвации нравственных ценностей. Пожалуй, лучше других эту закономерность выразил Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Ежели Бога нет, то все дозволено...».

Наряду с перечисленными функциями религия имеет и ряд других, важных для понимания ее роли в обществе. Например, *политическая* функция служит делу освящения власти, обожествления правителя и его верховных прерогатив («кесарю — кесарево»). Возникает она достаточно поздно, параллельно с появлением политических структур и возглавляющих их правителей, имевших обычно сакральную ауру и нередко считавшихся сыновьями Солнца или Неба. Как и предыдущая, эта функция отличается от других прежде всего тем, что возникает и начинает играть существенную роль на уже достаточно развитом этапе становления религии как системы, в обществах, вышедших из недр первобытности.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ

Выше говорилось, что первые попытки рационалистически объяснить феномен религии, как и причины его возникновения, относятся к античной древности и связаны с философскими поисками в странах Запада, прежде всего в Древней Греции. Еще в середине I тысячелетия до н. э. греческие философы, одними из первых пытавшиеся рационалистически осмыслить мир, обратили внимание на то, что, по их мнению, сколько-нибудь развитые религиозные представления не были имманентно присущи человеку или, другими словами, что люди сами выдумали своих богов. Вообще-то говоря, этот тезис нельзя считать вполне верным хотя бы потому, что ранние формы религии, как будет показано даль-

ше, вообще не были знакомы с богами как таковыми. Самые ранние и примитивные религиозные представления были намного более простыми и возникли они, как следует полагать, с наивных попыток сапиентных людей (о досапиентных речи нет — они еще не были людьми в полном значении этого слова) как-то осмыслить ставший доступным их мысли окружающий мир, который они не всегда понимали и часто боялись, а затем начали одухотворять. Именно это имели в виду и античные философы. Демокрит, в частности, считал, что осмысление внушавших людям страх небесных явлений, будь то гром, молнии, затмения, приводило к тому, что люди верили в сверхъестественную мощь неведомых божественных сил.

На том уровне развития религий, когда появились первые божества в полном смысле этого слова, они действительно были кем-то и когда-то «выдуманы». Все тот же Демокрит утверждал, что люди «измышляют божественные существа». Римлянин Лукреций Кар писал, что «от ужаса перед богами» смертные, «ощущая страх и смущенье», уступают богам «царство над миром». Как выглядели боги? Хорошо известно, что в античном мире они воспринимались похожими на людей и, более того, контактирующими с людьми и рожающими детей от обычных женщин. Греческий философ Ксенофан даже специально обращал внимание на то, что людям свойственно придавать своим богам антропоморфный облик и что если бы люди были похожи на коней или быков, они уподобляли бы своих богов коням и быкам. Наивные догадки Ксенофана имели смысл, однако, прежде всего и главным образом для античного мира, ибо у многих других народов дело обстояло иначе, а боги имели различный облик. Как бы то ни было, первые рассуждения античных философов о том, как и почему появлялись божества, не лишены смысла. Их рассуждения в какой-то степени заложили фундамент научного религиоведения и положили начало изучению религии как социально-психологического феномена.

Если не уходить в сторону от европейской линии развития религиоведения, которая всегда была основной, часто даже единственной, то важно принять во внимание, что распространение христианства на долгие века покончило с практикой античного свободомыслия. Место рационального религиоведения заняла теология, а поиски истоков религии пошли в русле богословия. И хотя христианская теология дала миру немало незаурядных мыслителей, которые внесли весомый вклад в религиоведение, их суждения о религии обыч-

но ограничивались строгими рамками церковной догмы, о чем уже упоминалось. Естественно, что не принимавшие догму часто считались еретиками и в лучшем случае отвергались канонической (прежде всего католической или православной) церковью, а в худшем — во всяком случае в конце сурового в этом плане средневековья — оказывались объектами погромов (вспомним Варфоломеевскую ночь, устроенную для французских протестантов-гугенотов, или костры святой инквизиции для «ведьм» и вольнодумцев).

Лишь с эпохи Возрождения, когда в Европе на передний план вновь выступили многие традиции и нормы повседневного существования давно забытой античности, и особенно в эпоху Просвещения, когда всецелие католической церкви стало ослабевать под нажимом рационального осмысления мира, особенно энергично расцветавшего во Франции с ее Вольтером, Руссо и энциклопедистами, ситуация стала заметно изменяться. Костры инквизиции ушли в мрачное прошлое, а вольнодумство достигло немалых вершин, вплоть до знаменитого вольтеровского «если бы Бога не было, его следовало бы выдумать». Церковная Реформация оказалась также одной из важных составных частей того фундамента, на котором заново расцвели античные традиции свободомыслия, причем на сей раз на новом, много более высоком теоретическом уровне.

Одним из первых веру в церковные догмы подверг сомнению на рубеже XVI–XVII вв. Ф. Бэкон, сравнивший ум человека с кривым зеркалом, искажающим реальность. Это сравнение дало толчок к откровенной критике религии вообще и христианства в частности. Соотечественник Бэкона англичанин Т. Гоббс в своем знаменитом сочинении «Левиафан» заново обратил внимание на то, что именно страх перед невидимой силой, воображаемой на основании выдумок, и есть религия. Невежество и страх породили религию, а власти сознательно используют это в своих интересах. Так родилась теория религии как едва ли не сознательного обмана темного народа властью имущими. Надо прямо сказать, что как политический ход в условиях обостренных отношений с государством (а именно его Гоббс представил всецеливым Левиафаном) эта теория имеет право на существование. Но не более того. Власти всегда использовали религию в своих интересах, но это не имеет ничего общего с проблемой происхождения религии.

Едва ли не еще резче обрушился на религию голландский философ Б. Спиноза, который утверждал, что все то, что когда-либо

почиталось из ложного благочестия, ничего, кроме фантазий и бреда подавленной и робкой души, не представляло. Истоки религии Спиноза видел в неуверенности человека в своих силах, в постоянных колебаниях его между надеждой и страхом. Эстафету Спинозы подхватили французские энциклопедисты. П. Гольбах считал религию вымыслом, созданным человеческим воображением, а П. Марешаль едва ли не первым сравнил ее с опиумом. «Христианство проповедует лишь рабство и зависимость», — писал Ж.-Ж. Руссо.

Подобных нападок не столько даже на религию вообще, сколько на католицизм, который сильно скомпрометировал себя расправами с еретиками, можно привести немало. Но и сказанного вполне достаточно, чтобы история изучения религии в Европе до XIX в. предстала достаточно полно. Существенно, однако, заметить, что последние два века прошли — с точки зрения религиоведения и изучения истории религии — под несколько иным знаменем. Это было время серьезного научного исследования текстов и религиозных верований многочисленных и очень различных по уровню развития и иным параметрам дописьменных народов. Именно в эти века на передний план вышла серьезная наука, которую возглавил огромный отряд специалистов-антропологов различного профиля.

НОВЫЕ ТЕОРИИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Надо, однако, заметить, что исследования религиоведов этого периода по меньшей мере частично были подготовлены усилиями миссионеров, разъехавшихся по всему миру после Великих географических открытий с целью нести во вновь открытые страны Востока, как о том уже шла речь, Слово Божие. Судьба их складывалась различно. В Африке они достигли немногого, да и трудно винить их в этом. Там не было еще дорог и никакой инфраструктуры, так что жить можно было лишь в небольших анклавах на побережье. Максимум, чего добились миссионеры здесь, — это христианизация государства Конго, которое, впрочем, просуществовало не слишком долго. В Южной и Центральной Америке, населенной в основном индейцами, позже также и неграми, отчасти метисами и мулатами, ситуация благоприятствовала миссионерам, и они сумели заложить здесь прочные основы процветания католицизма. Что же касается большинства остальных стран Востока, будь то Ближний, заселенный преимущественно мусульманами,

или Индия, Китай и Япония с их развитыми религиозными системами, то там миссионеры в своем главном деле добились немногого. Разве что Япония была частично и ненадолго христианизирована, да кое-каких временных успехов добились миссионеры в Китае. Правда, несколько больших результатов христиане сумели достичь в некоторых странах Индокитая, в частности в Южном Вьетнаме. Кое-каких успехов добились они и на некоторых островах Океании. Но страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока (кроме многих из тех народов, что оказались под властью России, вплоть до Аляски) не были христианизированы. В целом же, оставляя в стороне Латинскую Америку, следует заключить, что христианское Слово Божие на Востоке большого распространения не получило*.

Несмотря на это, а во многом именно поэтому миссионеры, не сумевшие добиться больших успехов в своем основном деле, смогли стать, о чем уже шла речь, первым отрядом серьезных религиоведов, изучавших местные языки и письменные тексты и сочинявших труды, в которых излагались религиозные верования и моральные нормы народов, среди которых эти миссионеры (а многих из них стоит считать и называть подвижниками) проводили нередко всю свою жизнь. Но, хотя труды этих предтеч развитого европейского религиоведения были своего рода фундаментом, на который могли опереться их последователи, фундамент этот был еще слишком рыхл и далеко не во всем хорош. И все-таки это была достаточно прочная основа, на которой можно было укрепиться той части европейских религиоведов, что посвятили свои штудии изучению религий Востока. Правда, по меньшей мере в XIX в. такого рода изучение еще далеко не всегда выделялось как особая дисциплина. Для того времени было важнее определиться в целом, чем в основном и занимались религиоведы, начавшие делиться на несколько научных школ.

Если говорить о ранних формах религии, наиболее распространенных в тех местах, где миссионеры и сопутствовавшие им социальные

* Необходимо оговориться, что русское православие, обходившееся обычно без больших отрядов специально направляемых миссионеров, преуспело в христианизации многих малых народов Сибири, что можно объяснить тем, что эти народы были включены в состав России и подверглись энергичной ассимиляции, частично растворившись в многочисленной армии русских переселенцев, лидирующей частью которых были казаки.

антропологи чувствовали себя наиболее вольготно (в том смысле, что не встречали сопротивления со стороны местных властей, подчас и вовсе отсутствовавших), то по отношению к ним наибольшего успеха достигла так называемая *анимистическая* теория. Основатель и виднейший ее представитель Э. Тэйлор утверждал, что первоначальная форма религиозных представлений — вера в духов, т. е. анимизм. Не умея правильно понять и объяснить проблему жизни и смерти, происходящее с ним во время сна или болезненных переживаний, включая галлюцинации, первобытный дикарь сформулировал идею о некоем двойнике всего сущего — его душе, которая может покидать тело и даже переселяться в иные тела. Последователи анимистической теории Тэйлора, представленной прежде всего в его капитальном монографическом исследовании «Первобытная культура», частично приняли его выводы, а отчасти, уже после его смерти, стали считать, вслед за другим крупнейшим исследователем первобытного анимизма Д. Фрэзером, что анимизму могли предшествовать доанимистические представления, например вера в магическую силу определенных людей или даже вещей. Как бы то ни было, теория анимизма заняла ведущее место среди других школ, пытавшихся объяснить истоки религии.

Второй видной школой, искавшей истину на пути изучения древних мифов и сравнительной мифологии в основном индоевропейских народов, была *мифологическая*. Ее виднейшие представители Ш. Дюбуа, М. Мюллер, братья Я. и В. Гримм стремились доказать, что, судя по сказкам, песням и народным обрядам, все началось с обоготворения небесных явлений. Стоит заметить, что астрально-мифологические поиски привели некоторых сторонников этой школы к тому, что и всех древних богов и героев, включая и Иисуса Христа, они, как Ш. Дюбуа в книге «Происхождение всех культов», стали считать олицетворением небесных явлений. Здесь следует заметить, что в области христианства и восприятия Иисуса мифологической школе всегда противостояла другая, *историческая*, сторонники которой отстаивали реальность фигуры Христа (во всяком случае реальное существование личности, пусть даже без связанных с ней в виде последующих наслоений чудес). Пожалуй, лучше всего взгляды сторонников этой школы видны на примере романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова.

Среди прочих религиоведческих теорий и школ последних веков стоит обратить внимание на *прамонотеизм* В. Шмидта, издавшего в

первой половине XX в. 12-томный труд «Происхождение идеи Бога», в котором, исследовав огромное количество разнообразных материалов и проявив колоссальную эрудицию, автор попытался доказать, что идеи прамонотеизма, т. е. веры в единого Бога-Творца, в той или иной форме присущи едва ли не всем народам мира.

Обращает на себя внимание и хорошо известная теория *психоанализа* З. Фрейда, которая вообще-то в гораздо большей степени относится к сфере психиатрии, даже медицины, нежели к религиоведению. Тем не менее она сыграла свою роль в становлении современных религиоведческих знаний, ибо внесла кое-что новое в представление об истоках религии. Религиоведческий аспект теории Фрейда сводится к тому, что религия в своих ранних формах (тотемизм) возникла как следствие сознательного подавления неосознанных инстинктов, прежде всего полового. В книге «Тотем и табу» и в ряде других своих трудов Фрейд утверждал, что сублимация такого рода всегда чревата взрывом. А из этого следовал вывод, что религиозные представления во многих своих конкретных формах — это иллюзии, выступающие как исполнение древнейших, сильнейших и едва ли не наиболее навязчивых желаний множества поколений людей. Тайна силы этих желаний, сконцентрированная в том, что вошло в науку под наименованием Эдипова комплекса (согласно древнегреческому мифу, Эдип, не ведая о том, убил отца и женился на матери), создавало у мужчин двойственное отношение к отцу — как к отцу и как к сопернику. Именно это привело затем к формированию тотемизма: сначала тотем заменил отца, а затем уже тотем был замещен Богом.

Существует и еще несколько серьезных теорий, связанных, например, с идеей «коллективного сознания» и «коллективного бессознательного». Эти теории перекликаются с марксистско-атеистическими построениями о том, что религиозное чувство есть общественный продукт. Интересно обратить внимание и на взгляды Л. Леви-Брюля о пралогическом мышлении, суть которых сводится к тому, что в коллективных представлениях действуют не законы логики, но некие иные «дологические», например закон сопричастия: нечто (дух, душа) может быть одновременно самим собой (телом, сущностью) и чем-то иным, находиться и здесь, и в другом месте.

За последние десятилетия появилось множество новых взглядов на религию, в том числе высказанных весьма авторитетными специалистами, как, например, М. Вебером, внесшим огромный вклад в религиоведение еще в начале XX в. Тесно связал всю историю человечества с

религией англичанин А. Тойнби, в чьей многотомной публикации каждая из локальных цивилизаций определяется и характеризуется прежде всего по религиозному признаку. Большой вклад в современное религиоведение внес своими многочисленными трудами М. Элиаде. Имеют отношение к религии и известные труды структуралиста К. Леви-Строса. Не вдаваясь в дальнейшие подробности, которые завели бы нас слишком далеко, замечу лишь, что религиоведение как отрасль знания, как важная часть современной науки не стоит на месте, но продолжает развиваться. Более того, она становится модной, и к ней в обилии присасываются различные сочинения, издаваемые руководителями множества новых сект, подчас крупных и весьма влиятельных. В этом нет ничего удивительного, как неудивителен и интерес широкой публики к наиболее экстравагантному и мистически-непознаваемому в истории религии. Пример тому — неугасающий интерес к книгам вроде сочинений Е. Блаватской или К. Кастанеды.

Глава 2

Религия как первооснова и становление общества

*Процесс политогенеза и античность • Государство и общество
на Востоке и в античном мире*

Религия как первооснова и автономная система всегда была тесно связана с определявшей ее этнокультурной традицией. Эта выработанная раннерелигиозными представлениями традиция, опиравшаяся на опыт и идеи сотен поколений, придавала религиозной норме сакральную святость. Более того, национально-культурная традиция с ее мощной консервативной инерцией создавала силу внутренней устойчивости и сопротивляемости внешним воздействиям, которая отличает религию как систему и обеспечивает ее автономию, ее внутреннюю детерминированность. Будучи включенной вместе с собственно религиозными идеями и институтами в единую комплексную систему (религию в широком смысле слова), традиция создавала своего рода непробиваемый защитный панцирь, предохранявший структуру от легкого разрушения под воздействием внешних сил. Именно в этом заключается воздействие религии на жизнь общества, на характер культуры, на ход истории. Взаимоотношения между религией и обществом заслуживают отдельного рассмотрения. Далеко не случайно такой видный обществовед, как М. Вебер, уделял столь пристальное внимание религии.

Вебер специально в отдельных монографиях изучил ряд наиболее заметных религий (включая такие отдаленные от Европы, как

китайские), чтобы в конечном счете прийти к своему решающему выводу о значении как религии, так и формулируемых ею законов этики. Он писал, что представления о мире, созданные идеями, являются как бы стрелками на путях, по которым динамика интересов направляет человеческую деятельность. Формула весьма знаменательная и крайне значимая. Она говорит о том, что религия как автономная система и сопутствующая ей этика создают (или не создают) благоприятные условия для развития человечества. Для доказательства своей концепции Вебер наиболее обстоятельно исследовал феномен протестантизма, обратив внимание на решающую, по его мнению, роль этого явления в создании должных условий для капиталистического развития Европы. Этот его труд получил всеобщее признание.

Сапиентные люди, занимавшиеся преимущественно охотой, рыболовством и собирательством, но уже обладавшие всеми признаками современного человека, долгие тысячелетия жили скорее ордами, чем группами. Однако, научившись пользоваться более совершенными, в основном каменными орудиями труда, которые широко представлены среди археологических находок так называемого верхнего палеолита, они стали объединяться в локальные группы, хорошо изученные антропологами на примере наиболее отсталых представителей человечества в современном мире, будь то аборигены Австралии, тропических лесов Африки или бассейна Амазонки.

Изучение этих групп привело антропологов к ряду серьезных выводов о процессе социогенеза. Так, например, З. Фрейд и К. Леви-Строс считали, что некий нового типа социум, отличавшийся от предшествовавших ему форм полуживотного стадного существования, возник только тогда, когда был введен строгий запрет (табу) на брачные связи между кровными родственниками и возникли устойчивые брачные отношения между соседними группами таких родственников. Именно после этого развилась достаточно сложная система брачно-семейных связей и отношений родства.

Локальные группы охотников и собирателей обычно состояли из парных семей, составленных по всем известной и строго соблюдавшейся новой норме, и их детей. А во главе групп были наиболее опытные охотники, которые приносили больше добычи. Распределение этой добычи тоже осуществлялось по строгому принципу, обусловленному тем же табу: лучший кусок получали мужчины-охотники, снабжавшие группу наиболее ценной едой, остальное распределялось между прочими членами группы. Однако при всем том

потребление было общим, иначе, без добычи мужчин-охотников, группа просто не выжила бы. Важно добавить к сказанному, что не все охотники были равно удачливыми и что те, кто приносил в группу больше добычи, чем другие, обретали среди ее членов больший престиж. Престиж в группе высоко ценился и давал даже некоторые материальные преимущества: имеющие его находились как бы в положении кредиторов, по отношению к которым остальные чувствовали себя должниками. На этой основе возникали своеобразные отношения, вскоре оформившиеся в практику обязательного взаимного (реципрокного) обмена. При этом те, кто не был в состоянии отдарить эквивалентным количеством пищи, оказывались в положении вечно-го должника, что закладывало основу неразвитых еще патронажно-клиентных отношений (должник ощущал себя зависимым от кредитора, причем эта зависимость и стремление освободиться от нее могли принимать различные формы в зависимости от обстоятельств). Кроме того, удачливому охотнику, становившемуся лидером группы, разрешалось иметь более одной женщины. И хотя это подчас нарушало половой баланс в группе, где подрастала молодежь, с этим мирились, ибо хороший лидер стоил многого.

Переход от присваивающего хозяйства к производящему, происшедший на протяжении нескольких тысячелетий примерно в 10–6 тысячелетиях до н. э., в науке принято именовать неолитической революцией. Это действительно была революция, ибо она (пусть процесс шел по современным меркам крайне медленно) кардинально изменила образ жизни прежних бродячих охотников и собирателей. Были одомашнены (скорее всего женщинами, занимавшимися собирательством) дикорастущие злаки. Приносившиеся мужчинами-охотниками детеныши некоторых видов животных тоже превращались в одомашненный скот (собака, рогатый скот и свинья, а также некоторые виды птиц были первыми из их числа). Прежние бродячие группы стали оседать близ своих полей и переходить к оседлому образу жизни, а некоторые растения и шерсть животных послужили основой для освоения техники прядения, ткачества и изготовления из тканей разных видов одежды. Случайно попадавший в огонь и затвердевавший кусок глины научил неолитических земледельцев изготовлению керамики. В керамических сосудах стали хранить пищу и напитки, их использовали для приготовления пищи в очагах.

Эти нововведения, дополненные спорадическим использованием металлических изделий, вначале из случайно найденных метеоритных

обломков, как раз и были теми революционными переменами, которые коренным образом изменили жизнь людей. Два важных следствия глобального характера имела неолитическая революция. Первое сводилось к тому, что в новых, значительно более благоприятных условиях возникала возможность накопления избыточного продукта, без наличия которого нет основы для процесса политогенеза, т. е. для возникновения протогосударственного образования, в рамках которого не все заняты производством пищи и для содержания аппарата управления нужны как раз те излишки, о которых идет речь. Второе сводится к тому, что новые условия позволили в гораздо большем количестве, нежели прежде, сохранять жизни людей, особенно малых детей. Это вело к резкому демографическому взрыву и способствовало тому, что от материнского поселения чуть ли не с каждым новым поколением отделялись дочерние, заселявшие соседние удобные для земледелия места. Процесс этот имел характер чуть ли не цепной реакции, так что за несколько тысячелетий (входящих в тот же период, когда формировался неолит) неолитические земледельцы освоили всю ойкумену, включая и Америку.

Здесь стоит сказать, что порой долгий путь по бесплодным либо малоплодородным землям, скажем по степям Южной Сибири в ту же Америку, приводил к тому, что взятые собой животные и пища поедались и добравшиеся до более или менее подходящих для освоения мест истощенные земледельцы вынуждены были одомашнивать местные виды животных и растений (в Китае, например, новый вид свиньи и чумизу, в Америке — ламу и маис и т. п.). Это стоит специально принять во внимание потому, что главным достижением неолитической революции были не столько определенные виды новых одомашненных животных и растений, сколько обретение новых знаний, т. е. своего рода диффузия культурных достижений, которые позволяли за многие десятки тысяч километров от давным-давно покинутых предками родных мест восстанавливать из местных материалов то, что было уже известно предкам. Это касается и оседлого образа жизни в жилищах, созданных в соответствии с климатом из местного материала, и принципа изготовления керамики и — что особенно важно подчеркнуть в рамках данной книги — росписи на все той же керамике. Богатая роспись из геометрических узоров самого разного типа, солярных кругов, а также изображений животных, рыб, людей или монстров, сочетавших в себе черты человека и животного, несла в себе память поколений и содержала

в зашифрованном (и не всегда понятном потомкам) виде память о древних религиозных верованиях и представлениях о мире.

Неолитические земледельцы жили в своих поселках, как правило, в виде больших хозяйств, каждое из которых являло семейно-клановый коллектив во главе с отцом-патриархом. В коллектив входили жена (или жены) патриарха, его сыновья, в том числе женатые, с женами из соседних хозяйств и детьми, а также незамужние дочери. Иногда коллектив принимал в свой состав и оказавшегося здесь в силу жизненных обстоятельств чужака, который обычно обретал права младшего члена семьи, включая право на собственную семью. Компаунд (как называют такое хозяйство изучившие его на примере Африки антропологи) в среднем состоял из 17–19 взрослых, не считая детей. Группа компаундов находилась в тесных семейно-соседских связях друг с другом в рамках поселка, причем в борьбе за старшинство в рамках поселка (а должность старейшины была престижной и давала немалую власть, пусть пока еще только власть авторитета) отцы-патриархи стремились заручиться максимумом престижа. Престиж обычно обретался за счет подарков и угощений в рамках все того же обязательного реципрокного обмена, который зародился еще в локальных группах охотников и собирателей.

Изученная антропологами на примере папуасских поселений эта практика сводилась обычно к тому, что тот или иной патриарх время от времени устраивал пир на всю деревню и щедро всех угощал мясом свиней, выкормленных женщинами его семьи. Не все могли отплатить тем же, так что в деревне рано или поздно складывалась определенная иерархия обладателей престижа и соответствующие ей патронажно-клиентные отношения. Естественно, что тот, кто имел больше престижа и клиентов, мог рассчитывать стать старейшиной. Стоит заметить, что, в отличие от лидера локальной группы охотников и собирателей, который добивался престижа собственными усилиями, патриарх семейно-клановой группы делал это за счет труда членов своей семьи, продуктом которой распоряжался именно он. Так появилась практика редистрибуции, т. е. идущего сверху, от главы коллектива, перераспределения совместно нажитого имущества в интересах того или тех, кто находится на социальном верху.

Должность старейшины вела не только к обретению общепризнанного авторитета, но и к обладанию определенной властью. Именно старейшина в случае нужды выделял той либо иной разросшейся семье или разделившимся на отдельные семьи и хозяйства после

смерти отца-патриарха группам его сыновей новые угоды, за что обычно получал подношения. Он же представлял поселение во всех внешних связях с соседями, и потому его дом и хозяйство, включая амбары со страховыми запасами, усилиями всех жителей поселка содержались в наилучшем виде. Старейшина, как и все патриархи в деревне, считался естественным хозяином-распределителем всего имущества тех, кто населял деревню и в этом смысле его право редиистрибуции никогда никем не оспаривалось. Справедливости ради важно заметить, что старейшина никогда не был скупым и щедро делился своим имуществом с нуждавшимися, что приносило ему весомый доход в форме все того же престижа, ценившегося выше всего.

ПРОЦЕСС ПОЛИТОГЕНЕЗА. ВОСТОК И АНТИЧНОСТЬ

Старейшина крупного поселения — это уже кандидат и претендент на власть более значимого масштаба. Здесь мы подходим к процессу политогенеза, одному из наиболее сложных в современной антропологии. На примере ряда этнических общностей, иногда довольно многочисленных, Э. Дюркгейм в свое время обнаружил, что живущие по соседству коллективы, говорящие на одном и том же языке, имеющие одни и те же верования и явно родственные друг другу, обладают так называемой механической солидарностью: сосед тебе ближе, чем живущий на окраине; все из твоего поселка ближе, чем из соседнего; жители соседнего поселка ближе, чем те, которые живут далеко, и т. п. Только в случае внешней угрозы все они сплачиваются воедино. Отпала угроза — и все возвращается на круги своя. Это еще не политическая структура, только кандидат в нее. Политической такая структура становится лишь в том случае, если опасность оказывается постоянной, а этническая общность в силу этого выдвигает из своего состава вождя и превращается в племя. Племя — это раннеполитическая структура, имеющая вождя. Без вождя это лишь этническая общность, сколь бы велика она ни была.

Появление племени во главе с вождем — первая и наиболее элементарная форма политогенеза, слабость которой в том, что она, за редкими исключениями, не имеет перспективы для эволюции. Зато очень четкую и быстро реализуемую перспективу такого рода имеет другая форма политогенеза, связанная с процессом урбанизации

и хорошо знакомая древнейшим протогосударствам или городам-государствам Ближнего Востока. Это прежде всего мирное или не совсем мирное соединение нескольких соседних поселений в единое протогосударственное образование, во главе которого оказывается старейшина наиболее крупного из них.

Оставив в стороне вопрос о том, как именно тот или иной удачливый старейшина этого добивался, примем во внимание, что для урбанизации необходимы определенные объективные условия: благоприятная природная среда (лучше всего регулярно орошаемая илом долина реки, особенно таких рек, как Нил, Тигр и Евфрат), достаточно высокий уровень производства, плотность населения и т. п. Только в этих условиях в IV тысячелетии до н. э. впервые в истории возникли урбанистические структуры, вначале типа очень небольших городов-государств. Именно здесь удачливые старейшины одного из поселков превращались не только в вождей протополитической структуры, в правителей городов-государств, но и одновременно, как правило (что весьма существенно для нашей темы), брали на себя функции первосвященников божеств, признаваемых всеми объединившимися поселениями. Делали это они не случайно и не зря: население объединенных ими поселков будет беспрекословно признавать их власть, вначале, возможно, просто узурпированную, лишь потому, что этого хочет (или, по крайней мере, с этим согласно) местное общее для всех божество.

На месте поселка, где проживал вчерашний старейшина, превратившийся в вождя-первосвященника, возникал чаще всего обнесенный стенами город, главное место в котором занимал заново построенный величественный храм с многочисленными пристройками и помещениями разного назначения, в которых содержались страховые запасы зерна с храмовых земель, помещались общие сокровища коллектива (казна), жили дружинники, чиновники, ремесленники и слуги правителя. Земледельцы из поселков, вошедших в состав города-государства, принимали участие в строительстве необходимых общественных сооружений. Это становилось отныне их обязанностью, равно как и ежегодная выплата в виде налога определенной доли произведенного ими продукта. Словом, правитель сложившегося таким образом раннего простого протогосударства (англоязычные антропологи именуют его термином *chiefdom*) сразу же превращался по отношению к населению протогосударства в верховного субъекта централизованной редистрибуции. В обществе, где нет и

еще никогда не было понятия о частной собственности, это воспринималось как нечто естественное и само собой разумеющееся: у кого власть, тот и становится субъектом редистрибуции всего достояния объединенного им и подчиняющегося его власти коллектива. Высшая власть рождает право собственности. Возникает феномен *власти-собственности*, который с этого момента и вплоть до сегодняшнего дня является на Востоке эквивалентом европейского типа частной собственности, рожденной античной Грецией*.

Есть еще один путь политогенеза. Это процесс трибализации, т. е. опять-таки возникновения из неструктурированной этнической общности племени во главе с вождем. Но на сей раз это несколько иной путь, много более быстрый, хотя и менее успешный. Суть его сводится к заимствованию структуры, уже созданной в расположенном где-либо неподалеку протогосударстве. Правда, не все можно легко и быстро заимствовать. Построить город с храмом нелегко, и не все общности, связанные механической солидарностью, были способны на это. Зато немалое их количество вполне удовлетворялось тем, что создавало племя, иногда довольно многочисленное и сильное. У вождя такого племени тоже были слуги, казна, ремесленники, дружинники. Вот только города не было. Но можно было обойтись до поры до времени и без него. Именно с такого рода племен начиналась история многих вторичных очагов урбанистической цивилизации, как в Евразии, так и в Мезоамерике либо неподалеку от нее.

Завершая изложенный очень коротко процесс политогенеза на Востоке, важно заметить в заключение, что государство возникает на определенном уровне развития общества при благоприятных для этого обстоятельствах. Государство может быть весьма различным по своему облику, задачам и основным функциям. И вот здесь самое время обратить внимание на то, как возникла принципиально отличная от восточной античная структура со свойственным ей типом государства.

Эта тема тоже вызывает немало споров среди специалистов. На мой взгляд, античное протогосударство со всей его специфичес-

* Важно заметить, что на Востоке на более позднем этапе развития, когда появляются ранние и тем более развитые государства, тоже появлялась частная собственность. Но это была иная собственность, несравнимая по многим параметрам с европейской антично-капиталистической. Ниже об этом еще будет идти речь более подробно.

кой структурой возникло на базе близких к нему и предшествовавших ему в Греции структур, будь то крито-микенская или ахейская, столь блистательно описанная Гомером. Но возникло не сразу, более того, появилось в результате некоей социальной мутации, которую специалисты подчас именуют архаической революцией. Именно в результате такого рода мутации (революция как термин здесь явно менее подходит, ибо речь идет не о перевороте, а о неожиданном и вроде бы ничем не спровоцированном появлении принципиально нового качества, сыгравшего решающую роль в последующей эволюции общества) в Древней Греции на рубеже VII–VI вв. до н. э. появилась, раньше всего в Афинах, полисная система, и началась эпоха античности, до которой мир (восточный мир) был в основных принципах своего устройства в общем и целом одинаков.

Конечно, люди в тех протогосударственных образованиях, которые возникали до того и вне античной Греции, жили по-разному в зависимости от того, где они находились и как поддерживали свое существование. Различными были их примитивные первобытные, а потом и более развитые религиозные верования, о чем вскользь уже упоминалось. Но тем не менее общий образ жизни их был примерно одинаков. К. Маркс в свое время, опираясь на Гегеля, неплохо изучившего Восток, назвал всю неевропейскую систему социальных, политических и экономических отношений «азиатским» способом производства. И в тех не слишком многих местах своих трудов, где он упоминал об этом, речь всегда шла о том, что в Азии не существовало антагонистических классов, столь характерных, с точки зрения марксизма, для Европы. Место этих классовых антагонизмов занимало противостояние организованного в мелкие общины сельского населения сильно-му централизованному аппарату власти, который руководил этими общинами и существовал за их счет. Такие структуры Маркс, опять-таки вслед за Гегелем, нередко именовал «восточными деспотиями», не забывая при этом упомянуть и о «поголовном рабстве», характерном именно для восточных социально-политических структур.

Еще более существенным было, по мнению Маркса, отсутствие в них частной собственности и наличие так называемой верховной собственности (эту особенность — полное отсутствие частной собственности — он фиксировал для всех времен, в чем ошибался). Это не слишком вязалось с тем, что утверждала основанная на марксизме теория так называемого исторического материализма. Неудивительно поэтому, что в те годы, когда в нашей стране господствовал

марксизм, теория об «азиатском» способе производства была окошечком, позволявшим востоковедам не подлаживать свои исследования под догматы исторического материализма. Правда, при этом стоит заметить, что описанный Марксом способ существования обществ Азии очень уж походил на тот, что создал в нашей стране Сталин. Неудивительно, что Сталин не только сам не употреблял термин «азиатский», но и не оставлял в живых тех исследователей, кто позволял себе это. Только через несколько лет после смерти Сталина термин снова стал употребляться. И более того, возникли споры о том, что же это такое, как все-таки понимать «азиатский» способ производства с точки зрения марксистско-материалистического толкования истории.

Выяснилось, в частности, что частная собственность на Востоке все же была — но совсем не такая, как в Европе с античности, где собственник и активный агент рынка был наделен всеми правами и многими льготами и привилегиями, а избранное такими, как он, руководство полиса обслуживало прежде всего интересы собственников. Как известно, на Востоке дело обстоит всегда наоборот: частный собственник, не причастный к власти, был целиком в зависимости от господствовавшего в структуре аппарата власти, относившегося к частному собственнику с явным недоброжелательством. Это и неудивительно: государство, возникшее намного раньше представления о собственности и создавшее хорошо налаженную структуру давно сложившихся взаимоотношений между ним и опекаемыми подданными, абсолютно довлело над обществом. Практически это находило отражение в феномене власти-собственности и тесно связанной с ним централизованной редистрибуции: только власть, т. е. причастность к аппарату администрации, делала человека собственником всего достояния коллектива и предоставляла ему право верховной редистрибуции, т. е. перераспределения собственности коллектива по своему усмотрению. К слову, именно поэтому власть в целом не только не давала разбогатевшему частному собственнику ни прав, ни льгот, ни привилегий, но, напротив, опутывала его различными обязательствами и стремилась взять с него в виде поборов и взяток как можно больше. С ее точки зрения это было вполне логичным: собственник клал в свой карман то, что должно было быть достоянием казны и находиться в распоряжении власти.

Конечно, в интересах казны, аппарата власти и принципов власти-собственности и централизованной редистрибуции следовало бы

распорядиться имуществом подданных именно таким образом, доведя экспроприацию частной собственности до конца (как это в наше время советовали марксисты и пробовали осуществить на практике Сталин, Мао и некоторые другие сходные с ними по взглядам руководители). Однако длительная практика в разных местах показала, что развитое общество без частной торговли и хотя бы небольшого по объему предпринимательства обойтись не может, оно без этого быстро приходит в упадок, чреватый кризисом. На Востоке это с возникновением частной собственности и после первых попыток уничтожить ее стали понимать. Поэтому власть-собственность как генеральный принцип структуры на определенном уровне развития в интересах благосостояния и стабильности страны сосуществовала с ограниченной и в общем даже лояльной по отношению к власти частной собственностью. Стоит заметить, что лояльность в этом случае обеспечивалась весьма просто: стоило в обществе нарушиться стабильности и возникнуть кризису, как обездоленные начинали крушить хозяйства прежде всего частных собственников, где было что взять. Хорошо понимая это, собственники всегда готовы были платить власти все, что та с них требовала, а также удовлетворять алчные требования чиновников ради того, чтобы сохранить стабильность и не допустить кризиса.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО НА ВОСТОКЕ И В АНТИЧНОМ МИРЕ

Принципиальное различие между Востоком и Западом, начиная с античности, отнюдь не ограничивалось тем, что в античной Греции частная собственность и рынок не только существовали и господствовали, но и находились под патронажем власти. Это важнейшее преимущество античного мира было отнюдь не единственным. Очень важно обратить внимание на то, что античная Греция впервые в истории человечества осознала и возвела на должный пьедестал понятие «свобода». Быть может, это вычленение свободных и предоставление всем свободным гражданам многочисленных и неотъемлемых прав особенно ценилось большинством населения именно потому, что рядом с ним находилось меньшинство, состоявшее из неполноправных чужаков и бесправных рабов. Как бы то ни было, быть свободным оказалось привилегией граждан, полноправных членов полиса, и эту свою привилегию граждане ценили выше всего. Именно

за нее, за свободу сражались они в выпавших на долю античной Греции греко-персидских войнах (Персия Ахеменидов представлялась им в ходе этой долгой борьбы державой поголовного рабства).

На Востоке же понятия свободы не существовало. Там все были, мягко выражаясь, несвободными, хотя порой законодательно делились в правовом отношении на полноправных, неполноправных и бесправных. На первый взгляд может показаться, что это одно и то же, что разница лишь в терминах. На самом деле разница гораздо существенней. Если в античном мире свободные граждане пользовались тем, что до наших дней именуется демократическими правами, т. е. могли участвовать в выборах и имели право быть избранными в руководящие органы своего полиса, если они пользовались правами юридической неприкосновенности и многими другими, обусловленными хорошо разработанными и тщательно соблюдавшимися демократическими и юридическими нормами, то в государствах Востока этого не было. Там не было самого понятия демократического управления государством, как не существовало и представления о свободе. Принцип власти-собственности и централизованной редистрибуции давал в руки каждого из приближенных и чиновников правителя восточного государства полную власть и право на строгую патерналистскую опеку над всеми его подданными, ни один из которых никогда не приближался по статусу к категории античных граждан. Разница же между свободным гражданином и несвободным даже полноправным (не говоря уже о неполноправных и бесправных) подданным вполне очевидна: гражданин участвует в управлении своим государством, а подданный подчиняется его управителям.

Эта простая на первый взгляд кардинальная разница отнюдь не сразу была осознана, хотя такие античные мыслители, как Аристотель, уже были вполне близки к ее пониманию (на Востоке над ней вообще не задумывались — обстановка там была для таких мыслей и соответствующих рассуждений совершенно неподходящей). Но в античной Греции, которая едва ли не сразу после своего появления на свет оказалась, как о том уже было упомянуто, в состоянии конфронтации со сложившейся чуть позже могущественной Ахеменидской империей, завоевавшей едва ли не весь тогдашний цивилизованный Восток от Египта до границ Индии, многое было ясно и без этого. Длившиеся чуть меньше двух веков греко-персидские войны были столкновением между двумя противостоявшими друг другу мирами, и греки, сами имевшие рабов, отчетливо сознавали, что они

воюют с империей, незнакомой с представлением о свободе в античном понимании этого слова, но, напротив, основанной на рабстве.

Здесь уместно вспомнить о понятии «поголовное рабство», уже упоминавшемся чуть выше. Смысл этого термина отнюдь не в том, что все в «азиатских» по Гегелю и Марксу обществах были рабами в античном смысле этого слова, т. е. находились в основном в собственности граждан. Как раз напротив: на Востоке в собственности простых подданных, как правило, не было рабов. Небольшое число пленников-рабов было в распоряжении власть имущих, они работали в дворцовых хозяйствах либо в храмах. Кабальные рабы из числа должников, которые стали знакомы восточным обществам после развития в них частной собственности, пусть и резко ограниченной в ее правах и возможностях, чаще всего оказывались в услужении своих кредиторов лишь на ограниченный срок, что достаточно строго регулировалось нормами, включая и законодательные (например, об этом четко сказано в так называемых «Законах Хаммурапи»). Рабы из числа преступников тоже использовались государством в соответствии с тяжестью их преступлений и нередко выпускались по достижении определенного возраста или в результате амнистии. Частных рабов, стоит повторить, было мало, причем в семьях, куда они попадали, их обычно воспринимали как слуг либо младших членов больших семейно-клановых коллективов и обращались с ними достаточно мягко.

Разумеется, это не означает, что раба-слугу не могли наказать и даже убить, — такое случалось. Но нормой было иное: каждый раб на Востоке всегда имел право на создание семьи, ведение хозяйства в своем доме и тем фактически приравнивался к низшим слоям простолюдинов. Потомки же рабов, как правило, сливались с теми чужаками, которые имели статус неполноправных, но рабами уже не были.

Весь этот экскурс в проблему статуса рабов на Востоке, причем не только в древности, необходим для того, чтобы читатель понял смысл термина «поголовное рабство». Это не просто рабство, хорошо известное как на Востоке, так и в античном мире. Это даже вовсе не рабство, но нечто иное. Мы имеем дело с рабством духовным, социально-психологическим, являющимся закономерной функцией той структуры (власть-собственность, централизованная редистрибуция, бесправие подданных, включая и непричастных к власти богатых собственников), которая была свойственна Востоку практически всегда и во многом дожила до наших дней. Суть ее элементарна: в обществе в целом, сверху донизу, все старшие по отношению к

младшим безусловно господствуют, а младшие по отношению к старшим ведут себя приниженно, часто просто раболепствуют*.

Продолжая уже начатую тему, стоит оговориться, что не всегда политическая власть государства на Востоке была столь сильна и всемогуща, чтобы абсолютно доминировать. Иногда она ослабевала, а общество и, в частности, частный сектор достигали немалых успехов, причем это бывало не только в состоянии тяжелого кризиса и случалось не только в древности. Словом, конкретная ситуация в разных странах Востока и в разное время бывала различной. Однако при всей этой пестроте и неоднозначности исторической конкретики существовали и некие общесоциологические закономерности, структурно детерминированные тем самым, что составляло суть власти-собственности как специфического восточного феномена и что в самых общих чертах сводилось к пассивному сопротивлению общества нажиму на него со стороны аппарата власти. Это сопротивление было обусловлено исторически сложившейся практикой взаимоотношений между властью и обществом. Оно проявлялось по-разному

Первое, о чем следует сказать в этой связи, — это характерная именно для Востока невычлененность индивида из коллектива. Такого рода недифференцированность имела свои плюсы и минусы. С одной стороны, она препятствовала произволу властей, вводя его в определенные рамки, соответствовавшие издревле установившимся нормам обычного права и тем традициям, которые санкционировались и освящались религией. С другой — она вела к тому, что вычленившийся в силу ряда обстоятельств из коллектива собственник, (хотя и не только он) не имел никаких специально оговоренных и тем более официально зафиксированных в законодательстве прав, свобод и гарантий (не говоря уже о льготах и привилегиях) для своей повседневной деятельности и просто нормального существования. Это неизбежно вело к тому, что собственники стремились окружить себя большим количеством родственников, земляков и прихлебателей (клиентов), которые вкупе являли собой немалую силу, в слу-

* Иногда это происходит, как, например, в Китае, в более или менее благопристойной форме, но чаще в откровенно наглой: сверху вниз — ты хам, снизу вверх — ты же холуй. Показателен в этом смысле и принцип аналогичных взаимоотношений в советской и даже постсоветской административной системе.

чае необходимости готовую как-то противостоять нажиму со стороны властей. Пусть это помогало далеко не всегда и при любом серьезном промахе собственника (например, не данной вовремя и в достаточном размере взятке) власть имущий мог с легкостью преодолеть это противостояние, внушительное окружение богача все-таки играло свою роль, не говоря уже о том, что между богатыми собственниками и аппаратом власти нередко устанавливались тесные связи, в том числе и брачно-семейные, что могло служить дополнительным подкреплением статуса собственника.

В целом же противостояние собственников и аппарата власти никогда не было борьбой равных. И отсюда следовала вторая особенность в статусе восточных частных собственников. Они порой обладали несметными богатствами, но эти богатства не придавали им внутренней прочности. Все всегда как бы висело на волоске случайности. Неудивительно поэтому, что торговцы чаще всего стремились вложить свои деньги в землю, которая сдавалась в аренду и приносила хоть и небольшой, но постоянный и достаточно устойчивый доход, не говоря уже о том, что статус землевладельца всегда был достаточно престижен. Проблема была в том, что богатство без причастности к власти или хотя бы без обеспечения ее лояльности было нелегкой обузой и даже источником немалых потенциальных неприятностей. Условий для превращения богатств в капитал на Востоке не было, ибо этому препятствовала вся восточная структура, о которой уже немало сказано. Поэтому богатые собственники Востока не могли становиться успешными предпринимателями капиталистического типа, а капитализм возник не на богатом Востоке, а в полунищей Европе, обогатившейся за счет морских походов и ограбления Америки.

Третьей особенностью взаимоотношений между властью и обществом на Востоке была корпоративность. Речь идет о многочисленных вертикальных связях, о множестве корпораций типа кланов, каст, цехов, гильдий, сект, общин, землячеств и прочих аналогичных объединений, которые включали в себя, как правило, богатых и бедных, высокопоставленных и простолюдинов, власть имущих и стоящих как бы вне общества рабов и слуг. Эта система вертикальных связей (знакомая и Западу, хотя не имевшая там слишком большого распространения из-за гораздо большей роли горизонтальных социальных слоев, «антагонистических классов» по Марксу) вела к появлению внутренне мощных корпораций. Социальная функция их

сводилась прежде всего к противостоянию объединенных в такие корпорации индивидов всесилию государственного деспотизма. Нормы обычного права и санкционированные религией традиции давали этим корпорациям некоторую защиту от произвола властей. В то же время корпорации не сильно мешали власти, даже облегчали задачи администрации: чиновнику или суду легче было иметь дело с главой корпорации, предоставляя ему решать многие мелкие проблемы внутри нее.

Стабильная и сохранявшаяся веками корпоративная система сыграла свою роль в специфике восточной структуры, снизив роль горизонтальных социальных связей и тех конфликтов, которые марксизм считал основой развития общества, — имеются в виду пресловутые и во всяком случае не имевшие отношения к восточным обществам «классовые антагонизмы». Восток не был знаком с ними. Зато корпоративные и патронажно-клиентные связи, заменявшие их и не только вписывавшиеся, но и господствовавшие в его социальной структуре, обеспечивали интересы народов и государств, создавали условия для социальной стабильности. И даже тогда и после того, как социальная стабильность время от времени рушилась, а на смену ей приходили кризисы различного рода, не говоря уже о войнах и вызванных ими последствиях, структура оставалась неизменной.

Государства могли рушиться и уходить в историю, заменяться другими. Династии и господствующие этнические группы могли меняться, но выработанная тысячелетиями структура, опиравшаяся на социальную микроструктуру типа корпораций, сохранялась почти без изменений. И общество возрождалось после катаклизмов и потрясений, как феникс из пепла, — то же самое общество, что было до кризисов и войн. А все заново возникавшие государства и правящие династии не только охотно брали эту регенерировавшую структуру под свою защиту, но и содействовали ее укреплению и процветанию, ибо альтернативы у них не было, а существующее положение дел всех вполне устраивало. В результате мы сталкиваемся с тем главным, что отличало консервативно-стабильный Восток от динамичного и при первой благоприятной для этого возможности энергично развивавшегося антично-капиталистического Запада. Нельзя сказать, что он стоял на одном месте. Он развивался и экономически, и в культурном плане, он обретал новые политические очертания, но в одном и самом главном он оставался неизменным. Неизменной была его сложившаяся в глубокой древности под влиянием

раннерелигиозных идей первооснова. Именно под воздействием этой первоосновы сложилась характерная для него социальная культура, основанная на власти-собственности и централизованной редистрибуции, ограничивавшая возможности частной собственности и свободного рынка, незнакомая ни со свободами, ни с обеспеченными законом правами индивида, но зато выше всего ценившая консервативную стабильность, гарантированную многовековой традицией и в конечном счете хранившей эту традицию религией, какую бы конкретно специфическую форму она ни принимала.

Глава 3

Возникновение религии и ее ранние формы

*Формирование основ религиозного сознания • Заимствования
и взаимоотношения культур • Религиозные представления
в эпоху неолита*

Истоки первых раннерелигиозных представлений, которые затем стали играть роль первоосновы в дальнейшем формировании сапиенсных людей, теснейшим образом связаны с процессом эволюции человекообразных гоминид. Возможно, как считают некоторые специалисты, что еще до завершения процесса сапиентации тысячелетиями накопленная практика охоты — важнейшего момента обеспечения существования — или погребения покойников уже формировала у членов первобытного стада нормы поведения, диктовавшиеся не только целесообразностью, но и смутной верой в существование сверхъестественных сил, которые могут помочь или навредить. Однако это только предположение, причем мало вероятное. Реально о духовной работе, о мышлении и стремлении к уяснению места человека в окружающем его мире можно говорить лишь применительно к тому времени, около 40 тыс. лет назад, когда человек разумный (*Homo Sapiens*) стал быстро распространяться по планете, решительно вытесняя своих более отсталых предшественников.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Физический (антропологический) тип, физиология (прежде всего мозг) и ряд важных внутренних систем биологической и психологической сферы сапиентного человека достаточно резко отличались от тех, что были свойственны его предшественникам. Это сказалось не только на характере его жизнедеятельности, на распространении по ойкумене, но и на уровне мышления, способностях к хотя бы минимальной для начала абстракции, к сильным эмоциям, к воображению, к установлению некоторых устойчивых логических связей, как истинных, так и ложных. Сапиентный человек, даже первобытный дикарь, — это уже человек разумный, мыслящий, способный к определенному анализу, осмыслению конкретной ситуации, практического опыта, закрепленного в регулярной деятельности. Но на чем зиждился этот анализ?

Крайне скудный запас знаний, страх перед окружавшим его чем-то необъятно неведомым, то и дело корректирующим эти скудные знания и практический опыт, полная зависимость от сил природы, прихотей окружающей среды и т. п. — все это неизбежно вело к тому, что сознание сапиентного человека определялось не столько вытекавшими непосредственно из опыта строго логическими причинно-следственными связями, сколько связями эмоционально-ассоциативными, иллюзорно-фантастическими. Кроме того, в складывающемся и шедшем на смену полуживотной орде человеческом обществе действовал и еще один важный импульс, блестяще продемонстрированный на примере психиатрических отклонений у современных людей З. Фрейдом. Речь о сублимации, т. е. о подавлении человеком в себе тех инстинктов (например, упоминавшийся уже Эдипов комплекс), которые препятствовали становлению общества. А без существования общества, одной из главных забот которого, по меньшей мере на первых порах, было стремление заставить его членов сознательно подавлять в себе половые инстинкты и направлять их в разрешенное тем же обществом определенное русло, первобытный человек не имел шансов выжить.

Стоит заметить, что имеется в виду не «мыслящий дикарь», о котором не раз упоминал один из известнейших антропологов XIX в. Э. Тэйлор, и не «абстрактно рассуждающий индивид», но только коллектив. Именно в рамках коллектива, например небольшой «локальной группы» в 20–50 человек, в ходе трудовой деятельности (охота,

добывание пищи, выделка орудий, оборудование жилища, поддержание огня и т. п.), в постоянном социальном общении, в процессе строго определенных и жестко соблюдаемых семейно-родовых контактов и событий (обмен женщинами и брачные связи, рождение и смерть) складывались и укреплялись примитивные первичные представления о сверхъестественных силах, повелевающих миром, о духах-покровителях данного коллектива, о магических связях между желаемым и действительным. Становление такого рода иллюзорно-фантастических представлений можно продемонстрировать применительно к верхнепалеолитическому сапиентному дикарю двумя важными нововведениями, характерными именно для его эпохи и отличавшими ее от эпохи досапиентных предлюдей.

Во-первых, это практика захоронений. Пещерный сапиентный человек хоронил своих близких в специальных погребениях, причем покойники проходили через обряд определенной подготовки их к загробной жизни: тело их покрывали слоем красной охры, рядом с ними клали предметы обихода, украшения, утварь и т. п. Это означает, что хоронивший своих умерших коллектив уже имел зачаточные представления о загробном существовании. И сколь бы смутными еще ни были эти представления, из них явствует, что загробная жизнь казалась верхнепалеолитическим людям продолжением жизни земной. Другими словами, в эпоху верхнего палеолита, когда жили первые десятки и сотни поколений сапиентных людей, уже сложились идеи о существовании наряду с реальной жизнью иного мира — мира умерших и духов: видимо, считалось, что покойники могут как-то влиять на жизнь живых (чем, в частности, и объясняется особая забота о мертвых).

Во-вторых, это практика магических изображений в пещерной живописи, появившейся именно с началом верхнего палеолита, с возникновением сапиентного человека. Подавляющее большинство известных науке пещерных рисунков — это сцены охоты, изображения людей и животных, либо людей, ряженных в животные шкуры, а то и просто полулюдей-полуживотных. Эти изображения свидетельствуют о том, что первобытные люди верили в существование сверхъестественных связей между людьми и животными, а также в возможность воздействовать на поведение животных с помощью магических приемов — быть может, с помощью обладающих могуществом в загробном мире, мире духов, их покойных предков либо при содействии уже появлявшихся в группах первобытных людей посредников между живыми и умершими, т. е. колдунов и шаманов.

Эти связи между людьми и животными, опосредствованные к тому же известным верхнепалеолитическому человеку примитивным, но достаточно распространенным культом плодородия и размножения (статуэтки женщины-матери с подчеркнутыми половыми признаками часто встречаются на стоянках пещерных людей, раскапываемых археологами), получили в представлении первобытных коллективов на стадии их трансформации из орд человекообразных существ в кровнородственные коллективы вполне определенное религиозное осмысление. Речь идет о тотемизме.

Тотемизм возник из веры той или иной группы людей в их родство с определенным видом животных или растений, скорее всего первоначально именно тех, что составляли основу пищи данного коллектива. Постепенно он превратился в основную форму религиозных представлений возникающего рода. Члены родовой группы (кровные родственники) верили в то, что они произошли от предков, сочетавших в себе признаки людей и их тотема (т. е. полулюдей-полуживотных, полулюдей-полурастений, различного рода фантастических существ и монстров, иногда даже отдельных предметов неживого мира). Тотемная родовая группа обычно носила имя своего тотема и свято почитала его. Вначале почитание, видимо, не исключало, а даже предполагало употребление тотемных животных и растений в пищу; причем именно этот факт (т. е. потребление мяса тотема) мог натолкнуть на мысль о родстве человека и его тотема — ведь оба они в конечном счете состояли из одной и той же субстанции. Однако такого рода связи между людьми и тотемами относятся к глубокому прошлому, и косвенно об их существовании могут свидетельствовать лишь древние предания, как, например, сохранившиеся среди австралийских аборигенов мифы, свидетельствующие о первоначальной тесной связи между тотемными представлениями и охотой на тотемных животных с применением охотничьей магии и маскировкой людей в шкуры тех же животных.

Тотемные представления сыграли огромную роль в процессе формирования родового общества: именно они более всего способствовали отграничению группы сородичей от остальных, возникновению четкого представления о своих, т. е. принадлежавших к группе людей, связанных с данным тотемом, на которых строго распространялись уже выработанные веками нормы и обычаи, и чужих, не принадлежавших к этому тотему и тем самым как бы стоявших вне всех принятых норм и обычаев нашего коллектива. Эта важная социальная

роль тотемизма сказалась и на характере эволюции тотемистических представлений. С течением времени, по мере укрепления родовой структуры, на передний план стало выдвигаться представление о тотемном первопредке с его нередко смешанным зооантропоморфным обликом, о тотеме как о близком родственнике, а также о брачных связях между человеком и его тотемным родственником.

Проблема брачных и вообще половых связей, о которой косвенно было упомянуто в связи с идеей Фрейда о сублимации, сводилась к тому, что, хотя и существовало древнее представление о такой связи между человеком и его тотемом, она была недопустимой во взаимоотношениях между людьми одного тотема, где бы они ни жили. Все эти люди считались кровными родственниками и не имели права на половую близость. Кровное родство группы людей с их тотемом могло считаться как по женской линии, так и по мужской. В первом случае дети наследовали тотем матери, во втором — отца. Но главное в обоих случаях сводилось к строгой тотемной экзогамии: члены данной тотемной группы кровных родственников не могли вступать в брачно-семейные связи друг с другом. Все они как бы представляли собой отдельные части некоего единого целого. Возникло и объясняющее это представление о реинкарнации, т. е. о возможном перевоплощении человека (в частности, умершего предка) в его тотем и обратно.

Все это вело, с одной стороны, к усилению роли культа мертвых предков и веры в их сверхъестественные возможности, а с другой — к изменению отношения к тотему, в частности к появлению запретов. Кроме строгого запрета на половые связи возник аналогичный запрет на употребление тотема в пищу. И вообще, появилась система запретов-табу, сыгравшая важную роль в упорядочении основ формирующегося общества. Этих запретов-табу со временем стало достаточно много. Изредка некоторые из них сознательно нарушались, имеются в виду те случаи, когда потребление мяса тотема (если тотемом было животное, что случалось чаще всего) носило ритуальный характер приобщения к нему и тем напоминало о древних нормах и правилах. Но в целом система табу действовала очень жестко и со временем стала внутренне осознанной и внушающей страх каждому. И легко понять, почему.

Дело в том, что возникший вместе с тотемизмом обычай табуирования стал в условиях первобытной родовой общины важнейшим механизмом регулирования общественной жизни и ее первоосновы — социально-семейных отношений. Так, половозрастное табу разделило

коллектив на строго фиксированные брачные классы и тем самым исключило половые связи не только между близкими родственниками, но и между представителями разных поколений. Пищевое табу не менее строго регулировало характер пищи, которая предназначалась вождю, воинам, женщинам, детям и т. п. Ряд других табу призван был гарантировать неприкосновенность жилища или очага, регулировать правила погребения, фиксировать права и обязанности отдельных категорий членов общины. Все эти табу всегда были необычайно строгими. Так, в периоды инициаций, т. е. приобщения юношей и девушек к числу взрослых мужчин и женщин, табу запрещало женщинам присутствовать при мужских обрядах, а мужчинам — при женских. Некоторые вещи, принадлежавшие вождю, в том числе и пища, также подчас бывали табуированы. Исследователи приводят примеры того, как воспринималось нарушение табу.

Как-то уже в сравнительно недавнее время один из племенных вождей в Новой Зеландии бросил остатки обеда, которые подобрал и съел член его племени. Когда последний узнал, что он употребил в пищу остатки трапезы вождя, что было табуировано, он стал корчиться в мучительных судорогах и вскоре умер. Примеры подобного рода далеко не единичны, причем все они свидетельствуют о том, что закрепленные в табу запреты почитались первобытным человеком в качестве священных и непреложных, нарушение которых неизбежно каралось смертью. Сам факт осознания нарушения табу парализовал волю нарушителя, резко снижал способность его организма к жизнедеятельности и даже просто внушал ему необходимость умереть.

Таким образом, тотемизм с его верой в обладающего сверхъестественными возможностями тотемного предка, с культом своих в противовес чужим, системой запретов-табу оказался исторически одной из первых форм религиозных представлений возникающей социальной общности — родовой общины. На раннем этапе формирования человеческого общества тотемизм успешно выполнял основные функции религии — интегрирующую и регулирующе-контролирующую, даже в определенной степени компенсирующую. Правда, эту последнюю функцию значительно более полно выполняла в то далекое время другая ранняя форма религиозных верований и представлений, анимизм.

Анимизм — это вера в существование духов, одухотворение сил природы, животных, растений и неодушевленных предметов, приписывание им разума, дееспособности и сверхъестественного могущества.

Зачатки анимистических представлений возникли в глубокой древности, возможно еще до появления тотемистических воззрений, до формирования родовых коллективов, т. е. в эпоху первобытных орд. Однако как система достаточно осознанных и устойчивых взглядов религиозного характера анимизм формировался позже, практически параллельно с тотемизмом, и во всяком случае был присущ коллективам сапиентных людей.

В отличие от тотемизма, ориентированного на внутренние потребности данной родовой группы, на несходство ее с другими, анимистические представления имели более широкий и всеобщий характер, были понятны и доступны всем и каждому, причем воспринимались вполне однозначно. Это и естественно: первобытные люди обожествляли и одухотворяли не только грозные силы природы (небо и землю, солнце и луну, дождь и ветер, гром и молнию), от которых зависело их существование, но и отдельные заметные детали рельефа (горы и реки, холмы и леса), где, как они считали, тоже водились духи, которых следовало задобрить, привлечь на свою сторону и т. п. Даже отдельное заметное дерево, крупный камень-валун, небольшой пруд — все это, в представлении первобытного дикаря, имело душу, разум, могло чувствовать и действовать, приносить пользу или вред. А раз так, то ко всем этим явлениям природы, горам и рекам, камням и деревьям следовало относиться со вниманием, т. е. приносить определенные жертвы, совершать в их честь молитвенные обряды, культовые церемонии.

Идея одухотворения всего в природе оказалась логично связанной с представлением о душе населяющих ее живых существ начиная с самого человека. Первобытные люди отчетливо сознавали разницу между живыми и мертвыми, справедливо приписывая живым наличие у них кроме тела еще какой-то духовной сущности, которая делала это тело живым. Эту духовную сущность они связывали прежде всего с дыханием, но иногда с чем-то призрачным (вроде тех образов людей, которые появляются во сне) или даже с тенью. В конечном счете появилось устойчивое понятие духа-души, некоей тонкой невещественной субстанции, которая может сливаться с телом, но способна и покидать его, мгновенно переносясь в совершенно новое место. Через посредство сна — а может быть, и другими путями — она проникает в тела других людей. Душой, считалось, безусловно обладают и умершие, которые тоже приходят к человеку во сне. Это значит, что после смерти душа отделяется от тела. Тело предается погребению, а душа

существует где-то рядом. Быть может, на небе, откуда, как легко предположить, легко спускается на землю и приходит к людям во сне.

Появление призрака знакомого или незнакомого человека во сне со временем стало связываться не только с блужданием душ, но и с видениями, существование которых со временем обрело у достаточно развитых народов форму привидений. В ряде случаев становится устойчивым представление, что такого рода видения и привидения, как и тени, могут вступать в контакт с наделенными некоей высшей силой и чувствительностью людьми-посредниками, колдунами и шаманами. Вообще среди тех, кто где-либо и когда-либо разрабатывал идею о душе, могут встретиться и такие, которые придают явно нематериальной субстанции души некие материальные признаки, ничуть не смущаясь этой нелогичностью. Э. Тэйлор в своей книге «Первобытная культура» писал о том, что некоторые народы верили в возможность отгонять ненужные души умерших толчками или что следует сыпать на пол золу, дабы увидеть следы демонов-привидений. Однако большинство все-таки склонно было видеть в духах и душе нечто эфирное, неземное.

Иногда возникали представления о существовании у каждого нескольких душ, одна из которых всегда с тобой в твоём теле, даже после смерти и погребения, тогда как другие могут оказаться и на небе, и в некоей стране духов и еще где-либо. С этими представлениями связаны такие, которые считают, что и болезнь человека, тем более его умопомешательство, могут быть результатом того, что одна из душ почему-либо не вовремя покинула тело. Отсюда достаточно распространенные обряды, направленные на возвращение заблудшей души. Иногда существуют поверья, что во время смерти, пока душа еще ушла не слишком далеко, ее можно громко позвать вернуться обратно (так нередко поступали в старом Китае).

Анимистические представления в форме не только пережитков, но и в виде весьма разработанных концепций, раз возникнув, существовали долго, в том числе и тогда, когда общество достигало достаточно заметного уровня развития. Хорошо известные примеры погребения с вождем его жен, приближенных, воинов, слуг и т. п., подчас в весьма значительном количестве, восходят все к тому же представлению, что душе покойного вождя, куда бы она ни отправилась, нужны услуги душ тех людей, которые были рядом с умершим и верно служили ему.

Восходящая к анимизму вера в то, что души людей, прежде всего покойников, продолжают свое существование главным образом именно в бестелесной форме, служила как бы соединяющим звеном между

групповыми тотемистическими и всеобщими анимистическими верованиями и обрядами. Воздавая должное душам покойных предков, первобытные люди тем самым надеялись на защиту и покровительство покойников в гигантском мире потусторонних сил. Таким образом, анимистические и тотемистические верования и обряды сливались в практике первобытного коллектива в единый и как бы нерасчлняемый комплекс, в рамках которого суровые реалии повседневного быта и нелегкой борьбы коллектива за существование находили свое отражение. Это отражение было иллюзорно-фантастическим, оно существовало лишь в представлениях, искаженных недостаточным знакомством с окружающим их миром людей. Оно не только существовало, но и определяло образ жизни, поступки, повседневное поведение людей. А функция приведения этого искаженного отражения мира в соответствие с реальной жизнью выпадала на долю магии.

Магия — это комплекс ритуальных обрядов, имеющих целью воздействовать на сверхъестественные силы для получения ощутимых материальных результатов. Возникла она параллельно с тотемизмом и анимизмом, чтобы можно было реализовать воображаемые связи с миром духов, предков, тотемов. Более того, считалось, что при посредстве различных магических приемов можно узнать истинную суть случившегося и принять соответствующие меры. В основе магии лежало естественное стремление человека рассуждать по аналогии и придавать большое значение ассоциациям. При переходе от чего-либо уже известного к новому, неизвестному, ассоциации и аналогии могли служить путеводной звездой. А когда практический опыт делу помочь не может (например, если речь идет об удаче в предстоящей охоте), эта путеводная звезда с легкостью обретает форму магического действия.

Стоит обратить внимание на теорию Л. Леви-Брюля с ее логическим и пралогическим мышлением. Опираясь на нее, можно заключить, что мышление человека, особенно первобытного, состоит из двух секторов. Один из них следует более или менее строгим законам логического мышления и каузальных связей. По мере накопления знаний о мире его значение возрастает. Второй сектор связан с проблемами, имеющими вероятностный характер, решение которых зависит от игры случая или непознаваемых привходящих обстоятельств (будет ли дождь; удачна ли будет охота или война и т. п.). Этот-то сектор и диктовал первобытному человеку положиться на помощь сверхъестественных сил, он и породил пралогическое магическое мышление,

игравшее столь заметную роль в религиозном осмыслении мира. В частности, для достижения удачи в предстоящей охоте целесообразно нарисовать стадо животных с охотниками, поражающими добычу своими копьями или стрелами. Именно здесь и как раз таким образом ассоциация и аналогия способны в уме первобытного охотника подкрепить его надежды на успех в последующей реальной охоте.

То же самое мы видим в тех нередких случаях, когда реальные события подкрепляются иллюзорными, например сновидениями. Уже шла речь о том, что увиденное во сне человек привычно воспринимал как вполне нормальную реальность. Если во сне кто-то наносил или хотел нанести человеку вред, его пралогическое мышление, используя ассоциативно-аналогичные связи, уверенно диктовало, что этот «кто-то» не просто случайная игра ума, но совершенно реально существующая, а быть может и знакомая фигура, которую необходимо найти и обезвредить. И надо сказать, что многие конфликты между соседними деревнями в тех местах, где жили изучавшиеся и позже описывавшиеся антропологами первобытные племена, порождались именно тем, что кто-то увидел что-то во сне и, вполне естественно, счел увиденное не иллюзией, но открытой ему посредством сна реальностью.

Возникнув в глубокой древности, магия сохранялась и продолжала развиваться на протяжении тысячелетий. Обычно магическими обрядами занимались специальные люди — колдуны и шаманы, среди которых, особенно в глубокой древности, видимо, преобладали женщины. Эти колдуны и шаманы, выступавшие, как о том уже шла речь, в качестве своеобразных посредников между миром людей и миром духов, были обычно людьми нервного, а то и истеричного склада. Это в общем и неудивительно — такая уж у них была работа. А сводилась эта работа к тому, чтобы как можно более соответствовать той профессии и тем надеждам, которые люди с этими своеобразными профессионалами сверхъестественного связывали. Прежде всего они, с их неустойчивой психикой и расшатанной нервной системой, искренне верили в свою способность общаться с духами, передавать им просьбы и надежды коллектива, интерпретировать его волю. Сам магический обряд приобщения к духам (шаманское камлание) состоял в том, что посредством ритуальных действий, в каждом случае особых, шаман с бормотанием, пением, плясками, прыжками, со звуками бубна, барабана или колокольчика доводил себя до состояния экстаза (если обряд совершался публично, до состояния экстаза вместе с ним обычно

доходили и следившие за его действиями зрители, становившиеся как бы соучастниками ритуала). После этого шаман нередко впадал в транс, ничего не видел, не слышал — считалось, что именно в этот момент и происходит его контакт с миром духов.

Но главным, конечно, должен был быть результат. Колдун просто обязан был принять какое-то решение, которое считалось продиктованным ему сверхъестественными силами. И он принимал это решение, порой, на наш взгляд, нелепое и ничем не обоснованное, но для окружавших его и веривших ему людей считавшееся единственно верным. Разумеется, выработанная веками практика давала в руки профессионалам общения со сверхъестественным миром определенный набор решений, каждое из которых годилось для того либо иного случая. Но едва ли это всегда или хотя бы часто были одинаковые решения. Такого рода повторяемость могла расшатать веру в могущество или элементарный профессионализм посредника. Поэтому хороший шаман или колдун должен был иметь в своем арсенале варианты. И он их обычно имел.

В глубокой древности магические обряды носили, возможно, более общий характер и были менее дифференцированы. Позже дифференциация их достигла значительных размеров. Специалисты-этнографы, в частности С. А. Токарев, разделяют магию по методам воздействия на контактную (соприкосновение носителя магической силы — колдуна-шамана или волшебного амулета — с объектом), инициальную (магический акт направлен на объект недостижимый, в силу чего осуществляется лишь начало желаемого действия, конец которого предоставляется сверхъестественным силам), парциальную (опосредствованное воздействие на волосы, пищу и т. п.), имитативную (воздействие на подобие объекта). По целям воздействия магия делится на вредоносную, военную, промысловую, лечебную и др.

В целом магия как серия ритуальных обрядов была вызвана к жизни не только случайностями сновидений, но и более реальными потребностями общества, которые в силу определенных непредсказуемых обстоятельств бытия требовали такого рода связи с миром сверхъестественных сил. Однако в то же время магия сыграла немалую роль в закреплении в головах людей сектора пралогического мышления, что оказало воздействие на процесс формирования религиозного сознания. Ведь по мере развития магических манипуляций людям начинало казаться все более очевидным и само собой разумеющимся, что желаемый результат зависит не столько от

целенаправленного действия, сколько от привходящих обстоятельств, окутанных магией сверхъестественного. А это вело к тому, что многие конкретные явления и даже отдельные предметы начинали восприниматься в качестве носителей магической силы.

Возник первобытный **фетишизм**, суть которого сводится к приписыванию отдельным предметам магической силы, способной влиять на ход событий и получение желаемого результата. Фетишем (от португальского *fetico* — амулет, волшебная вещь) обычно становился или, во всяком случае, мог стать практически любой предмет, который должен был служить неким символом, знаком, выражением определенной загадочной сверхъестественной сущности. Иногда эти предметы наделялись необычными свойствами или имели непривычный, чем-то притягивающий к себе облик. Но в любом случае это было только начало, подступ к главному. Главное же сводилось к тому, что такой предмет должен в глазах избравшего его обладать некоей внутренней необычностью, дабы через его посредство дух, какая-то сверхъестественная сила оказывались способными общаться с обладателем (обладателями) фетиша и соответственно оказывать конкретное содействие.

В фетише — в частности, в черепе покойника — может, по представлению, например, некоторых народов Африки, храниться и душа близкого тебе умершего человека. У китайцев издревле одна из душ умершего могла воплощаться в табличке с его именем, которая обычно бережно хранилась в храме или на небольшом алтаре, созданных для почитания предков. Обобщая, можно считать, что практически в любой предмет могли вселиться дух или душа предка, и именно это превращало данный предмет в фетиш, имеющий сверхъестественные силу и значение. Некоторые такого рода фетиши с их непознаваемой силой помогали при лечении от болезней, другим приписывалась помощь при распознавании истины. Иногда фетиши, оказывающие разные услуги, собирали в домах — и не только в домах — в довольно больших количествах. А некоторые из фетишей, главным образом камни или куски дерева (особенно, если они имеют отличную от иных причудливую форму), подчас становились и объектом всеобщего поклонения, как то было в аравийской Мекке с кубическим метеоритом Каабой еще задолго до появления ислама. Позже стали создавать искусственные изделия из камня, дерева и глины, чаще всего в виде резных изображений или столбов с барельефными украшениями. Такого типа фетиши со временем все чаще

обретали форму идолов и служили изображениями божеств, которые начинали появляться на несколько более высоком уровне развития ранних религиозных представлений. О них — чуть позже.

Стоит отдельно сказать, что в некоторых случаях фетиши воспринимались в качестве вредоносных и что едва ли не первым из них был труп. Тело, которое покинула его душа, пока оно не захоронено, — субстанция, способная нанести вред живым. Это естественное отношение к трупу, достаточно быстро разлагающемуся, требовало забот о скором его захоронении и подчас даже о табуировании. У ряда народов, прежде всего и в особо сильной степени у иранцев, прикасаться к трупу следовало как можно меньше, а после вынужденного соприкосновения необходимо было пройти обряд очищения.

Завершая рассказ о фетишизме, еще раз заметим, что он проявлялся прежде всего в одухотворении отдельных предметов, а затем также и в искусственном создании разных предметов, чаще всего изображений из дерева и глины или амулетов и талисманов. В предметах, фигурках, амулетах и иных вещах, вплоть до черепов умерших близких, первобытные люди видели опредмеченных носителей частицы того сверхъестественного могущества, которое приписывалось миру духов, предков и тотемов. С фетишами такого рода нередко имели дело колдуны-шаманы, когда они воздействовали на подобие объекта согласно приемам контактной и имитативной магии.

Фетишизм явился как бы завершающей стадией процесса формирования всего комплекса ранних религиозных представлений первобытного человека. В самом деле, анимизм с его одухотворением природы и предков и тотемизм с его культом мертвых предков и тотемов означали, что в сознании первобытных людей появилось представление о существовании наряду с миром реальных вещей мира иллюзорного, сверхъестественного, причем в этом втором мире при всей бесплотности его обитателей ум первобытного человека видел ту же бесспорную реальность, что и в первом. Практически это означало, что ответственность за действия и события, не обусловленные очевидными причинно-следственными связями и зависевшие от воли случая, первобытный коллектив возлагал на потусторонние силы сверхъестественного мира. Для общения с этим миром, привлечения его сил на свою сторону первобытные люди обращались к помощи магии, опора на которую сильно укрепила в их сознании сектор пралогического, магического мышления. В случаях, когда каузальные связи не были очевидными, большую роль играли свя-

зи ассоциативные, суждения по аналогии, которые имели самое непосредственное отношение к прологическому мышлению и магии. И наконец, появление фетишей показало, что магическая сила, сверхъестественное могущество духа не только имеют свойство перемещаться во времени и пространстве, но и могут неким таинственным образом закрепиться в предметах реального мира.

Таким образом, в сознании первобытных людей в процессе становления родового общества выработался довольно четкий, стройный и обширный комплекс ранних религиозных представлений. Суть его сводилась к тому, что мир сверхъестественного с его огромными потенциями, свободной волей и магической силой является неотъемлемой и чуть ли не основной частью реального бытия человека. Именно силы этого мира регулируют законы природы и общества, и поэтому должное уважение к ним — первейшая обязанность коллектива, если он хочет нормально существовать, быть обеспеченным пищей, находиться под чьей-то защитой. Это представление о мире стало со временем само собой разумеющимся, естественным, в его русле долгие десятки тысяч лет протекала вся духовная жизнь общества — по крайней мере до эпохи неолита, а для более отсталых народов и много позже, в отдельных случаях вплоть до наших дней.

Теперь несколько слов о первобытной **мифологии**. Вообще проблема мифов принадлежит к числу сложнейших и интереснейших, не говоря уже о том, что она связана не только и не столько с ранними формами религиозных представлений, но также и с много более поздним временем, с литературой и системой древних исторических преданий, легендарными представлениями о прошлом или о мало известном. Не затрагивая всего этого массива разнообразных проявлений мифа, обратимся лишь к тому, что теснейшим образом связано именно с ранними религиозными представлениями первобытного человека. Э. Тейлор полагал, что происхождение ранних мифов можно считать продуктом человеческого ума в его младенческом состоянии и что миф как таковой появился на свет именно потому, что факты повседневного опыта, пройдя сквозь призму одушевленного человеком мира, обретают форму олицетворения всей окружающей среды. Это своеобразная примитивная натурфилософия, в рамках которой небо и звезды, дожди и молнии, реки и горы, деревья и камни являются одушевленными существами, а потому не только уподобляются человеку, но и могут поступать как люди. Солнце и луна например, часто считаются супружеской парой, иногда могущими принимать

человеческий облик. Примерно так же некоторые, например австралийские аборигены, воспринимают и звезды. Комплекс верований и представлений первобытного человека, как и вся его реальная жизнь со всеми ее трудностями, проблемами и достижениями, находили свое отражение в устной традиции, которая, закрепляясь в умах и обрстая со временем фантастическими деталями, способствовала рождению мифов, возникновению первобытной мифологии.

Миф, независимо от желания его создателей, чаще всего обретал мифо-поэтическую форму и был обращен как в настоящее (т. е. служил для объяснения взаимоотношений предметов окружающей среды друг с другом или с людьми), так и в прошлое. Собственно, вся пережитая предками история, коль скоро в ней случались заслуживающие внимания события (хотя бы тот же потоп, т. е. наводнение большого масштаба), осмысливалась со временем в форме мифов. У мифов была одна необычайная для первобытного ума особенность: они открывали широкий простор для фантазии, которая, естественно, в свою очередь была тесно связана с духовной жизнью и религиозными представлениями людей. Это легко понять: если основой духовной жизни первобытного человека были его родство с тотемом, культ умерших предков, одухотворение мира или перенесение магической силы на идолы и амулеты, то неудивительно, что центральное место в мифологии занимали зооантропоморфные предки, ожившие вроде бы неодушевленные предметы, обоготворенные герои, спускающиеся с неба существа, которые могли вступать в контакт с людьми и которым под силу были любые чудеса. С именами так называемых культурных героев в мифах обычно ассоциировались важнейшие изобретения или нововведения, будь то добывание огня или установление форм семьи и брака, изготовление оружия и орудий труда или учреждение правил инициации. Со временем большое место в первобытной мифологии стали занимать и космогонические сюжеты, т. е. предания о происхождении земли и неба, солнца и луны, растений и животных, наконец, человека. В мифах отчетливо прослеживается влияние тотемизма: духи нередко обладают волшебным свойством перевоплощаться, менять свой облик; обычным делом считаются брачные связи между человеком и животным, а то и фантастическим монстром.

В первобытной мифологии в образной форме обычно запечатлевались те важнейшие связи между жизнью и смертью, природой и культурой, мужским началом и женским, которые ранее всего осмысливались человеком в процессе его наблюдений, изучения законов

мира. Анализ этих важнейших дихотомий, как и вообще основных мифологических сюжетов, является ныне одним из важных источников для реконструкции древнейших этапов истории человека, для познания тех важных закономерностей, которые были характерны для жизни первобытного человека. В частности, этот анализ позволяет ставить вопрос о той большой роли, которую играли в первобытном обществе культурные влияния и заимствования.

ЗАИМСТВОВАНИЯ И ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР

Специалистам хорошо известно, сколь замкнуты были первобытные коллективы, как четко действовала основная социальная оппозиция «свой—чужие», закреплённая нормами тотемизма. Естественно, это в немалой степени ограждало данную этническую общность от влияний извне. И все-таки эти влияния не только существовали, но и, просачиваясь через самые узкие щели, оказывали немалое воздействие на материальную и духовную жизнь людей. На примере мифологии, начиная с самых ранних эпох, эти влияния и связанные с ними культурные заимствования особенно наглядны.

Едва ли сходные мифологические сюжеты возникали в каждой небольшой популяции самостоятельно и независимо от того, чем располагали ее соседи. Как раз напротив: несмотря на тотемные оппозиции, общение с соседями всегда открывало каналы для влияний, тем более в сфере духовной культуры. Сюжеты мифов распространялись и легко воспринимались теми, чей уровень культуры, бытия, духовной жизни и религиозных представлений хоть сколько-нибудь соответствовал отраженным в том или ином мифе сюжетным событиям. Конечно, это не означало, что от одной этнической общности к другой через континенты кочевали одни и те же имена, детали рассказа, повороты фабулы. Все это частично менялось, обрастало добавлениями, перемешивалось с уже существующими местными преданиями, принимало иную окраску, новую концовку и т. п. Другими словами, каждый народ вносил в предание нечто свое, так что оно со временем становилось именно его мифом. И все же основа сюжета сохранялась, что довольно легко реконструируется сегодня специалистами в области структурной антропологии, в частности известным французским ученым К. Леви-Стросом.

Специалисты уже давно доказали, что количество основных мифологических сюжетов невелико — эти сюжеты не только хорошо изучены, но даже и пронумерованы (это сделано, в частности, в трудах А. Аарне; см. также книгу В. Проппа о морфологии сказки). Не вдаваясь в детали, стоит заметить, что такого рода генеральное единство сюжетов хорошо видно на примере мифов о мироздании, в том числе построений на тему о так называемом мировом дереве, мировой оси, мировой горе, о возникновении вещей и существ, включая человека, в результате расчленения тела первозданного великана и т. п. Немало общего в космологических и космогонических мифах, в представлениях о загробном мире, о небесах и небожителях. Речь не идет о том, что все сюжеты возникали где-то в одном месте, а оттуда распространялись. Имеется в виду иное: где бы и что бы в интересующем нас плане ни возникало — рано или поздно оно становилось достоянием всех тех, кто был подготовлен для восприятия упомянутого новшества. Это касается и великих открытий в материальной сфере (колесо, земледелие, обработка металла и т. п.), и нововведений в сфере идей, о чем сейчас и идет речь. Сфера идей, к слову, отнюдь не ограничивается мифологией.

Заимствование сходных идей и представлений, взаимовлияние культур и уравнивание культурного потенциала за счет использования достижений вырвавшихся вперед народов всегда было законом развития человечества. Если бы этот механизм взаимодействия не работал и каждому народу приходилось бы заново все изобретать, картина мира была бы совершенно иной. Результатом действия механизма диффузии культурных достижений можно считать и то, что проникавшие волнами в Америку из Сибири палеолитические охотники и рыболовы, а затем и неолитические земледельцы и скотоводы принесли в Новый Свет основные открытия, сделанные в Старом Свете — за небольшими исключениями вроде колеса или развитой металлургии с железоделанием. При этом очень важно обратить внимание на то главное, что несли с собой люди, — это были не зерно или истощенный одомашненный скот, а знания. Не случайно антропологи обращают внимание прежде всего не на массовые миграции, а на так называемую «диффузию культур», т. е. на те знания, которые позволяли земледельцам в новых условиях выращивать вместо привычных пшеницы и ячменя чумизу (в Китае) или маис (в Америке) и одомашнивать тех животных, которые водились в новых местах (свинью дальневосточной породы в Китае или ламу в

Америке). Именно это способствовало распространению культурных достижений по всему миру, будь то роспись на керамике, строительное мастерство и многое другое. Это же касается вопросов, связанных с религиозными представлениями.

Этнографы и религиоведы немало внимания уделили анализу этих представлений у первобытных племен и народов Австралии, Океании, Африки, ряда районов Азии и Америки, а также неантичной и дохристианской Европы, т. е. там, где местное население в силу тех или иных причин не дошло в своем развитии до практики регулярного производства пищи или оказалось на раннем этапе неолитических преобразований. Результаты изучения показали, что при всех огромных различиях в образе жизни для народов, о которых идет речь, характерно и нечто общее — в первую очередь определенный комплекс раннерелигиозных представлений. Детали этого комплекса могли быть весьма разными. Различалась и иерархия предпочтений.

Так, например, у аборигенов Австралии наиболее предпочтительным элементом комплекса был тотемизм со значительными элементами первобытной мифологии и разработанной системой табу. Именно на примере австралийских аборигенов и их верований и был изучен тотемизм, следы и признаки которого специалисты обнаружили затем едва ли не у всех отставших в развитии народов. Среди многочисленных народов Сибири и Дальнего Востока, хорошо изученных в интересующем нас плане отечественными учеными, прежде всего Л. Я. Штернбергом, явно доминировала магия с ее бросающейся в глаза шаманской обрядностью. Шаман у этих народов всегда являлся центральной и наиболее уважаемой фигурой, его рекомендациям и указаниям следовали почти беспрекословно, его авторитет считался непререкаемым. Что касается народов Африки, то они, будучи знакомы и с анимизмом, и с магией и колдунами, отличались своей склонностью к фетишизму. Обилие идолов и амулетов, равно как и анимистическое одухотворение предметов и сил природы, — все это до недавнего времени было характерно для большинства негритянских народов, особенно сравнительно отсталых.

Однако выдвижение на передний план какой-либо части комплекса не означает, что та или иная общность, тот или иной регион, населенный сравнительно отсталыми народами, не были знакомы с остальными его элементами. Можно найти много различий в деталях, акцентах, предпочтениях, в обрядах и культах, в изображениях

и амулетах, но при всем том в принципе комплекс у донеолитических и раннеолитических народов окажется одним и тем же, состоящим из одинаковых элементов: тотемизма, анимизма, магии, фетишизма, мифологических преданий. И объясняется это принципиальное единообразие именно безотказным действием механизма культурной диффузии. Впрочем, о раннеолитических этнических общностях и вообще о неолите следует сказать несколько слов особо.

Как известно, эпоха верхнего палеолита с характерными для нее первобытными родовыми коллективами охотников и собирателей, умевших лишь присваивать дары природы, пришла к концу около 12–10 тыс. лет назад, когда на смену ей появились вначале мезолит, а затем земледельческий неолит. На протяжении нескольких тысячелетий протекал сложный процесс перехода от общества присвоения, когда первобытный человек в суровой борьбе с природой добывал скудные средства для своего существования, к обществу нового типа, основанному на регулярном производстве пищи, т. е. на земледелии и домашнем скотоводстве. Этот процесс, о чем уже шла речь, именуется неолитической революцией, потому что связанные с ним радикальные преобразования сыграли роль революционного переворота в истории общества.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА

Неолитическая революция — стоит это повторить — резко изменила образ жизни людей, оказавшихся в сфере ее воздействия. Человек научился выращивать одомашненные им злаки, создавать запасы пищи, и это привело его к оседлому образу жизни, к практике строительства прочных помещений, прежде всего жилищ и амбаров. Человек приручил животных и научился пользоваться продуктами животноводства — не только мясом, но и молоком, и шерстью. Знакомство с производством пищи и строительством вызвало к жизни появление новых необходимых материалов: человек научился обрабатывать глину, из которой стал выделывать сосуды для хранения пищи и питья, а также делать кирпичи, из которых можно было строить жилища и иные помещения. Несравненно лучше, чем его верхнепалеолитические предшественники, человек эпохи неолита владел и обработкой камня, включая шлифовку и полировку каменных изделий, — это важное отличие и

дало наименование всей эпохе (неолит — новый каменный век, т. е. век новых приемов обработки камня).

Новые производственные возможности открыли перед земледельцами неолита широкие горизонты. Земледельцы селились более компактными и многочисленными группами, чем это было доступно их предшественникам. Защищенные от нападения врагов и диких зверей поселки разрастались и окружались дочерними поселениями. Спокойная и обеспеченная пищей жизнь способствовала увеличению рождаемости и выживанию детей. Быстро увеличивавшееся население занимало новые земли.

Изменившийся образ жизни создал новые условия для развития религиозных представлений. Потребности земледелия, необходимость долгого терпеливого ожидания урожая и важность точного исчисления времени, циклов годовых сезонов — все это оказалось причиной принципиально нового интереса земледельческих племен к небу и земле, солнцу и луне, дождю и ветру, т. е. к тем силам природы, от которых зависело благосостояние земледельца. А это значит, что зависимость от различных духов стала заметнее и ощутимее, мольбы и жертвы в их честь начали приноситься чаще, а представления об их сверхъестественных возможностях и могуществе всё возрастали. В результате древние духи — объект анимистического культа — постепенно превращались, пусть далеко не все, в божества, в чью честь создавались алтари и храмы, кому денно и нощно служили все те же специалисты-посредники, понемногу обретавшие всё большие знания об окружавшем их мире и становившиеся предшественниками будущих жрецов.

Трансформировались и древние тотемистические представления. Земледельцы, чье благосостояние уже не зависело от результатов охоты, не нуждались в почитании зверя. Однако выработанные тотемизмом представления о родстве с животными продолжали сохраняться в памяти поколений, что находило отражение в перенесении зооморфного облика на божеств, многие из которых имели либо голову, либо часть тела животного, птицы или рыбы. Сохранялись и даже более красочно разрабатывались в мифологических преданиях неолитических земледельцев представления о родстве предков данной общности с почитаемыми ею божествами, заместившими собой древние тотемы.

Видоизменился и характер фетишизма. Идолы могущественных богов приняли вид крупных статуй, помещавшихся близ алтарей либо в храмах, где в их честь приносились жертвы, в том числе, особенно

на первых порах, кровавые и, что следует особо отметить, человеческие. Иногда вместо идолов по-прежнему употреблялись условные предметы-символы: обелиски, валуны, группы камней. Восходя к ранним фетишам, эти фигуры и сооружения символизировали собой святилища, которые считались причастными к божеству и близ которых возносились молитвы, совершались ритуалы.

Изменилась и магия. На смену примитивным приемам колдунов, стремившихся наслать порчу на врагов, обеспечить удачную охоту или добиться от духов выполнения желаемого, пришли гораздо более строгие и тщательно разработанные обряды общения с божествами, включая нормы ритуала и ритуального церемониала особенно в том, что касалось порядка принесения жертв и молитв. В основе их лежала все та же древняя магия. Однако появились и некоторые нововведения, близкие ей по духу и углублявшие ее возможности, обогащая арсенал ее методов и целей.

Одним из таких нововведений была мантика, т. е. система гаданий и предсказаний, близкая магии и основанная на тех же магических принципах и приемах. Но цель ее иная — не вызвать желаемые действия, а лишь узнать о них. Возможно, в зачаточном виде мантические гадательные обряды практиковались и до эпохи неолита, но как завершенная система гаданий мантика сформировалась именно в это время, причем появление ее было вызвано увеличившимся значением роли божеств и их воли в жизни земледельцев. Трепещавшие перед созданными ими же могущественными божествами, земледельцы неолита были крайне заинтересованы в их благожелательном отношении. Принося жертвы и мольбы божествам сил природы или обожествленным предкам, они хотели иметь хотя бы некоторую уверенность в том, что их жертвы и мольбы достигают цели, что они не напрасны, что божество или обожествленный предок окажут им требуемую помощь, согласятся выполнить просьбу. Но как узнать об этом? Вот здесь-то и приходили на помощь гадания со всем богатым арсеналом своих форм.

Важно специально отметить, что в отличие от сравнительно примитивных магических обрядов, доступных любому шаману, мантика требовала более высокого культурного уровня. Исполнявший обряд гадатель должен был следовать достаточно сложной системе условных символов, расшифровка которых только и могла дать ответ на конечный вопрос: удовлетворено ли божество, готово ли оно четко отреагировать на посланную ему просьбу? Система символов

бывала различной — от элементарного жребия до весьма сложного сочетания линий, трещин, точек и черточек. Гадания могли производиться по полету птиц, траектории движения брошенных предметов и т. п. Но сложность профессии гадателя была не только в умении производить обряд.

По мере развития общества и усложнения социальных связей в коллективе неолитических земледельцев вставали новые и более сложные проблемы. Мало было уже только произвести гадание о том, выпадет ли так нужный земледельцу дождь. Важно было узнать, возникнет ли серьезный конфликт с соседями, стоит ли заключить союз с ними, сулит ли удачу намечаемая экспедиция и т. п. Все эти и множество других вопросов, имевших отношение более к зарождавшейся во взаимоотношениях неолитических общностей политике, нежели к сфере сверхъестественного, входили в компетенцию гадателя, который должен был правильно сформулировать вопрос и однозначно расшифровать полученный ответ. Это вело к тому, что ряды профессионалов-гадателей пополнялись за счет наиболее привилегированных и компетентных представителей уже выделявшейся в коллективе земледельцев социальной верхушки, в основном вчерашних колдунов и шаманов, обретавших теперь более сложную профессию гадателей и предсказателей.

Кроме мантики в эпоху неолита получил дальнейшее развитие культ плодородия и размножения. Вобрав в себя многое из древних тотемистических представлений, этот культ как бы слил воедино плодородие земли, размножение домашнего скота и плодовитость женщины-матери. Отправления культа (чаще всего весной, но иногда и осенью) обычно сопровождались пышными ритуальными торжествами в честь божеств и духов, имевших отношение к этому культу. Обряды и ритуалы при этом красочно обрамлялись фаллическими эмблемами и символами, что должно было подчеркнуть значимость мужского оплодотворяющего и женского плодоносящего начала, а также великие творческие потенции их соединения.

К числу символов, о которых идет речь, относились раковины каури, по форме напоминавшие вульву и высоко ценившиеся в качестве жизнеутверждающего амулета. К их числу относились широко распространенные среди неолитических земледельцев керамические фигурки женщин с подчеркнутыми половыми признаками, а также, хотя и реже, фигурки женщин с младенцем на руках. Наконец, та же символика в обилии встречается в орнаментальной росписи сосудов,

где можно увидеть множество овальных или треугольных изображений вульвы, схематические изображения оплодотворяющего землю дождя и т. п.

Култ плодородия, размножения, оплодотворения со временем нашел отражение и в мифологии: в преданиях все чаще стали встречаться могущественные божества, принимавшие мужское или женское обличье, вступавшие друг с другом в брачные связи, порой весьма сложные, с различными приключениями, обманами, перевоплощениями и т. п. Особенно щедро мифологические сюжеты описывают связь бога с женщиной: именно от этой воображаемой связи, корни представлений о которой восходят к тотемизму, рождались легендарные герои, оказывавшиеся затем первопредками или правителями той или иной этнической общности.

Еще одним важным культом, получившим новое содержание в эпоху неолита, был культ умерших предков. Этот культ был известен и прежде: считалось, что души умерших обитают в мире сверхъестественных сил и оттуда могут влиять на жизнь живых, особенно вследствие их родственных связей с тотемом. Как правило, духам умерших их родственники приносили жертвы, воспринимавшиеся прежде всего в качестве знака внимания, свидетельства того, что умершие не забыты. С начала неолита этот культ заметно усложнился.

Во-первых, упрочилось представление о том, что не только бесплотный дух умершего, но и какая-то частица его материальной субстанции переходит в загробный мир, где для поддержания ее существования необходимо все то, что имел и чем пользовался человек при жизни на земле. Это нашло отражение в характере неолитических захоронений: погребение иногда превращалось в склад, где вместе с покойником находились и его вещи: одежда, орудия и оружие, сосуды с пищей и питьем, различная утварь, украшения и т. п. При этом для захоронения отбиралось все самое лучшее, а сосуды из числа погребальной керамики были выделаны особенно тщательно и, как правило, испещрены сложной и причудливой росписью ритуального характера, насыщенной различной символикой. Позже, по мере формирования протогосударственных образований во главе с вождями, первое место среди сопребвенных вместе с вождем стали занимать окружающие его близкие ему люди — от его жен и приближенных до рабов и слуг.

Во-вторых, стала более заметной разница в отношении к умершим в зависимости от их социального положения, т. е. места и роли их в первобытном коллективе неолитических земледельцев. Погребения

свидетельствуют о неравенстве покойников: некоторых хоронили с большим количеством богатых, великолепно выделанных вещей, иногда и людей, а остальных — с небольшим числом предметов. Эта разница объективно свидетельствует о важных социальных, экономических и политических процессах, протекавших в эпоху неолита, когда возрастание совокупного продукта производящего коллектива создавало условия для появления некоторого его избытка. Этот так называемый избыточный продукт стал экономической основой для возникновения вначале обычного социального неравенства (патриарх большой семейно-клановой группы отличался от всех других членов этой же группы), а позже — для формирования слоя людей, которые с возникновением самых ранних протогосударственных образований или структурированных племен во главе с вождями могли уже не участвовать в производстве пищи, но сосредоточить свои усилия в сфере управления, военного дела, ремесла, строительства, культов и т. п.

Наконец, в-третьих, в силу отмеченного процесса генезиса социального неравенства культ мертвых в эпоху неолита стал постепенно приобретать форму культа умерших представителей привилегированного слоя, прежде всего старейшин и вождей. Объяснялось все это просто и логично: вслед за патриархом большесемейного коллектива или старейшиной общины вождь племени или правитель протогосударства становился первым и главным представителем коллектива, облеченным высшей властью политическим администратором, на чьи плечи падала верховная ответственность за благосостояние всех его подопечных. Понятно, что это распространялось и на сферу общения коллектива с миром сверхъестественных сил. Вождя начинали рассматривать как сакральную фигуру, наделенную высшей святостью, небесной благодатью, наибольшей магической силой. С течением времени вождь все более отдалялся от простых смертных, а то и начинал противопоставляться им. Его тело, еда, одежда при этом нередко становились табуированными, неприкосновенными для остальных.

Культ вождей — живых и умерших — сыграл важную роль в развитии и трансформации раннерелигиозного комплекса. Этот культ оказался своего рода объединяющим фактором для возраставшего и структурно усложнявшегося коллектива, способствовал сплочению формировавшегося более или менее крупного социального организма, порой уже выходившего за пределы гомогенной этнической общности и становившегося этнически гетерогенным. В этих условиях,

характерных для ранних этапов возникновения цивилизации и государственности, культ вождя с его сакральной магической силой имел немаловажный интегрирующий смысл.

Следует специально обратить внимание на то, что при этом здоровье, сила и мощь вождя символизировали процветание всего коллектива, поэтому состарившихся вождей — как это было показано еще Д. Фрэзером — иногда устраняли от власти (нередко их отравляли или просто убивали). В других случаях, когда уже устанавливалась практика наследования власти вождя, формировались нормы, которые призваны были сохранить сакральную мощь правителя, воспринимавшуюся его преемником, который, например, должен был прикоснуться губами к губам умирающего правителя, чтобы в последний миг как бы вобрать в себя уходившую из тела вождя вместе с дыханием его магическую силу, передававшуюся таким образом по наследству.

Культ вождя в эпоху трансформации неолитической структуры в протогосударственную вел к усложнению и развитию социальных связей и становился все более существенным моментом складывавшейся в рамках возникающего нового общества религиозной системы. Именно вождь олицетворял собой силу и жизнеспособность общества, а после смерти представлял разросшийся коллектив в мире духов и божеств; от вождя зависело процветание его потомков и подданных. Неудивительно поэтому, что культ умершего вождя со временем практически вытеснил и заместил собой культ остальных умерших, особенно из числа простолюдинов.

Выход на авансцену — вместе с культом плодородия и размножения — культа вождей, живых и умерших, был показателем трансформации первобытных раннерелигиозных представлений и постепенного складывания более развитых религиозных систем, свойственных обществам, уже знакомым с цивилизацией и государственностью. Разумеется, процесс возникновения развитых религиозных систем был достаточно сложным, о чем специально пойдет речь в главе 6. Но пока рассмотрим, как конкретно выглядел комплекс раннерелигиозных представлений в разных регионах планеты.

Глава 4

Ранние религиозные представления

Религия аборигенов австралии • Жители Океании (папуасы и меланезийцы • Микронезийцы и полинезийцы • Отсталые народы Азии • Древние народы Европы

Теперь от изложенных в предыдущих главах некоторых общих принципов перейдем к конкретным материалам, которые благодаря усилиям социальных антропологов позволяют представить себе, как именно функционируют эти представления у различных отсталых народов мира. Речь идет не только о далеком прошлом, хотя именно для тех времен такого рода представления наиболее характерны. Довольно много отсталых этнических общностей и первобытных групп можно обнаружить и в наши дни, причем практически везде, вплоть до самых развитых современных континентов, будь то Европа с ее отсталыми окраинами или Северная Америка с ее резервациями. Этнические группы, первобытные популяции либо уже знакомые с достижениями неолита и даже с властью вождей ранние протогосударственные структуры (это относится главным образом — хотя и не только — к кочевникам) находятся на всех многочисленных ступенях длинного пути от самых древних по происхождению и облику религиозных представлений до тех, что характерны для неолита, включая сравнительно поздние стадии развития неолитических структур и начальные стадии политогенеза.

Их необычайно много, и далеко не все они имеют длительную историю. По меньшей мере часть их является результатом сложных

культурно-исторических процессов, в ходе которых одни первобытные общности приходили на смену другим, но при этом радикально не изменяли привычный статус, характерный для жителей, скажем, сурового севера или тропического пояса. Существенно заметить при этом, что климат и вообще природная среда играют необычайно важную роль в деле сохранения или, напротив, постепенной поступательной эволюции тех либо иных народов, равно как и в открытости либо замкнутости их по отношению к внешним влияниям. Это весьма серьезный фактор, и нельзя не учитывать его влияния. Ведь порой даже этнически близкие друг другу соседние общности в рамках того или иного субконтинента, архипелага или даже большого острова вроде Цейлона весьма отличаются друг от друга по уровню развития. Это особенно заметно и в Африке южнее Сахары (даже исключая Южную Африку, в немалой степени модернизованную европейскими переселенцами), и на архипелагах Океании, да и в других регионах планеты, практически везде. Поэтому нам придется в ходе дальнейшего изложения материала учитывать все сказанное и не стремиться дать строго последовательную линию от ранних первобытных общностей к более поздним. Кроме того, принимая во внимание обилие такого рода небольших этнических групп, последующее знакомство с ними будет лишь выборочным, с целью выявить некую общую картину, достаточную для уяснения ситуации. В качестве основы возьмем два главных критерия — географический (от одного региона к другому) и уровень развития (от наименее развитых к тем, кто стоит на более высоком уровне развития). Обычно — и не без оснований — принято считать, что наиболее отсталыми среди современных этнических общностей являются аборигены Австралии. Начнем именно с них.

РЕЛИГИЯ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ

Изучение австралийских аборигенов началось давно, но не угасает и в наши дни. Это и неудивительно: во-первых, они являют собой наглядный образ древнейшего прошлого человечества, что всегда привлекает антропологов, а во-вторых, они гораздо доступней для контактов, чем, скажем, сопоставимые с ними индейцы дебрей Амазонки, куда попасть практически невозможно. Первые европейцы, изучавшие быт аборигенов, зафиксировали у них организации в форме бродячих локальных групп с четкими половозрастными различиями внутри каждой из них. Господ-

ствовал парный брак, особым почтением пользовались старики, за долгую жизнь охотника обретавшие немалый престиж. Австралийцы делились на ряд этнических общностей, лишенных вождей, а каждая такая общность насчитывала несколько десятков кровнородственных коллективов, объединенных своим тотемом, с соответствующими экзогамными брачными запретами и прочими табу. Как уже говорилось, именно на примере аборигенов Австралии антропологи изучали тотемизм и систему табу, следы которых затем находили у многих иных отставших в развитии народов.

Распространение тотемизма в его различных модификациях дает основание полагать, что эта форма религиозных представлений была у аборигенов Австралии главной и господствующей. В пользу этого свидетельствуют и многочисленные мифы о тотемах, точнее о тотемных предках, чаще всего имевших териоантропоморфный облик и отличавшихся сверхъестественными способностями (превращаться в камень, уходить под землю и т. п.). В своих религиозных обрядах австралийцы нередко изображают сценки из жизни их тотемных предков. Они верят в то, что в каждом из них есть частица тотема, что тотем может передаваться по мужской либо по женской линии, а в этнической общности аранда существует даже поверье, что в определенных местах помещаются тотемные зародыши ратапа, которые могут войти в тело женщины, если она пройдет мимо. В этом случае ее ребенок (если он появится на свет в соответствующий срок после этого) будет принадлежать к тотему той местности, где в ее тело вошел зародыш.

Большое значение придается обряду инициации, который в каждой общности проводится отдельно и длится достаточно долго, как для мальчиков, так и для девочек. Для мальчиков он сопровождается весьма болезненными испытаниями (обрезание, выбивание зубов, бросание в костер и т. п.). Именно в это длительное время инициации испытуемых посвящают в мифы данной общности, причем не только тотемистические. Мифы данного тотемного кровнородственного коллектива обычно считаются именно его достоянием и разглашению не подлежат. Кроме мифов подрастающее поколение учится обрядам и церемониалу с посвящением в их смысл. А по окончании испытаний и обучения каждый получает новое — взрослое — имя, остающееся его сокровенной тайной.

Кроме тех своих мифов, которыми обладает каждый из тотемных коллективов, австралийские аборигены знакомы и с некоторыми общими для всех и открытыми каждому преданиями о далеком

прошлом. В эпоху некоего первоначального мифологического времени в мире обитали сверхъестественные существа и было положено начало жизни как людей, так и всего окружающего их животного и вообще природного мира с его нормами существования и основными принципами повседневного поведения. По данным М. Элиаде, для одних австралийских общностей первоначальность ассоциируется с неким Небесным Отцом, известным под различными именами и считающимся демиургом, создавшим некогда все, начиная с обустройства жизни на земле и кончая мифами и обрядами. Именно он живет на небе, где и встречает души умерших. Другие склонны воспринимать первоначальность как некую эпоху сновидений, в которой основную роль играли тотемные предки (хотя существование Отца не отрицается). Именно выход из-под земли тотемных предков позволил появиться солнцу на небе и тем положил начало жизни.

Есть у австралийцев мифы о происхождении смерти, причем и в этом случае для тотемных предков существуют исключения: они могут воскреснуть и даже имеют потенции для своеобразной реинкарнации. Дело в том, что они способны превращаться в *чуринги*, т. е. в духов, которые живут среди людей и передают частицу своей духовной субстанции каждому родившемуся в соответствующем кровнородственном коллективе ребенку, что и связывает этого ребенка с его тотемом. К слову, кровнородственный коллектив — наименование условное, ибо члены его могут географически находиться достаточно далеко друг от друга, тогда как локальная группа, из которых состоят общности австралийцев, не может быть кровнородственной, ибо всегда состоит из представителей разных тотемных коллективов.

У австралийских аборигенов есть свои колдуны и знахари, которым иногда приписываются сверхъестественные способности, есть и представления о злых духах с их кознями, причем в случае болезни или смерти австралийские аборигены подчас ищут врагов, виновных в этом, и идут к ним мстить. К числу такого рода врагов чаще всего относятся обитатели соседних территорий, с которыми жители данной группы более или менее знакомы. Знахари в общении с больными широко используют приемы лечебной магии. Существует у австралийцев и традиционная промысловая магия с изображениями удачной охоты. В заключение стоит напомнить, что хорошо известные всем бумеранги применялись австралийцами (возможно, были и изобретены именно ими) для охоты.

ЖИТЕЛИ ОКЕАНИИ (ПАПУАСЫ И МЕЛАНЕЗИЙЦЫ)

Ближайшими соседями австралийских аборигенов (не столько в географическом, сколько в историко-культурном плане, по уровню развития) были многочисленные народы Океании. Географически и в языковом плане Океания, оставляя в стороне небольшие отдельные островки, состоит из множества архипелагов, населенных говорящими на малайско-полинезийских языках этническими общностями Меланезии, Микронезии и Полинезии. Отдельно стоит выделить папуасов Новой Гвинеи с их собственными языками. Наиболее отсталыми из всех них и по ряду параметров близкими к австралийцам являются жители расположенного чуть к северу от австралийского континента жители Новой Гвинеи. С описания религиозных представлений именно их и целесообразно начать.

Папуасско-меланезийские этнические общества и племена, расположенные в основном неподалеку от Австралии, отличаются от австралийцев некоторыми особенностями, поскольку эти народы в социальном и даже политическом плане несколько более развиты (явно за счет влияний со стороны соседних с ними народов Индонезии и Малайского полуострова), достигли значительно более высокого уровня производственных возможностей и в большинстве даже уже живут оседло, что характерно для поселенцев неолита. Их основное занятие — рыболовство, но они знакомы и с клубнеплодным земледелием, выращиванием домашнего скота, главным образом свиней, иногда с ремеслом; в некоторых случаях у них встречаются достаточно четко выделившиеся вожди или колдуны, выполнявшие функции предводителей-вождей, и т. п. Неудивительно, что их религиозные представления несколько отличаются от австралийских, хотя во многом и близки им.

Папуасы очень боятся колдовства и любого близкого к нему вреда (*оним*), которого можно ожидать откуда-либо, в том числе даже из соседней деревни. И в то же время все они более всего склонны заниматься магией — хозяйственной, лечебной, вредоносной и т. п. Если сопоставить одно с другим, то несложно понять, почему боязнь колдовства их так волнует. Ведь никогда не знаешь, что на тебя нашьют другие, нарочно или по неосторожности. Своих умерших предков по меньшей мере часть папуасов (остров Танна) склонны счи-

тать духами-патронами, причем вслед за старейшиной коллектива все патриархи, главы семейно-клановых хозяйств, в определенное время обычно обращаются к ним, принося скромные жертвы и прося о здоровье и плодородии. Повышенное внимание к умершим находит выражение и в том, что папуасы часто хранят их черепа, а иногда изготавливают деревянные футляры-фигурки предков, *корвары*, куда вкладывают черепа. Н. Н. Миклухо-Маклай встречал у папуасов и просто деревянные фигурки, изображавшие предков. Это нечто среднее между фетишами и идолами. В любом случае фигурки изготавливали не зря. Им приписывалась, видимо, немалая магическая сила, как охранительная, так и производящая.

Что касается анимистических или тотемистических взглядов, то именно они близки к австралийским, разве что тотемизм играет меньшую роль. Следует заметить, что обряд инициации у папуасов, которому они всегда уделяли и уделяют большое внимание, не столь страшен и таинствен, как в Австралии, и состоит не столько из трудных испытаний и мучительных операций, сколько из плясок в масках, в ходе которых посвящаемые знакомятся с преданиями и верованиями данной тотемной группы. У папуасов существует (как и у некоторых австралийцев) дух-покровитель инициаций, иногда даже два: один помогает, а другой занят как бы умерщвлением тех, кто еще не прошел обряд, и возрождением их в новом виде после обряда. Существует и дух, который будто бы наказывает тех, кто разглашает тайну посвятительных обрядов.

В обряды и пляски, связанные с инициацией, образно, иногда и вербально, вписаны многочисленные мифологические повествования, которые являются, как правило, достоянием лишь мужской половины населения. В папуасских мифах представлены первопредки (это могут быть и люди и, скажем, солнце и луна, причем то и другое подчас вплетено в единый космогонический миф), культурные герои с их связями с тотемными предками, примитивные представления о небе и подземном мире мертвых. В мифах есть место представлениям о происхождении людей (очень разные варианты), о борьбе героев с чудовищами, о героическом веке прошлого, о духах-покровителях всего живого, об общении живых с духами умерших и т. п. В целом мифология папуасов достаточно разнообразна и богата.

Меланезия, куда географически обычно включают и населенную в основном папуасами Новую Гвинею, — это большая часть Океании с множеством крупных архипелагов и немалым населением, этничес-

ки и в культурном отношении — равно как и по уровню развития — достаточно пестрым. Как и у папуасов, у большинства меланезийских этнических общностей широко распространен культ умерших предков. Выявленный Б. Малиновским, проведшим немало времени на Тробриандских островах, смысл поклонения предкам там исходит из того, что у каждого умершего есть два духа, причем один из них после смерти живет неподалеку от деревни и нередко пугает ее обитателей различными проказами, тогда как другой отправляется в страну умерших, расположенную на одном из островов, где обретает новую жизнь, будучи вместе со всеми такими духами невидимым для местных жителей. В своем невидимом мире он может снова жениться и прожить еще жизнь, время от времени невидимым навещая свою родную деревню, участвуя там в праздниках и посещая родственников в их снах. После своей второй смерти он превращается в человеческий зародыш и — наподобие того как это было у австралийцев аранда, проникает в чрево женщины. Родившись заново, он становится обычным ребенком.

Столь странная смесь культа предков с идеей реинкарнации, не говоря уже о невидимой жизни и посещениях родной деревни, очень любопытны и явно свидетельствуют о сильных и разнообразных влияниях на островитян извне. Культ вождей — там, где они уже появились, как, например, среди маорийцев в Новой Зеландии (стоит заметить, что Новая Зеландия может быть включена и в Меланезию, и в Полинезию, а вне ее вожди и тем более культ вождей в Меланезии редки), — очень тесно связан с идеей табу. Пример, свидетельствующий о табуировании пищи вождя у маори, уже приводился выше, когда речь шла о том, что нарушение табу может привести провинившегося к смерти от одной только мысли о том, что он натворил. Но табу подчас налагается и шире — например, на землю, на которую нельзя ступить вождю, иначе по ней не смогут ходить другие (вождя несут на носилках), и т. п.

Вообще вожди, которые, судя по всему, появились на островах Меланезии сравнительно недавно, имеют очень высокий престиж, что и сказывается на всех связанных с ними табу. На некоторых островах (Тонго) принято считать, что только они, т. е. их души, продолжают жизнь после смерти и поэтому их, эти души вождей, следует почитать как нечто божественное. Это представление логично ведет к сакрализации личности и функции вождя, что является естественным результатом процесса раннего политогенеза. Неудивительно в этой связи и

то, что после погребения вождя на месте захоронения ставились идо-
лы, символизирующие божественную сущность сакрализованного
правителя, не говоря уже о том, что здесь же совершались торжествен-
ные обряды и приносились жертвы в его честь.

Как и среди папуасов, у остальных меланезийцев широко распро-
странены различные магические приемы. Спецификой магии в Мела-
незии является ее избирательность: в одних случаях она необходима,
а в других, аналогичных, — не только не обязательна, но и вообще не
нужна. Можно предположить, что важность магии возрастает по мере
роста опасности промысла или сложности занятия тем либо иным
делом. Охота на акул, например, невозможна без магических приемов,
как и изготовление каноэ или посадка маиса — основной культуры
островитян. А посадки обычных огородных культур либо прибрежное
рыболовство на мелкую рыбу вполне обходятся без нее. Зато здесь, в
Меланезии, есть даже своего рода профессионалы в области различ-
ных видов магии и культа — лекари, специалисты по земледельчес-
кой либо строительной магии (чтобы лодки были хороши) и т. п. Часть
колдунов передают свое искусство по наследству и имеют высокий
престиж, близкий к престижу вождей.

На некоторых островах Меланезии существуют, пусть еще в за-
чаточном виде, тайные мужские союзы, члены которых активно
практикуют различные виды магии, часто носят пугающие маски,
изображая духов (союз Дук-Дук на архипелаге Бисмарка) и вымо-
гая у соплеменников различные ценности (раковины и пр.). Мифо-
логия в Меланезии известна главным образом повествованиями о
культурных героях, в частности о близнецах, один из которых умен
и творит, а второй глуп и все портит. Иногда культурные герои вы-
ступают в виде тотемных животных, иногда это обычные люди. Есть
среди меланезийских мифов немногочисленные космогонические по-
вестования, великое множество рассказов о духах умерших и духах-
покровителях, о способности духов и умерших к реинкарнации, что
тесно связано с тотемизмом. Но главное, чем отличаются меланезий-
ские мифы и вообще религиозные верования, — это представление
о загадочной сакрально-волшебной силе *мана*.

Мана тесно связана с широко распространенной в Океании ма-
гической практикой. Она являет собой некую особую, безликую и
сверхъестественную жизненную силу, которая встречается и у лю-
дей (они чаще всего могли унаследовать ее от предков), и у духов, и
у других существ и даже веществ. Мана может быть в обыкнонен-

ном камне: если зарыть его в огороде, он будет способствовать хорошим урожаям. Но чаще всего это нечто, что определяет успех человека в жизни. Есть успех — значит, у него есть мана. Количество ее пропорционально престижу и месту данного человека в обществе. Мана может действовать как на благо людям, так и во вред им, причем, как следует полагать, все зависит в конечном счете от того, кто ею обладает. Важным свойством ее является переменчивость, своеобразная текучесть. Ее можно приобрести, но можно и утратить. Создается впечатление, что мана может по какой-то причине переходить от одного объекта или субъекта к другому.

МИКРОНЕЗИЙЦЫ И ПОЛИНЕЗИЙЦЫ

Микронезия — сравнительно небольшой архипелаг Океании, расположенный в западной части Тихого океана и состоящий из многих групп маленьких островов, в основном кораллового происхождения. Разрозненность небольших популяций сыграла свою роль в относительно слабой изученности религиозных представлений и верований туземного населения. Одно специалисты-антропологи зафиксировали сразу: у микронезийцев все сверхъестественное принято воспринимать как *калит*, т. е. нечто необычное и — если вести речь о людях — данное немногим избранным, причем передаваемое по наследству (существуют и мужчины, и женщины, и даже дети-калиты). Калиты выполняют функции знахарей и колдунов. Некоторые из них обретают достаточно широкое признание, так что к ним за советом и помощью приезжают люди с других островов.

Однако сам термин «калит» употребляется и шире, не только по отношению к людям. Иногда им обозначают нечто среднее между духом-покровителем и тотемным предком. Прежде всего это относится к обитателям моря, тогда как земные животные обычно именуются, по данным антрополога К. Земпера, иначе — *карам*. Что касается проблемы жизни и смерти, то считается, что местопребыванием душ умерших является один из островов, причем духи иногда могут посещать свой родной дом, тревожа живых звуками или являясь им во сне. Считается, что только калиты могут их видеть — для остальных они невидимы.

Мифология Микронезии достаточно богата и во многом близка полинезийской, о которой будет подробно идти речь ниже. Среди

мифов занимают свое место предания о сотворении мира, о первобытных пустоте и хаосе, о возникновении суши (что для жителей мелких островков, окруженных необъятным океаном, не может не считаться делом очень важным). Говорится в мифологических преданиях островитян также о проблемах космогонии, о жизни и смерти, о превращениях людей, в том числе и в акул. Смерть считается у микронезийцев карой за нарушение табу или результатом спора богов.

О богах в мифах сказано немного, и они в основном близки опять-таки полинезийским. Много большую роль в представлениях о сверхъестественном играют различные мелкие духи (земные, небесные, добрые, злые) и культурные герои, порой даже трикстеры с их проделками, демоны с их неожиданными преобразованиями и приставаниями и т. п. Немало в мифах и вообще в религиозных представлениях меланезийцев следов тотемизма, широко распространенного по всей Океании, да и не только там. Обращают на себя внимание многочисленные заимствования, о которых уже упоминалось. Для островитян, столь трагически оторванных от большого мира, эти заимствования — своего рода замена контактов и общения.

Полинезия — это центральная часть Тихого океана, заселенная, скорей всего, в основном из Юго-Восточной Азии через острова Индонезии и Меланезии во II тысячелетии до н. э. Не исключено, что заселение архипелагов Полинезии шло из разных мест и к тому же последовательными волнами, приносящими в разное время различную новую информацию. Расположенный между Меланезией и Микронезией, этот огромный мир крупных и мелких островов и достаточно больших архипелагов был как раз той средой, которая обеспечивала контакты островитян друг с другом и внешним миром вне Океании. Образ жизни на разных островах Полинезии неодинаков. Но всюду большую роль играет рыболовство, почти везде известно примитивное земледелие с оседлой жизнью. Достаточно развито ремесло. На многих островах заметно существование вождей и племенной знати, что явно свидетельствует о сравнительно поздних влияниях извне. Мало того, кроме обычных знахарей и колдунов здесь появляются уже и жрецы. Правда, это еще не жрецы больших храмов в честь божеств. Это скорей служители святилищ. Но святилища, о которых идет речь, можно считать своего рода зачатками храмов, посвященных, скажем, умершему и обожествленному вождю. Жрецы такого типа именуются *тохунга* и обычно принадлежат к числу близких родственников вождя. Впрочем, в функции их вхо-

дит не столько охрана святилища, сколько обычные действия, свойственные прежним знахарям и колдунам, вплоть до плясок, приводящих к состоянию экстаза.

Полинезийская мифология очень богата и красочна. В нее входят космогонические мифы, нередко сопровождаемые не только песнями, но и театрализованными представлениями. Пантеон божеств разнообразен, причем помимо бесчисленного множества местных обожествленных предков, различного рода мелких божеств и духов хорошо известны и общеполинезийские божества. Едва ли не первое место среди них занимает Тангароа, бог-демиург и одновременно бог морской стихии. Согласно полинезийской космогонии, отличающейся высоким уровнем представлений о процессе космогенеза, вначале были хаос и пустота. И только после ожесточенной борьбы (в разных вариантах она выглядит по-разному) Тангароа удалось одолеть противостояние врагов и добиться того, что небо было отделено от земли и процесс космогенеза пошел своим чередом.

Вторым виднейшим божеством следует считать бога животного и растительного мира Тане, который одновременно выступает и как божество солнца и света. Ему противостоит бог подземного мира и символ тьмы По. Среди прочих — бог земледелия и мира Ронго. Рядом с богами — полубоги и культурные герои вроде сына Тангароа Мауи, победившего чудовищ и прославившегося своими хитрыми уловками трикстера. В фольклор полинезийцев включена мифология мирового дерева, пронизывающего собой несколько слоев неба и ряд слоев земли — точнее, подземного царства мертвых, где царствует богиня смерти Миру. Мифы о происхождении человека утверждают, что после того, как Тангароа создал небо и землю, он вместе с другими великими богами создал и человека — из земли, глины, раковин и тыквы (по другой версии человек был создан из червей). В принципе люди смертны и их души после смерти отправляются в царство Миру. Однако некоторые из душ — души вождей и героев — имеют другую судьбу. Они улетают на запад, в некую сказочную страну Пулоту. Герои, о которых только что было сказано, многочисленны и славны своими подвигами. Они отличаются богатырской силой, умением владеть магическими приемами, посещать верхний и нижний миры, одолевать сказочных чудовищ.

В полинезийских мифах немало преданий, имеющих явные следы исторического прошлого полинезийцев, повествующих о заселении островов, о борьбе за новые территории и т. п. Много в них, как

и в реальной жизни островитян, следов примитивных раннерелигиозных верований (тотемизм, анимизм, фетишизм), включая представление о сверхъестественной силе мана. Космология их, как уже говорилось, достаточно глубока и включает в себя, помимо представления о первозданном хаосе и пустоте, еще ряд интересных моментов. Создается впечатление, что мифология полинезийцев не была продуктом только местного творчества. Чувствуются влияния и заимствования извне. Это и естественно, если принять во внимание происхождение населения островов, историю их заселения с севера, из Юго-Восточной Азии, в сравнительно недавние времена, не ранее II–I тысячелетий до н. э.

ОТСТАЛЫЕ НАРОДЫ АЗИИ

На азиатском континенте проживает огромное количество разных народов, причем подавляющее их большинство принадлежит к высокоразвитым цивилизациям, о которых речь впереди. Важно, однако, принять во внимание, что и в развитых государствах Азии, и вне их территории с древности и по сей день живет немало народов, небольших племенных групп и мелких доплеменных этнических общностей. Часть их постепенно ассимилируется и теряет свои первобытные представления, но другие, особенно те, что обитают в труднодоступных местах, обычно сохраняют древние нормы. Этих последних довольно много, так что обо всех них речь вести невозможно. Но о некоторых сказать необходимо по ряду причин. В данном разделе речь пойдет именно о них, причем в силу необходимости очень кратко, с упоминанием лишь о самом главном, наиболее интересном и специфическом с точки зрения тематики книги. Важно подчеркнуть, что не все народы, о которых пойдет речь, относятся к самым отсталым. В ряде случаев (монголы, тюрки) это просто кочевники, чей быт не позволял им развиваться достаточно быстрыми темпами. В то же время, оказавшись в силу своего подвижного образа жизни в иных условиях, те же народы обретали другой уровень жизни, а их представления о мире, включая и религиозные, существенно менялись.

На островах Индонезии, подавляющее большинство населения которых давно уже приняло ислам, существует немало мелких этнических обществ и даже структурированных племен во главе с вождями, где религиозные представления находятся на весьма прими-

тивном уровне. Этот уровень обычно упрощенно именуют анимизмом, ибо вера в духов является главным его признаком. К числу таких народов относятся так называемые «дикие кубу» на Суматре, которые почему-то никогда не уверены в том, что все умершие становятся духами, причем различие между одними и другими улавливается с трудом, будто бы по неким звукам, которые слышны во время их смерти. Даяки с острова Борнео, отличающиеся своими воинскими доблестями, полагают, что в некоторых деревьях живут духи и поэтому их нельзя срубить. Критерии, на основании которых отдельные деревья выделяются среди остальных, остаются неизвестными. Они же уверены, что все болезни причиняются духами и что знахарь-шаман может вылечить больного, умело вытащив из заболевшей части тела кусок тряпки или осколок камня, за что его неплохо вознаграждают.

В джунглях Малайи, расположенной рядом с островами Индонезии и тоже давно уже населенной в основном мусульманами, живет низкорослая негроидная общность семангов, которые тоже пользуются услугами шаманов, умеющих общаться с духами, а духов умерших считают ушедшими на запад, откуда они, однако, временами могут возвращаться по ночам в виде птиц, пугая живущих своими криками. Среди немногих божеств семанги выделяют бога грозы, которого очень боятся, и Та Педи, которому приписывается создание мира. На южном острове Цейлон, расположенном рядом с Индостаном и хорошо знакомом с буддийской цивилизацией и государственностью еще до н. э., живут охотники из общности так называемых диких ведда, мало затронутых высокой культурой основной массы островитян. Они тоже считают себя окруженными духами и почитают шаманов, имеющих с ними дело. О загробной судьбе умерших представления их очень смутны.

Специфичны религиозные представления айнов, веками живших на севере Японии рядом с весьма цивилизованными японцами. У них большую роль играют культы домашнего очага, а также медведя и змей. Это — особенно в случае с медведем — явные пережитки тотемных верований. К слову, культ медведя характерен и для ряда народов Севера, например для гиляков, хантов и манси. Стоит заметить, что в то же время другие аборигенные народы соседней с айнами территории Сибири и Дальнего Востока, например тунгусы, уже знакомы с культом небесного бога Боа, который, по их представлениям, ведает всеми остальными божествами и духами, включая

солнце. Солнце и огонь тунгусы почитают особо. В огонь они в качестве жертвоприношений бросают куски мяса и жира. Своих умерших тунгусы хоронят вместе с принадлежащим им имуществом — оружием, утварью, лошадью. Особым уважением у тунгусов, как и вообще в Сибири, пользуются шаманы. Сам термин этот тунгусского происхождения. Что касается мифологии тунгусо-маньчжурских этнических общностей (эвенки, нанайцы и др.), то она в различных вариантах повествует и о космогонических процессах (сотворение земли из воды), и о небесно-звездном мире с его несколькими слоями, и о многочисленных подчиненных шаманам духах, и о мире мертвых, куда души покойников отправляются опять-таки при помощи шаманов.

Важно сказать несколько слов об эскимосах, населяющих обширный циркумполярный регион от северной Сибири до Гренландии. Веками, если не тысячелетиями живущие в условиях, крайне неблагоприятных для обитания человека и большинства животных, не говоря уже о растениях, они тем не менее приспособились к такой жизни, как и соседние с ними чукчи. Естественно, что уровень их жизни, как и культурно-религиозных представлений о ней, невысок. У чукчей и эскимосов шаманизм играет очень важную роль, причем шаманами могут быть и женщины. Огромное внимание эскимосы, морские охотники, уделяют магическим амулетам, часто безделушкам вроде бусинок, которые ими высоко ценятся, ибо, по их представлениям, обладают магической силой и способны принести удачу во время охоты. Антропологи, описывавшие образ жизни эскимосов, отмечали, что иногда за немалое вознаграждение эскимосы приобретали друг у друга и таинственные магические заклинания, бывшие собственностью той или иной семьи и передававшиеся из поколения в поколение.

Весь внешний мир эскимоса наполнен духами — инуа, с которыми должны управляться шаманы. Но духи людей и животных — тарнек — выделяются из их числа. Есть и божества, содействующие успешному морскому промыслу, как, например, богиня Седна (в разных регионах у нее различные имена), обеспечивающая удачную охоту на морского зверя в тех случаях, когда охотники не запятнали себя какими-либо прегрешениями. Культурным героем и демиургом у эскимосов считается Ворон, создавший из различных предметов (глина, бобовый стручок) людей и животных, принесший в мир свет и научивший людей добывать пищу. Что касается душ умерших,

то они, по поверьям эскимосов, вначале вселяются в одного из своих малолетних потомков, но когда дети вырастают, эти души из них уходят неизвестно куда. Антропологи, изучавшие быт эскимосов, склонны считать, что обилие запретов (например, на смешение морской охоты и сухопутной или ограничение свободы поведения женщин) и магических амулетов объясняется элементарным страхом перед возможным голодом и иными несчастьями.

Касаясь кочевых народов Азии, прежде всего тюрко- и монголоязычных, равно как и их отдаленных предшественников, данные о которых можно почерпнуть разве что из древних китайских текстов, следует сразу же заметить, что их религиозные представления и мифология складывались под влиянием как местных аборигенных народов Сибири, так и Китая, с которым у всех них издревле существовали достаточно тесные контакты. Уже на примере соседних с Китаем тунгусов было обращено внимание на то, что высшим божеством они — как и китайцы, по меньшей мере, с рубежа II—I тысячелетий до н. э. — считали небо. Небо было высшим божеством монгольских и протомонгольских народов. Хунну, ухуани, кидани и монголы почитали его как высшую сверхъестественную силу (*монг.* — Тенгри). Наряду с небом обычно почитались также Солнце и Луна, звезды и прочие светила. Из животных монголы и их предшественники выделяли коня и оленя, почтение к которым явно имело тотемные корни, но также было тесно связано и с образом жизни обитателей бескрайней степи. Картина мира этих народов сильно усложнилась в позднем средневековье, во времена владычества монголов, которые резко возвеличили культ неба, стали уделять большое внимание культу предков и особенно Чингис-хана. Знакомство с буддизмом (ламаизмом) ввело в монгольский пантеон ряд высокопочитаемых божеств. Немалое внимание уделяют монголы шаманам и их представлениям о космогонии, весьма неоднозначной и во многом заимствованной у оседлых соседей, с которыми монголы, как известно, вступили в тесный контакт. Человек, по представлениям монголов, имеет несколько душ. Телесная душа после смерти остается с трупом, а духовная душа покидает его. Души умерших грешников становятся злокозненными демонами. А загробный мир — в подземном царстве, где есть место и аду.

Тюркоязычные народы, включая прототюрков, близки по представлениям о мире к монголам и их предшественникам. Верховное божество у них тот же Тенгри. Однако есть и разница. В некоторых

западнотюркских прото- и раннегосударственных образованиях это божество имело антропоморфный облик и именовалось Тенгри-хан. В древнеуйгурских текстах правитель-каган тоже уподоблялся Тенгри. Богиней плодородия считалась Умай, которая, как полагали, была похожа на уйгурскую царицу-катан. Мир делился на три уровня, причем в верхнем господствовали Тенгри и Умай, божеством среднего мира (земли-воды) считался Йер-су, а в нижнем, подземном, властвовал Эрклиг-хан, враждебный верхнему миру. Кроме всего, тюрками почитаются Солнце и прочие светила, а также Земля, которая, как и у монголов и китайцев, представляется огромным квадратом.

Генеалогические мифы связывают происхождение тюрков с волком (после ожесточенной битвы выжил лишь мальчик, которого воспитала волчица, ставшая затем его женой). От десятирех сыновей волчицы впоследствии возникли основные тюркские роды. Главным был Ашина, потомки которого поселились на Алтае. Тюрки признавали мир духов, считая многих из них вредоносными. Посредником между этим миром и людьми считался, как то было обычно для народов Сибири, шаман. Впоследствии многие тюркоязычные народы приняли ислам, другие (например, чувашаи) — христианство, что усложнило и кое в чем изменило их прежнюю мифологию. Но вера в духов осталась, как остались представления о многослойном мире и древний миф о происхождении тюрков от волка, что отражает тотемистические воззрения далекого прошлого.

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ ЕВРОПЫ

Многие народы финноугорской, индоевропейской и иных языковых семей вошли в тесный контакт с развитыми цивилизациями Европы или стали частью европейских держав сравнительно поздно. Неудивительно, что у них сохранялось до недавнего времени немало пережитков ранних религиозных верований, которые были в свое время тщательно изучены антропологами и о которых теперь — в силу необходимости очень сжато — будет сказано лишь самое основное.

Финноугорские народы (коми, мари, удмурты, карелы, эстонцы, финны, венгры и др.), уровень развития которых сегодня далеко не одинаков, имеют некоторые общие представления, уходящие в сравнительно недавнее для них первобытное прошлое. Конечно, ни финнов, ни венгров, ни эстонцев, да и других из числа только что назван-

ных народов сегодня к числу отсталых не причислишь. Но общее у них с прежними финноугорскими народами, например, с муромами и чудью старых русских летописей, есть. И именно об этом общем прошлом и пойдет теперь речь.

Космогонические мифы финноугорских народов в деталях не совпадают, но в общем и целом дают примерно сходную картину. В них, в частности, утверждается, что божество-демиург (разные народы называли его по-своему) обычно создавал землю с помощью божественной водоплавающей птицы из дна океана или — иной вариант — из яйца. В них же рассказывается, что мир состоит, как и у соседних с ними тюркских и ряда иных народов, из трех основных ярусов, скрепленных осью, деревом или горой. Верхний ярус — небесный с его высшими богами, следующий — земной, где обитают люди, духи и некоторые божества, а нижний — подземный, в котором расположено царство мертвых и хозяйничает божество зла со своими злыми духами. В мифологии саамов, живущих на севере Скандинавии, представлен немалый пантеон богов. Среди них на первом месте — божество солнца Пэйве, от которого зависит благополучие людей, божества ветра и грома, богиня весны и плодородия Рананейда, божество охоты и богиня оленей, бог подземного мира Рота. В мифах близких саамам коми в качестве верховного божества и демиурга выступает Ен, удмурты почитают верховное божество Инмара, марийцы — Кугу-юмо.

Из числа финноугорских народов лучше всего изучены финны, ныне входящие в число высокоразвитых и достаточно давно уже принявших христианство народов Запада. Благодаря усилиям специалистов хорошо известно сравнительно недавнее прошлое финнов и находящихся чуть севернее их жителей Лапландии, лопарей. Не вдаваясь в подробности, обратим внимание на то, что все верования, обряды и космогонические представления их примерно те же, что и у других народов этой широко расселившейся языковой семьи, хотя встречаются и различия.

Начнем с того, что финские поверья придавали большое значение колдунам и ведьмам, которым приписывалась сверхъестественная сила, в частности умение «нагонять ветер». В средние века скандинавские моряки побаивались финских колдунов за эти их способности. А лопари и в особенности лапландские ведьмы еще больше славились своим черным искусством и тоже нагоняли на людей страх. Большое внимание древние предания уделяли душам

людей. Прежде всего стоит принять во внимание данные скандинавских легенд, которые утверждают, что финны, уснув, могли посылать свои души на несколько дней в далекие путешествия с тем, чтобы, возвратившись, они приносили их обладателям нужную информацию. Но это о живых людях и их как бы живых душах. С мертвецами и их душами дело обстояло иначе. Финны боялись духов умерших, считая их злыми существами, и полагали, что они живут вместе с телами умерших под землей. Подземный мир мертвых был похож, в их представлениях, на земной, но при этом все предметы и существа этого мира были безобразны. Разумеется, покинуть этот страшный мир никто не мог, ибо его тщательно охраняли (по различным версиям) Мана или семейство Туони с железными когтями. В финском эпосе «Калевала» немало сказано об этом подземном мире умерших, который смог посетить только один великий герой. Считалось также, что духов умерших людей могли видеть всемогущие колдуны, тогда как обычным людям эти духи являлись только во сне.

Космогонические мотивы у самих финнов скудны, но оригинальны. Известен рассказ о том, как Ильмаринен, культурный герой и демиург-кузнец, выковал из тончайшей стали небесный свод и вставил в него солнце, луну и звезды (правда, они сначала не светили, так что другому демиургу, Вяйнямейнену, пришлось добывать настоящие светила у похитившей их небесной красавицы Похьелы, за которую затем оба героя спорили, желая взять ее замуж). Богом неба считался Укко, который держал на себе небо и все, что было на нем. Одновременно он был громовержцем. Кроме того, время от времени, особенно в темноте, он посылал на землю молнии, а также считался божеством облаков и повелителем ветров. К нему обращались с молитвой, прося о дожде и об урожае. К слову, об урожае. Мать-земля (Маа-эмо или Маан-эмо) очень почиталась, практически обоготворялась у финнов, также как и у эстов, и у лопарей. К ней обычно обращались с мольбами о том, чтобы она придала силу пашне и способствовала росту трав и колосьев, а также иных плодов.

Индоевропейские народы. Большая часть народов неантичной Европы принадлежала (как, впрочем, сами античные греки, а затем и римляне) к различным слоям индоевропейской языковой семьи. Народы этой семьи заселяли европейскую землю волнами и размещались в разных частях континента, не будучи связаны друг с другом либо имея лишь случайную последовательную связь, как это было с древ-

ними греками. Оставляя античных греков и римлян в стороне, как и предшествующих им носителей той самой западной культуры, что привела к отделению Запада от Востока (после эпохи античности здесь большую роль стало играть западное христианство), обратим внимание на наиболее ранние слои индоевропейцев в Европе.

К их числу относятся, в частности, **кельты** — группа племен Средней и Северной Европы, соприкасавшаяся уже в III тысячелетии до н. э. с протоантичным миром, но сохранявшая вплоть до христианизации собственные религиозные представления. О религиях кельтов и особенно о жрецах-друидах, их высшем социальном слое (касте?) известно довольно много. О них обстоятельно писали еще Цезарь и другие античные авторы. Считалось, что в многочисленных племенах кельтов, населявших Иберию, Галлию, Британию и другие европейские земли, в ведении занимавших высокое социально-политическое положение друидов находились и религия, и правосудие (самым страшным наказанием считалось отлучение от обряда жертвоприношения — отлученного все бойкотируют), и медицина, и образование. Друиды в своей повседневной деятельности большое внимание уделяли различным видам магии и, судя по известным о них данным, в чем-то походили по статусу на древнеиндийских брахманов и древнеиранских магов, что не должно вызывать удивления, если обратить внимание на общность происхождения сравнительно ранней волны народов индоевропейской языковой семьи. Стоит обратить внимание и на то, что из других стихий друиды особо выделяли огонь, хотя почитали и воду, ветер, землю. Вообще же знания свои друиды хранили только в устной форме, и потому многое о них неизвестно.

Судя же по тому, что известно, кельтские жрецы-друиды приносили кровавые жертвы трем основным божествам — Тевтату (видимо, богу войны; жертвы ему топились в воде), Езусу (возможно, галльский бог лесов; жертвы ему вешали на дереве) и Таранису (богу грома, в честь которого жертвы сжигались). Существовало и множество иных божеств более низкого ранга, часто племенных. Жреческая корпорация друидов имела хорошо сплоченную организацию, избирала своего предводителя и принимала в свои ряды только тех, кто проходил долгую и трудную подготовку, включавшую изучение наизусть всех их гимнов и заклинаний, знание всей их изустно передававшейся мудрости. Не вполне ясно, допускались к этому все желающие или только принадлежавшие к слою друидов и, быть может, иным привилегированным слоям кельтского общества. Но известно,

что в числе друидов бывали и женщины. Жрецам при исполнении их функций помогали служители-эвбаги (возможно, это были кандидаты в друиды) и певцы-барды. Как и все жрецы, друиды были освобождены от воинской и всех иных повинностей.

В центре религиозных представлений друидов было, по словам Цезаря, учение о бессмертии души и о связанном с ним переселении ее по смерти кого-либо в новорожденного. Иногда полагают, что это влияние пифагорейцев, хотя это не более чем предположение. Насколько известно, перемещение душ (метемпсихоз) было у друидов свойством немногих, отмеченных особой миссией. Однако сам факт существования подобной идеи заслуживает внимания и заставляет ставить вопрос о влиянии и происхождении ее. Это тем более оправдано, что по кельтским представлениям умершие отправляются на северные острова. В то же время где-то на западе были острова для немногих, где время остановилось и царят молодость и изобилие, т. е. существует своего рода рай.

Среди мифов и преданий кельтов большое место занимают волшебные или обожествленные животные. Есть и почитаемые культурные герои, рассказы о битвах с другими народами, да и многие другие легенды, сохранившиеся до наших дней. Мифологии друидов известно мировое дерево (вообще у кельтов существует культ деревьев, а само слово «друид» произошло от корня «дуб» — «dru»). Упадку друидизма, как и вытеснению кельтов, способствовали римляне с их победоносными войнами, а также прибывшие в Европу германцы.

Германцы, появившиеся в средней Европе как бы на смену кельтам (на севере Европы, в Скандинавии, они существовали и ранее, еще за несколько веков до н. э., параллельно с кельтами), тоже принадлежали к одной из волн индоевропейцев. Ранние верования германцев-скандинавов, восходящие, судя по данным археологии, к концу II тысячелетия до н. э., почитали божеств грома (Тор), плодородия (Фрейр) и ряд других, но постепенно на передний план вышел бог Один, ставший во главе пантеона. Позже, с распространением германских племен в средней Европе, где они потеснили сначала кельтов, а затем и римлян, Один (Водан) стал олицетворением высшей власти, мудрости, воинской силы и магии, которой германцы придавали очень большое значение. В сохранившихся до наших дней больших сводах германского героического эпоса («Старшая Эдда», «Младшая Эдда» и др.) есть много мифических преданий о взаимоотношениях божеств друг с другом. С каждой из заметных божественных персон связаны

различные предания. Есть и эпические сказания о борьбе с некими великанами и иными врагами.

Космогонические мифы различны и тесно связаны с эсхатологией. У скандинавов мир возник будто бы от взаимодействия воды и огня с холодом, после чего погиб от пожаров и наводнений, но затем возродился. Позже у германских племен стал привычным миф о расчленении великана Имира, из частей тела которого были созданы небо и земля, после чего боги поставили землю на место (видимо, подняв ее из океана), создали небесный свод с солнцем и луной и людей (мужчину из ясеня, женщину из ольхи). В мире возникло нечто вроде золотого века в рамках упорядоченного космоса, после чего вскоре, однако, вновь наступил хаос, олицетворенный смертью (имеется в виду прежде всего коварное убийство красавца и мужественного воина Бальдра, сына Одина, которое подстроил трикстер Локи, соперник Одина) и началом войн между богами. Мир погиб, но затем возродился вновь.

В германской мифологии важное место занимает идея мирового дерева, связывавшего землю, где живут люди, с небом, где находятся боги, а то и рай для героически павших воинов, и с подземным миром, царством мертвых для обычных смертных. С этим древом тесно связаны богини судьбы валькирии на небе и норны в подземном мире. Для германской мифологии в целом характерны мрачные ноты и полные ужаса предзнаменования либо пророчества — достаточно напомнить об эсхатологии. Боги все время борются с враждебными им силами, в том числе с подземными хтоническими чудовищами и вообще со всякой колдовской нечистью. Достаточно напомнить о знаменитом и положенном на музыку Р. Вагнером мрачном эпосе про кольцо нибелунгов с наложенным на него проклятием принести смерть всякому, кто им завладеет. Неудивительно, что хотя добро в конечном счете побеждает, ни в одном из эпосов не дается это так дорого, как в германском.

Славяне — последняя и наиболее поздняя волна индоевропейцев в Европе. В отличие от германских, их древних текстов (если они были) не сохранилось. В историю описания славян вошли сравнительно поздно, в основном уже после падения Рима. Выявляются индоевропейские корни и параллели. Но есть немало и своеобразия. Верховное божество у славян бог грозы Перун. Известны также другие божества — покровитель скота Велес, бог солнца Яровит (Ярило) и некоторые другие. Почитается Мать сыра земля как высшее женское божество. В честь божеств славяне воздвигали их грубо выделанные

изображения, обычно в форме деревянных идолов, тех самых, что велел снести в момент крещения Руси князь Владимир.

Общеславянские термины «бог» (богатый, убогий), «бес» (беситься, бешеный) не нуждаются в пояснениях. Многие сказочные персонажи (от Кощея до Соловья-разбойника и Бабы-яги), не говоря уже о домовых, леших, русалках и т. п., также восходят к мифологическим преданиям и героическому эпосу древних славян. Знакомы эти древние мифы и с идеей мирового дерева, с идеей души и духа, воскрешения (живая вода). Для славянских мифологических представлений характерны многочисленные противопоставления (небо-земля, суша-море, огонь-вода, день-ночь, солнце-луна и т. п., вплоть до чёт-нечёт). Известны различные праздники, особенно в честь божеств плодородия (весны-Костромы, Ярила). А вот мертвецов, особенно чужих, славяне боялись и считали нечистыми.

Завершая рассказ о религиозных представлениях первобытных народов, а также ранних протогосударственных и племенных образованиях, включая неантичную и нехристианскую часть Европы, важно еще раз подчеркнуть, что сказано обо всех них весьма сжато. Целью было дать лишь самое общее представление о том, как воспринимали себя в мире люди, жившие в различных условиях, в разное время, но находившиеся на примерно одинаковом уровне развития. Стоит обратить внимание на то общее, что фиксируется в представлениях о мире у многих разных народов, и связать этот факт с упоминавшимся выше распространением идей по ойкумене, которое обычно именуется «диффузией культур». Это движение идей было неостановимым, несмотря на то, что давалось оно подчас нелегко. Необходимо в этой связи специально подчеркнуть, что оно никогда не стояло на месте, пусть даже на него уходили долгие тысячи лет. И именно благодаря этому все народы мира, которые по своему уровню развития и условиям жизни могли воспринять все самое существенное из расходящихся по планете идей, обычно делали это. Естественно, что они нередко воспринимали лишь самое основное в идее, ее главную суть, тогда как форму эта идея могла обретать другую, соответствующую ситуации и более близкую тому либо иному воспринимающему новому народу. Это хорошо видно из того, что было рассказано в данной главе. Это же относится и к следующей главе.

Глава 5

Ранние религиозные представления (часть вторая)

*Первобытная Африка • Мифология и космогония народов Африки
• Индейцы Северной Америки • Индейцы Южной Америки*

Являясь, по крайней мере тематически, продолжением предыдущей главы и затрагивая те же проблемы верований первобытных народов и населения очень ранних протогосударственных образований, эта глава все же существенно отличается от нее. В ней пойдет речь о двух больших континентах, на протяжении длительного времени практически оторванных от других. Речь не идет о полной изоляции. Напротив, контакты и с Африкой, и с Америкой у ее соседей почти всегда существовали, хотя и не были регулярными. Но в данном случае существенно иное: подавляющее большинство этнических общностей, о которых пойдет речь, не слишком много получили от такого рода контактов. Эти общности существовали, контактируя — да и то далеко не всегда, особенно в Африке, — лишь друг с другом.

Эти общности всегда были, особенно в Африке южной Сахары, гигантской и почти однородной глыбой, неким кажущимся едва ли не вечным океаном первобытности, с лишь изредка, в основном начиная с эпохи средневековья, на небольшое время возникавшими на нем и обычно вскоре исчезающими островками очень слабо развитой ранней

урбанистической политической структуры. Важно отметить, что только об этом океане, оставив в стороне прежние «островки» и насажденные колониализмом урбанизм и государственность, и будет идти речь в данной главе. Ведь Африка по меньшей мере с XIX в., если не ранее, стала заповедным местом для работы как миссионеров, так и в гораздо более серьезной степени антропологов, стремившихся на примере африканских народов ознакомиться как можно полнее с образом жизни и мировоззрением первобытных людей.

Несколько иначе обстояло дело с Америкой, которая после Колумба на севере подверглась интенсивной колонизации со стороны выходцев из Европы, а в южных районах — столь же энергичной и практически насильственной миссионерской христианизации, сопровождавшейся уничтожением всего «языческого» наследия прошлого многочисленных народов, населявших некогда нынешнюю Латинскую Америку (антропологов тогда не существовало). И хотя кое-какие сведения об этом «языческом» наследии были собраны немногочисленными специалистами, понимавшими и ценившими его значение для науки, этого оказалось крайне мало. В основном сведения о прошлом доколумбовой Америки сейчас добываются археологами, а археологический материал специфичен. И если не считать остатков, а то и почти целиком сохранившихся монументальных храмовых сооружений (которых, кстати, достаточно много) подчас с красочными и немало интересного показывающими изображениями, чаще всего барельефными, то сведений о мировоззрении и религиозных представлениях древних народов археология дает немного.

Впрочем, в общем и целом этих сведений за последний век добыто не так уж и мало. Они вполне могут дать представление о ранних урбанистических цивилизациях доколумбовой Америки. Многие североамериканские индейцы (это менее характерно для юга Америки, почти целиком обращенного в католичество) сохранили древние традиции. А традиционные религии в Африке южнее Сахары сегодня исповедует третья часть населения, сохраняя почти полностью мировоззрение отдаленных предков. Вот об этих африканцах и американцах и пойдет речь. Начнем с африканцев.

ПЕРВОБЫТНАЯ АФРИКА

Вародов в Африке много. Считается, что здесь существует несколько тысяч языков. И пусть на некоторых из этих языков говорят лишь немногие, каждый из них — это первый признак существования особой этнической общности, большинство которых мало знают о соседях и обычно имеют собственные представления об окружающем мире, о жизни и смерти, о человеке и его душе, о взаимоотношениях людей и животных, о живущих и давно умерших предках и т. п. Разумеется, говорить обо всех (даже приняв во внимание, что из рассмотрения будут исключены те, кто ныне принял чужие современные религии) нет возможности, да и необходимости. Достаточно привести в качестве примера некоторые из оставшихся нетронутыми в религиозном отношении общностей, чтобы картина в целом стала ясной. Сначала приведем некоторые данные из истории тех народов, которые принадлежат к самым отсталым.

В Африке это, как известно, бушмены и готтентоты*, обитающие в юго-западной части континента. Они объединяются в локальные группы во главе с лидерами, которыми нередко становились колдуны-знахари. Главная форма религиозных представлений бушменов — анимизм с одухотворением всего окружающего мира, начиная с душ умерших людей и обожествленных мелких животных вроде кузнечика-богомолы (Цагн), который считается героем мифологических преданий, имеет массу сакрализованных родственников среди других животных (его женой считается крольчиха, сестрой — цапля и т. п.) и кончая небесными светилами. Богомолу Цагну молятся в случае засухи. Бушмены и готтентоты всегда боялись покойников, но почитали души умерших. Мифология бушменов очень примитивна, но небезынтересна. Считается, что небесные светила и животные некогда были людьми. Несколько вариантов имеет миф о солнце. То это человек, поднимающий руку, — а подмышка его и является солнцем. То рассказывается об отрубленной голове человека-огня, которая и стала светилом: когда ее отрубили и насадили на палку, появилось солнце, которое рыщет по небу, пытаясь найти свое тело. Луна — это заброшенная кем-то в небо полусожженная сандалия.

* Сказанное ниже в основном касается бушменов; готтентоты уже почти вымерли.

Интересны практика захоронений и связанные с ней анимистические воззрения готтентотов. Специалисты зафиксировали, что при похоронах кроме могилы для тела сооружалась и могила для пребывания души покойника, которая являлась объектом культа. Ей приносили жертвы.

Другая группа наиболее отсталых этнических общностей — пигмеи, жители лесов Центральной Африки. Они почитают лесного духа, который считается хозяином всей добываемой ими дичи, и своих тотемных предков, в числе которых различные животные и растения. Им знаком обряд инициации, во время которого мальчики проходят через ряд тяжелых испытаний и как бы приобщаются к магической силе, столь необходимой охотнику.

Остальные жители негритянской Африки находятся на различных уровнях развития, но, как правило, уже знакомы с примитивным мотыжным земледелием, а в восточной части, близ саванны, и с более или менее развитым скотоводством. Среди различных этнических групп, о которых идет речь, весьма распространены анимистические представления и тотемизм, совмещающийся с пищевыми и иными запретами. Большую роль играет фетишизм, т. е. вера в то, что некоторые предметы либо искусственно созданные изображения, амулеты, талисманы имеют магическую силу, способную спасти их обладателя или помочь ему в трудную минуту. Зона особенно сильного распространения фетишей — северная часть побережья Гвинейского залива и прилегающие к ней регионы.

Всюду в Африке очень активно действуют колдуны. Особо выделяются специалисты по причинению вреда: это нечто вроде русских ведьм, которые, по поверьям, чаще всего орудуют по ночам, и знахари. Есть народы, считающие что некоторые люди обладают исключительными врожденными способностями — тсав. Однако приобретают свои преимущества они за чужой счет. Естественно, таких тсав не любят, им часто завидуют. Распространены почти всюду обряды инициации, прежде всего для мальчиков, которые осуществляются везде по-своему, но в общем примерно одинаково.

Погребальный обряд выглядит у разных народов по-своему. Но везде ему придают немалое значение, ибо он тесно связан с отношением к мертвым (покойников побаиваются не только примитивные бушмены) и к культу предков. Хоронят человека на второй–четвертый день после смерти. Иногда похороны сопровождаются проверкой чистоты покойника: нет ли в нем злого начала (речь не столько

о тсав, сколько о ведунах-ведьмах). Существуют разные методы выявления злых сил, в основном манипуляцией внутренними органами умершего. Если оказывается, что покойник не вполне чист, его труп могут сжечь или похоронить в особом месте. В любом случае после похорон бывает небольшая трапеза. В случае необходимости участники похорон проходят через обряд очищения.

Дело в том, что африканцы едва ли не более всего верят в злых духов и ищут их повсюду. К числу злых духов многие относят только что умерших (даже независимо от того, прошел ли он проверку на «чистоту»). Боятся только что умершего потому, что, как считается, его душа еще не достигла тех сакральных мест, где она могла бы упокоиться. А пока она находится где-то рядом, то может причинить вред окружающим. Поэтому ее нужно опасаться. Бывает даже, что душа умершего не просто вредит, но и может вселиться в человека помимо его воли. Именно такие несчастные становятся теми колдунами-ведунами, которые причиняют людям вред. Считается, что злой дух действует по ночам, когда человек, в которого он вселился, спит. Вредит он всем, начиная с близкой родни того, в кого вселился. Справиться с ним очень не просто; этим обычно ведают специальные знахари, владеющие искусством магии. Иногда для охоты за злым духом по ночам устраиваются мрачные церемонии: все мужчины поселка раздетыми бегают с дикими воплями, пугая друг друга. Считается, что тот из них, кто, обессилив, упадет первым, и является вместилищем злого духа. Его избивают, иногда до смерти, а кровь служит верным доказательством, что злой дух уничтожен.

Сложная проблема почитания мертвых предков, которая у различных народов выглядит по-разному, трактуется специалистами как существование неодинаковых форм культа предков. У одних он едва заметен, у других вполне развит, а у третьих является своего рода привилегией, показателем некоей важности данного клана (количество предков в таких случаях измеряется числом заботливо сохраняющихся их черепов, иногда до двадцати). Как правило, предки почитаются как покровители клана. Считается, что духи умерших предков находятся неподалеку и следят за соблюдением традиций. В честь предков, особенно недавно умерших, совершаются обряды, им приносят жертвы, а в обмен буквально требуют от них помощи и содействия во всем, вплоть до бытовых мелочей. Иногда существуют специальные колдуны-посредники, призванные помочь в общении с умершими предками. Впадая в транс после ритуальной пляски, они, как

считается, могут вступать в контакт с умершими и способствовать передаче просьб и благодарностей, что обычно делается в дни специальных общедеревенских обрядов в честь такого события.

У ряда народов Центральной Африки к предкам относятся с глубоким почтением и считают, что в случае несоблюдения кем-то правил поведения, нарушения традиционных норм старший в семейной либо общинной группе вправе официально обратиться к умершим предкам с просьбой сделать соответствующее внушение и даже наказать провинившегося. При этом духов предков наделяют чудодейственной силой, фактически приравнивая их к божествам. Духи предков могут вызвать необходимый дождь, способствовать росту растений и т. п. Народы Западной Африки обращаются к духам своих предков с просьбами о защите от злых духов и о покровительстве в момент начала сельскохозяйственных работ, перед охотой и т. п.

У народов ашанти, достаточно развитых на фоне остальных, считается, что духи предков существуют где-то рядом с живущими их потомками, что следует всегда заботиться о них и помогать им в меру своих сил и возможностей. Эти духи считаются как бы хранителями древних традиций и своего рода гарантами благосостояния потомков. Они охраняют землю, а любые земледельческие работы начинаются с принесения им жертв. Культ предков у ашанти обычно прежде всего принимает форму торжественного ритуала в честь умерших вождей, причем этот ритуал совпадает с обрядом всеобщего очищения от всяческой нечисти и с праздником урожая. В конфедерации ашанти существует золотой трон, на который не полагается садиться даже вождям, ибо этот трон считается вместилищем души всего народа и обеспечивает ему заботу со стороны умерших предков.

Имелись и имеются у народов Африки и некоторые представления о реинкарнации. У тех же ашанти, у племени куба в Заире, равно как и у многих других народов существуют представления, что души мертвых, побывав сначала в мире духов или в подземном царстве, затем могут вселиться в новорожденного этого же племени либо сначала в тело какого-либо животного, а после гибели его — в новорожденного ребенка.

Для большинства африканских племен характерно существование мужских союзов, этаких своеобразных клубов, в которых прошедшие через обряд инициации молодые охотники и воины общаются со взрослыми мужчинами своего коллектива и получают от них

множество ценных сведений не только о том, как воевать или охотиться, но также и об окружающем мире духов и о нормах поведения. В мужских клубах такого рода тоже уделяется внимание проблеме умерших предков. Существует весьма сложный ритуал поклонения общим предкам, который объединяет всех членов союза. Ритуал бывает весьма длительным и сложным.

Обычно в назначенный день все собираются в священной роще, руководитель ритуала обращается с молитвой к предкам, причем строго по порядку: сначала к давно умершим, затем к умершим недавно. Приносится в жертву домашнее животное, например овца, из которой тут же готовят еду. Лучшая часть — сердце — оставляется у дерева предкам, затем остальное съедается участниками ритуала. После этого с песнями и танцами участники ритуала в масках идут в свою деревню. Вообще практика хождения в масках является неотъемлемой частью действий членов мужских союзов. Маски надеваются не столько с целью сохранить инкогнито, сколько ради того, чтобы припугнуть нарушителей нормы или запугать местное население.

Иногда такие союзы вырастают численно за счет объединения с аналогичными соседними. В этих случаях несколько меняется смысл их деятельности. Из носителей эзотерических сведений, предназначенных только для своих, они превращаются в некие карательные отряды. Существуют и женские союзы, а иногда и смешанные, отличающиеся подчас свободой нравов и обычно связанные с культом плодородия.

В наиболее развитых этнических общностях, как, например, у йоруба, такие мужские союзы объединяются порой в могущественные тайные общества во главе с правителями соответствующих городов-государств. А в сравнительно недавние колониальные времена такого же рода союзы, как Мау-мау в Кении, превращались в организованную основу антиколониального сопротивления. Считалось, что у тайных обществ и тем более у их мощных объединений существуют свои духи-покровители. Они карают отступников, выдавших тайны, защищают членов обществ от всяких невзгод. Нередко именно они изображаются в виде используемых членами обществ масок, которым приписывается магическая сила.

В обществах, о которых идет речь, большую роль играют религиозно активные деятели типа жрецов. Это еще не те жрецы, которые в развитых урбанистических структурах обычно обслуживают

посвященные богам храмы либо разрабатывают священные предания, как то было свойственно, например, индийским брахманам. Это скорей колдуны и маги заметного масштаба, руководящие большими религиозными праздниками или иными ритуалами и магическими обрядами, например вызыванием столь необходимого всем дождя, защитой от вредоносных влияний, помощью в излечении недугов. Существует несколько категорий таких жрецов, причем большая часть фактически являются обычными колдунами-знахарями. Иногда жрецы высшего ранга становятся исполняющими обязанности вождя. Вообще, едва ли не все вожди, которых специалисты иногда именуют царями, так или иначе связаны с жреческими функциями и исполняют роль первосвященников. В этом смысле их власть следует рассматривать как власть теократов, но не администраторов, ибо администрации как таковой ни у кого из них, как правило, не бывает.

Обратимся теперь к некоторым верованиям и преданиям, характерным для большинства африканских народов. Кроме культа предков и отношения к покойникам, о чем уже немало было сказано, их есть еще великое множество, причем существуют как общие почти для всех, так и, естественно, такие, которые принадлежат фантазии отдельных народов, в том числе и едва ли не в первую очередь наиболее развитых среди остальных.

К более или менее общим стоит отнести издревле сложившиеся представления о необходимости бережного отношения к воде, которой в жаркой Африке всегда было недостаточно. Имеются в виду и сакральное отношение к большим и малым водоемам, духов которых африканцы стремились умиловить, и культ подземных вод, и мольбы о дожде. С большим почтением африканцы относятся также к обрабатываемой ими земле и к тем сакральным территориям, которые используются для проведения религиозных обрядов и потому не должны быть потревожены. Это благоговейное отношение — особенно в том, что касается пахотных полей, — вызвано не столько нехваткой пространства, сколько скудностью бедной гумусом африканской выжженной солнцем земли. У некоторых народов принято, в частности, за право обрабатывать свои участки приносить жертвы ее местному духу. В лесистых районах с таким же почтением относятся к лесу, в районах пастбищ — к траве. А скотоводческие племена относятся с должным почтением, иногда почти с благоговением, к своему скоту, особенно к некоторой его части, к животным, скажем, редкой белой масти. Пиетет, связанный с отношением к при-

роде и источникам пищи, не исключает, разумеется, того, что эту пищу активно потребляют. Само собой разумеется, что для прокорма приходится рубить деревья и очищать почву от трав, потреблять не только молоко, но и мясо рогатого скота, но это ни в коей мере не означает, что все подобное можно делать безалаберно и без учета реакции многочисленных духов. Иногда скот закалывают лишь в форме ритуальных обрядов.

К верованиям более или менее общего характера у ряда народов Африки, например в регионе лесной Гвинеи, относятся представления о некоем высшем божестве, известном у разных этнических групп под различными именами. Божество, о котором идет речь, обычно не вмешивается в людские дела и почти никак себя не проявляет. Но к нему обращаются с мольбами в особо сложных ситуациях. Вообще здесь, в сфере отношения к божествам, много необычного. У некоторых народов побережья Гвинейского залива существует поверье, что мир вокруг них делится на сакральный, предназначенный для духов, и реальный, где обитают люди. Граница между мирами не очень определена, так что люди иногда могут попадать на территорию духов и даже общаться с ними. Духи обычно благожелательно относятся к людям, так что контакт с ними людям не вредит. Существенно добавить к сказанному, что та часть мира, которая принадлежит людям, тоже не вполне одинакова. Освоенная человеком территория считается зоной порядка, окружающая ее неосвоенная — зоной хаоса. И люди, и духи временами посещают эту неупорядоченную зону, где они вступают в контакт. В то же время люди молятся, чтобы в упорядоченную зону духам доступа не было.

МИФОЛОГИЯ И КОСМОГОНИЯ НАРОДОВ АФРИКИ

У многих относительно менее отсталых народов Центральной Африки и, в частности, побережья Гвинейского залива существуют представления о верховном божестве-демиурге и соответствующие космогонические мифы. У ашанти таким божеством считается Ньяме, который сотворил, а точнее сплел Вселенную, за что получил почетное наименование Великого паука. Благодаря его стараниям возникли небо и солнце, дождь и люди. В одном из вариантов мифа о сотворении людей фигурируют две пары: одна спустилась с неба, другая вышла из земли. Но ни у одной

не рождались дети, пока посланный Ньяме питон не обрызгал водой животы всех четверых, после чего дети стали рождаться.

Ньяме очень почитают прежде всего за его умение обеспечивать землю дождями. Чуть ли не в каждом дворе растет «дерево Ньяме» с тремя обрезанными ветвями, под которыми стоят сосуды, куда стекает с дерева дождевая вода. Супругой Ньяме считается богиня земли Асасе Афуа, она же покровительница плодородия и вообще всего, что растет на земле. Среди их детей — божества рек Тано и Биа, а также боги озер и моря. Особо почитается Тано. Мифы повествуют об обнаружении Тано одним охотником на слонов, который как-то у незнакомой реки услышал таинственный голос. Это был голос Тано, велевший охотнику обвязать пальмы листьями одного из деревьев и вернуться через семь дней. Когда охотник пришел снова с людьми, которым он рассказал о происшедшем, все опять услышали голос Тано. Сестра охотника впала в транс и ушла от всех. Вернулась она через семь дней и объявила, что Тано просит людей жить возле его реки, что они и сделали.

У сравнительно развитых народов Бенина, а также у йоруба, догонов и бамбара, у населения Дагомеи мифология имеет немало перекликающихся мотивов, свидетельствующих о близости и заимствованиях. Народность бини, населяющая современную Нигерию, обожествляет своего вождя-оба и отличается немалым количеством почитаемых божеств. Верховный бог — Огбора, который со временем уступил свое место сыну Оса. Оба они некогда сотворили небо и землю, а потом уже Оса вместе со своим сыном создал людей. Жена злого божества молнии Огиву, который несет смерть, — дочь Осы добрая Обиеми, олицетворяющая материнскую заботу обо всем. К ней обращаются за помощью женщины, когда у них не рождаются дети. Божеством дождя считается Олокун, богиней земли и плодородия — Отау.

Крайне запутанны мифологические представления народа йоруба, издавна живущего большими общинами типа городов-государств и имеющего усложненные представления о мироздании. В частности, к ним относится мифологема о блужданиях различных душ умершего человека. Существуют даже союзы, посвященные культу воплощения духа умерших в живых. Таких «жителей небес» члены союза изображают в своих обрядах с масками. Почитаемых божеств (ориша) у йоруба много. Главным считается Олорун, «хозяин неба». Это — бог-демиург.

Казалось бы, именно он и должен был считаться все создавшим. Но на деле (как то и у бини) Олорун творил все вместе с созданным им (его сыном?) Обатала, которому затем передал и всю верховную власть. Обатала считается главой всех божеств-ориша; он создал из глины первых людей, мужчину и женщину. Ориша Одудува воспринимается то как его жена и помощница в деле творения, то как самостоятельное божество мужского пола. Во втором варианте у Одудувы женой была богиня океана Олокун. Эта пара породила божество железа и войны, выступала в качестве покровителей земледелия и вождей, но стоит заметить, что в тех же мифах Олокун выступает и как мужское божество моря. Если брать за основу первый вариант, то окажется, что Обатала с Одудувой породили бога земли и богиню рек, сын которой Йемоджи потребовал от матери выпустить на землю воду, образовавшую обширную лагуну. От Йемоджи появились на свет божества светил (солнца, луны), моря, гор, грома и молнии, растительности, плодородия, железа и кузнецов и др.

Еще один вариант творения исходит из того, что сушу и людей вместе с верховным Олоруном создавало божество Ориша Нла. Интересны мифологические предания о боге грома и молнии Шанго, который как-то сам по неосторожности сжег свой дворец и погубил семью. А в одной из групп народа йоруба чуть ли не главным божеством почитают покровителя кузнецов и божество железа Огуна, в честь которого устраиваются ежегодные церемонии с жертвоприношением.

В мифологии йоруба разобраться не так-то просто. В ней явно не хватает внутренней логики. Возможно, объяснение в том, что этот народ состоял из ряда практически самостоятельных групп, каждая из которых выбирала из общего пантеона своих божеств и объединяла их произвольно. Но в любом случае весьма интересно обратить внимание на то, как легко божества у этого народа изменяют свой пол и какая путаница в связи с этим возникает. Возможно, однако, что этот процесс был осознанным и что каждая из многочисленных групп йоруба брала из общего мифологического наследия лишь имена, создавая мифологические сказания самостоятельно, не обращая внимания на исходный пол божества. Частично это предположение можно отнести и к другим африканским племенам.

У дагомейских племен фон, обитающих по соседству с йоруба в Бенине, тоже существует общее наименование божеств — воду. Главным из них считается демиург Маву-Лиза, который создал все, включая и остальных воду, а потом устранился от дел, передав все важные функ-

ции другим. Старшие из них стали божествами земли, моря, грома. Как и у йоруба, одни и те же божества, начиная с Маву (женское начало)-Лизы (мужское), выступают в функции то богов, то богинь, да и действовали они в разных вариантах по-разному. То считается, что до Маву-Лизы ничего не было, то оказывается, что верховному божеству предшествовало породившее его другое. Как бы то ни было, но в конечном счете оказывается, что Маву-Лиза — это все же пара богов, породившая множество других воду — грома, охоты, железа и войны, питьевой воды, растительности, домашнего очага и даже посредника между богами и людьми. Но самое интересное в том, что одновременно и параллельно со всеми этими воду существовали другие их группы со своими главами — Согбо с потомством, имеющим отношение в основном к океану, бурям и т. п., и Сагбата. Заслуживает внимания, что дагомейцы сами выбирали из этого множества воду своего покровителя, пользуясь при этом некоей системой фа, особого языка воду, познаваемого для каждого с помощью специального обряда гадания, для чего обычно обращаются к профессионалам-гадателям*.

У западносуданских бамбара и догонов фиксируется склонность к мистической числовой и цветовой символике (семь — символ человека, белый — цвет предков и т. п.). Космогония бамбара исходит из того, что мир произошел от пустоты, способной двигаться, которая породила некие твердые вещества. Затем последовал мощный взрыв и возникла вибрирующая твердая масса, опустившаяся вниз и породившая некие знаки-символы, от которых отделилось сознание и обратилось к

* Религия воду — или вуду — заслуживает особого внимания. Дело в том, что вместе с вывезенными из Африки ее носителями, неграми-рабами, она нашла свою новую родину на острове Гаити, где эта религия в немного измененном виде получила довольно широкое распространение среди мулатов, которые составляют большинство местного населения. Характерной чертой религии вуду на Гаити стали религиозные обряды, исполняемые колдунами, чем-то напоминающими сибирских шаманов. Процесс камлания — если пользоваться шаманскими терминами — сводится к тому, что ведущий обряд колдун доводит себя до состояния транса. Это состояние в той либо иной степени передается всем участникам обряда, причем некоторые из них (видимо, лица с более слабой психикой, легко склонные поддаваться гипнотическому воздействию) доводятся порой до состояния невменяемости. Это состояние превращает их в зомби, причем оно порой длится довольно долго. Именно такая практика зомбирования сделала религию вуду на Гаити широко известной, в том числе и в наши дни.

вещам, дабы познать их. В ходе этого сложного и не очень ясного процесса возникли дух Йо с 22 элементами и таким же количеством витков спирали. Вот они-то и породили всех существ на земле, а также свет, звуки, действия и чувства. От Йо произошли также божества Пемба и Фаро. В одном из вариантов мироздания Пемба был демиургом и создал Фаро, который делал все остальное. В другом старшим был Фаро, который и создал семь небес, а Пемба, вращаясь вихрем семь лет, придал округлую форму земле. Фаро, Пемба и порожденная им злая богиня Мусо Корони организовали мир и научили людей пользоваться огнем, заниматься земледелием, говорить. Мусо, научившая людей обрабатывать землю, в то же время послала на землю зло, боль и смерть.

Даже по сравнению с весьма замысловатой и вызывающей неподдельный интерес мифологией и космогонией бамбара аналогичные взгляды близких к ним догонов необычайно интересны и оригинальны. Догоны представляют себе землю круглым и плоским диском, окруженным океаном, который с внешней стороны огражден изогнувшейся гигантской змеей, прикусившей хвост. В центре земли есть большой железный столб, который поддерживает находящуюся сверху за небом вторую землю. Каждая земля имеет свои солнце и луну. Солнце стоит на месте, а земной диск вращается вокруг столба. Согласно другой версии, все живое на земле произошло от союза небесного божества с земным. Все мироздание состоит из 14 ярусов — семь небесных и семь земных. Земля — первый ярус из земных, ниже — шесть подземных, где живут люди с хвостами. А на семи небесных живут люди с рогами, которые посылают на землю болезни и бросают камни. Еще одна версия космогонии догонов исходит из того, что мир создал Амма, который сначала породил зерно, чья семикратная вибрация привела к возникновению земли, которая, однако, из-за козней еще одного порождения Аммы, пожелавшего стать хозяином мира, оказалась вначале бесплодной. Последовал ряд приключений и превращений. Но в конечном счете Амма, принеся в жертву одного из своих первенцев, сделал землю чистой, создал небо и воду, духов, животных и растения, населил землю людьми. Этот процесс был нелегким и включал в себя спускание с неба ковчега, в котором находился сын Аммы Номмо со всеми теми, кому предстояло освоить безжизненную до того землю.

У восточных и южноафриканских бантуязычных народов, помимо божеств-демиургов, известных под разными именами и характеризующихся различными функциями, но при этом всегда считающихся

высшими, существует в пантеоне и множество иных. Обычно это владыки природных стихий (дождь, гром и молния, даже наводнение и голод) или культурные герои, научившие людей размножаться, возделывать поля и выращивать скот, породившие мир духов и давшие всему наименования. Специалисты-антропологи и религиоведы обращают внимание на то, что эти божества и культурные герои не пользуются слишком большой известностью и популярностью. Они воспринимаются как нечто отдаленное и даже абстрактное. А когда нужна действенная помощь, люди обращаются все к тем же близким им предкам. Да и к только что упомянутым божествам и героям предпочитают в случае крайней нужды апеллировать не самостоятельно, а через посредников — тех же предков или духов-покровителей, которые обычно имеются чуть ли не в каждой деревне.

Как видим, космогонические мифы достаточно развитых африканских народов до предела вычурны и подчас демонстрируют изощренную фантазию их создателей. В ряде случаев ощущается прямое заимствование — но всегда творческое, с внесением большого количества заново созданных деталей, с многочисленными вариантами.

ИНДЕЙЦЫ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Новый Свет заселялся сапиентными людьми, охотившимися в евразийской степной полосе еще в те времена, когда климат был теплее и эта охота с легкостью подводила бродячие группы охотников и собирателей к Беринговому перешейку, соединявшему континенты. Заселение Америки шло волнами, на протяжении нескольких десятков тысячелетий. За это время, естественно, многое изменялось, в том числе и в климатических условиях. Появился Берингов пролив, перейти через который можно было лишь зимой, что давалось не очень просто. Но, как бы то ни было, поток миграций и культурной диффузии долго не прекращался. Он остановился, насколько можно судить по данным современной науки, лишь между III и II тысячелетиями до н. э. Первая волна неолита с расписной керамикой (типа китайского Яншао — наиболее близкого к Америке азиатского центра развитого неолита) известна Америке, и именно ее культурные достижения позволили американским индейцам освоить множество открытий неолита, тогда как вторая волна, знакомая уже с гончарным кругом и одомашненным рогатым скотом (типа китайской поздненеолитической культуры Луншань), осталась

неизвестной американцам до прихода туда европейцев. Неизвестными были также плуг, колесо и достижения развитого бронзового века.

Тем не менее за тот срок, о котором идет речь, многие волны азиатских донеолитических бродячих групп и даже первые из переселенцев неолита стали жителями Америки и успели неплохо освоить весь континент. Некоторые специалисты считают, что к моменту открытия Америки европейцами там было около 500 разноязычных этнических общностей. На севере и юге жили сравнительно отсталые группы, причем именно о них пойдет речь в данной главе, тогда как о более или менее развитых урбанистических цивилизациях Мезоамерики, как ее обычно именуют специалисты, будет сказано особо.

Начнем с севера. Об эскимосах, живущих в обширном циркумполярном районе, включающем и северное побережье Америки, уже было сказано. Южнее их, в северных районах современной Канады, издревле обитало, а во многих случаях сохранилось и поныне множество этнических общностей и племен, часто говорящих на близких друг другу языках, что свидетельствует об определенном родстве. Среди них — оджибве, атапаски и ряд других. Еще южнее, в районе Великих озер, — группа племен, говорящих на диалектах ирокезского языка. Множество индейцев населяют резервации США: дакота, алгонкины, апачи, пуэбло и многие другие.

Едва ли не для всех жителей севера характерен более или менее развитый шаманизм, причем связи шаманов с миром сверхъестественного никем и никогда не подвергаются сомнению. Все явления природы наделяются невидимой магической силой, что сродни обычному анимизму. Иногда шаманы принадлежат к наследственной группе и передают секреты своего мастерства от поколения к поколению, реже в число шаманов могут попасть те, кого окружающие сочтут за ясновидящего. Главная функция шаманов — знахарская, но на них ложится и много других обязанностей, связанных с исполнением различных обрядов и ритуалов. Для выполнения всех своих многочисленных и часто непростых обязанностей шаманы и знахари обычно объединялись в союз манданов.

Среди шаманских лечебно-очистительных обрядов у северных индейцев большой популярностью пользовались своеобразные сауны, паровые бани, т. е. тесные хижины, где на раскаленные в печи камни лили воду. Влияние этих паровых бань на человека не нуждается в аргументации, но вполне логично, что шаманы приписывали ему решающее воздействие со стороны сверхъестественных сил.

У сравнительно отсталых племен Калифорнии, незнакомых с земледелием, шаманы и знахари не слишком много общались с духами, но зато умели использовать травы с галлюциногенными свойствами, что случалось лишь раз в жизни каждого, во время обряда инициации. При слаборазвитой мифологии калифорнийские индейцы имели весьма смутные представления о сотворении мира (в качестве демиургов выступали то антропоморфные, то зооморфные персоны) и загробной жизни.

Мифы о сотворении мира в той либо иной форме зафиксированы и у остальных индейцев. То два голубя вытаскивают травинку с комом земли из океана, то кусок земли вытащили несколько морских животных. А то даже некий культурный герой (Авонавилона у зуни) достает небо и землю из собственного тела, после чего на земле появляются животные и люди. В космогонических мифах демиургом часто выступает ворон Йель или другое животное, например норка, паук, кролик, койот. В мифологии несколько более развитых племен встречаются более распространенные рассказы о сотворении мира. У хопи был демиург Тайова, сотворивший себе помощников, в том числе Паучиху, создавшую из щепотки земли близнецов, которые ушли в разные стороны, чтобы уравновесить мир. И только после этого от отца неба и матери-маиса родились первые мужчина и женщина. У племен северо-западного побережья распространено представление о птице грома Тсоона, которая научила людей строить дома, ставить тотемные столбы в честь родовых предков (иногда они венчаются изображением самой птицы). У племени мохаве демиургами считаются старший сын неба и земли Матовелия и его младший брат Мастамхо, который, одолев нечисть, распределил среди людей землю и научил мохаве земледелию и гончарному ремеслу.

Вообще культурных героев в преданиях различных племен индейцев много, есть среди них и ловкие трикстеры, и зловещие великаны-людоеды, реже попадаются рассказы о пигмеях. Иногда встречаются упоминания и о перевоплощениях людей в животных, и о странствиях в другие миры.

В мифологии индейцев Северной Америки немало рассказов о миграциях. Делавары повествуют о пути с северо-запада континента на юго-восток, другие племена утверждают, что прибыли из-за моря, а у некоторых перемещения сопровождаются сказочными приключениями (есть племя, которое утверждает, что спустилось в долину Миссисипи со звезд). Во время миграций многие, особенно из индейцев

пуэбло, обзаводились своими духами-покровителями *качина*, способствовавшими плодородию. В принципе, у многих индейцев севера нет представлений о четко сложившейся системе богов и духов. Но зато практически все явления природы, как то свойственно многим отсталым народам, наделялись у них магической силой. Есть среди мифов земледельческих племен божества-покровители съедобных растений — маиса, фасоли, тыквы. Вообще духов-патронов и иных духов, как добрых, так и злых, у индейцев предостаточно. Существует даже некое общее представление о мире и природе как о сфере маниту, т. е. о чем-то не просто сверхъестественном, но о пространстве духов, о наполняющей всю природу безликой силе. Эту силу можно задобрить и заполучить себе в союзники — и тогда тебе будет сопутствовать удача. По мнению специалистов, это представление близко к понятию мана у островитян Океании, о котором уже шла речь.

Индейцы американского севера имеют также личных духов-покровителей, обычно приобретаемых во сне, во время видений в сауне или в процессе инициаций, сопровождавшихся нелегкими испытаниями с приемом наркотических травок. Любое животное, растение, не говоря уже об антропоморфной персоне, которые ему покажутся в этот момент, воспринимаются именно в качестве такого духа, причем не просто духа, но покровителя на всю жизнь. Соответственно устанавливаются особые отношения с этим зверьком или растением. Не приходится и говорить, что отношение ко сну в этой связи у индейцев полно доверия и почтения.

Что касается наиболее известных культовых отправлений индейцев, то из них важно отметить явно господствующий культ солнца (в меньшей мере — иных сил природы). Праздник в честь солнца (танец солнца) обычно устраивался в середине лета и сопровождался различными обрядами. Устанавливался высокий столб как символ солнца, а вокруг него — еще несколько столбов со скрепляющими их перекладинами. Вначале в отправлении этого культа основное участие принимали шаманы, члены знахарского союза манданов. Но со временем обряд широко распространился и стал поистине всеобщим. Собиралось множество людей, в том числе и специально приглашенных. Жертв, тем более кровавых, у индейцев Северной Америки обычно не было. Но во время танца солнца вскоре стало принято, особенно у мужчин, истязать себя, дабы приблизиться к некоему Великому Духу, кому-то вроде трансформировавшегося из идеи о маниту Высшего божества. С культом солнца со временем оказались

тесно связанными добровольные изуверские самоистязания, как, например, подвешивание себя к деревянной поперечине ремнями, просунутыми сквозь кожу и собственное тело.

Известны индейцам американского севера и иные культовые праздники. Так, большой популярностью пользуется культ четырех стихий (земля, огонь, вода и ветер), которые графически распределялись по сторонам света и имели каждая свой цвет. Схемы таких стихий чаще всего изображали на специально созданной культовой площадке с помощью окрашенного в соответствующий цвет песка. Возникал крест, иногда (например, у навахов) с дополнительными изображениями, что в целом напоминало свастику. Число «четыре» у индейцев имеет сакральный смысл.

Среди различных форм культовых обрядов выделяются танцы. Их было у каждого племени достаточно много, и все они отличались своими особенностями, не говоря уже о том, что сопровождались соответствующими песнопениями. Обрядом было и курение табака (вспомним трубку мира у Гайаваты). И наконец, несколько слов об обрядах, связанных с земледелием. Уже говорилось, что кровавых жертвоприношений индейцы американского севера не практиковали. Так бывало и при отправлении культа земли. Часто этот культ принимал форму собрания старых женщин деревни, обращавшихся к жившей на луне старухе, покровительнице земледелия, с просьбой об урожае. Но изредка в отдельных племенах, как, например, у пауни, пытались содействовать плодородию с помощью человеческой жертвы (тело девушки разрезали и закапывали куски в разных местах поля). Видимо, это следует считать пережитком далекого прошлого, исключением из обычной нормы.

Знахарский союз манданов призван играть определенную роль и в магических плясках, которые должны были содействовать успеху на охоте. Естественно, что и в случае военных столкновений аналогичные обряды практиковались все теми же шаманами из союза манданов. Следует заметить, что этот союз у индейцев относился к числу широко известных в местах (в частности, в Меланезии или в Африке), где были распространены мужские тайные союзы. Тайственность была не в самом факте существования союзов такого рода, о чем все хорошо знали, но в эзотерическом характере всего того, что происходило внутри каждого тайного союза. Разумеется, в различных частях света деятельность внутри союзов могла быть разной. В одном случае мужские дома (те же союзы) создавались преж-

де всего для проведения обряда инициации, в другом для обучения и приобретения квалификации шаманами и знахарями. Но главное, что роднит такие союзы между собой, — это их закрытость ото всех тех, кто не включен в члены сообщества.

У индейцев основной смысл тайных союзов был в объединении шаманов и знахарей, т. е. в данном случае социальной элиты общества. В задачу союзов, насколько это можно предположить, всегда входили обучение профессиональным навыкам и своего рода обмен опытом. Подчас союзы формировались по возрастному принципу, что лишний раз убеждает в том, что это было нечто вроде учебных заведений разного уровня подготовки. Но встречались и союзы иного типа. У ирокезов, по данным известного антрополога Л. Г. Моргана, существовал союз Ложных лиц, членами которого были избранные, но неизвестные даже друг другу мужчины-знахари, а руководительницей была женщина. Ее все знали и к ней обращались за помощью. Она посылала под маской кого-либо из членов своего союза в качестве анонимного целителя. А у индейцев хопи (пуэбло) антропологи зафиксировали несколько необычный союз Качина, члены которого время от времени организуют красочные церемонии с причудливыми масками. Считается, что этот церемониальный обряд, в котором участвует чуть ли не все население поселка, способствует привлечению внимания сверхъестественных сил и обеспечению благополучия, включая в первую очередь урожай маиса.

Представления индейцев Северной Америки о жизни и смерти, о загробной жизни были достаточно разнообразными. Изредка встречалась вера в перерождение после смерти, чаще верили в то, что в загробном мире люди будут жить примерно так же, как живут сейчас, причем статус каждого будет сопоставим с его местом в нынешней реальной жизни. Стоит также обратить внимание на то, что века соседства с европейскими переселенцами не прошли даром, но, напротив, оставили заметный след в верованиях и представлениях индейцев, внеся в них идею о некоем великом танце духов (этот культ был как-то связан с возникшими много позже верованиями мормонов штата Юта), посредством которого они могут очиститься и освободиться от пришельцев.

ИНДЕЙЦЫ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Индейцы Южной Америки — это совершенно иной мир, отделенный от севера не столько даже цивилизацией Мезоамерики, часть которой в виде государства инков доходила до южной оконечности Анд, сколько совершенно иными условиями жизни в тропиках бассейна больших рек (Амазонка, Ориноко), либо в обширных пампах юга субконтинента. Это несходство (если не иметь в виду условия обитания, близкие к эскимосам) можно обнаружить даже у жителей крайнего холодного юга Америки, ощущающих ледяные ветры Антарктиды, у огнеземельцев и патагонцев, большинство которых ныне уже вымерло.

В чем главное несходство и основная специфика индейцев Южной Америки? Среди южноамериканских групп индейцев наиболее отсталыми еще недавно были огнеземельцы, жившие в условиях, аналогичных тем, в каких живут эскимосы, если даже не в более суровых. Они были изучены антропологами достаточно давно, но на сегодняшний день практически вымерли как этническая общность. Среди других племен Южной Америки следует особо выделить общности бассейна Амазонки — это целый мир, до сих пор еще всерьез не изученный антропологами. Здесь, а также южнее, в лесах и степных районах, проживает множество достаточно отставших в своем развитии индейских племен. Разумеется, верования лесных жителей несколько отличаются от тех, кто живет в степных районах либо в горах и на холодном юге, близ Антарктиды.

Жители тропиков, в частности гигантского бассейна Амазонки, характеризуются крайней степенью отсталости. Многие из них живут в тропическом лесу, почти не контактируя с другими общностями. Естественно, что о них мало что известно. Тем не менее антропологи не раз проникали в глубь бассейна Амазонки, поэтому кое-что из верований их обитателей стало достоянием науки. Обобщая их, известный религиовед М. Элиаде в своем «Словаре религий, обрядов и верований», ссылаясь на исследования К. Леви-Строса и других специалистов, обратил внимание на существование у этих общностей веры в некое верховное существо, в качестве которого выступает то солнечный демиург, то лунный, причем некоторым из них приписываются также функции разрушителя (имеются в виду циклы созидания и разрушения). Иногда демиург почему-то удаляется на небо, оскорбленный (созданными им?) людьми.

Разумеется, кроме демиургов общности, о которых идет речь, населяют весь окружающий их мир сонмом духов, что вообще характерно для анимистических представлений о мироздании. При этом считается, что с миром духов, существующим как бы параллельно с реальным, можно соприкоснуться, особенно во сне или при вдыхании наркотических испарений. Духи обычно выходят для контактов в облике животных, так что далеко не каждый может распознать, животное ли перед ним или некая преобразованная высшая духовная субстанция. Кроме того, некоторые индейцы этого региона полагают, что у каждого из них есть в мире духов свой двойник.

Индейцы тропического леса верят в существование духов-патронов животных, определяющих, в частности, количество тех животных, которые являются объектами их охоты. Видимо, почтение к этим сакральным персонам должно способствовать удачной охоте. Что касается проблем жизни и смерти, то, не будучи слишком ими озабочены, эти индейцы верят в существование у каждого из них нескольких душ. Считается, что душа покойника может иногда посещать живых. А индейцы хибаро в Восточном Эквадоре полагают даже, что кроме обычных душ существуют «совершенные» и «мстительные». Совершенную душу можно приобрести после контакта с невидимым миром духов или убийства врага. Больше двух таких душ иметь нельзя, да и то следует опасаться козней со стороны мстительной души, возникающей после гибели обладателя совершенной души, которая теперь перешла к тебе. Опасаясь козней со стороны мстительной души, хибаро обычно высушивают головы своих врагов, считая, что тем самым мстительная душа надежно заперта.

Надо сказать, что вся эта мифологема выглядит несколько усложненной и замысловатой для столь примитивных общностей, о которых идет речь. Но Элиаде, сознавая сложность структуры, которую он описывает, считает, что она компенсируется тем простым фактом, что между «светским» и «религиозным» аспектами культуры южноамериканских индейцев нет разницы. Остается добавить к сказанному, что у индейцев Южной Америки, как и на севере, большую роль играют шаманы, выполняющие в основном функции знахарей, имеющих дело с миром духов.

О некоем единстве мифологических представлений южноамериканских индейцев пишут специалисты, в частности Ю. Березкин в статье, опубликованной в первом томе очень солидного издания «Мифы народов мира». Характерной чертой этой мифологии

является, в частности, почти полное отсутствие рассказов о сотворении мира, столь частых у индейцев севера. Зато часто встречаются упоминавшиеся уже мифы о создании и разрушении, о мировых катастрофах, будь то всемирный потоп или пожар с последующей заменой одних миров другими. Соответственно и люди, рожденные в разные периоды, отличаются друг от друга: то это гиганты, то монстры, то поднявшиеся из подземного царства или спустившиеся с неба. При этом почти всегда присутствует обожествленный культурный герой, который помогает людям выбраться на твердую почву. Среди них широкой известностью пользуется Карускайбе, который, создав людей, был чем-то обижен на них и потому удалился обратно на небо.

Мифология южноамериканских индейцев знакома с идеей мирового древа, с существованием различных миров, где обитают души разных людей. Что касается окружающего их мира, то индейцы полагают, что животных и растения тоже создали культурные герои, выполняющие тем самым функции божеств. Среди наиболее отсталых общностей донеолитических собирателей и охотников существуют мифы о похищении воды или огня. Проблема жизни и смерти на южноамериканском субконтиненте решается тоже весьма неординарно. Существуют, в частности, представления, будто некогда люди вообще не умирали, а души постаревших просто на время покидали своих хозяев и скоро возвращались, делая их вновь молодыми. Позже этот порядок нарушился, и люди стали умирать. Есть и иные представления: те, кто живет под землей, бессмертны, на земле — смертны.

Космогонические мотивы в мифологии редки. Почитаются солнце и луна. Почему-то привлекает внимание наличие пятен на луне: есть несколько объяснений этому (наиболее экстравагантное у племени *оно* — солнце бьет луну, отчего остаются шрамы). Что касается звезд, то они обычно считаются душами людей, разными путями оказавшимися на небе. Зато представление о Верховном существе, в той либо иной степени известное почти всем и уже упоминавшееся, весьма неопределенно и расплывчато, имеет множество различных вариантов.

Глава 6

От раннего комплекса к религиозной системе

*О важности заимствования чужих новаций • Духовные
и материальные ценности • Ранние очаги урбанистических
цивилизаций • К. Ясперс об осевом времени • Становление
развитых религиозных систем • Религиозные системы осевого
времени • Религия и этика*

Те примитивные раннерелигиозные верования и представления, равно как и соответствующие им обряды, культы и мифы, о которых шла речь в предшествующих главах, принадлежат отсталым народам, в крайнем случае очень ранним и весьма слабо развитым племенным протогосударственным структурам, как древним, так и более поздним, вплоть до современных. Связь здесь прямая и достаточно жесткая: отсталость в общем развитии, включая и экономику, и культурные традиции, и привычный образ жизни (обычно соответствующий не слишком благоприятным условиям существования, хотя и далеко не всегда), обуславливают возможности данного коллектива. Он, как правило, просто не в состоянии воспринять и плодотворно использовать для своего же блага все те новации, которые проходят мимо, не вызывая с его стороны сколько-нибудь заметного интереса. Чаще даже напротив: все новации решительно отвергаются не просто как нечто чуждое, но как ненужное, не вписывающееся в норму.

Выше уже шла речь о том, насколько важную роль в истории человечества играют различные взаимовлияния. Только они еще на

заре сапиентации, в эпоху палеолита, позволяли людям, разбредшимся по всем континентам, сохранять связь между собой. И именно эта связь в подавляющем большинстве случаев способствовала полезным заимствованиям и развитию тех, кто хотел и мог динамично прогрессировать. Отсюда следует вывод, что главным в процессе энергичного развития любого коллектива было его умение и желание заимствовать и использовать заимствованное с пользой для себя. Но этот разумный и вроде бы сам собой напрашивающийся вывод сталкивается по меньшей мере с двумя очень серьезными проблемами.

Во-первых, кто или что мешало всем заимствовать полезное для них и за этот счет развиваться нормальными и тем более ускоренными темпами? А во-вторых, кто, как и когда выступал в качестве первооткрывателя того нового, что могли бы (если бы захотели и сумели) заимствовать и с пользой употребить для своей эволюции все остальные?

О ВАЖНОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЧУЖИХ НОВАЦИЙ

Обратим внимание на обе эти проблемы, ибо именно они содержат в себе ключ ко всему. В самом деле, кто, где, когда и почему (можно поставить практически все вопросы, существующие в лексике) оказался впереди всех остальных? И почему остальные оказались позади первых, некоторые очень далеко от них? Уже шла речь о том, что развитие природы и всего живого, включая и человечество, не только не равномерно, но напротив подвержено спорадическим случайностям различного типа, которые в конечном счете рождали неравенство. Иными словами, на каком-то отрезке общего для всех пути кто-то один по какой-то причине (причина всегда есть, не всегда она ясна) вырывался вперед и выбирал новую дорогу, иную, нежели та, по которой привычно двигались все. Двигались, даже не предполагая, что может быть иной вариант пути.

Так бывало по разным причинам. В далеком геологическом прошлом огромную и определяющую роль в процессе развития как природы (материков, океанов, растительности и животного мира) в целом, так и ее отдельных зон, могли играть разного рода катаклизмы, в том числе и внешнего, т. е. неземного происхождения. Это могли быть столкновения с кометами или астероидами, существенные изме-

нения в положении земной оси, а также вызванные колебаниями в атмосфере либо какими-то неясными причинами изменения климата, включая, например, резкое потепление с сопровождающими его всемирными потопами или, напротив, похолодание с распространением ледников чуть ли не до субтропиков. В каждом из таких случаев, которые могли быть отделены один от другого миллионами или многими десятками и сотнями тысяч лет, лик земли и всего того, что на ней было, как неживого (вода, земля, горы, пустыни и др.), так и живого (растения, леса, животные разных видов, рыбы и мелкие примитивные обитатели океана и т. п.), изменялся, и подчас достаточно резко. И не только менялся, но и рождал определенные процессы, которые были следствием этих перемен и могли протекать весьма медленно, как то случалось с ледниковыми периодами, занимаемой океаном территорией поверхности земли или с движением континентов.

На этом глобальном космическом фоне шли и вторичные процессы, уже ни в коей мере не зависевшие от внеземных факторов. Иными словами, возникали регионы, где были благоприятные условия для развития жизни, и такие, где подобных условий не было вовсе либо они были неблагоприятны. Следствием такой ситуации в каждый данный промежуток времени (имеются в виду промежутки между глобальными катаклизмами) была эволюция, иногда даже ускоренная эволюция одних и замедленный путь развития либо даже деградация других видов. В этих условиях и создавались возможности для того, чтобы кто-либо где-нибудь вырвался вперед заметным образом: например, вышел из первобытного океана на сушу, научился подниматься в воздух и летать. Это и было началом всегда существовавшего неравенства возможностей. Разумеется, последующие катаклизмы могли вести к тому, что многое из достигнутого в результате такого рода рывка безвозвратно терялось. Но зато создавались условия, благоприятные для чего-то другого, чем могли воспользоваться уцелевшие отставшие в своем развитии виды, получившие в новых условиях преимущество перед другими и активно реализовывавшие это преимущество.

Если теперь уйти от далекого прошлого и возвратиться в наш геологический период и принять во внимание те процессы, которые, протекая многие тысячелетия, оказались его конечным результатом, то первой серьезной бифуркацией, т. е. резким разрывом какой-то части родственных друг другу групп с остальными и, соответственно, отправной точкой ее движения по новому неизведанному пути,

было начало процесса антропогенеза. Из отряда приматов выделилось семейство гоминид, наших весьма отдаленных предков.

В данном случае такой рывок сыграл роль катаклизма, ибо открыл дорогу принципиально новому состоянию планеты. Начался длительный процесс антропогенеза, конечным результатом которого стала последняя в этом ряду — теперь уже среди гоминид — бифуркация: выделился сапиентный человек. Далее все пошло быстрее и более знакомо, ибо о сапиентации выше уже шла речь. Сейчас дело не в том, чтобы что-либо повторить, а в том, чтобы обратить внимание на самое основное: в ходе эволюции людей современного типа бифуркация стала встречаться намного чаще, нежели прежде, и, главное, она начала играть много более важную роль.

Расселяясь по ойкумене, оказавшиеся более развитыми, люди не только оттесняли в самые неблагоприятные зоны обитания досапиентных особей, где те, не умея приспособиться, вымирали, но и сами занимали наряду с благоприятными те самые неблагоприятные зоны, где, как то со временем выяснилось, смогли приспособиться только они. Но значит ли это, что для таких людей не имеет значения степень благоприятности условий существования? Отнюдь. И потому мы вправе заранее и не особенно колеблясь вывести в разряд отсталых этнических групп и общностей, иногда даже племенных структур, именно тех, кто оказался в неблагоприятных или малоблагоприятных для жизни условиях.

Совершенно очевидно, что такие условия, требуя от человека крайнего напряжения всех его сил лишь для того, чтобы выжить, — неважно, в холодных приполярных снегах или в жарких тропиках, в пустыне или в непроходимых джунглях, на мелких океанских островах или в глухих горных долинах, — не оставляют ему сил и возможностей для того, чтобы оказаться в этих условиях готовым заимствовать с пользой для себя выработанные другими и в совершенно иных условиях ценные для улучшения качества жизни новации. Это вполне очевидно и в дальнейших пояснениях не нуждается.

Ну а как с остальными? Североамериканские индейцы, живущие тысячелетиями на территории современных США или Южной Канады, не могут считаться такими, кто попал в трудные условия существования. По сравнению с ними даже русские поморы живут в худших по качеству жизни условиях. А ведь поморы, пусть далеко не сразу, но все же вошли в состав государства, в котором они ассимилировались и достигли среднего для этого государства уровня разви-

тия, в том числе и религиозно-культурного. Многие южноамериканские индейцы, тоже жившие не в очень благоприятных условиях (здесь не имеются в виду те, кто был включен в состав цивилизованных государств доколумбовой Мезоамерики), благодаря целенаправленному воздействию на них со стороны испанских и португальских колонизаторов, а также католической миссионерской культуры тоже были ассимилированы, так что их отдаленные потомки, говорящие уже на ином языке и являющиеся частью иной культуры, живут сегодня в условиях, вполне соответствующих удовлетворительному качеству жизни, правда, в рамках государств скорее восточного, нежели западноевропейского типа. А вот индейцы Северной Америки (стоит это повторить), жившие в сравнительно благоприятных природных условиях и оказавшиеся в составе очень развитых государств — в США и на юге Канады — предпочли избежать ассимиляции и остаться жить в условиях, когда далеко не все полезные новации воспринимаются. Более того, в ряде случаев эти новации сознательно отвергаются, чтобы сохранить образ жизни предков с его не слишком цивилизованными, зато привычно *своими* традициями.

Итак, если все, кому тяжело, не в состоянии с легкостью воспринимать новации, то не все из тех, кто живет в сносных или даже вполне хороших условиях обитания, хотят заимствовать чужие традиции. Это тоже очевидный факт, не нуждающийся в дальнейшем обосновании. Но при этом не стоит сбрасывать со счетов то немаловажное обстоятельство, что в одних случаях те, кто не хочет заимствования, оказываются в ситуации, когда они, будучи включенными в состав какого-то государственного образования, поневоле вынуждены воспринять новое и со временем измениться, ассимилироваться, тогда как в других случаях ситуация оказывается иной и вместо ассимиляции происходит сохранение древних традиций, подчас даже в специальных резервациях.

Из сказанного становится очевидным, что не только возможности и желание, но и внешние обстоятельства, в том числе насильственное принуждение, могут заставить ту либо иную общность усвоить новации, которые в других обстоятельствах приняты, скорее всего, не были бы. Стало быть, первое место среди факторов, препятствующих восприятию полезных новаций, — неблагоприятные условия обитания. Второе — и это касается уже тех, чьи условия обитания по меньшей мере следует считать вполне сносными, — активное нежелание воспринимать чужое, пусть даже и полезное. Факторами, способствующими восприятию новаций, очень часто бывали завоевания, сопровождавшиеся

активной миссионерской деятельностью и вынуждавшие тех, кто этого не очень хотел или совсем не хотел, ассимилироваться. Видимо, могли быть и иные варианты.

Обратимся теперь ко второй части проблемы. Кто же и при каких обстоятельствах был инициатором новаций и способствовал их распространению, пытаясь иногда даже силой внедрить их? Ответ здесь может быть только один: это те, кто в силу жизненных обстоятельств оказались в наиболее выигрышной обстановке с точки зрения условий и возможности энергичного развития. В период верхнего палеолита это были первые сапиентные обитатели района на стыке Африки и Евразии — места наиболее частых контактов и, соответственно, мощного дрейфа генов, что обеспечивало постоянный процесс благотворной метисации и, как следствие, позитивных мутаций. В эпоху мезолита и неолита это оказались обитатели того же самого региона, где создались наилучшие условия для одомашнивания растений и животных, для освоения плодородных долин наиболее удобных для земледелия великих рек — Нила, Тигра и Евфрата.

Неолитическое земледелие здесь заложило основу для раннего и быстрого развития, чего не было, к примеру, в той же степени в Мезоамерике, где тоже существовали благоприятные условия обитания и достаточно рано (хотя и намного позже районов долины Нила и Двуречья) оказались носители перенесенных из Старого Света в Новый полезных знаний, в частности открытий неолита и энеолита. Опережение других в условиях такого рода соревнования играло решающую роль, ибо освобождало потенциал людей, достигших достаточно многого, для еще более энергичного продвижения вперед, к постижению пока еще неведомого.

Все, о чем только что шла речь, касалось прежде всего материальных условий бытия. Но на определенном этапе развития накопленный уже тезаурус достижений материального плана оказывался прочным фундаментом для развития служивших переосновой мировоззренческих идей. Обратимся теперь к анализу этой весьма непростой и очень важной для нас проблемы.

ДУХОВНЫЕ И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Хорошо известно, что еще сравнительно недавно в нашей стране очень оживленно дебатировался и даже навязывался, во всяком случае всем учащимся, марксистский

тезис о бытии и сознании. Считая его краеугольным камнем своей философии, марксисты утверждали, что бытие всегда (стоит подчеркнуть: именно всегда!) не только опережало, но и определяло сознание. Тезис этот на поверку оказывается с одной стороны банальным, а с другой — бессодержательным. Почему? Дело в том, что нет смысла спорить с тем, что у неразвитого общества не могут возникнуть глубокие идеи. В этом банальность всем очевидного факта. Но, с другой стороны, коль скоро общество под воздействием его интеллектуальных потенций достигало достаточно высокого уровня развития и в нем появлялись профессиональные группы людей, освобожденных от повседневного физического труда и занимающихся трудом умственным (а поначалу умственный труд всегда концентрировал свое внимание на мировоззренческих проблемах и служил разработке религиозно-философских идей), появлялось то самое сознание, которое (особенно, если иметь в виду широту его кругозора и специфику его целенаправленности) вовсе не обязательно определялось достигнутым уровнем бытия.

Бессмысленность марксистского тезиса здесь опять-таки очевидна: достигнутый обществом определенный (какой именно — об этом речь чуть далее) уровень бытия просто открывал возможность для развития новых духовных ценностей, не более того. А какими и когда именно (об этом тоже разговор пойдет отдельно) окажутся эти ценности — это уже никак не зависело от уровня бытия. Более того, хорошо известно, что если не всегда по качеству и глубине, то практически всегда по своей сути, по набору господствующих идей религиозно-философские мировоззренческие концепции, создававшиеся на одинаковой материальной базе, могли быть весьма различными. И еще одно очень существенное соображение, которое окончательно опровергает марксистский тезис о бытии и сознании: именно с того времени, когда духовное начало (сознание) достигало такого уровня, что могло играть хоть сколько-нибудь существенную самостоятельную роль, возникало, пусть не сразу, энергичное и все увеличивавшееся его воздействие на характер общества и менявшиеся в нем условия повседневной жизни. Сознание в этой ситуации отнюдь не было функцией застывшего или очень медленно эволюционировавшего бытия. Напротив, оно с еще большей силой утверждалось в качестве первоосновы, порой очень активно влиявшей на бытие и при определенных обстоятельствах в некоторый момент могло надолго стать первичным, тогда как бытие — вторичным.

Разумеется, это не означает, что и материальный фактор в определенной ситуации, подготовленной необычайно благоприятным для него ходом развития духовно-мировоззренческого фактора, не мог под влиянием идей все более быстрыми темпами эволюционировать, что было характерно и проявлялось наиболее наглядно в истории постренессансной капиталистической Западной Европы с ее быстрыми темпами эволюционирующей техникой и технологией. Но откуда бралась новая техника и технология? Что порождало ее — бытие или сознание? Другими словами, взаимоотношение между бытием и сознанием, если уж до конца использовать эту дихотомию, достаточно сложно и неоднозначно. Оно напоминает другую, весьма, в принципе, похожую на нее, а именно — дихотомию курицы и яйца. Что здесь первично, и что вторично? Ответа нет. Похоже, что и марксистская философская дихотомия, о которой идет речь, в конечном счете бессмысленна.

Итак, речь идет о духовно-мировоззренческих проблемах, т. е. о тех самых религиозно-философских поисках, которые постепенно увеличивались и приобретали все более разнообразную форму по мере становления первобытных обществ и развития тех из них, которые оказывались в состоянии развиваться более или менее энергичными темпами. Как выше уже было показано, подавляющее большинство первобытных коллективов и многие очень ранние племенные протогосударственные структуры на всех континентах были знакомы лишь с весьма примитивными формами мировоззренческих представлений. Эти формы не выходили за пределы тотемизма и анимизма, фетишизма и некоторых видов магии, культа умерших предков или племенных вождей, а также элементарной мифологии, в которой обращалось внимание на космогонические креативные процессы и на легендарно-эпические сочинения на тему общения людей с духами или божествами и т. п. Такого рода комплекс ранних и очень слабо развитых духовно-мировоззренческих представлений был порожден тем уровнем сознания, который господствовал среди обществ, его породивших. Здесь примат и значимость материально-бытового стандарта вне всяких сомнений. Вопрос снова возвращается к рассматривавшейся уже выше проблеме: когда, у кого именно и почему в некоторых коллективах стали возникать иные, много более развитые религиозно-философские идеи?

Другими словами, где грань между эпохой, когда длительное время те еще слабые интеллектуальные поиски, то элементарное состо-

яние сознания, которое соответствовало раннерелигиозному комплексу, и пришедшим ей на смену временем, когда ситуация в этом смысле кардинально изменилась? Как это ни покажется странным на первый взгляд, проблемы здесь нет. Ответ очевиден. Грань, о которой идет речь, — это тот момент, когда возникли древнейшие первичные очаги урбанистической цивилизации. Но где и когда это было, как выглядели такие очаги и что они означали для динамики человечества и его культуры? Попытаемся разобраться в этих проблемах, ибо они весьма важны для понимания всей последующей эволюции, в том числе и истории религий. Дело в том, что достижения и новаторские рывки вперед, реализованные в первичных очагах цивилизации посредством процесса взаимовлияния культур и передачи информации оказали воздействие на других, прежде всего на тех, кто по своему уровню развития и условиям существования оказался достаточно близок к ним и потому потенциально был готов воспринять многое из того, что стало уже нормой в этих очагах. Начнем с анализа такого рода первичных цивилизаций.

РАННИЕ ОЧАГИ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Выше уже говорилось, что именно на стыке Африки и Евразии, где шел активный процесс взаимовлияний, а затем закладывались основы неолитической революции и, как следствие, происходило оседание неолитических земледельцев в долинах Нила и Двуречья, возникали наиболее благоприятные условия для сравнительно быстрой эволюции, включавшей в себя необходимые новации. Можно и нужно добавить к сказанному, что эти новации были как материальными, так и интеллектуальными. Строительная техника достигла в Египте середины III тысячелетия до н. э. таких вершин — я имею в виду прежде всего пирамиды, — которые до сих пор считаются одним из чудес света. Но ведь рядом с пирамидами были шумерские и египетские иероглифы, изобретение которых тоже было колоссальным скачком в истории человека и, что еще более существенно отметить, в истории цивилизации и государственности.

И материальные и интеллектуальные новации в этих двух соседних центрах ранней мировой культуры означали, что человечество вступило в принципиально новую эпоху своего существования,

в период возникновения первичных очагов урбанистической цивилизации и сопутствующих им ранних протогосударственных политических структур. Первоначально развитие этих центров шло несколько разными путями. Замкнутые узкой долиной Нила и выжженной пустыней вокруг него, египтяне имели сравнительно мало возможностей для общения с внешним миром (хотя это общение все же существовало и кое-что из того же Шумера, а позже и из других — вторичных — очагов ближневосточной цивилизации в Западной Азии египтяне, видимо, могли время от времени заимствовать), зато зависимость от разливов реки и необходимость централизованного регулирования ее разливов привели к тому, что в этом регионе на смену небольшим протогосударствам очень быстро пришло большое и развитое государство, которое только и могло осуществить такие проекты, как строительство нескольких гигантских пирамид, не говоря уже о великом множестве более скромных строительных проектов, в том числе ирригационных.

С Двуречьем дело обстояло иначе. Древний Шумер (загадка происхождения не столько даже цивилизации которого, сколько самих шумеров как народа и носителя определенного языка до сих пор не ясна науке) оказался в ином положении и уже с середины III тысячелетия до н. э. стал широко и вполне благожелательно взаимодействовать с окружающими его соседями, чья эволюция благодаря этому значительно ускорилась и достаточно быстро обрела новое качество. Сам Шумер в этой обстановке не пошел далее превращения нескольких небольших первичных очагов цивилизации и протогосударств в не очень большое раннее государство, после чего он перестал существовать как самостоятельная политическая единица. Зато вместо него сначала в районе Вавилона, затем в Ассирии и в других районах Двуречья, а потом и в соседних с Месопотамией районах Западной Азии стали один за другим появляться развитые и во многом похожие на шумерский (хотя и всегда отличавшиеся от него своей спецификой) вторичные очаги все той же урбанистической цивилизации. В этих очагах быстро проходил длительный для Шумера период ранних протогосударственных образований и появлялись ранние, а затем и вполне развитые достаточно крупные государства.

Эти государства оказали влияние на соседние страны и народы, в том числе на тех, кто еще не вел оседлый образ жизни, но уже обладал всеми основными достижениями земледельческого неолита. Именно они, перемещаясь вдоль широкой степной полосы, соединя-

ющей Северную Африку через ближневосточные и южносибирские территории с Дальним Востоком, достигли Америки, которая не знала собственной многотысячелетней истории формирования развитого неолитического комплекса. Насколько можно судить, Америка была вначале заселена, видимо, обитавшими в Сибири и на Дальнем Востоке монголоидными донеолитическими этническими общностями, обретшими в Новом Свете свой специфический расовый облик и расселившимися по всему континенту. Последующие группы мигрантов познакомили Новый Свет с достижениями неолита, а некоторые из них, оказавшись в наиболее благоприятных условиях Мезоамерики (прежде всего Мексики) и перуанских Анд, уже на рубеже нашей эры сумели создать там собственные очаги первичной урбанистической цивилизации.

Следует сразу же заметить, что эти очаги, возникшие хронологически много позже египетского и шумерского, сильно отличались от них. Хотя они сумели достичь высокого уровня в сфере храмового строительства, причем часто в форме тех же пирамид, хотя и меньшего масштаба, чем то было в середине III тысячелетия до н. э. в Египте, и создали собственную иероглифическую письменность, не говоря уже о государственных структурах различного типа, их отсталость очевидна. Она проявлялась в неразвитости этического стандарта и в той легкости, с какой одни племена заменяли других в качестве господствующей силы, а также в том, что временами под влиянием неведомых нам причин вполне развитые и, казалось бы, процветающие государства приходили в упадок и вроде бы вполне добровольно покидали арену истории*. Она проявилась и в том, с какой легкостью немногочисленные группы испанцев и португальцев сумели не просто подчинить себе, но разрушить, практически уничтожить всю американскую цивилизацию, причем сделать это быстро и вроде бы без особых усилий и потерь для себя, обратив при этом все местное население в католическую веру.

По сравнению с американскими древнеегипетский и западноазиатские очаги урбанистической цивилизации были много более крепкими. Но и американские, и эти древние очаги, первичные

* История знакома с аналогичными ситуациями, происходившими именно с ранними и слабо развитыми очагами урбанистической цивилизации. Наглядный пример тому — история доарийской индской культуры в районе Хараппы и Мохенджо-Даро.

и вторичные, были весьма ограниченными с точки зрения интеллектуального потенциала, уровня духовной культуры и мировоззренческих поисков мятущегося ума. Специалисты подчас специально обращают внимание на то, что первые очаги цивилизации в начале их эволюции, несмотря на впечатляющие достижения вроде пирамид и письменности, были в духовном отношении сравнительно стабильными и, более того, стремившимися к стабильности, к постоянному воссозданию уже давно достигнутых ими уровня и качества культуры. В этом они принципиально отличны от тех, что приходили им на смену или возникали, подчас первоначально под их влиянием, заново, принимая уже несколько иной облик и двигаясь вперед в сфере духовной культуры и интеллектуальных поисков более энергичными темпами. Обратим теперь более подробное внимание именно на них. Но сначала несколько слов об основных стандартах мирового развития эпохи, о которой идет речь.

К. ЯСПЕРС ОБ ОСЕВОМ ВРЕМЕНИ

Один из известных философов XX в. Карл Ясперс первым обратил внимание на проблему сравнительной близости друг к другу тех периодов, когда в нескольких (точнее, в пяти) центрах Евразии совершался весьма серьезный переход от очень конкретных и примитивных представлений о мире и окружающей человека среде к более глубоким и абстрактным построениям на эту же тему, которые легли в основу, по меньшей мере, главных центров мировой культуры — Китая, Индии, Ирана, а также древних иудеев и античных греков. Этот период Ясперс датировал примерно 800–200 гг. до н. э. и назвал осевым временем*.

В развернутой характеристике этого времени он подчеркнул то новое, что стало характерным для интеллектуальных поисков и прежде всего религиозной философии ряда стран и народов, в принципе весьма отличных друг от друга. Это новое состоит в том, что человек начинал все более глубоко *осознавать* (вот она, роль идей и сознания как первоосновы!) необъятную мощь окружающего мира

* Важно сразу же заметить, что обозначенный Ясперсом период не следует воспринимать как хронологическую догму. В ряде случаев (заповеди иудейского пророка Моисея или идея с мандатом Неба в Китае) новации начались много ранее 800 гг. до н. э.

и собственную беспомощность. Человек постепенно привыкал ставить неслыханные радикальные проблемы, познавал идею Абсолюта и приучался к рефлексии. Начало энергично развиваться индивидуальное мышление, что сразу же стало вызывать дискуссии и порождать различные достаточно глубокие теории, острую духовно-интеллектуальную борьбу мыслителей. Параллельно с этим повсюду шла интенсивная разработка категорий, без которых невозможна аналитическая мысль. Категории эти были прежде всего связаны с философией религии, претендующей на универсальность. В результате закладывались основы великих мировых религий, широко распространенных и воздействующих на многие сотни миллионов, если даже не на миллиарды людей и в наши дни.

Все то, что происходило в период осевого времени, заставило людей во многом пересмотреть оценки прошлого и, главное, подвергнуть основательному анализу все априорно и неосознанно принимавшиеся в прошлом представления, нормы, условности, обычаи, оценки. Все прошлое Ясперс с этих позиций предложил воспринимать как мифологическую эпоху, для которой была свойственна конкретная образность сказки. В осевое время на смену образно-мифологическому мышлению пришел рационалистический Логос. Божества возвысились за счет придания миру сверхъестественного сильного этического акцента. Преобразованный миф частично обрел контуры символа, а частично остался на нижнем уровне сознания широких народных масс.

То, что произошло в осевое время, Ясперс назвал одухотворением человека. Человек-философ стал индивидуальностью, чего никогда не было раньше. Этот человек — будь он индийский аскет, иудейский или древнеиранский пророк, великий мудрец в Китае или античный философ — мог теперь противопоставить себя всему остальному миру. Он считал себя находящимся близко к Богу либо орудием воли Высшего Абсолюта, но при этом всегда стремился к освобождению и спасению, к налаживанию в окружающем мире определенной гармонии и порядка. Если резюмировать все то, что связано с идеей Ясперса об осевом времени, то окажется, что перед нами торжество человеческого разума и личности. И хотя все это мало коснулось подавляющего большинства человечества, то, чего теперь могли достигать в сфере умственной деятельности очень немногие, оказалось косвенным образом чрезвычайно важным для всех, ибо благодаря этим немногим все человечество — или по крайней мере,

солидная передовая его часть — совершило необычайной силы и мощи рывок вперед.

Таким образом, осевое время для Ясперса — это невиданный рывок, благодаря которому сознание возвысилось над бытием, духовное — над материальным. Это отнюдь не означает, что материальному стали уделять теперь меньше внимания. Напротив, это значит, что новый уровень и новое качество мышления создали условия для более быстрого движения человечества, и прежде всего его материального бытия, вперед. Только ведущим началом в этом тандеме теперь много более ощутимо, нежели прежде, становился мозг. Мозг давал импульсы, а руки и все остальное, подчиняясь заданным импульсам, все более энергично и слаженно работали. И так продолжалось достаточно долго, хотя и не везде одинаково. Разница между античным Западом и традиционным Востоком рано или поздно начинала сказываться, о чем уже шла речь. Но к осевому времени это уже не имеет отношения. Оно сделало свое дело. Остается только вместе с Ясперсом удивляться тому, что оно оказалось единым для столь разных стран и народов. Однако оставим подобное совпадение как загадку и проблему для тех, кто озабочен продолжением рассуждений на тему об этом и последующих периодах истории. Наша же цель несколько иная.

СТАНОВЛЕНИЕ РАЗВИТЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ СИСТЕМ

Итак, теперь вполне очевидно, что на смену примитивным религиозным комплексам в истории религий пришли сначала слаборазвитые и очень ранние системы, возникшие прежде всего в первичных очагах цивилизации. Таких систем (если абстрагироваться от вариантов, формировавшихся в дочерних вторичных очагах цивилизации Западной Азии) было всего три. По степени сложности, уровню этического стандарта и некоторым другим параметрам их следует расположить на своеобразной иерархической лестнице в следующем порядке: мезоамериканская, древнеегипетская и месопотамская. О каждой из них в отдельности пойдет речь в следующих главах. Но сейчас уместно сказать несколько слов обо всех них вместе, т. е. о том, что было характерным для этих трех ранних религиозных систем. Говорить об этом тем более несложно, что смысл осевого времени и связанных с ним серьезнейших трансформаций уже нам известен.

Специфика всех слаборазвитых доосевых религиозных систем состоит в их замедленных темпах эволюции, в их тяготении к неизменности и к возврату назад, коль скоро что-либо из уже давно апробированного было нарушено. Это очень убедительно может быть продемонстрировано на примере неудачных реформ фараона Эхнатона. Но как раз этот пример свидетельствует и еще об одной важной особенности таких систем: интеллектуально-духовный (еще раз вспомним — доосевой) уровень их религиозных представлений еще вполне соответствовал невысокому и не стремящемуся к быстрой эволюции материальному уровню. Если угодно, для всей конструкции был свойствен принцип некоей взаимной уравновешенности бытия и сознания: они взаимодействовали, соответствуя одно другому, и при этом не стремились вырваться вперед. Те времена, когда ранние формы ментальности и низкий уровень интеллекта могли обеспечить лишь невысокий стандарт материального бытия примитивной общности, ушли в прошлое, а новый осевой период с его преимущественным влиянием импульсов, выработанных мозгом, на все остальное, еще не наступил.

Ситуация подобного рода создавала внутреннюю неопределенность структуры в целом, что особенно заметно на примере древних очагов цивилизации в Мезоамерике. На примере Мезоамерики эта ситуация выглядит наиболее убедительно, причем немалую роль здесь сыграла слабость этического стандарта. Но ведь почти то же самое, пусть с некоторыми оговорками, имеющими отношение к фиксации несколько большей устойчивости и развитости структур и несравненно большей роли этических норм, можно сказать и о месопотамской группе очагов первичной и вторичной цивилизаций. То же самое и в случае с древнеегипетской цивилизацией, которая прошла через несколько тяжелых кризисов, так что только упоминавшаяся уже специфика существования Египта в его замкнутой зоне узкой долины Нила спасала эту страну от резких политических и иных перемен.

Если принять это во внимание и напомнить, что речь идет о доосевых временах, итог вполне определится: ранние религиозные системы были своего рода переходным периодом от примитивных комплексов религиозных представлений, обрядов и культов к развитым религиозным системам, рожденным осевым временем с его кардинальными сдвигами в мышлении и сознании людей. Больше того, у нас есть весомые причины отдать бесспорное первое место в иерархии

религиозных систем наиболее слабой из них — мезоамериканской. На втором и третьем местах почти рядом стоят египетская и месопотамская (т. е. западноазиатская со всеми ее многочисленными вариантами во вторичных очагах урбанистической цивилизации). И это, в общем, все. Лишь эти три зоны развития ранней мировой урбанистической цивилизации не только возникли и в основном сформировались до (мезоамериканская — вне) сдвигов осевого времени, но и пришли в упадок, оказавшись замещенными теми цивилизациями с их развитыми религиозными системами, которые были уже следствием перемен, произошедших в осевое время.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ

Теперь настала очередь разобраться в системах вполне развитых, т. е. таких, в рамках которых всегда было место логически и рационально мыслящим мудрецам, равно как и вдохновенным реформаторам-пророкам. В любом случае стоит напомнить, что речь идет о вычленении абстрактно мыслящей личности, умеющей оперировать определенными категориями, чаще всего имеющими отношение к религиозной философии и этике. Что это за системы, сколько их и как они функционируют? Начнем с того, что у Ясперса их пять. Эта цифра удовлетворительна для анализа процессов, протекавших в осевое время. Но она ни в коей мере не соответствует реальному числу развитых религиозных систем хотя бы потому, что самые известные и важные из них — христианство и ислам — возникли позже и вне непосредственного влияния сдвигов, произошедших в осевое время. Поэтому в последующих рассуждениях следует руководствоваться именно этим.

Системы осевого времени, о которых идет речь, весьма разные. Но в самом общем виде они делятся на две очень отличающиеся друг от друга части — на те, что порождены древневосточными обществами, и те, что являются достоянием античности и, как это ни парадоксально прозвучит, связаны также с иудаизмом (религией Востока), который вместе с античностью породил христианство. Когда речь пойдет о характеристике этих систем, будут приняты во внимание все их особенности, прежде всего античности и иудаизма. Но не будут забыты и специфические свойства разных религиозных систем Востока, по меньшей мере, частично свойственные и иудаизму.

Едва ли не наибольшего внимания в этой связи заслуживает Индия с ее множеством религий, начиная с вед и брахманизма. Ведь идеи древнеиндийской религиозной традиции повлияли не только на индуизм, но и на буддизм. Как самостоятельная религия он породил такие формы, как Тхераваду (Хинаяну) и Махаяну, более поздний ламаизм. В качестве одной из религий Китая, Кореи и Японии, стран Юго-Восточной Азии буддизм (не говоря уже о ламаизме, распространенном в Тибете, Монголии и у некоторых иных народов) способствовал возникновению многих важных сторон цивилизации перечисленных стран. Говоря о развитых религиозных системах Востока, нельзя не упомянуть и об индийском джайнизме, даже о сикхах, о китайском даосизме, японском синтоизме. Нет уверенности, что все эти религиозные системы, особенно последние из перечисленных, стоит относить к разряду развитых, но специфика их существования рядом с более развитыми и в рамках высокоразвитых центров мировой культуры позволяет пренебречь сомнениями.

Практически все это значит, что развитых религиозных систем, возникших в осевое время или после него, но в любом случае под его пусть опосредствованным и косвенным влиянием, на Востоке было довольно много, причем всем им будет уделено достаточно внимания. Однако в рамках данной главы, имеющей сводно-обобщающий характер, существенно сказать и еще об одном важном факторе, о котором, правда, вскользь уже упоминалось чуть выше. Речь пойдет об этике и роли этики в развитой религиозной системе.

РЕЛИГИЯ И ЭТИКА

В работе, посвященной истории религий Востока, очень важно обратить специальное внимание на классический тезис М. Вебера, чья идея о роли протестантской этики в становлении западноевропейского капитала сегодня практически оттеснила в сфере именно этой проблематики по меньшей мере на второе место прежде считавшуюся (во всяком случае, в отечественной науке) главную книгу К. Маркса о капитале. Подобное мнение о роли Вебера и Маркса в теоретическом анализе процесса возникновения капитализма высказывается не для того, чтобы ввязаться в спор со специалистами, но потому, что само название книги Вебера дает весомую основу для рассуждений на тему о взаимоотношении религии и этики.

Больше того, постановка Максом Вебером этой проблемы (а именно он выдвинул ее на передний план как одну из важнейших в обществоведении) помогает в нашем анализе развитых религиозных систем и даже более того — дает ключ к объяснению некоторых специфических особенностей этих систем. Выше, например, уже шла речь о том, сколь развитыми следует считать первые три доосевые (одна из них внеосевая) системы. Элементарное сопоставление их показывает, что там, где проблема этики еще не стояла, не говоря уже о сколько-нибудь существенной ее роли в обществе (а об этом свидетельствуют прежде всего реки человеческой крови, проливавшиеся безжалостными мезоамериканскими жрецами во имя богов), религиозная система не могла не быть наиболее слабой, ранней и отсталой. Но проблема этики позволяет судить и о стандарте всех остальных религий, как политеистических, так и монотеистических.

Обратим на это внимание. В древнеиранской религии, рассказ о которой следует непосредственно за данной главой, акцент на этику на достаточно высоком (осевом) уровне сделал уже древний пророк Зороастр. И пусть этический акцент Зороастра, одного из наиболее ранних мудрецов осевого времени, оказался не слишком заметным, он тем не менее был сделан и способствовал определенной позитивной трансформации весьма развитой религиозной системы иранцев. Благодаря этике Зороастра, пусть даже не сразу принятой вместе с остальными реформами пророка существовавшим параллельно с зороастризмом другим вариантом древней иранской религии, маздеизмом, дуалистическую (но стоявшую близко к политеистическим) религию Ирана следует отнести к числу развитых и высоко ставивших этическую норму религиозных систем. Зороастризм вполне удовлетворял предъявляемым к развитым системам стандартам и в своем остаточном виде сохранился до наших дней (огнепоклонники в Тегеране и в некоторых других местах Ирана, а также парсы в Бомбее). Упадок же его был связан с исламским завоеванием, в ходе которого большинство иранцев было исламизировано, хотя они при этом (в отличие от других завоеванных арабами и обращенных ими в ислам народов) сохранили свой язык и многие черты национальной культуры. Даже в сфере религии, приняв оппозиционный шиизм, иранцы оказались отличными от других. В этом можно видеть косвенное влияние давно возникшей и веками укоренявшейся среди иранцев их древней дуалистической религии, включая реформы пророка Зороастра.

Иудаизм, изложение истории которого следует за рассказом об иранских религиях, тоже весьма существенно пронизан нормами вы-

сокого этического стандарта, о чем всем хорошо известно благодаря прежде всего Ветхому Завету, где изложены знаменитые десять заповедей, переданные богом Яхве через Моисея и соблюдавшиеся не только иудеями. Исторические судьбы иудеев оказались тяжкими — то плен, то завоевание и рассеяние народа по всему свету. Их первая в истории монотеистическая религия оказалась слишком очевидно замкнутой и предназначенной преимущественно — если даже не исключительно — только для них. Но стоит обратить внимание, что евреи диаспоры сумели пережить все трудные для них времена (хотя переживают их и сегодня), сохранив и даже приумножив немалый интеллектуальный потенциал, свойственный этому народу. Роль этики при этом столь же важна, сколь и все остальные заповеди собственно религиозного характера.

Огромную роль играл высокий этический стандарт в античном мире и западноевропейском христианстве, сложившемся, как упоминалось, на доктринальной основе иудаизма и античных идей. Конечно, не следует забывать об издержках эволюции этической нормы, связанных с такими явлениями, как продажа индульгенций, жестокая борьба с сектантами и язычеством, уничтожение очагов местной цивилизации в некоторых колониях, прежде всего в Латинской Америке, равно как и преступления инквизиции. Однако тот высокий уровень нравственности, который тем не менее воспитывался священнослужителями, развивавшими активную деятельность по внедрению идеалов христианства среди западных народов, принес свои ощутимые плоды, которые со временем стали достаточно очевидными.

В противовес этому восточное христианство, и прежде всего русское православие (для которого ветхозаветные десять заповедей теоретически столь же важны, что и для всех остальных христиан, равно как и иудеев), на деле не сумело сохранить и утвердить в русском народе и во всех остальных народах (речь прежде всего о принявших православие), которые вошли в состав России, сколько-нибудь заметный этический стандарт. Конечно, горькие пьяницы и сквернословы, взяточники и воры, грабители и проходимцы, лентяи и бездельники, да и прочий сброд есть везде. Это не наша специфика. Спецификой паствы русской церкви следует считать недопустимую концентрацию всего этого и то пренебрежение, то безразличие, с которыми официальная церковь относилась ко всей безнравственности, процветавшей на православной Руси. И именно в этом следует видеть как беду задавленной властью церкви, так и ее вину.

Ведь хорошо известно, что церковные иерархи всегда рьяно боролись не столько за внедрение в паству высокого морального стандарта, сколько за увеличение церковного имущества. А коль скоро речь все же заходила об этической норме, то оказывалось, что для иерархов русской православной церкви много важнее борьба за букву какой-либо книги и использование трех перстов, а не двух в момент наложения на себя креста. Ведь именно на этой почве разгорелась жестокая борьба ортодоксальной церкви против раскольников-староверов, державшихся за старые книги и два перста. Преследуемые властями, ставшими на сторону иерархов, раскольники бежали куда глаза глядят, массами гибли. Но что поразительно: именно у них этический стандарт оказался со временем намного выше хотя бы потому, что они не пьют горькую и не привыкли воровать, а трудятся много и плодотворно, что позволило многим из них через век-другой стать богатыми купцами и предпринимателями. К сожалению, вместо того, чтобы взять пример высокой этической нормы, иерархи церкви проклинали староверов за их ничтожные на любой здравомыслящий взгляд, но важные для церкви отклонения от религиозных обрядов. К слову, точно так же относилась русская церковь к западному христианству с его неизмеримо более высоким стандартом этики и общей культуры. Все это для иерархов русского православия мало чего стоило опять-таки по сравнению с тем, в чем западнохристианские обряды отличны от православных.

Что же касается классических восточных религий, то высокий стандарт этики в религиях Индии, включая буддизм, был обеспечен с глубокой древности прежде всего благодаря идее о карме, которая пронизывает все религии этой великой страны. Культ кармы и постоянная забота об ее улучшении не вытеснили в Индии собственно религий, которые играли в этой стране первостепенную роль и всегда были нацелены на то, чтобы обеспечить спасение религиозно активному индийцу. Однако стоит заметить, что этический акцент не только доходил до каждого, кто хоть сколько-нибудь задумывался о своей судьбе после смерти, но и способствовал формированию интровертивности среди индийцев. Кроме того, нельзя из множества религиозных культур Индии не вычленить такие, как джайнизм или религиозную общину сикхов. Все это весьма своеобразные религиозные системы. Но этическая норма в них всегда присутствует и, более того, играет заметную позитивную роль.

В Китае этика была громко провозглашена в качестве основы миропонимания еще регентом Чжоу-гуном в XI в. до н. э. (теория небесного мандата), а затем резко возвеличена Конфуцием. Конфуций су-

мел довести этический стандарт до столь высокого уровня, что этика практически вытеснила собой собственно религию, которая для высших слоев оставалась лишь в форме абстрактного величия всевластного Неба, а для широких народных масс — преимущественно в виде даосских суеверий. Резкий и отчетливо выраженный примат этики над собственно религией в Китае сыграл огромную роль в судьбах этой гигантской страны. В некотором смысле именно это обстоятельство позволило Китаю и связанным с ним историческими судьбами соседним странам понять суть того рывка, который — по идее Макса Вебера — с помощью протестантской пуританской этики сделал западный капитализм, и повторить этот полезный опыт в наши дни. Примат этики сыграл решающую роль и в Японии, особенно среди игравшего очень большую роль в этой стране сословия самураев с их внутренним достоинством и чувством долга по отношению к патронам, которым они служили. И не случайно именно эта страна сделала первый из всех других стран Востока впечатляющий рывок в сторону капитализма еще свыше века назад.

Если говорить о буддизме, как о южном, так и о северном, то опять-таки существенно отметить, что в этой религии (которая на религию, к слову, похожа много меньше, нежели другие) был ее особенный вариант, ламаизм, знакомый с церковной организацией и потому вполне имеющий право считаться полноценной и даже уникальной в своем роде развитой религиозной системой. В этой системе роль кармической этики тоже была весьма заметна, хотя сама по себе идея кармы и реинкарнации обрела несколько иную, свойственную именно иерархической структуре форму воплощений.

В исламе тоже есть место этике. Но она здесь едва ли не целиком подчинена властной религии и фанатичной преданности вере как таковой со всеми ее догматами. Неудивительно, что в этих условиях на передний план вышла фигура Аллаха, воплощающего в себе и религию, и все остальное, включая и не слишком развитую этическую норму. Заслуживает внимания то обстоятельство, что первостепенная заповедь адептов тех религиозных систем, особенно монотеистических, для которых чрезвычайно существенную роль играет развитый этический стандарт («не убий»), у мусульман мало чего стоит. Гораздо большее место в их системе ценностей занимает джихад, т. е. борьба с неверными.

Глава 7

Древние очаги цивилизации в Америке

*Основные очаги цивилизации • Мировоззрение и пантеон
майя • «Империя» инков • Ацтеки*

Из числа сравнительно немногих более или менее развитых и внутренне стройных религиозных систем самыми ранними во многих отношениях следует считать мезоамериканские*. Специфика их бросается в глаза и объясняется рядом причин, не в последнюю очередь тем, что завоевание Америки, особенно той ее части, которая была наиболее богата и развита и имела свою культуру и хранившую значительную ее часть письменность, сопровождалось особенно жестоким разорением. Книги достигших высокой культуры народов были сочтены «языческими» и на этом основании безжалостно уничтожались, как громились храмовые строения и превращались в слитки ритуальные изделия из драгоценных металлов.

* Термин «Мезоамерика» воспринимается специалистами различно. В нашем случае он будет использоваться для обозначения регионов, в которых возникли очаги цивилизации. В основном эти регионы сосредоточены в районе Мексики. Но страна инков занимала большое пространство западной части Южной Америки и распространялась достаточно далеко на юг вдоль Анд. Поскольку в культурном плане она принципиально не отличалась от ранних цивилизаций Мексики, то включение ее в состав Мезоамерики в главе, анализирующей религиозные системы древних очагов цивилизаций доколумбовой Америки, вполне оправдано.

Результат оказался плачевен: значительная часть социальных верхов государств Мезоамерики была физически уничтожена, а необразованный народ был достаточно быстро христианизирован испанскими и португальскими конкистадорами и в первую очередь в обилии сопровождавшими их католическими миссионерами.

Уцелело лишь незначительное количество текстов, а умевших читать и понимать их вскоре после завоевания не осталось вовсе. Вплоть до XX в. письменность народов Мезоамерики не была расшифрована, да и сегодня она читается далеко не вся. И все же многое в этом отношении сделано. Одна только расшифровка письменности индейцев майя, достигнутая стараниями ряда лингвистов, едва ли не в первую очередь Ю. Кнорозовым, дорогого стоит. Кроме того, за полтысячелетия, истекшие после открытия Америки Колумбом, и особенно за последние век-другой усилиями специалистов было обнаружено и реставрировано немало ценностей ранней цивилизации народов Мезоамерики. Большие отряды современных специалистов (археологи, антропологи, лингвисты и религиоведы) сумели не только расшифровать многие тексты, но и обнаружить следы разрушенных храмов, заставить найденные ими произведения архитектуры и изобразительного искусства ожить и рассказать о себе. Раскопаны и обстоятельно интерпретированы отдельные довольно многочисленные городища, в том числе и те, находки в которых могут пролить свет на религиозные представления и верования народов, о которых идет речь.

Это было нелегко, но то, что сумели сделать ученые разных стран, включая и отечественных, заслуживает высокой оценки. Немало стоят многочисленные тома трудов разных авторов, посвятивших свою жизнь загадкам Мезоамерики. Благодаря их стараниям перед миром оказалась приоткрытой завеса таинственности, долгое время окружавшая достижения древних американских цивилизаций. В итоге современная наука обладает уже достаточно весомым потенциалом, чтобы реконструировать многое из жизни древних майя, ацтеков, инков, муисков, тольтеков и иных близких к ним по уровню культуры народов, которые накануне завоевания европейцами или незадолго перед тем процветали в рамках того или иного из ранних очагов цивилизаций урбанистического типа — тех самых, что в свое время были безжалостно уничтожены (до завоевания воинствующими их соперниками, затем европейскими конкистадорами). Очагов, о которых идет речь, было в Америке более чем достаточно. И хотя едва ли

не все они отличались кратковременностью, в сумме все то, что мы теперь о них знаем, составляет достаточно многое и заслуживает специальной главы в труде, посвященном истории религий.

ОСНОВНЫЕ ОЧАГИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ныне считается, что возникновение самых ранних из урбанистических цивилизаций Мезоамерики, еще не оформившихся как следует, но уже обещающих стать фундаментом того либо иного из будущих очагов этой цивилизации, относится примерно к рубежу II и I тысячелетий до н. э. Одной из наиболее ранних среди них считается, например, североперуанская культура Чаван с центром в виде раскопанного археологами городища Чаван-де-Уантар. Судя по имеющимся данным, в период расцвета, т. е. уже в начале I тысячелетия до н. э., это городище было, видимо, религиозным и одновременно политическим центром некоей протогосударственной структуры теократического типа, управлявшейся жрецами. В развалинах храмовых строений найдены места культового назначения, изображения священных животных (ягуаров, змей, кондоров). Время существования культуры Чаван было не слишком долгим. С середины I тысячелетия до н. э. на смену этому центру пришли другие. Из них культура Паракас известна своими тканями с богатым набором изображений людей, зверей, божеств и обрамляющего геометрического орнамента. В полихромной керамике Наска можно обнаружить изображения животных кошачьих пород и змей. К этой же культуре Наска относятся загадочные гигантские полосы, орнаменты и изображения на пустынных плато, которые в их полном виде достигают многих километров и видны при облете территории на самолете. Культура Мочика характерна своими керамическими фигурками, выполненными в виде скульптурных портретов.

Завершает этот перечень культура Тиауанако с центром в районе озера Титикака, наибольшее из всех перечисленных протогосударственных образований. Изображения ягуаров, змей и кондора здесь напоминают те, что были обнаружены в Чаване. Но руины величественных храмов и пирамид близ озера Титикака позволяют заключить, что развитие культуры в этом государственном образовании сделало уже большой шаг вперед, хотя и просуществовало это государственное образование, как и все его предшественники, недолго.

В Мексике и соседних к югу регионах (Гватемала и др.), т. е. в собственно Мезоамерике, древнейшей считается цивилизация ольмеков, возникновение которой датируется первой половиной I тысячелетия до н. э. Ольмеки были знакомы с иероглификой и календарем, а их стелы с изображением ягуаров близки тем, которые характерны для перуанского Чавана. Кроме того, для ольмеков был типичен, как и для их предшественников в этом районе, культ так называемой «богини с косами», как она часто изображается в керамической пластике. Это, видимо, следует воспринимать как изображение некоей богини, которая считалась покровительницей всего животного и растительного мира и от которой зависело процветание общества. Параллельно с ольмеками развивалась, правда, пока еще очень медленными темпами, культура майя (вначале протомайя), которая вышла на передний план в качестве одного из самых ярких очагов мезоамериканской цивилизации лишь в I тысячелетии н. э. Примерно в это же время с севера в Мезоамерику пришли науа. Поскольку космогонические представления науа и майя практически идентичны (оба исходят из существования 13 небес и 9 подземных миров), то не приходится сомневаться в определенном взаимовлиянии мифологии обоих народов. В то же время это все-таки очень разные очаги цивилизации с несхожей судьбой.

Пришедшие с севера науа оказались тесно связанными с одним из самых знаменитых центров мексиканской цивилизации — городом Теотиуакан, располагавшимся и процветавшим в первой половине I тысячелетия неподалеку от современного Мехико*. Этот огромный город с его гигантскими пирамидами Солнца и Луны, многочисленными проспектами и комплексами крупных жилых построек, храмами и дворцами, а также с гигантской рыночной площадью поражает воображение. Видимо, в свое время он был крупнейшим церемониальным центром Мезоамерики. Одним из наиболее почитаемых божеств, изображавшихся на фасадах больших храмов города, был крылатый змей (дракон?) Кецалькоатль, почитание которого со временем стало общим для всей Мезоамерики. В середине I тысячелетия город стал

* Проблема происхождения этого великолепного города с его до сих пор непревзойденными храмами, пирамидами, проспектами и т. п. остается пока что достаточно спорной. Однако большинство склоняется к тому, что в создании этого центра участвовали различные этнические группы, но что, тем не менее, миграция северных науа сыграла при этом важную роль.

клониться к упадку, а через несколько веков на его месте был уже центр новой цивилизации — тольтеков.

Этот новый очаг цивилизации отличался прежде всего усиленным культом все того же великого божества-дракона Кецалькоатля. Но этот бог был не единственным объектом почитания. Согласно сохранившейся мифологии, тольтеки имели достаточно развитую космогоническую теорию. Они полагали, что бог Тонакатекутли со своей супругой Тонакасиуатль родили четверых сыновей, ассоциировавшихся с различными сторонами света и, соответственно, с разными цветами. Двумя из этих четверых были Кецалькоатль и Уицилопочтли, наиболее известные и почитаемые в Мезоамерике того времени. Кецалькоатль и еще один из его братьев, Тескатлипока, принесли с небес богиню Тлальтекутли, чье тело было заполнено ртами, которыми она отчаянно кусалась. Именно из этой богини они сделали землю, растения, горы, реки. Позже были созданы огонь и половина солнца, а затем Кецалькоатль и Уицилопочтли создали мужчину и женщину, дни и месяцы. Когда же выяснилось, что половины солнца недостаточно для нормальной жизни, Тескатлипока сам стал солнцем.

Существует версия, будто один из тольтекских правителей (возможно, бывший одновременно и первосвященником), Топильцин, управлявший страной сравнительно недолго, около 20 лет в конце X (или IX) в., взял себе второе имя, Кецалькоатль, в честь бога, которому служил. Рассказывают, что он пытался утверждать в стране тольтеков принципы благородства, гуманности и братства людей, выступая, в частности, против кровавых жертвоприношений, что в условиях того времени с его растущей жаждой кровавых жертв в честь разных богов выглядело (если все это было действительно так) неким революционным порывом. Стоит напомнить в этой связи, что именно отсутствие развитой этической нормы и потока человеческой крови, проливавшейся жрецами в честь богов, следует считать одним из важных признаков неразвитости американских очагов цивилизации. Не исключено поэтому, что реформы Топильцина могли сыграть очень существенную роль в истории американской цивилизации. Однако этого не произошло. Реформы, насколько можно понять, не были восприняты неподготовленным к ним обществом*. А вскоре после Топиль-

* Можно провести некую параллель между этой попыткой реформ и неудавшимися реформами фараона Эхнатона в Древнем Египте. Хотя ситуация и характер реформ в обоих случаях были разными, общее между ними можно обнаружить в отсутствии ощутимой общественной поддержки.

цина (если даже не в годы его правления) цивилизация тольтеков пришла к концу. Народ мигрировал куда-то на юг.

Самое удивительное в этом, однако, не упадок цивилизации тольтеков, а то, что время существования ее совпало с годами процветания цивилизации майя, располагавшейся по соседству с тольтекской и завершившей период своего процветания практически одновременно с ней в конце I тысячелетия*. На передний план вышли на время топотеки, памятником которых считается грандиозная «пирамида ниш» в Тахине. Влияние тольтеков и майя испытали на себе как топотеки, так и очаг цивилизации сапотеков (II–IX вв.). А во II тысячелетии н. э. в центре Мексики оказались ацтеки, тоже выходцы с севера, которые прошли долгий путь в поисках предсказанного им, согласно легенде, места, где они должны были увидеть орла, терзающего змею. Именно в том месте, где стоит ныне город Мехико, они и увидели это. Там, на островах посреди озера, и был основан ими город Теночтитлан. Вскоре ацтеки подчинили себе весь мексиканский регион, причем именно они были теми индейцами, с которыми столкнулись конкистадоры Кортеса в начале XVI в.

Завершая рассказ об основных очагах цивилизации в доколумбовой Америке, осталось обратить внимание на инков и муисков. Государство инков, которое нередко за его внушительные размеры и весьма специфическую централизованную структуру именуют империей, возникло примерно в XII–XIII вв. на базе давно уже существовавших в регионе Анд многочисленных очагов ранней государственности и цивилизации. Оно заслуживает, пожалуй, наибольшего внимания с точки зрения религиозных верований и кровавых обрядов в честь божеств, о чем еще будет идти речь. Что же касается муисков, то этот очаг ранней цивилизации возник в районе Боготы и с IX в. отличался развитой металлургией и ювелирным искусством. Большую роль здесь играли жрецы, храмы были чуть ли не в каждом поселении, а среди божеств выделялись Чибчакум, почитавшийся простым

* Правда, это не был конец цивилизации майя, специальный обзор которой будет дан ниже. X–XVI вв. считаются «постклассическим» периодом, когда майя вынуждены были оставить свои великолепные города и переместиться на новые места, а культура их во многом лишилась прежнего блеска. Существует также точка зрения, что этот период можно считать «смешанной майя-тольтекской цивилизацией». В любом случае, однако, мы вправе говорить об упадке цивилизаций майя и тольтеков.

народом (муиски именовали себя чибча), и культурный герой Бочика, бывший идеалом правящей элиты.

Итак, завершив в силу необходимости очень краткое ознакомление с основными очагами государственных образований и цивилизаций Мезоамерики, обратимся теперь к более подробной характеристике самых главных из них, имея при этом, естественно, в виду, что остальные в какой-то мере были сходны с этими основными и что в пантеоне наиболее значимых божеств были такие, к которым с почтением относились практически все.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПАНТЕОН МАЙЯ

Расположенный чуть к югу от Мехико, в основном в районе Юкатана и вокруг него (Гватемала, Гондурас), очаг цивилизации майя был если не самым мощным, то уж во всяком случае самым древним и одним из наиболее известных в Мезоамерике. Общность протомайя фиксируется специалистами чуть ли не в III–II тысячелетиях до н. э. И хотя сам по себе этот факт не исключает воздействия на эту общность со стороны возникшей несколько позже цивилизации ольмеков, а затем и науа (тольтеков) с их великолепным культурно-религиозным центром в Теотиуакане, длительность непрерывного существования майя — необычная в Америке — заслуживает внимания и уважения. Так называемый «классический» период существования майя относится, как считают специалисты, к периоду между 325 и 925 гг., хотя первые города этой этнической общности относятся примерно к рубежу н. э. Эти города были уже насыщены дворцами и храмами, в них подчас встречалось нечто вроде обсерваторий и стадионов, были свои центры ремесленного производства и воинские дружины. И именно к этому времени относится расцвет цивилизации майя, отмеченный немалым пантеоном богов и многочисленными храмами в их честь.

Божеств разной степени значимости было, по некоторым данным, 166 (по другим — 30). Часть их имела двойников противоположного пола, причем все они имели, судя по рисункам, антропоморфный облик. Боги странствовали то по небесным сферам, то по подземному миру. Заимствованная скорее всего у науа идея о мировом дереве с его 13 небесами и 9 подземными царствами (редко встречается столь мощное и густое мировое дерево иных народов) была превра-

щена индейцами майя в некий плацдарм для размещения многочисленных божеств, отвечавших за воду и огонь, светила и войны и многое другое. Главным небесным богом, творцом и владыкой всего считался старик Ицамна. Именно он создал мир, мог принимать различные обличья (ягуара, крылатого змея) и отвечал за благополучие созданной им вселенной, будь то солнце, земля или урожай. Богиня луны Иш Чэль считалась его женой и покровительствовала плодородию, здоровью и ткачеству как занятию женщин. Главным божеством подземного мира считался бог смерти А Пуч. Влиятельными и почитаемыми были божества огня, долин, охоты, оленей и др. Интересен бог носильщиков — важность такой небесной персоны могут осознать лишь те, кто хорошо помнит, что в доколумбовой Америке не было тяглового колесного транспорта и что все грузы перевозили либо на одомашненных ламах, либо на себе.

Идея мирового дерева с его 13 небесами и 9 подземными ярусами находилась в центре религиозных представлений майя о мироздании. Они полагали, что боги небесной сферы Ошлахун Ти-Ху, повелители 13 небес и покровители 13-дневной недели (сходство чисел не должно удивлять) активно враждовали с божествами подземного мира Болон Ти-Ку. Земля воспринималась ими как плоский четырехугольник, каждый угол которого был направлен в одну из сторон света, а каждая сторона света имела свой цвет (восток — красный, север — белый, запад — черный, юг — желтый). Центру земли соответствовал зеленый цвет. Располагалась земля на спине гигантского крокодила, плававшего в огромном водоеме. Небесным двойником этого крокодила считался гигантский двуглавый змей, на теле которого находились солнце, луна и звезды.

Четверка в системе космологии играла существенную роль. Так, например, майя полагали, что с четырех сторон от главного мирового дерева размещались еще четыре дерева поменьше, каждое из которых имело своих божеств дождя (чак), ветра (павахтун) и держателя неба (бакаб). Именно на этих бакабах покоилась вся мощь небесной сферы. Считалось, что каждая троица божеств с их деревом главенствовала по очереди раз в четыре года. Подземный мир представлялся в виде мрачной преисподней, находившейся под властью Владыки ночи. Через него между закатом и востоком пробегали все небесные тела, начиная с солнца (неясно, вместе с двуглавым змеем или отдельно от него).

Некоторые божества имели заимствованный скорее всего у ольмеков (а быть может, и из культуры Чаван в древнем Перу через

ольмеков) облик ягуара. Божеств в виде ягуаров было много, причем именно в этой форме представляли себе своих божественных покровителей и многие отдельные племенные структуры или даже клановые сообщества майя.

В раскопанных археологами городах майя обнаружено немало пирамид, среди которых выделяется пирамида в Паленке. Будучи значительно более скромной, чем, например, гигантская пирамида Солнца в Теотиуакане, она тем не менее являет собой грандиозное сооружение. Эта пирамида была, надо полагать, святилищем общенационального значения. Но в ряде других городов майя аналогичные пирамидальные строения со ступенчатым сводом (правда, весьма ранние, относящиеся примерно к рубежу н. э.) были лишь надстройкой над гробницей важного покойника, скорее всего правителя. В некоторых случаях такие захоронения сопровождались погребенными с правителем его подданными.

Письменность и календарь майя складывались медленно. Процесс этот начался, как о том свидетельствуют археологические находки, незадолго до начала н. э. Но расцвет того и другого был тесно связан со становлением очага урбанистической цивилизации, т. е. с «классическим» периодом истории майя. Одновременно в обществе майя выделились правители городов-государств, изображения которых можно встретить достаточно часто, а также сложилась мощная конгрегация жрецов, набиравшая все большую силу. Некоторые специалисты склонны даже считать «классический» период теократией.

Жрецы майя действительно имели огромную реальную власть в государстве. Они имели право на брак и семью, а их дети обычно продолжали их дело либо становились главными помощниками правителей. Именно усилиями жрецов совершенствовались иероглифика и календарь (год у майя состоял из 260 дней, но разница с календарным годом строго компенсировалась сложной системой дополнительных вставных дней*), они занимались гаданиями и прорицаниями, следи-

* Календарь майя принадлежит к числу едва ли не самых важных достижений этой цивилизации. Он настолько тщательно разработан и так точно соответствует не только реальному, но и (по мнению ряда восхищающихся им специалистов) галактическому времени, что авторы порой буквально не находят слов, чтобы выразить свое восхищение и преклонение перед теми, кто его создал. Не вдаваясь в детали, стоит заметить, что, по мнению этих авторов, 52-летние циклы по 260 дней, а также века в 20 лет и иные цифро-

ли за строгим соблюдением ритуальных обрядов, а также были сведущи в медицине. В их функцию входило обучение подрастающего поколения их преемников, они же разрабатывали мифологию майя, включая ее космогонию. Нет сомнения, что именно жрецам пришла идея «подкармливать» свое главное божество (речь о боге солнца Ицамне, который должен ежедневно совершать свой путь по небу) кровавыми человеческими жертвами, которых на раннем этапе становления цивилизации майя еще не было. Однако не следует думать, что кровавые жертвы приносились только в честь бога солнца. Напротив, жрецы вошли во вкус и стали лить кровь чуть ли не ежедневно и в честь любого из богов. А некоторые боги оказались даже привередливыми. Так, боги дождя чаки (вспомним, что их было четверо) предпочитали, например, кровь детей.

Кровавые жертвоприношения жрецов майя наиболее поражают наше привыкшее ко всему воображение. Дело не столько в обилии крови, хотя ее требовалось много. В принципе с кровавыми человеческими жертвами в честь богов были знакомы очень многие народы. В случае с майя обращает на себя внимание, кроме всего остального, форма жертвоприношения. Жрецы майя (а потом и заимствовавшие у них эту систему ацтеки) считали важным взрезать острым ножом грудь обреченного, вырвать из тела еще дымящееся теплом и пульсирующее сердце и именно его поднести божеству, обмазав кровью лицо и рот соответствующей статуи. В особо торжественных случаях с тела принесенного в жертву сдиралась кожа, которую надевал на себя один из жрецов. Остальное сбрасывалось с вершины пирамиды, где обычно происходило ритуальное действо, вниз и кусками поедалось многочисленными присутствовавшими на церемонии, тем самым причащавшимися к жертвенному ритуалу и к великому божеству. Ритуальный каннибализм такого рода никого не смущал — и в этом была, пожалуй, наиболее специфическая черта кровавого жертвоприношения майя и других очагов цивилизаций Мезоамерики. По сравнению с этим прокалывание щек или носа, даже вены и другие аналогичные способы выпускать кровь, что также поощрялось, были не заслуживающей особого внимания мелочью.

вые расчеты имеют свой смысл и что календарь майя с его началом в 3113 г. до н. э. и концом 21 декабря 2012 г. имеет отношение к некоей великой галактической синхронизации.

Иногда, в каких-либо торжественных случаях либо в связи с победами такого рода жертвы совершались в массовом порядке, причем в жертву приносились рассматривавшиеся в качестве рабов пленные. Интересно добавить к сказанному, что в честь богов на стадионах проводилась игра в мяч, который нужно было забросить в кольцо (нечто вроде баскетбола). При этом проигравшая команда либо целиком, либо в лице ее капитана (существуют разные варианты описания этого обряда) тоже приносилась в жертву. Словом, крови жрецы майя не жалели, что, видимо, и делало их столь могущественными и страшными в глазах простого народа. И это при всем том, что проблема жизни и смерти не стояла перед майя слишком остро. Все они верили, что после смерти (особенно будучи принесенными в жертву) попадут скорее всего на небеса. Кроме небес для смертных было и местопребывание в подземном мире, что не слишком привлекало по сравнению с небесами. Стоит заметить, что для погибших с честью воинов тоже отыскивалось место на небесах.

«Классический» период завершился, о чем уже упоминалось, вытеснением майя из их городов на новые места, где они смешались с изгнанными со своих родных мест тольтеками. Начался период поздних майя со слабыми и неустойчивыми государственными образованиями и едва ли не с постоянными войнами. Это было время так называемых горных майя, у которых появилось немало нового, в том числе в мифологии и космогонии. Наиболее интересным из этого нового были рассказы о том, что мир создавался несколькими богами три или четыре раза, но все время казался творившим его богам неудачным, после чего уничтожался. По некоторым данным, каждый из этих циклов длился 5200 лет. Последний раз боги все-таки были удовлетворены и в добавление к мирозданию сделали из майса четырех мужчин, а затем еще и четырех женщин. Эти четыре пары и стали предками горных майя (киче майя). Кроме того, мифология поздних майя повествует о борьбе двух божественных близнецов с 12 божествами подземного мира.

У майя существовал и играл весьма значительную роль культ предков, особенно царских. Раскопки последних десятилетий и реконструкция храмов-пирамид позволяют специалистам утверждать, что значительная часть такого рода строений были созданы специально для захоронения высокопоставленных особ, прежде всего правителей. Близ этих гробниц обычно устанавливались каменные стелы, на которых обозначались сроки царствования умершего.

Поскольку календарь майя, как уже упоминалось, исходил из 20-летнего срока как своего рода века, то главная стела символизировала обычно именно 20-летие. Однако существовали и другие, фиксировавшие 10-летний и 5-летний сроки. Боги каждого очередного 20-летия, видимо, должны были точно знать, сколько лет и в чей период правил покойник. Культ умерших предков не был чужд и более низким слоям общества, хотя он и не был столь заметен для окружающих. Есть сведения, что в ранний период существования майя покойников хоронили в святилищах рядом с домом, а то и просто под полом жилища.

«ИМПЕРИЯ» ИНКОВ

К югу от поздних майя в перуанско-андском регионе, протянувшемся длинной приморской полосой вдоль Южной Америки, где когда-то возникали древнейшие и достаточно еще примитивные очаги ранней цивилизации, начиная с Чавана, на протяжении всего I тысячелетия до н. э. шел медленный процесс постепенной смены одних ранних очагов урбанистической культуры другими. В начале н. э. некоторые из этих культур на время вступили в период расцвета. Религиозные традиции здесь тоже постепенно менялись: хотя преобладал тот же культ ягуаров, появилась практика позже ставших столь известными и распространенными в Мезоамерике человеческих жертвоприношений. Культура Мочика, где жрецы пользовались особым почетом, отличалась своими грандиозными храмами-пирамидами в честь божеств солнца и луны. Существуют предания, что уже на рубеже I–II тысячелетий из боливийского Тиауанако с центром близ озера Титикака была послана в район Куско группа людей, искавших подходящее место для нового города. Большую роль в подготовке к созданию нового блестящего очага цивилизации сыграли племена кечуа, довольно давно уже обитавшие в том же районе Куско. Как бы то ни было, но современная наука исходит из того, что сравнительно поздняя цивилизация инков была результатом этнического и цивилизационного смешения ряда народов северной части Южной Америки, ее перуанско-андского побережья. Тауантинсуйу, или «империя», а проще — государство инков возникло на рассмотренной уже сложной и смешанной этноцивилизационной базе примерно в XII–XIII вв. и достаточно быстро распространило свою власть на большую территорию Южной Америки, подмяв под себя

многочисленные населявшие ее народы, находившиеся на разном уровне развития.

Главным привилегированным этносом в государстве были сами инки, умело наладившие управление огромной страной. Они, подобно древним ассирийцам в Старом Свете, впервые стали практиковать в массовом масштабе раздробление и переселение частями особо непокорных завоеванных племенных групп. В стране были построены тысячи километров мощеных дорог, позволявших наладить хорошую связь даже с окраинными ее районами. Письменность здесь заменяло так называемое «узелковое письмо», существовала налаженная почтовая служба и даже общегосударственная статистика, наличие которой при отсутствии развитой письменности, хотя бы пиктографической, несколько удивляет. На местах подданными Великого Инки (Единственного Инки) управляли местные вожди кураки, в центре власть была в руках инков, прежде всего знати, родни правителя («инки по крови») и заслуженных чиновников и жрецов из числа соплеменников («инки по привилегии»). Глава государства был обожествленным наследственным правителем, сыном солнца (до вторжения испанцев всего их было 12).

Его столица, Куско, была перестроена, в ней было много дворцов и храмов, красивых улиц и площадей. Со всей страны в нее свозилось все самое ценное и имевшее священный характер (уака). Сам Великий Инка считался уака и равным богу-демиургу Виракоче, рожденному из вод озера Титикака. Виракоче был посвящен огромный храм в городе. А вообще храмы в столице инков имели несколько необычный характер. Они не предназначались для посещения людей. В них жили жрецы и девы-весталки (девы солнца), которые со временем, однако, могли стать женами высокопоставленных деятелей государства. Все это, естественно, требовало средств. Крестьяне в общинах часть своего урожая со специального «поля инки» отдавали в государственные закрома, а с «поля солнца» — на нужды жречества.

Храм Солнца в столице был впечатляющим сооружением, облицованным золотыми плитками. Именно здесь ежегодно приносились кровавые жертвы — 500 юношей и девушек, иногда 10-летних детей (предпочитаемый возраст) закапывали живьем в честь божества. Принесение жертвы обставлялось весьма торжественно, а сами принесенные в жертву считались чуть ли не святыми, отдавшими свою жизнь во имя процветания государства и народа и заслужившие за то вечное блаженство на небе. Жрецы, заботившиеся о храмах и

жертвах, являли собой могущественную корпорацию, а верховный жрец, как правило, был близким родственником Великого Инки.

Космогония инков несколько отличалась от других. Считалось, что земля существовала извечно и состояла из трех миров — верхнего, небесного (там жили боги и достойные умершие инки), наземного и подземного. Роль мирового дерева исполняли две огромные змеи, одна из которых, выползая наружу, становилась деревом, тогда как вторая — рекой. На верхнем уровне одна змея становилась молнией, а другая — радугой. Вторая несла на себе отчетливые следы влияния других мифологий с их несколькими этапами становления мира. Первоначально его населяли люди Виракочи, которые очистили землю от змей, хищников, каких-то карликов и стали возделывать землю. Потом появились некие «древние люди», уже, видимо, не бывшие непосредственным творением Виракочи, здесь не упоминаемым. Они умели строить дома, каналы и поклонялись богу молнии. За ними пришли «дикие люди», которые строили дороги, умели ткать, добывать металл, разводить скот. У них было войско, и поклонялись они богу-демиургу Пачакамаку. Погибли все эти люди в результате потопа. На смену им пришли воины, жившие в горах. И только после всего этого Виракоча создал современных людей с их земледелием, городами, храмами и т. п. К этим космогоническим мифам вплотную примыкают и другие рассказы, в частности о происхождении людей.

Их было несколько. Один из вариантов: отец-солнце и мать-луна послали на землю сына и дочь. Сын стал первым инкой, дочь — его женой. Вообще в мифологии инков, очень много заимствовавшей от их предшественников кечуа, почитались земля и вода, а также многочисленные духи. Что касается душ умерших, то они уходили в некую «землю немых» через пропасть по мосту из волоса, причем их сопровождали черные собаки. Считалось также, что похороненные мертвые прорастали и выходили из земли в виде живых людей.

В пантеон инков и кечуа кроме демиурга Виракочи, созданных им Солнца, Луны и иных светил входили также божества грома и созвездия Плеяд. Бог грома, разбивая камнем небесный сосуд с водой, обеспечивал землю дождями. Этот же бог ведал молниями и не оставлял без своего внимания звездный мир, будь то Млечный Путь или Южный Крест.

Вообще инки чрезвычайно глубоко интересовались астрономией и на базе различных выкладок по поводу Млечного Пути или иных

звезд и звездных скоплений были склонны рассуждать столь же основательно, как майя разрабатывали календарь. Звездные поиски инки связывали с геомантическими и приписывали имевшие к этому события все тому же Виракоче, который в мифологии инков сохранился как реально существовавший старик, являвшийся людям и вступавший с ними в зависимости от обстоятельств в различные отношения.

Следует заметить, что священный центр в Тиуанако близ озера Титикака имел усеченную пирамиду из семи уровней, а также подземную часть, созданные и сориентированные в соответствии с космологическими представлениями инков, которые в этом пункте имели, видимо, некоторое сходство с представлениями майя.

Завершая рассказ об инках, стоит отметить стройность и организованность их общества, а также то несколько необычно звучащее мнение (в частности, высказанное М. Элиаде), что «устройство империи инков во всем напоминает рациональную утопию», которая, скорей всего, оказала «влияние на Томмазо Кампанеллу». Правда, аргументация этого тезиса не развернута, но само мнение заслуживает упоминания, ибо рационально-утопическая струя в этом обществе действительно весьма заметна. Она видна хотя бы в казарменно-коммунистической организации быта людей. По некоторым подсчетам, на каждые 10 тыс. семей в этом государстве приходилось 3333 чиновника, что кажется невероятным и, в частности, намного превосходит число мелких и чуть более высоких общинных начальников, патриархов, старейшин и различного ранга чиновников, которые существовали в Китае, известном своей суперрациональной внутренней структурой, высоким уровнем социальной дисциплины подданных сына Неба и эффективной системой организации администрации.

АЦТЕКИ

Ацтеки, как и многие другие миграционные потоки, спорадически проникавшие в процветающую Мезоамерику с гораздо более скудного севера, принадлежали, насколько можно судить, ко все той же огромной этнической общности науа. Это была последняя в истории доколумбовой Америки массовая миграция, но она принесла с собой серьезные изменения в судьбах тех очагов ранней цивилизации, которые здесь к тому времени уже давно сложились и расцве-

ли. После длительных странствий*, занявших едва ли не полтора века, ацтеки в 1325 г. (хронология индейцев Мезоамерики скрупулезна и точно переведена на современный европейский календарь) увидели в районе современного Мехико предсказанную им, согласно легенде, картину — орла, терзающего змею, и, как о том уже было упомянуто, осели именно в этом районе, основав свою столицу Теночтитлан среди озера.

Укрепившись и освоившись на новом месте жительства, ацтеки стали проявлять свою агрессивность по отношению к наиболее сильным соседям. Встав во главе объединения трех урбанистических структур (Теночтитлан, Тескоко, Тлакопана), они успешно выступили против могущественных тепанеков, которые были уничтожены едва ли не полностью. Союз же трех городов оказался основой все расширявшегося государства ацтеков, захватившего многие из тех мест, где прежде обитали давно уже ушедшие оттуда майя и тольтеки. На первых порах пришедшие в Мезоамерику ацтеки вели себя как варвары и уничтожали многие следы прошлых цивилизаций. Впрочем, стоит обратить внимание на то, что варварские наклонности ацтеков, проявлявшиеся еще до строительства города, не слишком противоречили тем нормам, что были приняты в Мезоамерике до их прихода.

Однако довольно быстро они освоились и сделали немалый шаг вперед в своем развитии. Символом создания нового ацтекского очага мезоамериканской цивилизации как раз и был Теночтитлан, т. е. современный Мехико. Начнем с того, что, согласно легенде, само возвышение ацтеков тесно связано с одним из наиболее почитавшихся в Мезоамерике божеством Уицилопочтли. Суть легенды в том, что будто бы одна почтенная женщина, «носившая юбку из змей» и давно уже бывшая вдовой, была задета упавшим с неба красивым пером, от которого она забеременела. Ее взрослая дочь (ее имя — Луна)

* Важно обратить внимание на тот интересный факт, что многие миграции американских индейцев в разных местах континента (это относится не только к ацтекам, но и к далеким от них южным патагонцам) совершались под лозунгом поиска «земли, где нет зла». Это свидетельствует об определенной потребности в этических заповедях, которые в то далекое время еще не были сформулированы (что касается патагонцев, то у них эта формула возникла, возможно, много позже испанского завоевания и была заимствована от каких-либо соседей).

рассказала об этом братьям (звездам), которые примчались убить мать, опозорившую их семью. Но мать спряталась в храме, а чудесным образом очень быстро родившийся у нее сын оказался богом Уицилопочтли, который быстро расправился с родственниками и стал богом солнца и войны. Мать его стала почитаться богиней земли, которая каждое утро рождает солнце, а оно в свою очередь разгоняет с неба луну и звезды. Став таким образом народом солнца и войны, ацтеки и выступили в свой долгий путь на юг. А оказавшись на месте и построив свой город, они прежде всего начали приносить кровавые жертвы солнцу, что как раз и было широко распространено в Мезоамерике.

Основа легенды, вне сомнения, специфически ацтекская, но многое в нее, видимо, было вписано задним числом. В частности, это касается кровавых жертв солнцу. Одной из первых таких жертв, в точности напоминавших обычаи майя, был захват хитростью дочери одного из соперничавших с ацтеками вождей под предлогом ее обожествления*. Дочь была убита, с нее сняли кожу и надели на жреца. А когда отец девушки прибыл навестить ее, то разъярился. Началась война, и ацтеки вынуждены были бежать и скитаться до тех пор, пока не нашли убежища на болоте (именно здесь орел терзал змею), где оказался остров, на котором и был выстроен Теночтитлан.

Став основателями нового центра, ацтеки энергично присоединяли к себе соседние земли. Очередная легенда гласит, что своим предводителем они выбрали одного из потомков тольтеков**. Под руководством основанной им династии ацтеки успешно расширяли захваченную ими территорию, пока не овладели практически всей территорией современной Мексики. Власть правителя государства становилась все прочней, а окружающие его вожди подвластных ему народов постепенно теряли свои прежние привилегии, в частности право хотя бы формального

* Очень странный случай. Сомнительно, чтобы какой-нибудь правитель отдал свою дочь варварскому племени под столь нелепым и ничем не подкрепленным предлогом. Но легенда остается легендой, так что мы можем лишь принять ее во внимание.

** Тоже весьма любопытная деталь, если только это не очередная легенда. Смысл выбора, как объясняет современный испанский автор Д. Со-ди, в том, что тольтекское происхождение избранного ими вождя давало ацтекам некое легитимное право стать наследниками древних цивилизаций Мезоамерики.

участия в утверждении очередного правителя на его троне. Все мужчины в государстве ацтеков были храбрыми воинами и с детства мечтали стать ими. Специалисты отмечают редкую воинственность этих людей, которые подчас саму свою жизнь (подобно современным палестинским шахидам) рассматривали лишь как некое преддверие героической смерти. Смерть в сражении и на жертвенной площадке (с вырезанием сердца у живого) считалась особенно почетной и желанной, ибо, приняв ее, человек мог рассчитывать на то, что его душа займет почетное место на одном из небес.

Религиозные представления, мировоззрение и мифология ацтеков были во многом заимствованы от их предшественников, что и естественно. В их пантеон вошли могущественный Кецалькоатль, когда-то в мифологии тольтеков создавший землю, и многие другие божеества Мезоамерики. Как и их предшественники, ацтеки свято верили, что мир создавался не единожды, а по меньшей мере четыре-пять раз, причем каждый раз божество солнца менялось. На первом этапе, завершившемся победой ягуаров над гигантами, им был Тескалипока (у тольтеков помогавший Кецалькоатлю создать землю); на втором, когда люди превратились в обезьян, им стал сам Кецалькоатль; на третьем, завершившемся всемирным пожаром, им был Тлалок; на четвертом, закончившемся потопом и превращением людей в рыб, — богиня вод Чальчиутликуэ. На последнем, нынешнем этапе божеством солнца стал Тонатиу. Создать последнее солнце (а вместе с ним и новых людей) оказалось нелегким делом, над которым упорно трудились чуть ли не все собравшиеся для этого на равнине Теотиуакан божеества. Чтобы новое солнце стало двигаться, необходима была кровь. Божеества не остановились перед тем, чтобы отдать солнцу немного собственной крови. Так кровь и у ацтеков стала основой для нормального функционирования всего мироздания.

Не совсем понятны не только столь частая смена богов солнца, но и исчезновение из их рядов главного среди них — Уицилопочтли, который явно оставался едва ли не наиболее почитавшимся у ацтеков. Но факт остается фактом, так же как и привычное для Мезоамерики деление мира на 13 небес и 9 подземных миров, а также деление мира на центр и четыре стороны света. Что касается пантеона ацтеков, то он был настолько велик, что сложно пытаться перечислить всех входивших в него божеств различных рангов. Все божеества достаточно легко перемещались в пространстве, включая небеса и подземный мир.

Интересны представления ацтеков о рождении людей, которые связывались с эманацией божества Ометеотля, обеспечивавшего жизненной энергией зародыш еще в матке матери. После смерти человека находившаяся в его сердце божественная энергия отправлялась в мир мертвых. Частица божественной энергии существовала во всем окружающем людей мире, включая не только растения и животных, но также окружающий людей ландшафт, в том числе их города и храмы.

Храмы были центральным объектом заботы ацтеков. Это видно при первом взгляде на Теночтитлан, будущий Мехико. В нем строились всё новые и новые храмы, причем их количество исчислялось сотнями. Каждое из божеств, в чью честь строились храмы, нуждалось в человеческой крови. Есть сведения, что после сооружения «великого храма» в честь Уицилопочтли в центре Теночтитлана было принесено в жертву свыше 80 тыс. человек, хотя эту цифру некоторые авторы считают преувеличенной. Едва ли стоит спорить. Главное в том, что считалось нормальным и естественным питать божеств, в чью честь создавались храмы, свежей человеческой кровью. Частично для этого использовались пленники или обычные простолюдины, но иногда, в особо торжественных случаях, — специально отобранные красавцы, целый год заботливо обихаживавшиеся жрецами и считавшиеся своего рода высшим образом человека, человекобогом. Во всех случаях жрецы ацтеков предпочитали использовать для умерщвления предназначенных к смерти старый способ майя: обреченным разрезали грудь, вырывая оттуда дымящееся сердце — ту самую часть тела, где таилась некая божественная энергия. И кровью сердца обрызгивали изображение божества, после чего тело отдавалось на каннибальское потребление собравшейся лицезреть обряд толпы. Стоит обратить внимание на то, что человеческой крови в честь своих богов и вообще при любом удобном случае воинственные ацтеки проливали больше, чем все остальные народы древних очагов цивилизации Америки. Дело доходило до того, что все, буквально все, вплоть до правителей обязаны были время от времени истязать свое тело (прокалывали губы, уши, языки и т. п.) ради удовлетворения богов. А каннибализм во время жертвоприношений был чуть ли не обязательным: людей буквально вынуждали съесть часть трупа казненного с несколькими зернами маиса в качестве своего рода причастия в честь богов.

Государство ацтеков долгое время было не только сильнейшим, но и практически единственным на территории большей части Мезоамер-

рики. Единственное, что (опять-таки, если верить легенде) смущало могущественных его правителей, так это предсказание о скором возвращении бога Кецалькоатля, который должен был занять трон в Теночтитлане. Куда и почему удалился бог, как, когда и откуда он должен был вернуться, каким образом возникла легенда и стоит ли ей верить — вопрос особый, не раз подвергавшийся обсуждению специалистов. Но тем не менее легенда не умирает и постоянно связывается с появлением испанцев, с именем Кортеса, которого будто бы приняли за Кецалькоатля, что и помогло ему с его сравнительно небольшим (около полутысячи конкистадоров) отрядом на никогда не виданных в Америке до того лошадях столь легко расправиться с правителем воинственных ацтеков Монтесумой и всеми его подданными.

Очаги американской цивилизации, как о том уже шла речь, вот уже многие десятилетия тщательно изучаются огромным отрядом археологов и антропологов, лингвистов и искусствоведов, да и представителями многих иных специальностей, включая любителей уфологии (имеются в виду загадочные многокилометровые полосы и фигуры на пустынных плато, имевшие отношение к перуанской культуре Наска, расцвет которой пришелся на вторую половину I тысячелетия). Но, несмотря на это, нет сомнений, что изучена эта цивилизация пока еще крайне недостаточно. К этому стоит добавить, что в гораздо меньшей степени она известна неспециалистам, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что доколумбова Америка крайне слабо включена в мировую историю, очень многие книги о которой обходятся вовсе без нее.

В издании, посвященном религиям, нет возможности сколько-нибудь существенно восполнить этот принципиальный пробел. Мы можем лишь напомнить читателю, что культурные достижения индейцев Америки очень велики, что без них мы не знали бы, что такое картофель и томаты, кукуруза и подсолнух, кофе и какао, не говоря уже о табаке и некоторых иных экзотических продуктах, не столь необходимых людям. Ацтеки строили город на болоте, умели реализовывать достаточно сложные и серьезные ирригационные проекты. Инки создали тщательно продуманную систему централизованной администрации, настолько обширную и эффективную, что их государство часто называют «империей». Но тем не менее исходя из всего того, что нам известно о достижениях цивилизации в Новом Свете, есть все основания твердо заключить, что это была по многим своим параметрам ранняя, даже очень ранняя цивилизация.

Конечно, величественные строения в городах, храмы и пирамиды, даже целые внушительные комплексы их впечатляют и не могут не впечатлять. Вызывают уважение развитая письменность Мезоамерики (в основном майя) и тщательно разработанный календарь, архитектура и великолепная пластика, обилие барельефных изображений, подчас достигающих уровня высокого искусства. Можно вспомнить о тысячах километрах мощеных дорог инков, налаженной почтовой службе, да и обо всей стройной системе администрации в этом государстве. Все эти и некоторые другие достижения вполне могут создать впечатление вполне развитой цивилизации, разве что несколько специфичной и непривычной для Старого Света — нет тягловых животных и колесных упряжек, мало заметны изделия бронзового века, неясны детали торгово-денежных отношений. Но все это вполне может считаться именно спецификой, вызванной условиями существования оторванных от Старого Света очагов цивилизации Нового Света. И все-таки нет никаких сомнений, что в лице этих цивилизаций со всеми их внушительными культурными достижениями мы имеем дело с ранней, даже очень ранней стадией развития урбанистической культуры и религиозных систем.

Дело не столько в том, что цивилизациям доколумбовой Америки не хватало чего-то существенного, чтобы оказаться на более высоком (по сравнению хотя бы с древневосточными в Старом Свете) очагами мировой цивилизации. Много важнее хотя бы то обстоятельство, что во всех очагах, включая инкский, отчетливо ощущается примат власти и влияния жрецов, оттенок теократии. Теократия сама по себе вообще-то не может считаться признаком отсталости. И в Древнем Египте, и в Шумере она тоже была весьма заметной. Однако слишком большая ее роль явственно препятствует сложению нормальной государственности с упорядоченной высшей властью правителя (имеются в виду различного рода министерства и ведомства, соответствующее разделение труда между высшими администраторами в крупных государствах и существование, пусть в зародышевой форме, системы политической власти в мелких).

Нет смысла входить в детали всего того, что имеет отношение к политической истории доколумбовой Америки. Но, исходя из тех немалых уже данных, которые достаточно широко представлены сегодня в обобщающих изданиях, в том числе и отечественных, вытекает вывод, что процесс исторической эволюции там был сравнительно мало заметен. Конечно, элементы раннерелигиозного комплекса

с его тотемизмом, анимизмом, фетишизмом и магией были уже позади. От них остались лишь пережитки в форме одухотворения могучих сверхъестественных сил, культа некоторых видов животных, идолов в храмах и магической деятельности жречества. Но этот разрыв между примитивными верованиями и развитой системой религиозных представлений в очагах цивилизаций естественен и ожидаем. Однако дальше него процесс почти не двинулся. Порой создается впечатление, что передовые общества индейской Америки, в том числе инки, достигли достаточно высокой точки в своем развитии и застыли на этом уровне. Быть может, это не так. Но проверить правильность подобного представления практически невозможно. Остается просто принять, что перед нами ранний этап развития цивилизации и, соответственно, ранний этап формирования сколько-нибудь развитой религиозной системы.

И еще один важный аспект проблемы. Выше уже шла речь о роли этики в процессе эволюции ранних цивилизаций. Поток человеческой крови, проливавшейся всевластными жрецами во имя кровожадных богов, свидетельствуют о том, что с этикой во всех очагах цивилизации доколумбовой Америки дело обстояло, мягко говоря, неважно. Ни верхи общества, ни рядовые его члены еще не осознавали или только-только начинали осознавать жестокость этих обрядов. Именно отсюда проистекала, видимо, уже упоминавшаяся формула о стремлении поиска других земель, «где нет зла». Нельзя быть абсолютно уверенным в том, что эта формула была внутренним протестом против потоков проливавшейся во имя богов человеческой крови, но вполне вероятно, что дело обстояло именно так. С кровавыми человеческими жертвами были хорошо знакомы многие первобытные культуры и очень ранние очаги цивилизации. Но на более высоком уровне развития человеческую кровь обычно переставали проливать, а этические нормы и заповеди даже просто запрещали это. Цивилизация древней Америки этого уровня еще не достигла, что опять-таки вполне могло быть показателем ее внутренней слабости, недостаточной развитости.

Глава 8

Древний Египет

*Жизнь, смерть и загробный мир • Гелиопольская эннеада
и столичные жрецы Мемфиса • Фивы, культ бога Амона
и переворот Эхнатона • Жрецы, храмы и культ богов
• Мифология • Эволюция религиозных представлений*

Основы цивилизации и государственности в долине Нила складывались на несколько тысяч лет раньше, чем это было в Америке, причем египетский очаг цивилизации возник в результате достижений неолитической революции в ближневосточном регионе. Именно из этого района в сторону близлежащих долин великих рек спускались с предгорий земледельцы неолита. Они искали подходящие места для земледелия. Неудивительно, что долина Нила была одним из лучших мест такого рода. Позже древнегреческий историк Геродот сформулировал свой знаменитый и незабываемый афоризм: «Египет — дар Нила».

Практически все сказанное означает, что знакомые с достижениями неолита земледельцы, мигрировавшие из района стыка Африки и Евразии, заселяли сначала обширную и плодородную дельту реки, а затем шли вверх вдоль ее узкой и окруженной песками, а с запада и невысокими горными хребтами долины, вплоть до труднопреодолимых порогов на юге. В результате этой миграции, которая, вполне возможно, сопровождалась метисацией пришельцев с немногочисленным местным донеолитическим либо субнеолитическим, т. е. занимавшимся в основном разведением домашнего скота североафриканским населением, складывалась этническая общность

египтян, которая в силу благоприятных природных условий быстрыми темпами и весьма успешно эволюционировала*.

Долина Нила с его регулярными разливами и плодородным илом, ежегодно покрывавшим достаточно плотным слоем обширные пространства по берегам реки, была, по сути, единым организмом, требовавшим для нормального функционирования лишь четкой и по возможности централизованной администрации, которая возникла достаточно рано. Известно, что именно благоприятные объективные условия привели к тому, что уже между V и III тысячелетиями до н. э. первые поселенцы научились строить поперечные земляные валы, которые задерживали наполненную илом воду на том участке, где были расположены поля данного поселения. Тем самым они надолго сохраняли достаточно насыщенный влагой ил для того, чтобы посадить злаки и дожждаться их созревания. Обе эти обычно очень сложные и трудоемкие для земледельцев процедуры у египтян оказались облегченными до предела: если не считать работу по возведению земляных валов, которая, к слову, была единой, так что требовалась лишь время от времени некоторая починка, все остальное не стоило большого труда. Группы работников бросали зерна в землю (в мокрый ил), затем иногда выпускали скот, который копытами втапывал зерна, а после этого спокойно дожидались всхода и созревания колосьев. Оставалось только сжать и обмолотить урожай.

Быстрые темпы демографического прироста в этих благодатных условиях вели к тому, что молодое поколение отпочковывалось от материнского и, сев на небольшие корабрики, искало место для нового поселения. Так за сравнительно короткий срок была освоена вся долина, а в наиболее плотно заселенных районах уже в конце IV тысячелетия до н. э. образовались первичные очаги цивилизации с храмами в честь того либо иного божества, а иногда и нескольких. Эти строения, подчас обнесенные стенами, становились центрами администрации всего

* Важно иметь в виду, что на начальном этапе неолитические земледельцы, осваивавшие долину Нила, столкнулись с немалыми трудностями. Им следовало очистить берега от густых зарослей, в которых водились различные животные, в том числе змеи и крокодилы, и поддерживать эту подготовленную землю в идеальном для земледелия состоянии. Это потребовало определенного труда, но после того, как дело было сделано, ситуация радикально изменилась в пользу новопоселенцев.

района — нома, как его впоследствии стали именовать описывавшие историю Египта греческие историки. Около 40 номов (20 вдоль долины, в верховьях реки, и еще 20 в районе дельты) составили два крупных царства, соперничавших друг с другом. Вскоре после их оформления, примерно на рубеже IV–III тысячелетия до н. э. правитель Верхнего Египта Менес завоевал Нижний и объединил страну. Возникло огромное государство с солидным аппаратом власти и иероглифической письменностью, необходимой для хозяйственной отчетности и прославления божеств.

Отсчитываемый специалистами с этого момента период Раннего царства длился примерно два века, когда этим первым в истории крупным государственным образованием управляли правители-фараоны двух династий. Затем около трех тысячелетий следовали один за другим периоды Древнего, Среднего, Нового и Позднего царств, причем последний из них был уже временем, когда Египет завоевывался то одной, то другой соседней державой, пока походы Александра Македонского не превратили его в часть эллинистического Ближнего Востока.

На протяжении этих долгих тысячелетий древнеегипетское общество, естественно, изменялось и эволюционировало. Но важно обратить внимание, что эволюция шла крайне медленными темпами, прерывалась переходными периодами, обычно делая некоторый шаг назад, и какого-либо качественного скачка, в том числе подхода к осевому времени, здесь так и не произошло. Впрочем, это не умаляет всего того, что достигли египтяне за долгие тысячелетия.

Как и многие государства Востока, тем более ранние и мало контактировавшие с соседями, древнеегипетское общество было самодостаточным и крайне консервативным. Оно выше всего ценило нерушимую стабильность своей спокойной, почти без завоеваний, жизни. А поскольку в Египте практически не было хоть сколько-нибудь длительной традиции автономного существования основанных на общинной структуре городов-государств (традиции, которая позже сыграла большую роль в становлении демократических идей и институтов в античной Греции, была столь заметной в Двуречье и которая, к слову, всегда была чревата войнами), то в нем не было основы также и для серьезных внутренних конфликтов. Зато обожествление правителя достигло здесь небывалых размеров. Фараон был обоготворен, считался сыном бога солнца и почитался не только в качестве высшего единства растянувшейся на тысячи километ-

ров страны, но и как символ ее благосостояния и процветания, носитель высшей божественной силы. В качестве такового он совершал наиболее важные ритуалы, включая торжественный обряд первовспашки: проводя первую борозду, он как бы оплодотворял нильскую долину от имени стоявших за ним богов.

Как и в древнеамериканских очагах ранней цивилизации, в Египте сохранялись пережитки ранних форм религиозных представлений. Но эти пережитки обрели новый облик. Следы тотемизма можно обнаружить в широко распространившемся культе животных — быка, особенно чистой белой или черной масти, барана, льва, кошки, крокодила, змеи, сокола, птицы ибис, жука скарабея и др. Некоторые из них, как бык Апис, обожествлялись, содержались в специальных помещениях и обслуживались приставленными к ним жрецами. Стоит обратить внимание на то, что и облик божеств, особенно в глубокой древности, был, как правило, зоантропоморфным, т. е. представлял собой человеческое тело с элементами тела животного (бог Гор имел голову сокола, Собек — крокодила, Тот — ибиса, богиня Баст — кошки и т. п.).

Магия и анимизм сохранялись в форме веры в духов и душ, в божеств и перевоплощения. Считалось, например, что души умерших подчас могут войти в кого-либо из почитаемых животных. Существовало представление, что у некоторых богов есть тайное имя, которое имеет большой магический смысл. Когда бог солнца Ра был ужален змеей, богиня Исида, слывшая чародейкой, смогла вылечить его только после того, как он нехотя назвал ей свое тайное имя, так и оставшееся для всех остальных неизвестным. Важным магическим обрядом был ритуал «отверзания уст», делавшийся для «оживления» уже готовой к погребению мумии. Считалось, что этот обряд, заключающийся в прикосновении к губам и глазам мумии специальным жертвенным жезлом, способствовал ее одухотворению. Большой популярностью пользовались также толкования снов и предсказания.

Фетишизм нашел свое отражение, как то обычно бывало, в создании идолов божеств, которым поклонялись в многочисленных номовых и тем более столичных храмах, а также в широком распространении уменьшенных копий изображений тех же божеств. За всеми идолами тщательно ухаживали многочисленные храмовые жрецы. Но наибольшей трансформации подвергся столь обычный для всех народов мира культ мертвых предков. В Египте он обрел форму

невиданно преувеличенной заботы о сохранении собственного тела в виде хорошо сделанной и тщательно запрятанной мумии, что обеспечивало потенциальную возможность некоей жизни после смерти, если не для тела, то для души умершего.

ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ И ЗАГРОБНЫЙ МИР

Проблема жизни и смерти была для египтян едва ли не najważнейшей, она обрела не столько мифологическо-космогонический аспект, сколько примитивно-бытовой (большое внимание к похоронам и памяти умерших) и общественно-значимый (мумии, саркофаги, пирамиды). Считалось, что человек после смерти как бы вовсе не умирает. Существовали даже специальные заклинания, смысл которых сводился к тому, чтобы отворотить смерть от человека, уже пребывающего в загробном мире. К умершему обращались с посланиями и просьбами, на которые он вполне мог откликнуться. Более того, он мог при определенных условиях выходить в мир живых из своей могилы. Не вполне ясно, правда, в какой форме — в виде живого человека, имеющего тело, или только в форме души.

Согласно сложившимся уже в ранней древности верованиям, каждому еще при жизни следовало позаботиться не только о своем теле после его смерти, но и о душах. Что касается тела, то забота о нем сводилась в основном к едва ли не вечному сохранению хотя бы его части, прежде всего лица. Уже в глубокой древности была тщательно разработана методика обработки трупа если и не всех, то, по меньшей мере, общественно значимых персон начиная с правителя. Подготовку трупа, т. е. превращение его в мумию с изъятием внутренних органов и бальзамированием остального тела, брали на себя специальные служители храмов, сопровождавшие свою нелегкую работу множеством ритуальных обрядов. Натертая благовониями и укрепленная смолами мумия окутывалась несколькими слоями холста так, что незакрытым оставалось только лицо, тоже тщательно обработанное бальзамами. Затем мумию клали в деревянный гроб, потом в каменный саркофаг, испещренный надписями и рисунками. Подготовленное таким образом тело умершего переправляли на другой (как правило, западный, покрытый горными хребтами) берег Нила, где находилось кладбище, некрополь.

При погребении совершались обряды в стиле мистерий, изображавших странствия в подземном мире. Приносились жертвы (чаще всего быки), совершался обряд очищения мумии и, едва ли не главное, — «отверзания» на лице рта и глаз, что способствовало якобы оживлению или одухотворению мумии и позволяло покойнику видеть и потреблять те дары, которые должны были регулярно приносить ему в качестве жертв его потомки. После всего этого саркофаг прятали глубоко внутрь гробницы так, чтобы его никто не мог увидеть и побеспокоить. Обычно вместе с покойником туда же клали его вещи и прочие необходимые ему в потусторонней жизни предметы. Завершалась церемония обильными поминками, в которых, как считалось, принимал участие и покойник. Гробницы в форме некрополя или в виде вырезавшихся в скалах с западной стороны Нила пещерах с украшенными барельефами и рисунками стенами дают специалистам много ценных сведений о жизни египтян, ибо на изображениях обычно присутствуют сцены из жизни покойника. Существенно обратить внимание на то, что города мертвых, или «жилища для вечности», как их именовали египтяне, располагались обычно на достаточно высоком по отношению к уровню реки месте, дабы разливы Нила их не достигали.

Заботились не только о теле. Принято было считать, что у каждого человека, помимо тела и тени, имелось по меньшей мере две души, которые после смерти вели себя по-разному: «ба» (подчас в виде птицы) возносилась на небо или, по крайней мере, могла странствовать там рядом с богами, а то и спускаться на землю, даже посещать мумию в гробнице. «Ба» была свободной, отделенной от тела, тогда как «ка», которой обычно придавалось очень большое значение, оставалась с телом, причем от степени сохранности ее и тела, количества приносимых жертв и качества ухода зависели благополучие умершего в загробном мире и потенциальная возможность возрождения (выхода в мир богов на небе или в мир живых на земле) в той или иной форме. Именно поэтому тело наиболее значимых персон, и в первую очередь правителя-фараона, так тщательно бальзамировали, приготавливая из него мумию, а также создавая в гробнице для его души «ка» поистине царские условия — достаточное представление о них дают раскопки в XX в. никем не разграбленной (редкий случай!) богатой гробницы Тутанхамона. Естественно, что для сохранения мумии и сокровищ в неприкосновенности нужны были

немалые предосторожности: надежнее всего было упрятать их в середину огромной пирамиды, которая к тому же служила и символом славы, элементом престижа покойного правителя*.

Заботились о возможности какого-либо воскрешения или, по меньшей мере, о сохранении памяти о себе не только фараоны, но и правители, жрецы и чиновники рангом пониже. Для каждого из них делом жизни с юных лет было стремление накопить средства для строительства и украшения своей будущей гробницы. Со временем в древнеегипетской мифологии появились и специальные объяснения того, что ждет умерших. Больше всего внимания уделялось тому, как соединится со своим отцом-солнцем умерший правитель. Вообще-то имелась в виду его душа-«ба», но речь обычно шла именно о фараоне как таковом. В одних текстах рассказывалось, что он летит на небо на крыльях, в других тот же сюжет расписывался как некое плавание (небо представлялось чем-то вроде огромной водной поверхности). Полагали также, что на небо можно подняться по лестнице или по солнечным лучам.

Как бы то ни было, но чаще всего, видимо, процесс виделся как восхождение на небо на некоем судне. Такого рода судна чуть ли не в натуральную величину археологи подчас находят на песке близ гробниц некоторых фараонов, включая Хеопса с его гигантской пирамидой. Перевозил фараона на небо, как считалось, специальный перевозчик, а на небе умерший правитель становился кем-то вроде помощника бога Ра или гребца в той ладье, на которой Ра ежедневно пересекал небо.

Что касается покойников рангом пониже, то местом их погребения становились, как упоминалось, гробницы, высеченные в скальном грунте и украшенные барельефными изображениями сценок из жизни покойника. Сначала, видимо, в эти гробницы приносили на-

* Стремление глубоко упрятать мумию вызвало к жизни уже на очень раннем этапе существования государства строительство величественных пирамид, которые и по сей день являются украшением страны и справедливо считаются едва ли не первым из чудес света. К слову, строительство крупнейшей из них, пирамиды Хеопса, датируемое примерно XXVII в. до н. э., являет собой наглядное свидетельство того, о чем ранее уже шла речь: выше этого уровня строительная техника последующих веков не поднималась, хотя искусству строительных работ, архитектуре и барельефной росписи в усыпальницах египтяне на протяжении тысячелетий придавали особое значение.

стоящие вещи и жертвенную пищу в качестве даров. Но позже стали считать достаточным изображение всех этих даров на специальной каменной плите с упоминанием имени покойника, которому они предназначаются. Не исключено, что еще позже делались только надписи с перечислением даров. Естественно, что похороны простых египтян ограничивались отнесением обработанного тела в некрополь, где оно и закапывалось, быть может, с изображениями и надписями, упоминавшими о жертвах и дарах.

С течением времени в воззрения на похоронный обряд и загробную жизнь все более ощутимо проникает этическое начало. Возникла идея о том, что мудрый бог Осирис, ставший к тому времени всеобщим почитаемым божеством, вершит суд над умершими, взвешивая их сердца и определяя при помощи богини истины Маат, насколько каждый был грешен при жизни. Грешников пожирало чудовище Амт (лев с головой крокодила), а праведники могли рассчитывать на счастливую жизнь на «священных полях» иару. При этом специально подчеркивалась необходимость этической безукоризненности тех, кто заслужил пребывание на «священных полях»*.

Особо следует сказать о представлении древних египтян о загробном мире. Главное, что следует отметить, — это представление о потустороннем мире как о некоем продолжении земного существования. Более того, «священные поля», в представлении египтян, были чем-то вроде райских кущ, где всегда были сказочные урожаи, много еды, а трудились на сборе урожаев и создавали все блага так называемые ушебти, маленькие статуэтки людей, которые со времен Среднего царства начали класть в гроб всем покойникам. Так покойники стали считаться обладателями магической сверхъестественной силы, что породило практику письменного обращения к ним родственников и потомков с просьбами. Письма приносили вместе с дарами.

С возникновением идеи о загробном суде Осириса получило развитие представление о том, что каждый должен быть готов к своеобразному отчету о своей жизни с упоминанием о всех проступках и иных грехах. Возникли новые варианты судебного действия, в котором принимали участие подчас до 42 судей. Создавались искусные

* В главе 125 «Книги мертвых» дан перечень этических достоинств праведников: это те, кто не крали, не восставали, не злословили, были покорными и чистыми сердцем.

магические формулы, которые помогали умершему влиять на решение судей. Что касается наказаний за грехи, то они обычно сводились, в представлении египтян, к лишению права на достойное погребение, а также к изгнанию в некую преисподнюю, где они были лишены тепла и света великого Ра. А самым страшным наказанием считалось окончательное уничтожение всего, что составляет суть человека, — и тела, и тени, и душ.

ГЕЛИОПОЛЬСКАЯ ЭННЕАДА И СТОЛИЧНЫЕ ЖРЕЦЫ МЕМФИСА

Первоначальные верования древних египтян были во многом связаны с мифологией, разрабатывавшейся жрецами в номовых и иных храмах страны. Соответственно и первые божества имели лишь местное значение. Известность и влияние их, как правило, не выходили за пределы того либо иного нома. На протяжении длительного пребывания в этом своем статусе многие божества меняли свой облик, причем тенденцией было постепенное избавление их от зооантропоморфных форм и обретение антропоморфных. Иными словами, культ животных как бы отделялся в представлении египтян от культа богов и, за редкими исключениями вроде культа бога-быка Аписа, занимал отдельное, более скромное место. Что же касается местных божеств, то некоторые из них постепенно становились широко известными и обретали признание во всей стране. Вот из их числа (во всяком случае, из них преимущественно и в первую очередь) складывался обширный древнеегипетский пантеон. Обратим теперь внимание именно на него и начнем с гелиопольского пантеона.

Гелиополь — город Солнца* — был одним из известнейших центров храмовой архитектуры и священного почитания различных богов и животных, а жрецы этого расположенного в южной части дельты города-храма пользовались наибольшим влиянием среди прочих. Придавали огромное значение городу и фараоны, щедро дарившие ему средства на еще более пышное храмовое строительство. В Гелиополе были животные, культ которых регулярно поддерживался. Именно здесь, видимо, возникло обожествление жука-скарабея, который клуб-

* Свои имена древнеегипетские города получили в текстах преимущественно в эпоху эллинизма, откуда и их греческое звучание.

ком травы, катившим лапками перед собой, напоминал солнце. Здесь сохранялся культ сказочной птицы феникс, которой никто не видел, но которая, согласно преданию, посещала город раз в полтысячелетия. Но главная ценность города — храм бога солнца Атума.

Бог солнца независимо от имени, которое он носил, считался в Египте демиургом. Имея антропоморфный облик, он, судя по некоторым древнеегипетским текстам, создал сам себя из первобытного хаоса или из океана-Нун в то далекое время, когда не было еще ни земли, ни неба. Был только один первозданный холм, с которым Атум был отождествлен и с которого началась земля. Не очень ясно, как именно это было, но зато известно, что демиург Атум был не единственным высокопочитавшимся божеством в городе солнца. Неподалеку от храма Атума в том же Гелиополе существовал храм бога солнца Ра, или Ра-Хепри, который тоже был весьма почитаемым, а впоследствии, в середине III тысячелетия до н. э., с одной стороны затмившим собой Атума, а с другой — слившимся с ним в единое великое божество солнца Ра-Атум*. При этом именно Ра, оттеснившего Атума, позже стали считать создателем мира и людей (которые возникли, в одном из вариантов, из его слез), а также отцом богов и фараонов.

Как бы то ни было, но в городе солнца главными были боги солнца, да и сам правитель-фараон считался сыном солнца. Возвеличение солнца в стране, где оно вечно сияет и согревает воды, обеспечивая жизнь, не удивительно. Нет ничего удивительного и в том, что именно оно, солнце, выступавшее в виде богов с разными именами, было началом всех начал. Впрочем, обратимся к гелиопольской космогонии. Атум, оплодотворивший сам себя, проглотив собственное семя, родил первую пару богов — Шу, бога воздуха, и Тефнут, богиню влаги, а они дали жизнь другой паре богов — Гебу, богу земли, и Нут, богине неба. Соединение богов земли и неба, красочно изображенное на рисунке одного из папирусов, хранящихся в Британском музее, привело к рождению еще двух божественных пар (богини Исида и Нефтида, боги Осирис и Сет). Все эти божества и составили знаменитую гелиопольскую девятку — эннеаду.

Важно учесть, что престиж гелиопольского религиозного центра в Египте был настолько высоким, что созданная его жрецами эннеада (некоторые ее представители, в том числе Осирис, Исида, Сет

* Существует версия, что Ра считался дневным солнцем, Атум вечерним, а Хепри утренним.

и Нефтида, первоначально были божествами других номов) была принята всеми. Эннеада стала как бы первым общепризнанным пантеоном высших богов страны. Эти боги гелиопольской эннеады получили всеегипетское признание и начали восприниматься людьми в качестве первых царей Египта. После них будто бы правил страной бог Гор, а затем некие полубоги и только потом наступила, наконец, очередь фараонов.

Существует миф об истреблении людей, связанный с тем временем, когда царем Египта был Ра. Миф говорит о том, что люди чем-то рассердили правителя, и он послал свое око, богиню Сехмет, наказать их. Богиня рьяно принялась за дело и за короткий срок сожрала довольно многих. Перепуганный Ра велел напоить богиню вместо человеческой крови красным пивом, после чего она опьянела и перестала преследовать людей, благодаря чему род людской был спасен.

Другой миф рассказывает о том, как Ра ежедневно садится в свою ладью и плывет по небу, приближаясь вечером к горной гряде на западе от Египта. После этого он со свитой пересаживается в ночную ладью и плывет по водам подземного мира, где его весьма недружелюбно встречает змей Апоп, символ мрака и зла, с которым Ра приходится сражаться. Ежедневная борьба добра со злом с обязательной победой добра — важный элемент этического стандарта, свойственного древнеегипетской религии.

Еще один интересный миф связан с богиней неба Нут, которая будто бы была склонна пожирать ночью своих детей — звезды. Из-за этого ее муж, бог земли Геб, рассорился с ней, а отец, бог воздуха Шу, поднял ее вверх, разъединив навсегда с мужем и тем покончив с практикой поедания ею собственных детей.

Оставив теперь эннеаду высших в покое, обратим внимание, что первоначально в многочисленных номах существовали, как уже было упомянуто, различные божества, в каждом свои. Их было достаточно много, иногда в разных номах были одни и те же божества, но с течением времени большинство из них лишилось своего высокого статуса, а меньшая часть, напротив, приблизилась к богам эннеады. К числу тех, кто добился успеха, относятся боги древней столицы Египта Мемфиса, расположенного на юге дельты, чуть южнее Гелиополя. Главным богом здесь был Пта. Здесь же находилось местопребывание обожествленного быка Аписа, заменявшегося после смерти другим похожим на него могучим с безукоризненной мастью самцом. Пта вначале был местным божеством Мемфиса. Но в период Нового цар-

ства он обзавелся женой Сехмет (той самой, что сожрала огромное число людей и, надо полагать, именно поэтому стала считаться богиней войны), сыном Нефертумом и несколькими другими близкими к нему богинями — Баст, Маат (жена бога мудрости Тота). Пта в Мемфисе усилиями столичных жрецов стал соперничать с гелиопольскими богами и претендовать на роль демиурга.

Выступив на всеегипетскую арену космогонических представлений сравнительно поздно, Пта и действовал несколько иначе. Если верить мемфисской версии, он орудовал в основном «языком и сердцем», когда создавал по образцу гелиопольской свою эннеаду, т. е. своих девять богов, в число которых вошел, к слову, и гелиопольский отец богов и всего мира Атум. Впрочем, из этого замысла мемфисских жрецов, насколько можно судить, мало что вышло. Пта стал, конечно, всеобщим почитаемым, Апис считался его душой, бог луны Тот языком. С Пта был отождествлен бог плодородия Татенен. Но все это были уже по сравнению с гелиопольской эннеадой второстепенные божества, а причастность ко всей новой девятке гелиопольского Атума едва ли кто-нибудь воспринимал всерьез.

ФИВЫ, КУЛЬТ БОГА АМОНА И ПЕРЕВОРОТ ЭХНАТОНА

Другое дело, когда столицей Египта стал город Фивы. Жрецы этого города при помощи фараона с именем Аменхет («главный — Амон») не только создали величественный храм нового бога, но и провозгласили именно его, Амона, богом солнца и главным божеством страны. Это произошло не сразу. Вначале Амон был, видимо, номовым божеством Фив с той же функцией. Когда Фивы стали столицей, а жрецы города обрели максимальную власть, они, естественно, могли возжелать, чтобы именно их бог солнца считался главным и, соответственно, демиургом. Сначала этого бога в Фивах стали (надо полагать, с благословения фараонов) отождествлять с Пта, главным божеством прежней столицы, но затем также и с Ра. Женой Амона стала богиня неба Мут — «мать матерей», которую тоже искусственно сблизили как с богиней неба Нут, так и с женой Пта богиней войны Сехмет. Постепенно роль Амона среди прочих богов начала возрастать, а само божество — сближаться с гелиопольским Ра. В период Нового царства правители объявили фиванского Амона-Ра не только демиургом, создателем

богов и людей, но также создателем и покровителем древнеегипетского государства, его воинственной политики.

С самого своего возникновения культ Амона (Амона-Ра, как его теперь предпочитали именовать) стал искусственно созданным государственным божеством, причем участие жрецов в создании и возвышении его отнюдь не противоречит этому тезису, ибо именно жрецы в Древнем Египте обычно были фундаментом всей государственной структуры и часто занимали самые высокие посты в аппарате администрации. Функции Амона, этакое царя богов, были практически безграничными, вплоть до того, что он был сделан владыкой и подземного мира. Храм в честь этого бога в Фивах был великолепен. Но процветание и могущество Фив оказалось не слишком долгим.

Фараон Аменхотеп IV (годы правления 1367–1350 до н. э.) через пять лет после вступления на трон неожиданно выступил против культа Амона-Ра и поддерживавших его фиванских жрецов. Суть конфликта была явно политической, хотя о деталях и поводах почти ничего не известно. Но реализовывался этот конфликт весьма решительно и широко, затронув многие сферы жизни Египта времен Нового царства. Все началось с того, что фараон провозгласил уже существовавшего, но еще очень мало известного бога солнечного диска Атона не только главным, но и единственным божеством в стране.

Аменхотеп IV, носивший до этого имя в честь Амона, переименовал теперь свое имя на другое — Эхнатон («угодный Атону») и демонстративно покинул Фивы, начав строить чуть севернее Фив новую столицу, Ахетатон («город Атона»). Одновременно он стал решительно проводить ряд реформ в сфере изображения божества: отныне Атон должен был представляться в виде яркого диска с лучами, заканчивавшимися кистями человеческих рук, что призвано было символизировать динамичность власти. Атон как бы перестал быть детищем пестовавших бога в его храме жрецов и становился государственным божеством, главным и практически едва ли не единственным, совместившим в себе всех остальных богов. Вместе с изображением Атона сложился вообще новый стиль в изобразительном искусстве страны, о чем наиболее ярко свидетельствует всемирно известное изображение царицы Нефертити, бывшей, скорей всего, женой Тутанхамона. Словом, Египет стал заметно меняться. В сокровищницу Атона начали поступать все доходы, многие фиванские жрецы переехали в Ахетатон служить Атону, а всех старых богов

приказано было предать забвению. Их имена стирались в посвященных им храмах Египта. Неясно, что делали потом с этими храмами, но не исключено, что и они как-то переоборудовались.

Новый бог в отличие от всех старых не имел статуй — ни антропо- ни зооантропоморфных. Это была геометрическая фигура, символизирующая великое солнце, саму природу. По указанию Эхнатона или даже им самим был сочинен гимн в честь нового бога, прославлявший его творческие потенции все создавшего демиурга, его универсализм и тесную связь с ним его сына, правителя Египта. Не было создано новых мифологем, объясняющих появление и заслуги Атона, ибо в этом не было нужды. Мифология оттеснялась на задний план волей Эхнатона, правителя решительного и грозного, не останавливавшегося перед наказанием неповиновавшихся. Дабы заручиться поддержкой, фараон выбирал себе в помощники малоизвестных жрецов, которых он возвышал и кому мог доверять. Неизвестно, чем окончилось бы противостояние Эхнатона и его противников, прежде всего из числа старых жрецов других могущественных богов, если бы судьба даровала фараону больший срок жизни. Но он умер через 12 лет после начала реформ, причем его смерть резко оборвала все его начинания. Монотеистические тенденции, столь явно проявившиеся в годы его правления, еще не вызрели среди не подготовленного к ним народа и тем более не вызывали сочувствия жрецов.

Смерть фараона-еретика была сигналом к контратаке. Его имя было проклято, построенный им город разрушен, а об Атоне все просто забыли. Лучше всего это видно на примере второго (первым был Сменхкар, правивший всего три года) преемника Эхнатона — Тутанхамона. Носивший вначале имя Тутанхатон, он вынужден был сменить его, а вскоре в молодом возрасте (как о том свидетельствует обнаруженная в XX в. его гробница) умер. Все связанное с Атоном и Эхнатоном, было быстро и энергично стерто из памяти страны, причем, насколько можно судить, сроки эксперимента с попыткой введения монотеизма были столь незначительными, что население просто не успело осознать и оценить смысл происходящего. Скорей всего, экстравагантные начинания Эхнатона, не доходившие до широких масс, были восприняты внизу как некая свара наверху, среди носителей власти.

Конечно, здесь следовало бы сделать оговорку. К фараону в Египте принято было относиться как к священной особе, почти как к божеству.

Его так и титуловали официально с обязательным упоминанием, что он — сын бога Ра. Он считался носителем магической сверхъестественной силы (вспомним обряд первовспашки). И, естественно, каждому его слову внимали. Однако нет правил без исключений. В случае с Эхнатоном всё произошедшее с легкостью, надо полагать, было объяснено жрецами простым людям как позорное еретическое характера исключение, о чем, видимо, позаботились ненавидевшие реформатора жрецы в номах.

Теперь самое время сказать несколько слов о египетских жрецах и их роли в жизни страны.

ЖРЕЦЫ, ХРАМЫ И КУЛЬТ БОГОВ

Очень высокая степень централизации древнеегипетского государства чуть ли не с момента его возникновения, т. е. с глубокой древности, когда никакой административной структуры еще не было, способствовала усилению власти жрецов. Будучи персоналом храма и служителями богов, они в силу обстоятельств оказались единственным значительным социальным слоем, который был освобожден от регулярного физического труда и к тому же владел грамотой, что создавало ему немалый престиж. А если к этому добавить, что в номовых центрах, по меньшей мере вначале, были расположены прежде всего и главным образом именно храмы в честь местных богов и что каждый такой храм обычно представлял собой не столько святилище, сколько солидный комплекс построек с жилыми помещениями, амбарами для налоговых сборов зерна и прочей продукции, складами для различного рода приношений, мастерскими для размещения строителей и иных ремесленников, школами для обучения подрастающего поколения писцов и жрецов и т. п., то легко прийти к выводу, что возглавлявшие весь этот комплекс жрецы были не только и даже не столько служителями культа, сколько администраторами. Но именно в результате совмещения функций администраторов и служителей храмов древнеегипетские жрецы обычно сосредоточивали в своих руках практически все руководство страной как в сфере экономики и политики, так и в области духовной культуры, будь то грамотность, знание, образование или иные отрасли культурной традиции.

Именно жрецы были служителями древнеегипетского культа, мастерами тщательно разработанного ритуала, специалистами в об-

ласти астрономии, астрологии и календарного исчисления. На нужды культа и ритуала тратились огромные средства, примером чему может служить сооружение колоссальных пирамид для погребения обожествленных правителей, о которых уже упоминалось. Эти пирамиды во многих отношениях — символ всего Египта, степени обожествления его фараонов, щедрого использования избыточного продукта на нужды цементирувавшего общество ритуала, символ огромной власти администрации центра и жрецов-чиновников на местах. Эта власть сохранялась и позже. Однако, зафиксировав это, следует вернуться к тому, что жрецы-чиновники, выполнявшие функции администраторов и в качестве именно таковых подчинявшиеся столичному центру, все-таки прежде всего служили какому-либо из богов. Главной их заботой было процветание храмов, от чего зависело и их собственное процветание.

Раскопки археологов дают некоторое представление о том, как выглядел египетский храм. Оставляя в стороне многочисленные служебные пристройки, о которых только что было упомянуто, следует заметить, что собственно храмовые помещения были, как правило, однотипными. На раннем этапе это вообще были не закрытые помещения, а сооруженные на земляном возвышении террасы, на которых стояли обелиск в честь бога и жертвенник. Оба сооружения обычно были окружены стеной, изобилующей различными изображениями. За стеной располагались служебные помещения. Обелиск очень часто считался символом солнца, культ которого встречался во многих номах. Позже облик храмов не раз изменялся. Храмы нового времени были обычно прямоугольными, окруженными массивной стеной с воротами в сторону Нила, откуда шла широкая дорога, уставленная по сторонам каменными статуями сфинксов. Ворота-вход — это красочное сооружение с обелисками и мачтами для флагов, а также со статуей царствующего фараона. Внутри — обнесенный колоннадой двор с портиком, за которым располагалось несколько колонных залов со статуями богов и молельнями, а также вспомогательные помещения, включая библиотеку, хранилища ритуальных изделий. Освещались эти залы и помещения обычно окнами под крышей.

Самые крупные и известные храмы Нового царства, в Карнаке и Луксоре, имели множество украшенных надписями и имитирующих солнце обелисков и были испещрены записями и барельефными изображениями, а также пожертвованными храмам многими сотнями

сделанных из камня и бронзы статуй богов, прежде всего Амона-Ра. Размеры этих храмов внушительны. Стены достигали в длину сотен метров, высота колонн доходила до 20 метров. Храмы Египта при Рамсесе III владели 10% обрабатываемой земли страны и немалым числом работников (до 6% населения). Неудивительно, что в руках жрецов находились большие богатства и что, как правило, жреческие должности со временем везде становились наследственными. Впрочем, случались и конфликты, борьба группировок за наиболее доходные должности. Почти всегда давал о себе знать и сепаратизм номов.

Несколько слов о жреческой иерархии. Каждое из божеств имело свою корпорацию во главе с верховным жрецом, назначавшимся фараоном. Верховному подчинялось множество других жрецов разных рангов во всей стране. Особую власть после Эхнатона приобрела корпорация жрецов Амона-Ра. Жрецам подчинялся многочисленный персонал храма, среди которого особо выделялись писцы, музыканты и певцы. Существовала и армия служителей более низкого статуса, обслуживавших нужды культа храмовых божеств.

Сам культ был достаточно строго регламентирован. Существовали обязательные ежедневные богослужения, которые отправлялись жрецами и их помощниками без всякой иной публики. Во время этих ритуальных обрядов небольшое изображение божества (нечто вроде древнего фетиша) вынималось из специального каменного шкафчика с опечатанными деревянными дверцами. Главный жрец снимал печать, открывал дверцы, изымал изображение и совершал утренний туалет — божеству меняли одеяло, его умащали маслами, давали еду и питье и подносили к нему статую богини порядка Маат, что должно было быть знаком того, что все идет по правилам и с санкции самого первосвященника-фараона, сына бога солнца. Затем дверцы закрывали и опечатывали. Важно обратить внимание на то, что имевшие дело с божеством жрецы тщательно следили за своей физической чистотой, чуть ли не трижды в день омываясь в специальных прудах при храмах. В качестве жертвоприношений богам использовались скот, плоды и готовая пища, а также пиво и молоко.

Как то обычно бывает, каждый храм имел свое календарное расписание праздников, во время которых в ритуале участвовало множество людей. Праздники бывали в форме мистерий или путешествий. Мистерии были чем-то вроде театральных представлений на мифологические темы, речь о которых впереди. Актерами были в основном жрецы, а масса зрителей им внимала. Ритуально-этическая

окраска представлений способствовала их успеху у публики. Были торжественные обряды и иного рода, связанные с путешествиями.

Такие праздники обычно сочетались с процессиями, включая путешествия по реке, в том числе из одного города (и храма) в другой и обратно. Для этого строились специальные священные лодки из великолепного ливанского кедра, за которым предпринимались дальние поездки. Во время путешествий совершались различные обряды, звучали гимны, исполнялись танцы, воскуривалась мирра.

Важным моментом в истории древнеегипетской религии стала примерно в период правления XVIII династии практика мантических связей с богами, прежде всего с главным из них — с фиванским Амоном. Ссылаясь на некие знамения, жрецы стали задавать богу вопросы, и тот отвечал на них, превратившись в своего рода оракула. Неясно, в какой форме, но с этого времени Амон начал отвечать на задаваемые ему по важнейшим государственным делам вопросы, давать свои советы. Сам по себе этот факт был настолько значительным, что даже спартанский полководец Лисандр в конце Пелопоннесской войны приезжал в Египет к Амону за советом. Но главное следует видеть в том, что, придав таким образом дополнительную идеологическую мощь своему богу, его жрецы начали претендовать на еще большее, нежели прежде, участие в государственных делах.

Это участие и без того было весьма заметным. Верховными жрецами Амона в Фивах часто были сыновья фараона, что свидетельствует, о тесных связях жрецов-чиновников с высшей властью в стране. Но более показательным, пожалуй, следует считать тот уникальный в своем роде факт, что в 1070 г. до н. э. верховный жрец Амона в Фивах Херихор после смерти последнего фараона XX династии Рамсеса XII сам стал фараоном Верхнего Египта (в Нижнем Египте, т. е. в районе дельты, в это время сформировалась собственная династия).

МИФОЛОГИЯ

 древнеегипетская мифология богата и красочна. Кое-что о древнеегипетских мифах выше уже было сказано. В целом древнеегипетская мифология — это едва ли не первое высокохудожественное собрание различных мифов о сотворении мира, о богах с их сложными взаимоотношениями, а также о создании людей из глины или даже «из слез Ра». Среди наиболее

распространенных мифов древних египтян с древности большую роль играли те, что пытались найти причины смены дня и ночи. Солнце сияло над долиной Нила едва ли не круглый год. Яркий солнечный свет был здесь нормой. Естественно, возникал вопрос, куда уходило солнце ночью. Частично об этом уже упоминалось, когда речь шла о ежедневных путешествиях бога Ра в его ладье по небу и сражениях ночью со змеем. Но с этим мифом связаны и некоторые другие. Так, например, считалось, что наиболее жаркие и знойные дни свидетельствуют о том, что Ра разгневался на людей и что поэтому он как-то послал на землю кровавую богиню Сехмет, пожиравшую людей. В других мифах на сходную тему богу Ра помогает в его борьбе с силами зла его сын бог Гор с головой сокола (Гор Бехдетский).

Но главным, наиболее ярким и запоминающимся следует считать миф об умирающем и воскресающем боге Осирисе и его супруге богине Исида. Осирис и Исида, уже не раз упоминавшиеся и принадлежавшие к гелиопольской эннеаде первых по значимости богов, испытали немалые приключения, связанные с гибелью Осириса, отмщением его врагам и воскрешением умершего при помощи жены, что символизировало победу идеи плодородия и весеннего возрождения природы. Суть мифа сводится к тому, что бог Осирис, научивший людей земледелию, некогда царствовал, но потом был убит его завистливым братом Сетом. Тогда за мужа вступилась Исида, родившая сына Гора (это другой Гор, отличный от Бехдетского), который выступил против Сета и одолел его, вернув отца на землю из царства мертвых. В более поздних мифах Осирис приобрел также, как о том уже шла речь, и функции повелителя подземного царства мертвых, определявшего грехи и заслуги покойников.

Миф об Осирисе необычайно возвысил этого бога среди других. И хотя не Осирис был во главе египетского пантеона, он стал желанным для всех. Начиная с фараона все египтяне уподобляли себя после смерти Осирису. После прочтения определенных заклинаний каждый из них как бы становился частью Осириса, приобщался к нему и тем самым обретал надежду на воскрешение и вечную жизнь. Именно в связи с этим культ Осириса распространился чрезвычайно широко. По всему Египту при храмах в определенные дни исполнялись мистерии, в ходе которых жрецы храмов имитировали бой между Гором и Сетом и воспевали великого Осириса, символизировавшего воскрешение природы. Культ Осириса стал едва ли не наиболее распространенным, причем сам облик Осириса воспринимал-

ся не только как символ воскресшей природы, но и, по мнению специально изучавшего древнеегипетскую религию М. А. Коростовцева, в виде «невинно пострадавшего за людей».

Этот вывод, невольно несколько сближающий Осириса с Иисусом, на первый взгляд не выглядит слишком убедительным. Но он интересен тем, что выявляет и подчеркивает ту исключительную роль, которую сыграл Осирис в древнеегипетской мифологии. Облагодетельствовавший людей, погибший от руки завистника, но чудесным образом воскресший Осирис действительно стал для людей великим символом божественного подвига за народ. И народ принял это божество в качестве наиболее близкого ему. С ним были, в частности, связаны надежды на достойное посмертное будущее, а это уже в самом деле имеет нечто сходное с будущими христианскими представлениями о Страшном суде и воскрешении из мертвых.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Надо заметить, что, несмотря на естественное для ранней цивилизации Востока стремление к консервативной стабильности, которое к тому же объективно подкреплялось ежегодными до дня сходными циклами хозяйственной жизни страны начиная с разлива реки, за свои три-четыре тысячелетия древнеегипетская культура развивалась. Не стояли на месте и религиозные представления, в чем можно весьма зримо убедиться хотя бы на примере реформ Эхнатона. Изменения шли по разным направлениям. Играли свою роль выход на передний план то одних, то других важных храмовых центров с веками копившимися в них собственными представлениями, пантеоном, мифологией. Еще большее значение имела политическая обстановка как внутри Египта, так и во взаимоотношениях его с соседями, особенно в эпоху Позднего царства, когда роль внешних влияний стала наиболее заметна и значима.

Что наиболее интересно в тех сдвигах, которые характерны для религиозного мышления древних египтян? Прежде всего, сближение между богами, выполнявшими наиболее значимые функции божеств солнца — Атумом, Ра, Амоном и даже Пта. Все эти божества не только мирно сосуществовали, но и бесконфликтно взаимозаменялись и даже сливались в нечто единое и общее. И речь не только о том, что утреннее солнце могло именоваться одним именем, а вечернее —

другим. Гораздо существенней обратить внимание на то, что, судя по некоторым текстам (лейденский гимн Амону), Амон, Ра и Пта подчас просто отождествлялись, сливались и являли собой нечто единое в разных лицах. И это сближение явно сыграло свою роль в попытке Эхнатона создать новое и единственное высшее божество солнца, в качестве первосвященника и представителя на земле которого выступал бы именно и только он, он один, а все храмы страны с их жрецами поддерживали бы исключительно это божество и пели хвалу ему одному.

Монотеистическая тенденция, нашедшая свое проявление в этой неудавшейся попытке, была не случайной. Оставляя в стороне проблему соперничества Эхнатона с влиятельными и оппозиционными ему жрецами, можно, однако, заметить, что страна в целом с ее культом солнца созрела для монотеизма. Созрела именно потому, что боги солнца практически ничем не отличались друг от друга на протяжении чуть ли не тысячелетий, а также потому, что Египет был уникальной страной, где единство власти фараона и всей хозяйственной структуры, столь тесно связанной с разливами Нила, были объективной базой, буквально требовавшей строгого единоначалия и, как следствие этого, монотеизма. Однако объективным возможностям противостояли жрецы, не желавшие по воле фараона-реформатора лишаться своей власти.

Словом, монотеизма в Египте не возникло. Но это отнюдь не значит, что никаких перемен не было. Пожалуй, важнейшей из них был уже описанный выше выход на передний план культа Осириса, который всем египтянам, начиная с фараона, понемногу становился едва ли не ближе, чем божества солнца. Объяснение этой эволюции элементарно: каждый хотел возродиться при помощи Осириса, что для него лично было много важнее, чем проблема обожествления солнца. Существенно добавить к сказанному, что параллельно с Осирисом росла и роль его верной жены Исиды, которая в греко-римское время, т. е. во второй половине I тысячелетия до н. э., превратилась в своего рода великую и всеобщее почитаемую богиню-мать. Культ Исиды в эту пору распространился очень широко и за пределами Египта, едва ли не во всем эллинистическом мире.

Еще одним важным нововведением было усиление в религии древних египтян этического начала. Этические нормы становились все более требовательными по отношению к повседневной жизни людей, к посещению святых мест, будь то некрополи или храмовые

торжества. Этика властно вмешалась в сложнейшую проблему жизни и смерти, что нашло свое отражение в мифологеме о суде Осириса. В сочетании с магией она сыграла свою роль и в появлении устойчивого использования в ходе погребения фигурок людей, ушебти, которые были не заменой рабов или тем более домашних работников умершего, но считались просто условными единицами людей-помощников, помогавших покойнику в загробном мире выполнять все необходимые работы. Из истории других религий хорошо известно, что вместе со знатным покойником нередко умерщвлялись и погребались окружавшие его живые люди. В Египте этого не было. Не было даже стремления изобразить таких людей. Ушебти были не изображением, но некоей фикцией, которые с помощью магии обретали на том свете сущность живых людей.

Древнеегипетская религиозная система развивалась на протяжении тысячелетий и в целом достигла весьма высокого уровня. Проявившаяся в Египте впервые в истории тенденция к монотеизму, т. е. ко всеобщей вере в единого для всех всемогущего божества, не прошла бесследно: есть определенные основания ставить вопрос о том влиянии, которое она оказала на развитие монотеистической религии древних евреев, о чем пойдет речь ниже. Здесь же необходимо еще раз подчеркнуть, что ранняя религиозная система одного из древнейших очагов цивилизации, Египта, сыграла (правда, наряду с религиозной системой ранних очагов цивилизации в Западной Азии начиная с Шумера) важную роль в становлении более поздних религий всего ближневосточного региона, в доктринальном и ритуально-культовом плане достаточно близких к ней.

Глава 9

Древняя Западная Азия

*Древний Шумер • Вавилония • Ассирия • Сирия и Финикия
• Митаннийцы и хетты*

Наряду с Египтом и параллельно с ним в Западной Азии создавались и на протяжении тысячелетий медленно, но ощутимо развивались свои очаги урбанистической цивилизации. Как уже упоминалось, далеко не все из них были очень древними и первичными. Напротив, первичных было мало. По сути, к их числу можно отнести лишь древнешумерские, тогда как вторичных, производных от них, развивавшихся под их влиянием, хотя и обретавших при этом собственную неповторимую окраску, было великое множество. Иногда они возникали на том же месте, где прежде уже существовала пришедшая в упадок по той либо иной причине древняя цивилизация, иногда на совершенно новом, подчас в сравнительно малоудобном для земледелия районе. Но Западная Азия в отличие от долины Нила не была строго ограничена непригодными для жизни пустынями или горными цепями. Те, что были в западноазиатском регионе, можно было достаточно легко и быстро обойти, найдя при этом в общем вполне пригодные для проживания там земледельцев территории. Именно поэтому древняя Западная Азия оказалась за сравнительно короткий срок, практически те же 3–4 тысячелетия, что и долина Нила, буквально покрытой многочисленными и достаточно разнообразными очагами цивилизации и государственности. О них и пойдет речь теперь. Но сначала несколько слов о характере складывавшихся в этих очагах религиозных систем.

Как уже было сказано, западноазиатский регион, несмотря на его внушительные размеры и различие населявших его этнических общностей с их языками и древними традициями, представлял собой в конечном счете (по крайней мере, это касается большей его части, так или иначе связанной с центральным районом Двуречья, Месопотамии) нечто единое целое. Окраинные районы региона в свою очередь тяготели к центру и были достаточно тесно с ним связаны. Это не могло не сказаться на результатах. На протяжении долгих веков в культуре этого региона шел сложный процесс сосуществования и взаимовлияния сходных религиозных взглядов, сближения между собой различных божеств, заимствования одними этносами у других тех же богов, но с иными именами, ликвидации одних божеств и культов и возвеличивания других, обработки и слияния сходных мифологических сюжетов, изменения характера и облика тех богов, которым предстояло возвыситься и стать всеобщими (как правило, им приписывались деяния и заслуги тех, что оставались в тени или умирали в памяти поколений). Конечным итогом этого многостороннего и весьма длительного процесса было сложение религиозной системы в той ее форме, как она известна в наши дни по сохранившимся текстам и данным археологических раскопок.

Эта религиозная система (а точнее, комплекс таких систем) неслала на себе заметный отпечаток реально существовавшей в западноазиатском регионе социально-политической структуры. В Месопотамии с ее множеством сменявших друг друга государственных образований (Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилония) не было сильной стабильной государственной власти. Поэтому, хотя временами отдельные удачливые правители (Саргон Аккадский, вавилонский Хаммурапи, могущественные владыки Ассирии или Нововавилонского царства) достигали немалой власти, централизованных и всеохватывающих деспотий в этом регионе вплоть до VI в. до н. э. до империи Ахеменидов, не было. Видимо, это сказалось и на фиксируемом религиозной системой статусе месопотамских правителей. Обычно они не именовали себя (и их не именовали другие) сыновьями богов, а сакрализация их практически ограничивалась предоставлением им прерогатив первосвященника или признаваемым за ними правом на непосредственный контакт с богом. Сохранился обелиск с изображением бога солнца Шамаша, вручающего Хаммурапи свиток с законами, которые вошли в историю как законы Хаммурапи.

Эта сравнительно невысокая (во всяком случае, по сравнению с Египтом и тем более Мезоамерикой) степень централизации политической власти и, соответственно, обожествления правителя способствовали тому, что в Двуречье достаточно легко, без ожесточенного соперничества, что было столь характерным для Египта, уживались друг с другом многие боги с посвященными им храмами и обслуживавшими их жрецами. Однако стоит заметить, что определенная тенденция к сближению божеств и храмов и сложению на этой основе, если не в регионе в целом, то, по крайней мере, в рамках составлявших его государств, единой религиозной системы постоянно давала о себе знать. Как правило, в рамках заново складывавшихся государств возникала единая сводная система, которая включала все ранние системы каждого из вошедших в состав нового политического образования древних протогосударств с их местными богами, храмами и вождями-первосвященниками в крупную иерархическую структуру.

Хотя такого рода структура не была устойчивой в том смысле, что на передний план в ней могли спорадически выходить боги той политической общности, которая в данное время господствовала либо стремилась к господству, она тем не менее оказалась достаточно стабильной и приобрела свойственные ей черты и признаки, в первую очередь политеизм, т. е. многобожие. Сложившаяся на этой основе религиозная система со временем упрочилась. Была выработана более или менее стройная ее доктринально-идейная основа, которая в свою очередь наглядно отразилась в системе мифов, повествующих о славных деяниях и великих заслугах различных богов и героев, об их роли в возникновении мироздания и людей, об их мудрости, сверхъестественных возможностях и т. д. Собственно, именно об этом и пойдет речь далее. А начать следует с Шумера, который был единственным первичным очагом западноазиатской цивилизации.

ДРЕВНИЙ ШУМЕР

Как это ни покажется странным, но хронологически первым и единственным первичным из очагов, о которых идет речь, был расположенный на далекой восточной периферии региона шумерский. Именно здесь, очень далеко от зоны, в которой в ходе неолитической революции формировались земледелие и домашнее скотоводство и откуда, спускаясь с предгорий

Палестины, Анатолии и Загроса, первые земледельческие коллективы заселяли окрестные наиболее благоприятные для них речные долины, в частности долину Нила, оказался второй первичный центр мировой цивилизации. Нил, как известно, был рядом с упомянутыми предгорьями. А устья рек Тигра и Евфрата, впадающих в Персидский залив (а именно здесь и находился Шумер), от этого района были весьма далеко. Тем не менее археологические данные позволяют уверенно проследить путь земледельцев по долинам Тигра и Евфрата именно к устью обеих рек, прежде всего Евфрата, где условия для земледелия, а затем и для возникновения первичного очага урбанистической цивилизации оказались, как надо полагать, наиболее подходящими.

Насколько известно, первые земледельцы, двигаясь в основном по долинам рек, появились в этом районе примерно в VI тысячелетии до н. э. Едва ли не полтора-два тысячелетия ушло на то, чтобы они освоили долину Евфрата с его многочисленными протоками, кишущими зверьем и насекомыми тростниковыми и камышовыми зарослями. Для превращения прибрежных земель в плодоносящую почву требовались и мелиоративные, и различные иные работы, создание хорошо продуманной системы каналов и плотин. Лишь к концу IV тысячелетия до н. э. эта тяжелая работа была в основном завершена, и потомки первопоселенцев создали в районе Шумера очаг ранней цивилизации, центры которой обрели облик окруженных стенами поселений с храмами в качестве главных строений.

Эти храмы, как то было и в долине Нила, представляли собой не только и даже не столько места для прославления божеств, сколько урбанистический комплекс храмовых строений и земель, амбаров и складов, местожительства жрецов и обслуживавшего их персонала, начиная с ремесленников, охранников-дружинников и торговцев-тамкаров и кончая правителем с его окружением, который чаще всего был одновременно и первосвященником главного божества того либо иного храмового центра. Жрецы храма, как то было и в Египте, обычно одновременно выполняли функции администраторов. Учет сложной хозяйственной деятельности храмов послужил в Шумере — опять-таки по египетскому стандарту — едва ли не главной причиной появления письменности, вначале иероглифической, а затем клинописной.

Знакомство с шумерской письменностью столкнуло ученых с непростой проблемой этногенеза шумеров. Расшифровка письма

показала, что население группы соседних центров одного и того же очага цивилизации говорило на разных языках — восточноеврейском (позже его называли аккадским, на нем говорили вавилоняне и ассирийцы; он был близок к древнеегипетскому) и шумерском, грамматика и лексика которого оказались весьма отличными от языка семитов. Вплоть до сегодняшнего дня не утихают споры о происхождении шумерского этноса с его столь непохожим на соседние языком. Существенно при этом обратить внимание на то, что наиболее древние из дошедших до нас письменных текстов (около 2900 г. до н. э.) именно шумерские, что говорит в пользу независимого и, быть может, наиболее раннего происхождения шумерского языка, цивилизации и государственности. Это явно не сходится с идеей об освоении Шумера семитоязычными земледельцами, спускавшимися с предгорий, о чем только что было упомянуто. Но, оставив решение загадки этногенеза шумеров специалистам, обратимся к главной теме — к религиозным представлениям. В этой сфере сколько-нибудь существенной разницы между носителями различных языков не обнаружено, что заметно облегчает нашу задачу.

Мифология сохранила сведения о шумерском пантеоне, существовавшем уже на ранних ступенях цивилизации и государственности в Двуречье. Главными считались бог неба Ан, его сын — бог воздуха и бури Энлиль, подчас грозный и злобный, наславший на людей потоп, а также бог океана и воды Эа, обычно изображавшийся в виде человеко-рыбы, который, однако, в его ипостаси Энки воспринимался иначе и представлялся божеством мудрости и плодородия, устройтелем миропорядка и основ культуры, сотворившим и опекавшим первых людей. Все эти и многие другие боги и богини вступали друг с другом в сложные взаимоотношения, трактовка которых изменялась со временем и в зависимости от смены династий и этносов (семитские племена аккадцев, смешавшиеся с древними шумерами, принесли с собой новых богов, новые мифологические сюжеты).

Большинство шумеро-аккадских богов имели антропоморфный облик и лишь немногие, как Эа или бог войны Нергал, сын Энлиля и владыка подземного царства, порой имели зооморфные черты — своеобразное воспоминание о тотемистических представлениях далекого прошлого. К числу священных животных шумеров относились бык и змея: в мифах нередко богов именовали «могущественными быками», а змея почиталась как олицетворение женского начала.

Уже из древних шумерских мифов вытекает, что первым среди богов считался не столько Ан, сколько Энлиль. Однако власть его в пантеоне не была абсолютной: семь пар великих богов, его родственников, временами оспаривали его власть и даже смещали с должности, низвергая в подземное царство за провинности. Подземное царство — это царство мертвых, где всевластно распоряжалась жестокая и мстительная богиня Эрешкигаль, которую смог усмирить лишь бог войны Нергал, ставший ее супругом. Энлиль и другие боги и богини были бессмертными, поэтому они, даже если попадали в подземное царство, возвращались оттуда после ряда приключений. Но люди, в отличие от них, смертны, так что их удел после смерти — вечное пребывание в сумрачном царстве мертвых. Границей этого царства считалась река, через которую души погребенных переправлял в царство мертвых специальный перевозчик (души непогребенных оставались на земле и могли причинить немало бед людям).

Жизнь и смерть, царство неба и земли и подземное царство мертвых — эти два начала отчетливо противопоставлялись в религиозной системе Двуречья. И не только противопоставлялись. Реальное бытие земледельцев с их культом плодородия и регулярной смены времен года, пробуждавшейся и умиравшей природы не могло не привести к представлению о тесной и взаимообусловленной связи между жизнью и смертью, умиранием и воскресением. Пусть люди смертны и никогда не возвращаются из подземного царства. Но природа бессмертна! Она ежегодно рождает новую жизнь, как бы воскрешая ее после мертвой зимней спячки. Эту-то закономерность природы и должны были отразить бессмертные боги. Неудивительно поэтому, что одно из центральных мест в мифологии Шумера заняла история о смерти и воскресении Думузи (Таммуза).

Богиней любви и плодородия считалась красавица Инанна (Иштар), богиня-покровительница города Урука, где в ее честь был построен храм, нечто вроде храма любви, с жрицами и храмовыми прислужницами, дарившими любому свои ласки (храмовая проституция). Как и они, любвеобильная богиня одаривала своими ласками многих — и богов, и людей, но наибольшую известность получила история ее любви к Думузи. Эта история имела свое развитие. Вначале (шумерская версия мифа) Инанна, выйдя замуж за пастуха Думузи, принесла его в жертву богине Эрешкигаль в качестве платы за свое освобождение из подземного царства. Позже (вавилонская версия) все стало выглядеть иначе. Думузи, оказавшийся уже

не только супругом, но и братом Иштар, погиб на охоте. Богиня отправилась в подземное царство за ним. Злобная Эрешкигаль оставила Иштар у себя. В результате жизнь на земле прекратилась: животные и люди перестали размножаться. Встревоженные боги потребовали от Эрешкигаль возвращения Иштар, которая и вышла на землю с сосудом живой воды, позволившей ей воскресить умершего Думузи.

История говорит сама за себя: Думузи, олицетворявший плодородие природы, погибает и воскресаёт при помощи богини плодородия, побеждающей смерть. Символика вполне очевидна, хотя появилась она далеко не сразу, а лишь в результате постепенной трансформации первоначального мифологического сюжета.

Мифология шумеров богата и весьма разнообразна. В ней можно встретить космогонические сюжеты, истории о создании земли и ее обитателей, в том числе вылепленных из глины людей, эпические сказания о подвигах великих героев, прежде всего Гильгамеша, и, наконец, рассказ о великом потопе. Остановимся вкратце на этих рассказах. Начнем с космогонии.

Согласно преданиям, праматерь всего сущего Намму сотворила сначала (надо полагать, среди всеобщего хаоса) некую гору, на которой обитали бог неба Ан и богиня земли Ки, которые породили прежде всего Энлиля, ставшего со временем главным среди богов и хозяйничавшего по своей воле в мире людей, созданных, однако, не им, а Энки. Энлиля раздражал шум, создававшийся людьми, так что именно он насылал на них то чуму, то потоп. В других вариантах шумерской космогонии есть упоминания о том, что когда небо отделилось от земли, его забрал Ан, оставив землю Энлилю. При этом подземный мир стал владением богини Эрешкигаль. Есть и вариант, согласно которому Энлиль сам отделил небо от земли. Что касается вылепленных из глины людей, то этим опять-таки в одной мифе занимались Энки и богиня Нинмах, которым содействовала праматерь Намму, а в другом — все тот же Энлиль, который, проделав мотыгой дыру в земле, способствовал выходу из-под земли людей. Вообще же в качестве демиургов чаще выступают Энлиль и Энки. Есть и немало божеств, которым приписывается изобретение колеса, ткацкого станка, градостроения или письменности.

Знаменитая легенда о великом потопе, впоследствии столь широко распространившаяся среди разных народов, вошедшая в Библию и принятая христианским учением, в ее шумерском варианте сводит-

ся к тому, что правитель одного из шумерских городов, Утнапиштим, как-то узнал от Энки о грядущем потопе и стал строить ковчег, в котором пережил длившееся семь дней и ночей наводнение. После потопа он с супругой стал «жить как боги» на острове блаженных Тильмун, а его потомки вновь заселили землю. История о потопе в древнейших сказаниях Шумера — вовсе не праздная выдумка. Жители Двуречья, особо выделявшие среди прочих богов бога южного ветра, гнавшего воды Тигра и Евфрата против течения и грозившего катастрофическими наводнениями, не могли воспринимать такого рода наводнения (особенно наиболее разрушительные) иначе как великий потоп. В том же, что такого рода катастрофическое наводнение действительно было реальным фактом, убеждают раскопки английского археолога Л. Вулли в Уре (в 20–30-е гг. XX в.), во время которых был обнаружен многометровый слой ила, отделявший наиболее древние культурные слои городища от более поздних. Интересно, что сохранившийся в фрагментах шумерский рассказ о потопе некоторыми деталями (сообщение богов добродетельному царю о намерении устроить потоп и спасение его) напоминает библейскую легенду о Ное.

Легенда о Гильгамеше — первое из известных широкоформатных эпических сказаний. Сын правителя города-государства Урука и богини Нинсун (по иным версиям, жрицы этой богини), он, подобно греческому Гераклу, совершил ряд подвигов, включая победы над многочисленными противниками, и людьми, чудовищами, как например над могущественным чудовищем Хувавой, неким небесным быком, исполинской птицей, волшебной змеей. Испуганные боги создали огромного силача Энкиду, который призван был усмирить Гильгамеша. Но поединок между ними завершился вничью, что сделало обоих друзьями. После этого оба друга совершили еще немало подвигов и, в частности, уничтожили чудовище Хуаву. Вслед за тем по воле разгневанных богов Энкиду заболевает и умирает, а огорченный Гильгамеш уходит от людей сначала в пустыню, затем в подземный мир, после чего оказывается на острове Тильмун, где жил Утнапиштим, единственный из людей, обретший по воле богов бессмертие. Гильгамеш узнал о потопе, потом раздобыл цветок вечной молодости и хотел им воспользоваться, однако цветок украли и сожрала змея, сразу же помолодевшая. Гильгамешу оставалось только вернуться домой, что он и сделал. Даже великий герой не может добиться от богов ни бессмертия, ни вечной молодости — примерно таков смысл этой интереснейшей истории.

Вообще для героического эпоса шумеров характерна тенденция сблизить героев типа Гильгамеша (кроме него есть еще двое-трое подобных) с квазиисторической реальностью (упоминается место, где он жил или правил, неизмеримо преувеличивается количество лет его жизни). Когда шумеров потеснили семиты-аккадцы, этот исторический факт тоже со временем был осмыслен и воспринят в эпико-мифологической форме. Суть мифа в том, что бог Марту (этим сводным термином шумеры именовали аккадцев), громовержец и варвар-кочевник, появился на пиру богов и женился на дочери одного из них.

В городах-государствах, а затем и в сменивших их раннегосударственных образованиях, объединивших весь Шумер, как это вполне очевидно, не было еще общепризнанного и выстроенного в строгую иерархию пантеона. Жрецы разных городов и храмовых центров обычно, как то было характерно для древнеегипетских номов, предпочитали ставить выше других и особо выделять среди прочих своих богов. Это приводило, помимо всего прочего, к некоторой перестановке акцентов в мифологических преданиях о боге неба Ане и его сыне Энлиле, а также к появлению у героического эпоса о Гильгамеше либо в истории об Инанне (Иштар) и Думузи (Таммузе) различных вариантов. Впрочем, такое случалось нередко и свидетельствует лишь о многолинейности самого процесса становления мифологии и лежавших в ее основе религиозных представлений. С выходом на передний план после завоевания Шумера Саргоном Аккадским в середине III тысячелетия до н. э. аккадцев и начала постепенного оттеснения древних шумеров на задний план существенно не изменились ни древние мифы, ни пантеон почитаемых богов. Изменились разве что некоторые имена. Инанна, например, стала чаще именоваться по-аккадски, т. е. Иштар.

ВАВИЛОНИЯ

На смену Шумеру с возвышением отстроенного семитами на западе Вавилона пришло на рубеже III–II вв. до н. э. Старовавилонское царство, боги которого, за немногими исключениями, были взяты у шумеров. Правда, появились и некоторые новые, как, например, бог солнца Шамаш, вышедший едва ли не на первое место, а также бог луны Син. Оба они имели мало известных предшественников в пантеоне Шумера, но роль их теперь

резко увеличилась. Вместе с Энлилем, обретшим новое аккадское имя-эпитет Бел (владыка), они составили триаду великих и наиболее почитаемых богов семитско-аккадской Вавилонии. Об этом свидетельствуют храмы в их честь и связанные с их прославлением сохранившиеся до наших дней изображения. Рядом с ними со временем оказался и бог-покровитель Вавилона Мардук.

Религиозная система Вавилонии, изменявшаяся и совершенствовавшаяся усилиями разных народов на протяжении долгих веков, во II тысячелетии до н. э. была уже достаточно развитой. Из великого множества мелких местных божеств, нередко дублировавших функции друг друга (так, кроме Иштар были еще две богини плодородия), выделилось, как о том только что шла речь, несколько главных, повсеместно известных и наиболее почитаемых. Сложилась и определенная их иерархия: с течением времени на место верховного бога все определенной выдвигался бог-покровитель города Вавилона Мардук, влиятельные жрецы которого пытались поставить его во главе месопотамского пантеона. С возвышением Мардука была связана и сакрализация правителя, статус которого со временем приобретал всё большую святость.

Во II тысячелетии до н. э. была также несколько пересмотрена мифологическая интерпретация деяний, заслуг и сфер влияния всех сил потустороннего мира, всех богов, героев и духов, включая владык подземного царства и многочисленных демонов зла, болезней и несчастий, в борьбе с которыми вавилонские жрецы выработали целую систему заклинаний и оберегов. В частности, каждый человек оказался обладателем собственного божественного патрона-покровителя, иногда и нескольких, что способствовало формированию личностных связей «человек — божество». Считалось, что утрата такого божества-хранителя оставляла человека беззащитным перед злой волей демонов или богов. Была разработана сложная космологическая система из нескольких небес, полусферой покрывающих землю, плавающую в мировом океане. Небеса были местожительством высших богов, причем бог солнца Шамаш ежедневно совершал свой путь с восточной горы в сторону западной горы, а на ночь удалялся во «внутренности небес».

Однако это была не единственная космологическая система в Вавилонии. Насколько можно судить, жрецы из числа сторонников Мардука противопоставили ей другую. Еще в мифологии шумеров играло весьма значительную роль представление о «ме» — некой

таинственной волшебной магической силе, которой обладали не все боги (считалось, что лишь Ан и Энлиль имели ее и могли награждать ею других). Этой силой сумела овладеть Инанна, когда спустилась в подземное царство за своим мужем. «Ме» хранилась в потаенном месте, о котором не знали даже боги. Считалось, что охранял это место под землей бог подземных вод Абзу, бывший одновременно кем-то вроде первопричины жизни (Энки с Нинмах доставали людей именно из охранявшегося им места). В вавилонской космогонии Абзу оказался мужем богини-дракона Тиамат. В текстах, ставивших своей целью возвеличить Мардука, сказано, что его отец Эа-Энки, аккадский Эйя, убил Абзу, а затем сам Мардук уничтожил Тиамат, пытавшуюся было отомстить за смерть мужа. За этот подвиг — а перед Тиамат трепетали все, даже боги — Мардук и был сделан главой пантеона. Став главным богом, Мардук приступил к созданию мира. Из частей Тиамат он создал небо и землю. Главным богам Ану, Энлилю и Эйя он выделил их владения, а остальным нескольким сотням поручил создать людей и обустроить все на земле и на небе.

Проблема умирания и воскрешения природы, которой было уделено значительное внимание в шумерской мифологии в связи с рассказом об Инанне и Думузи, была, конечно, хорошо известна и в Вавилонии. Но стоит обратить внимание на то, что в вавилонской мифологии эта проблема не нашла логического развития. В частности, вавилоняне не поднялись до этических высот типа суда Осириса в Египте. В хорошо известной поэме XI в. до н. э., условно именуемой «Вавилонская теодицея», которая была написана уже после изгнания касситов, изложена жалоба некоего страдальца на невзгоды и несправедливости, кои сопутствуют всей его жизни. Из жалоб страдальца (как, впрочем, и из шумерских произведений, в том числе «Эпоса о Гильгамеше») вытекает, что загробный мир мыслился в Шумере и Вавилонии как путь в никуда, как дорога без возврата, причем одинаковая для всех. Страна без возврата — это очень безрадостная перспектива, это нечто худшее, чем просто небытие. И если в эпосе о Гильгамеше знавший о такой перспективе великий герой особенно горько сокрушался после гибели его друга и побратима Энкиду, то в гораздо более развитом вавилонском обществе двумя с лишком тысячелетиями спустя подобного рода несправедливость уже осмысливается в теодицее с весьма прочувствованных и твердо выраженных этических позиций. Чтобы праведники и злодеи имели одинаковую посмертную долю, такого не может, не должно быть — в этом едва ли не весь па-

фос поэмы, варианты которой позволили специалистам расшифровать всего около 300 строк.

Правда, эта этическая скорбь и явная несправедливость были несколько скрашены тем, что покойникам, тело которых не захоронено и которым не приносятся жертвы, приходится особенно плохо. Известно, что именно с целью досадить умершим негодяям либо врагам, которые не получили свое при жизни, иногда разоряли их погребения, как поступили после изгнания из Вавилона эламитов с гробницами некоторых эламских царей, очень недолго правивших в Вавилоне после касситов. Но это считалось слабым утешением. Чтобы несколько усилить значимость наказания зловредных покойников, использовалось заклинание типа «Пусть в преисподней бог Шамаш заставит тебя вечно жаждать!».

Вавилонские боги, особенно четверо упоминавшихся выше и наиболее значимых (Мардук, Шамаш, Син и Энлиль-Бел), обладали большим влиянием. Позже на передний план вышел термин «Бел», присвоение которого способствовало сближению либо даже слиянию великих богов, например Энлиля и Мардука в Вавилонии, Энлиля и Ашшура в Ассирии. В честь богов, особенно великих и всем известных, строили многочисленные храмы, им служили хорошо подготовленные профессионалы-жрецы. Вавилонские жрецы заслуживают особого уважения. Их открытия в сфере астрономии и календаря, астрологические выкладки, математические и иные построения широко распространились по всему древнему миру, не оставив в стороне, видимо, даже столь далекие от Вавилона центры мировой цивилизации, как шанский Китай. Разумеется, жрецы были всесторонне умелыми служителями богов. На службу богам ими были поставлены достигшие немалых успехов магия и мантика. Наконец, усилиями жрецов было многое сделано в области письменности и составления текстов. Видимо, следует отметить и появление более или менее развитой этической нормы, о недостатках которой скорбел описанный в теодицее страдалец. При этом важно иметь в виду, что, хотя все эти достижения имели вполне самостоятельную культурную ценность, связь их с религией (причем связь не только генетическая, но и функциональная) несомненна. И не столько потому, что у их истока стояли жрецы, сколько из-за того, что все эти знания были нередко прямой функцией религиозных представлений и, во всяком случае, опосредованы ими.

Справедливости ради надо заметить, что отнюдь не все стороны жизни, не вся система идей и институтов Вавилонии обуславливались

религиозными представлениями. Например, тексты законов Хаммурапи убеждают в том, что нормы права были практически свободны от них. Этот весьма существенный момент свидетельствует о том, что старовавилонская религиозная система, по образу и подобию которой впоследствии формировались аналогичные системы других ближневосточных государств, не была тотальной, т. е. не монополизировала всю сферу духовной жизни. Она оставляла место для взглядов, поступков и порядков, не связанных непосредственно с религией, и именно эта практика могла повлиять на характер религиозных представлений народов Западной Азии и, в частности, восточного Средиземноморья начиная от семитских племен Сирии и Финикии и кончая крито-микенскими предшественниками античных греков. Не исключено, что она сыграла определенную роль и в появлении свободомыслия в период античности.

АССИРИЯ

Ассирийцы были северными соседями Вавилонии и после ослабления Старовавилонского царства, завоеванного касситами на рубеже XVIII–XVII вв. до н. э., этот этнос постепенно берет в свои руки аккадско-семитское наследие Вавилона, в том числе и едва ли не прежде всего в сфере религиозных представлений. Центром древних ассирийцев был город-государство Ашшур, расположенный к северо-востоку от Вавилона. Это был древний и важный торговый пункт, способствовавший транзитной торговле Вавилона со Средиземноморьем. С XIV в. до н. э. Ашшур начал освобождаться от влияния касситов с юга и митаннийцев с севера, а в последующие два-три века Ассирия становится большим политически самостоятельным царством, чему способствовала и благоприятная для нее внешнеполитическая обстановка в Западной Азии. С ослаблением касситов Ассирия не раз сталкивалась и со вновь несколько усилившимся Средневавилонским царством. Правда, вторжение семитов-арамеев с юга несколько поколебало могущество этой державы, но в IX–VII вв. до н. э. Ассирия вновь возродилась, и Новоассирийское государство на некоторое время стало сильнейшей империей западноазиатского региона. Это было время энергичных нападков ассирийцев на завоеванное к тому времени семитами-халдеями и тоже в очередной раз заметно усиливавшееся Нововавилонское царство, которое в VIII в. до н. э. попало под власть

Ассирии. Вавилон был сначала разрушен, а затем восстановлен ассирийскими правителями, многое взявшими из его культурных достижений, включая и религию.

Религиозные представления и верования этнически родственные вавилонянам ассирийцы заимствовали у них почти целиком. Только главным своим божеством они объявили бога-покровителя своей древней столицы Ашшура. Вначале его сблизили с вавилонским Энлилем с эпитетом «отец богов», затем с малоизвестным Аншаром, в некоторых вариантах шумеро-вавилонской космогонии считавшимся отцом бога неба Ана. Потом бог Ашшура был отождествлен с вавилонским владыкой Мардуком, ибо Мардука как патрона Вавилона ассирийцы, да и все окружающие народы всегда высоко чтили (почитанием, к слову, пользовался и его сын Набу, бог-покровитель письменности и писцов). Женой бога Ашшура стала считаться Иштар. Словом, ассирийский бог Ашшур воспринял черты едва ли не всех великих богов, а в качестве эмблемы его был избран крылатый солнечный диск, очень похожий, по мнению некоторых авторов, на египетский диск Атона.

Поскольку ассирийцы заимствовали вавилонские религиозные представления в их наиболее позднем и развитом варианте, необходимо добавить к сказанному ранее, что иначе выглядела и ассиро-вавилонская космогония. Вначале был первозданный хаос в виде бескрайнего океана. Затем появилась первая пара богов, после них — вторая пара, Аншар и его жена Кишар, от которых произошли первые великие боги, а затем и Мардук. Символ первобытного хаоса Тиамат с ее сторонниками воевал с богами, но потерпел поражение. Мардук, сыгравший основную роль в битве, стал главным богом и сделал из тела Тиамат, о чем уже говорилось, воду, землю, небо и т. п. Считалось, что Вселенная плавает в мировом океане, причем Земля напоминает нечто вроде перевернутого челна, а небо делится на несколько ярусов. Нижний видимый людям ярус с его звездами сделан из яшмы. Бог солнца Шамаш — подобно тому, как это делал египетский Ра, — ежедневно с утра отправляется в путь с востока на запад. Каждому крупному городу соответствует определенное созвездие. Что касается Земли, то она тоже делится на несколько ярусов. Сверху живут люди, ниже — владения бога подземных вод Эйя, еще ниже — подземное царство с его загробным миром, куда попадают все и откуда нет возврата.

Как и в Вавилонии, в Ассирии немалую роль играли жрецы. Разумеется, они заметно уступали здесь свои позиции воинам, которые

в Вавилонии занимали гораздо более скромное место. Но зато они много работали над созданием и сохранением клинописных текстов, в основном, естественно, религиозного содержания. Как известно, в богато отстроенной ассирийскими правителями их новой столице Ниневии была великолепная библиотека, где археологи и нашли упомянутые тексты. В ассирийских текстах сохранилось немало гимнов и псалмов с молитвенными обращениями к богам, с покаянием в грехах и просьбой о милости и помощи в случае болезни либо иных невзгод. Как правило, в текстах с молитвами имя бога не упоминается. Возможно, это связано с тем, чтобы каждый мог обратиться ко всем сразу. Чем больше богов упомянуто в молитве, тем она считалась надежнее. Ассирийские правители иногда в текстах молитв упоминали более 7 тыс. имен богов и духов, на содействие которых они надеялись. Вообще богов люди боялись, ожидая от них гнева и наказаний. Как величайший дар богов рассматривалась долгая жизнь, что и неудивительно, если принять во внимание, что представления о возможности миновать подземное царство загробного мира не было. Люди уходили туда, откуда нет возврата.

Среди ассирийских текстов есть сборники заклинаний, наполненные магическими формулами и содержащие подробное описание того, как следует производить обряд очищения, для которого использовалась чистая вода из священных рек Тигра и Евфрата, а также обряд сжигания, сводящийся к сжиганию некоторых предметов, имеющих символическое значение, с параллельным жертвенным воскурением и возлиянием. Цели заклинаний различны — от излечения болезни до снятия колдовства или спасения от дурного глаза. Наряду с магическими обрядами в ходу были амулеты, мази и т. п. Великим покровителем заклинаний считался все тот же Мардук. Иногда на помощь привлекались и другие боги. Из числа злых духов, которых было бесчисленное множество и с которыми следовало бороться, выделялись семь особо вредных. Им противостояли добрые духи, хранители домов, храмов, дворцов.

С упадком Ассирии и особенно после завоевания этой державы в конце VII в. до н. э. объединенными усилиями вавилонян и мидян влияние бога Ашшура вначале померкло, а затем исчезло вовсе, а главным божеством семитских племен Двуречья, центральную роль среди которых теперь играли вавилонские халдеи, стал Мардук.

СИРИЯ И ФИНИКИЯ

Эти два близких друг к другу государства восточного Средиземноморья издревле были заселены разными народами, преимущественно западными семитами, позже также так называемыми «народами моря». Здесь существовало множество городов, часть которых, как Угарит, хорошо изучена в результате археологических раскопок. В древности этот район именовался Хананом. Здесь не сложилась единая для всех близкородственных этнических общностей мифологическая система, хотя и существовали сущностно близкие. В целом регион делился на множество городов-государств либо небольших государственных образований, где на передний план могли выдвигаться различные божества. Единого общего пантеона не было.

Сирия находилась на скудных равнинных землях между верховьями Евфрата и побережьем Средиземного моря. Она была населена с середины II тысячелетия до н. э. в основном семитами-арамейцами. Финикийские города, населенные различными народами, по преимуществу теми же семитами, имели выход к морю и представляли собой прибрежные центры с хорошо известными морскими портами. Как сирийцы, так и финикийцы занимались транзитной торговлей. Сирийские города, включая столицу Дамаск, были западными пунктами длинной дороги, начинавшейся у берегов Персидского залива и проходившей через такие крупные центры, как Вавилон и Ашшур, а финикийские порты являлись в большинстве своем тем местом, где транзитная торговля либо поворачивала в ту или иную сторону, например в Египет, либо меняла свой характер, превращаясь в морской путь. Финикийцы занимались преимущественно мореплаванием, строили галеры и путем пиратских набегов на близких и дальних заморских соседей обеспечивали их рабами-гребцами. Стоит добавить к этому, что у финикийцев на Средиземном море были колонии (Карфаген, Мальта и др.), где практически до мелочей воспроизводилась та же религиозная система, что господствовала в метрополии.

Религиозные представления финикийцев и особенно сирийцев восходили в основном все к тем же древним шумеро-вавилонским и ассирийским стандартам, о которых уже шла речь, однако были разбавлены влиянием со стороны Египта и греческого мира, что и порождало некоторые особенности. В Сирии и Палестине, где равнинные земли перемежаются невысокими горными хребтами,

возвышенным местам обычно отдавали предпочтение, когда строили храмы. Как правило, святилища, особенно в населенной в значительной степени кочевыми племенами Сирии с ее немногими городами, были небольшими и располагались близ источников священных вод и в тени священных рощ. Древние традиции диктовали даже практику вкапывания столбов либо установления валунов близ тех мест, где еще не было храмов, но которые считались отмеченными вниманием того либо иного божества. Могущества богов кочевники — да и не только они — обычно побаивались. Имена многих из них были табуированы и замещались эпитетами и прозвищами — Баал («владыка»), Мильком («хозяин»), Эшмун («божество умирающей и воскресающей растительности») и т. п. При этом один и тот же апеллятив, чаще всего Баал или Эль («великий»), мог использоваться в разных городах для обозначения их божеств.

Словом, пантеон обитателей каждого из городских поселений был типичным, так что сирийские и финикийские города, в том числе и весьма древние, в этом отношении мало чем отличались друг от друга. Единых и общепризнанных всеми божеств было немного. Каждый город имел свой набор богов, хотя имена некоторых из них могли, как о том только что шла речь, практически не различаться. Так, например, во главе городских пантеонов часто стоял Эль (Эл), обычно воспринимавшийся как отец богов и творец мира. Но текущими делами в каждом городе ведал, как правило, другой великий бог — Баал (Ваал), он же Адад, сын небесного (еще шумерского) бога Ана, бог бури, грома и молнии, а также плодородия, весьма почитавшийся в свое время в разных местах от Шумера до Ассирии. Богиня Асират (Астарт), или Баалат, считалась его женой. Она и Анат (Иштар), сестра либо тоже жена Баала (иногда в слитной форме Астар-ва-Анат), воспринимались в качестве богинь плодородия. Следует добавить к сказанному, что в некоторых городах к именам богов добавлялись термины родства — отец, брат, дядя, что может быть воспринято как указание на древнюю традицию считать местных божеств сородичами, быть может предками.

Некоторые божества считались основателями городов, что отражено в их названии (Йерушалам — построенный Шалиммом, Иерихон — город Йариха, Сидон — от Цида и т. п.). Из угаритских текстов середины II тысячелетия до н. э. явствует, что схватка доброго божества Баала (Балу) с божеством смерти и подземного мира Мотом (Муту) завершилась его победой потому, что верховный влады-

ка Эль вступился за Балу, который (как и его сестра и возлюбленная Анат) воспринимался в Ханаане как божество плодородия. Вообще проблеме плодородия уделялось огромное внимание. Множество божеств выполняло функцию его обеспечения. В тех же угаритских текстах оно связывалось и с потенциями самого Эля.

Немалую роль в пантеоне региона играли боги Адонис и Молох. Молох считался грозным божеством, для умиловления которого приносились в жертву дети, в том числе иногда и царские. Адонис, поклонение которому было особенно распространено в Финикии и Сирии, представлял собой столь известный семитам Западной Азии и древним египтянам символ умирающей и воскресающей природы. В его честь в определенное время устраивались оргии, сопровождавшиеся освобождением от сексуальных запретов. Приносились обильные кровавые жертвы. Обычно в первый день торжеств собравшиеся плакали, горюя о смерти юноши, а во второй — ликовали, радуясь его воскрешению. В египетских и хеттских текстах можно встретить упоминания об интригах и борьбе ханаанейских богов. И действительно, одни боги в городах выходили на передний план, другие отходили на задний.

Общесемитский Эль (Эл) в Сирии и Финикии был не столько самостоятельным великим богом, но своеобразным эпитетом («царь царей»), прилагавшимся в каждом городе к своему главному богу. Существовали и многие другие божества, даже божества-карлики, изображением которых венчали корабли. Но обращает на себя внимание то немаловажное обстоятельство, что богов торговли, моря или попутного ветра среди наиболее важных и высокопочитаемых божественных сил у занимавшихся прежде всего торговым мореплаванием финикийцев не было. Вернее сказать, божества такого рода существовали, но они были либо в числе второразрядных, как божества ветра или дождя, либо очень страшных. Так, в Тире богу солнца Мелькарту, который одновременно был и покровителем мореплавания и колонизации, приносили, как и Молоху, кровавые жертвы из числа пленников или опять-таки детей. Божество Йамму (море) в мифологии часто встречается как враг повелителя той либо иной территории Баала, причем симпатии авторов соответствующих текстов явно на стороне Баала, побеждающего Йамму. Создается впечатление, что главной эмоцией, сопровождавшей финикийцев в их основном занятии, был страх перед бушующим морем. Этот страх они и пытались, видимо, искупить кровью. Много известно о кровавых жертвоприношениях в Финикии, в том числе человеческих.

В Карфагене, наиболее известной из финикийских колоний, главную роль среди божеств играл бог солнца и плодородия Хаммон и его спутница Тиннит, она же Дидона, основательница города. Почитали здесь и богиню Астарту.

Храмы в Финикии и Сирии по сути своей мало чем отличались от иных древних ближневосточных. Цари часто выполняли функции первосвященников и лично руководили наиболее важными ритуальными церемониями. В обязанности жрецов входило обслуживание храмов, совершение жертвоприношений, иногда гадания и предсказания. Существовали священные роши, посвященные чаще всего богине Астарте. Мировоззренческие и космогонические представления, (насколько они достоверны) довольно скудны, но отличаются оригинальностью. Они сводятся либо к легенде о мировом яйце, из которого были созданы сначала небо и земля, а затем светила и все живое, а также подземный мир, либо к происхождению мира от воздуха и хаоса. В этом последнем варианте сначала возникло грозное божество смерти и одновременно жизненной силы Мот, которое создало все остальное. Но после этого случился вселенский катаклизм, все погибло в пожаре, а затем снова были созданы — на сей раз неизвестно кем — космос и все живое. Есть и мифологемы, напоминающие не просто идею смерти и воскрешения, ассоциировавшуюся в этом районе Азии с Адонисом, но и близкие к ней по сути. Так, в некоторых случаях сам верховный владыка Баал в сопровождении божеств дождя, ветра и облаков спускался в царство смерти Мота, где погибал. Его жена Анат-Иштар жестоко мстила за него, буквально стирая Мота в порошок, после чего Баал возвращался на землю.

В Сирии многое было заимствовано из Финикии. Большим почитанием здесь пользовались Баал, Мелькарт. Позже получили влияние и некоторые греческие божества, что было особенно заметно на рубеже н. э. в Гелиополе. В Пальмире, напротив, примерно в то же время было распространено поклонение семитским божествам — Белу (Баалу) под именем Баалшамина и ряду других, включая божество луны Аглибола и солнца Малакбела (это местные эпитеты все тех же западносемитских богов).

Погребальный обряд у финикийцев и сирийцев сводился к захоронению в пещерах, склепах и саркофагах, что свидетельствует об определенном влиянии египетских обычаев. Вместе с покойником хоронили некоторые домашние вещи, амулеты, даже светильники.

МИТАННИЙЦЫ И ХЕТТЫ

Религиозные представления митаннийцев и хеттов несколько отличны от тех, что были у большинства народов Западной Азии. Дело в том, что эти народы принадлежали к той семье индоевропейских народов, о которой выше уже упоминалось в связи с описанием ранних религиозных представлений древнейшего неантичного населения Европы. Государство Митанни, соединившее в себе немало как от семитско-аморейской и хурритской, так и от индоевропейской культур, расцвело в XVI в. до н. э., но уже в следующем было разгромлено египетским фараоном Тутмосом III и стало его данником. Позже, правда, Митанни вновь добилось независимости и снова было завоевано Ассирией в XIII в. до н. э. Хеттское царство, располагавшееся на территории Малой Азии, просуществовало чуть дольше — с XVIII до XIII в. до н. э., но его состав был аналогичным: оно складывалось на протяжении ряда веков на этнической основе хатти (протохеттов), на которую наложился этнолингвистический и религиозно-культурный слой завоевавших хатти индоевропейцев-хеттов. Что касается религиозных воззрений и мифологии хеттов, то они очень многое заимствовали у своих предшественников хатти, вплоть до этнонима.

Хатти имели в свое время достаточно развитую мифологию и пантеон божеств, причем то и другое в определенной степени сохранялось и после возникновения хеттского государства. В частности, они почитали бога солнца Эстана, который у хеттов стал именоваться Истанусом, божество плодородия Телепина (у хеттов — Телепинус), божество луны Кашку, а также поклонялись пчелам, в свое время помогавшим найти Телепина, и леопарду, ставшему затем символом царя хеттов. Множество божеств индоевропейского происхождения принесли с собой и хетты, а позже немало их было заимствовано у семитского народа хурритов, вошедшего в состав царств митаннийцев и хеттов. В конечном счете пантеон хеттов резко увеличился, так что хеттские писцы порой упоминали о «1000 божеств». Здесь и бог грозы Тешуб, бог океана Аруна, божества судьбы и многие-многие другие. Боги вступают друг с другом в сложные отношения, сражаются, ищут исчезнувшего Телепинуса, с возвращением которого восстанавливается плодородие, изгоняют друг друга с небес, занимая место изгнанного, и т. п.

При огромном количестве различных божеств, подавляющее большинство которых были небожителями второго-третьего разряда, храмы в хеттском государстве возводились лишь в честь немногих — Тешуса, Телепинуса, Великой богини (у нее было много имен, в частности она была богиней солнца Аринной) и некоторых других. Это были обычные для ближневосточной древности строения со статуями почитаемого божества и служащими ему жрецами. По праздничным дням статуи выносились жрецами. Что же касается храмов как центральных сооружений в городе, то они были многофункциональными и представляли собой комплекс главных и вспомогательных сооружений, имели свои амбары, склады, ремесленные мастерские и немалое количество сдававшейся в аренду земли. Цари хеттов нередко были верховными жрецами, а после смерти обожествлялись, причем их статуям воздавались божественные почести.

Мифология хеттов содержит упоминавшееся уже повествование об исчезновении Телепинуса, о помощи пчелы в поисках его, о богине Камрусепе, которая своими чарами успокаивает мятущуюся натуру беглеца и приводит его в норму. Есть миф о сражении бога грозы со змеем, о борьбе того же бога с каменным гигантом. В число важных ритуалов входили обряды гадания, включая толкование царских снов и предсказания по внутренностям животного. К числу своего рода гаданий относили и наблюдение за поведением животных, предназначенных для жертвоприношений. Существовали и оракулы, к которым обращались с вопросами, ожидая в ответ лишь бинарную формулу (да–нет).

О религиозных верованиях митаннийцев известно немного, но то, что известно, весьма непохоже на взгляды хеттов с их богатыми заимствованиями. Находки документа XIV в. до н. э. в столице царства Богазкое показали, что боги, которых почитали митаннийцы, были древнеарийскими, более того, — индоарийскими. Был найден список богов из трех частей, включавший в себя имена Митры, Варуны, Индры, Ашвинов и Насатьев. Эта трехчастная группа индоарийских богов, как полагают некоторые исследователи, например Ж. Дюмезиль, косвенно свидетельствует о существовании у митаннийцев примерно тех же трех социальных слоев (жрецы, воины и обычные работники), что были в арийской Индии. Иными словами, митаннийцев в отличие от хеттов (стоит напомнить, что оба народа считаются в общем и целом принадлежащими к языковой семье индоевропейцев) следует считать едва ли не родными братьями индоариев, о которых речь пойдет ниже.

В общем и целом все рассмотренные выше примеры, касающиеся стран и районов Западной Азии с ее центром в Двуречье, свидетельствуют о сходных путях развития, о близком друг другу типе очагов ранней цивилизации, как древнейшего первичного шумерского, так и всех остальных, более поздних и от него так либо иначе зависевших. Исключение в этом регионе составляют лишь два особых и отличных ото всех остальных центра. Первым и территориально небольшим, но исторически наиважнейшим следует считать иудейский. Вторым, огромным, охватившим в свое время весь западноазиатский регион, — персидский. Обоим им будут посвящены специальные главы, ибо каждый из упомянутых народов — во всяком случае с точки зрения истории религии — этого безусловно заслуживает. Но если оставить иудеев и персов в стороне и вновь вернуться к древней Западной Азии, то необходимо сказать, что очаги ее цивилизации в принципе находились на уровне древнеегипетского. И Западную Азию начиная с Шумера, и Египет следует считать более развитыми центрами мировой цивилизации, чем, скажем, мезоамериканский.

Даже принимая во внимание потоки человеческой крови, проливавшейся во имя богов в Финикии, что фактически ставит эту страну в один ряд с Мезоамерикой, западноазиатская цивилизация в целом не чета мезоамериканской. В этом нет сомнений. Однако уровня культурных достижений осевого времени обе они, западноазиатская и египетская, так и не сумели достичь, несмотря на немалый вклад в отдельные отрасли древней науки. В них нет того абстрактно-индивидуального восприятия мироздания и попыток авторской его интерпретации, которые в первую очередь характерны именно для этого времени и являются его спецификой. Это хорошо заметно из всего того, о чем уже говорилось применительно к характеристике сущности осевого века и специфических его особенностей. Иудеи же и персы этого уровня достигли, о чем теперь и пойдет речь.

Глава 10

Дуализм древних иранцев и Зороастр

*Маздеизм • Зороастр и его реформы • Маздеизм
или Зороастризм • Митраизм*

Религиозная система древних иранцев складывалась в стороне от главных центров ближневосточной цивилизации и по характеру заметно отличалась от религиозных представлений Древнего Египта или Месопотамии, насыщенных мифологией и наполненных приключениями богов и героев. Это и неудивительно: генетически древнеиранские религии восходят к древнейшим верованиям индоевропейских народов, принадлежавших к иной языковой семье и культурной традиции. Гипотетическая прародина индоевропейцев до сих пор не вполне ясна и вызывает ожесточенные споры специалистов. В самом общем виде ее можно локализовать районами Причерноморья, включая Анатолию с прилегающими к ней территориями, где обитали митанийцы и хетты, и Прикаспием. Именно отсюда различные ветви индоевропейцев, преимущественно скотоводов, стали на рубеже III–II тысячелетий до н. э. энергично мигрировать на восток, юг и запад, что со временем привело к возникновению ряда ранних религиозных комплексов индоевропейского происхождения в Европе, о которых уже шла речь (кельты, германцы, славяне), и нескольких древних цивилизаций в Европе и Азии (греческой, римской, иранской, индийской), а также оказало немалое воздействие на развитие других очагов мировой культуры вплоть до Китая.

Ранние верования индоевропейских народов достаточно хорошо запечатлены в древнеиндийских ведах и религиозных представлениях греков, включая доантичных, а также германцев и славян. Это же относится и к древним иранцам. Сложившиеся в среде пастушеских племен еще на их прародине в III тысячелетии до н. э., если не раньше, древнеиранские религиозные представления и верования сохранялись в сравнительно неизменном виде достаточно долго, ибо у кочевых народов, какими тогда были иранцы, развитие идет очень медленными темпами. Тем не менее очень многие индоевропейские народы, как существовавшие в древности и вскоре исчезнувшие (хетты, митаннийцы и т. п.), так и дожившие до наших дней, сохранили немало общего между собой, что легко фиксируется в ходе их сравнительного изучения. В целом их верования вполне соответствовали стандартам раннерелигиозного комплекса, о котором уже шла речь в главе 3. Однако некоторые из этих народов, переместившиеся как в Европу, начиная с античных греков, так и в Азию (индоарии и иранцы), имели иную судьбу. Расселяясь по Европе и Азии, они энергично совершенствовали свои ранние религиозные представления, причем это развитие шло хотя и на единой основе, но в каждом конкретном случае своим путем. Именно эти народы оказались в числе тех, кто в период осевого времени сумел выйти на принципиально новый уровень развития мышления, а затем и бытия. Происходило это в различных регионах земного шара и протекало по-разному. Особенно заметно было различие между теми, кто прочно осел на землю и у кого процесс преобразования шел сравнительно быстрыми темпами, и теми, кто в силу исторических обстоятельств на довольно долгое время оставался полукочевниками. К числу последних относились, в частности, иранцы.

В отличие от греков, римлян или германцев и славян, перемещавшихся на запад и бывших оседлыми земледельцами, их в прошлом достаточно близкие родственники, составлявшие вначале некую единую индоиранскую общность, мигрировали на восток и юго-восток от прародины. Не вполне ясно, как, когда и при каких обстоятельствах эта общность, знакомая с боевыми колесницами и объединенная самоназванием «арии», разделилась на части, одна из которых, протоиранская, в свою очередь разбившаяся на несколько групп, кочевала в районе евроазиатской степной полосы и лишь со временем частично осела, видимо, на территории к югу от нее, в районе современного китайского Туркестана, тогда как вторая направилась

в долину Ганга, где и осела в этой весьма благоприятной для земледелия зоне.

Первоначальная близость обеих частей этой ранее единой индоиранской общности вполне очевидна, как достаточно заметна и их фиксируемая специалистами взаимная враждебность. Можно полагать, что взаимное отчуждение было обусловлено усиливавшимся противостоянием между склонной к оседлому земледелию части общности (индоариями) и продолжавшими в основной своей части (хотя и не поголовно) кочевать скотоводами, хотя не исключено, что расколу и поляризации индоиранцев способствовали и иные причины. Как бы то ни было, сам факт раскола очевиден и четко фиксируется при изучении религиозных представлений и мифологии древних иранцев и индоариев. Как известно, те и другие были хорошо знакомы с двумя противостоявшими друг другу классами божественных сил: у иранцев это были ахура и дэвы, у индоариев — дева и асуры. При этом весьма показательно, что первая группа божеств считалась благой, а вторая — вредоносной. Главой группы дэвов (дева) был один и тот же Индра, но у индоариев он был великим и почитаемым богом, а у иранцев — злокозненным демоном.

Отчетливое противопоставление благих сил (дева) и демонов-асуров в древней Индии не оказалось (как это будет видно из последующего изложения) фундаментом для сложения религиозных представлений индоариев, где на передний план вышли иные мироустроительные и космические концепции. Зато у древних иранцев (не у всех их групп, но у тех, кто оказался в районе нынешнего китайского Туркестана и частично, видимо, на время осел в этих местах*) именно такое жесткое противостояние стало основой основ всех генеральных религиозных конструкций. Мифологическая кар-

* Возможно, это были тохары или прототохары, о пребывании которых близ границ современного Китая пишут некоторые исследователи. Данные об этом весьма смутны и неясны, но ираноязычные тохары представляются единственным из возможных народов, от которых древние китайцы на рубеже II—I тысячелетий до н. э. могли заимствовать индоевропейскую лексику (уже почти полвека назад несколько десятков индоевропейских слов зафиксировали в ранних китайских текстах лингвисты-синологи Т. Улвинг и Я. Уленбрук) и созданные народами все той же языковой семьи боевые колесницы, аналогии которым археологи на территории к востоку от Урала пока не находят.

тина мира здесь первоначально строилась, насколько это известно, на фоне противопоставления сил Добра и Света, олицетворенных великим Ахура-Маздой (*греч.* — Ормузд), и сил Тьмы и Зла, носителем которых считался Ангро-Майнью (Ариман). Этот религиозный дуализм стал фундаментом религии Ирана.

Еще в конце XIX в. специалисты обратили внимание на то, что полукочевой уклад жизни древних иранцев в районе Великой степи, особенно на востоке ее, где климат отличается континентальным характером, а полярность ночи и дня, тепла и холода ощущается постоянно, зависимость жизни от условий для земледелия и существования скота не могла не оказать своего воздействия на формирование религиозного мировоззрения и соответствующей примитивной еще мифологии. Речь не только о культе коровы, столь свойственном всем индоиранцам, включая и оседлых индийцев, живущих в немалой своей части в субтропиках. Гораздо важнее для оценки истории иранского дуализма как оригинальной религиозной концепции было столь реально ощущавшееся восточноазиатскими протоиранцами противостояние мрака — свету, тепла — холоду.

Разумеется, чтобы это ощущение стало фундаментом мировоззрения, мало было быть в центре континентальной Азии. Далеко не у всех, кто жил в аналогичных условиях, возник такой дуализм как основа религии и образа жизни. Но есть все основания предположить, что раскол между индоариями и иранцами, о котором только что шла речь, сыграл свою роль в усилении акцента на противостоянии двух враждебных друг другу сверхъестественных сил, одна из которых со временем стала прочно ассоциироваться с мраком и ночью, холодом и враждебностью к людям, а затем и просто к миру Зла, Тьмы, Лжи, Вреда и т. п., вплоть до Смерти, тогда как другая, ассоциируемая с солнцем и днем, теплом и созданием благоприятных условий для существования, стала символом Мира, Добра, Света, Правды и Блага, наконец, самой Жизни. Вот с этого противостояния и возникла, скорей всего, религиозная система иранского дуализма.

МАЗДЕИЗМ

Религиозный дуализм древних иранцев чаще всего связывается с зороастризмом, т. е. с учением великого пророка Зороастра (Заратуштры), которое зафиксировано в древнейшей священной книге Авесте. Однако письменные тексты

Авесты достаточно позднего происхождения (видимо, не ранее III в. до н. э.), тем более это относится к ее многочисленным комментариям. Наиболее же древние части священной книги, ее песнопения и гимны Гаты и Ясны, в том числе приписываемые самому Зороастру, датируются примерно XII–X вв. до н. э., т. е. по времени близки к ранним древнеиндийским ведам. Вся сложность проблемы состоит здесь в том, чтобы определить, что именно написал и предложил сам Зороастр и что существовало ранее и было лишь использовано пророком при проведении им своего рода религиозной реформы. Решение этой проблемы очень непростое.

Во-первых, сама Авеста содержит немало внутренних противоречий и взаимоисключающих вариантов, связанных как с длительным периодом ее устного существования, так и, видимо, с противоречивыми представлениями различных групп касты жрецов, создававших текст на протяжении многих веков. Во-вторых, кое-что в этом тексте явно связано не только с реформами, но и с предпочтениями великого религиозного реформатора иранцев пророка Зороастра. А в-третьих, многое связано с тем, каким временем датировать годы жизни пророка.

Зороастр — личность полуполюгендарная, хотя многие исследователи признают его реально существовавшим деятелем. О нем нет практически никаких достоверных сведений, а время его жизни варьируется от XI до VII в. до н. э., чаще ближе к VII в. Более поздние легенды повествуют о преследованиях, которым он подвергался, изображают его культурным героем, великим пророком, спасителем человечества и т. п. Но в наиболее ранних персидских текстах (ахеменидских надписях) о нем почему-то не упоминается вовсе, хотя в этих текстах есть немало идей, прославляющих Ахура-Мазду. Неудивительно, что специалисты оказываются в затруднении. Одни вообще ставят под сомнение реальное существование пророка, другие считают, что он в свое время впал в немилость и был сознательно предан забвению, а третьи склонны видеть в религиозной системе персов времен Ахеменидов лишь предтечу зороастризма маздеизм, т. е. первоначальную доктрину, которую впоследствии реформировал Зороастр.

Это последнее соображение заслуживает внимания, хотя оно тоже не отвечает на вопросы, когда жил Зороастр, что именно он изменил в раннем маздеизме, а также когда и каким образом обновленная им религия стала восприниматься в качестве зороастризма, общей для

всех иранцев религии. Оставив пока все эти вопросы в стороне, обратимся к первоначальной основе древнеиранской (дозороастрийской) религии. Будем, как это уже принято, именовать ее маздеизмом — по имени Ахура-Мазды.

Верховным божеством и творцом всего сущего в этой древней религии считался именно Ахура-Мазда, причем его первой и основной функцией вначале было, видимо, моделирование космических элементов Вселенной. Из данных Авесты можно заключить, что творил мир он, в отличие от других демиургов, усилием мысли, облекая духовные формы плотью. Соответственно и поклонение ему должно было выражаться в форме прежде всего духовных обрядов, в частности молитвы перед священным огнем. В качестве жертвы он принимал лишь смесь молока с опьяняющим напитком хаома. А видимым его проявлением, т. е., согласно Авесте, «телом» считался священный огонь. Далеко не случайно позже появился и термин «огнепоклонники», который прочно прикрепился к почитателям маздеизма и в еще большей степени зороастризма. Вообще же для маздеизма было характерно почитание различных стихий (или первоэлементов), которые никоим образом не должны были оскверняться. К их числу кроме огня относились вода (небесные воды считались женами Ахура-Мазды), земля, металл, дерево и скот.

Глава мира дэвов Ангро-Майнью был вначале, видимо, сравнительно мало значившей фигурой маздеистского пантеона. Это тем более вероятно, что с миром дэвов, как упоминалось, ассоциировалась индоарийская ветвь ариев, уже оторвавшаяся от иранцев. Но противопоставление двух ветвей, двух групп божеств и, как следствие, двух их глав (Ахура-Мазды и Ангро-Майнью) существовало. Обретая зеркальный облик по отношению к Ахура-Мазде, его оппонент притягивал к себе все силы тьмы и зла, столь ненавистные жившим в те века в суровых природных условиях иранцам, всех вредоносных духов. Он становился прародителем всяческой зловредности, включая колдовство и суровую зиму, ядовитых гадов и болезни, старость и смерть. Больше того, если Ахура-Мазда, создававший все живое и благое, сотворил первого человека (он именовался Йима, и о нем речь впереди), то его оппонент уничтожил этого человека, породив таким образом смерть. Впрочем, стоит заметить, что в одном из текстов Авесты имя первочеловека другое — Гайомарт.

Все свои злые дела Ангро-Майнью осуществлял при помощи послушных ему слуг мира зла, дэвов, именовавшихся также «други»,

т. е. «обманщики». Мир демонов и друзей огромен и разнообразен. Именно они каждодневно и повсюду ведут с людьми злую игру, стремясь причинить каждому какой-нибудь вред, ввести его в грех, довести до болезни или смерти. Мир духов зла, как считалось, постоянно рос за счет тех, кого им удавалось совратить, ибо каждый такой по смерти пополнял ряды демонов. Жилище всех их — на севере, а также под землей, ибо демоны тьмы любили мрак и холод, а конечной целью их было опустошить мир тепла и света, т. е. мир Ахура-Мазды, и одержать над ним победу.

Вообще создается впечатление, что именно усилиями мощного и деятельного, все возрастающего численно мира зла в религиозной концепции древних иранцев не только возникла и закрепились, но стала основной и ведущей, позже даже трагически угрожающей миру и жизни на земле концепция дуализма. Злые духи были в религиях многих народов. У некоторых в рамках развитых религиозных систем со временем возникли различные дьяволы, демоны и шайтаны. Но все это было лишь тусклым отражением того, что создали иранцы. Мало того, есть веские основания полагать, что всемогущие силы зла появились в более поздних системах не без влияния со стороны древнего иранского дуализма. Этому способствовало и то немаловажное обстоятельство, что первоначальная наиболее продвинутая общность иранцев (прототохары?) в социальном плане напоминала ведических индоариев и делилась на жрецов, воинов и остальной народ. Такое деление позволяет заключить, что в отличие от большинства соседей, находившихся на более низком уровне развития и пользовавшихся услугами шаманов и знахарей, ранние иранцы имели касту профессионалов-жрецов, в чьи обязанности входило развивать культ священных богов, разрабатывать ритуалы в их честь и, главное, углублять основу уже сложившихся религиозных представлений, т. е. дуализм.

Не исключено, что дуализм как структура всей системы религиозных верований древних иранцев был связан не только с контрастами климата и злой волей Ангро-Майнью как такового, но и, как полагают некоторые специалисты, с нередко встречающейся в мифологии и существующей у древних иранцев (правда, возникшей и оформившейся, быть может, несколько позже) мифологемой антагонизма братьев-близнецов. Считается, что божество времени Зрван (Зурван, Зерван) породил на свет как Ахура-Мазду, о появлении на свет которого он горячо молился, так и, неожиданно, его брата-близ-

неца Ангро-Майнью, который зародился в его чреве потому, что Зрван слишком долго молился и начал сомневаться в пользе этого занятия. Как бы то ни было, Зрван, узнав о случившемся и будучи уверен в том, что сначала появится на свет долгожданный Ормузд, дал клятву даровать власть тому, кто родится первым. Ормузд, каким-то образом узнавший об этой клятве, поделился знанием с братцем, после чего тот коварно разорвал чрево отца и вышел на свет первым. Зрван, увидев его отвратительную внешность, все понял и отверг Аримана. Вскоре родился прекрасный лицом Ормузд. Но клятва вынудила отца отдать первенство Ариману, который будто бы и управлял миром первые 9 тыс. лет. Только после этого могло наступить время Ормузда, т. е. Ахура-Мазды.

Несмотря на то, что в Авесте Зрван появляется как божество сравнительно поздно, похоже на то, что рассказ о близнецах принадлежит к сравнительно раннему пласту древнеиранской мифологии и что мифологема о братьях-близнецах, ставшая со временем объяснением появления двух противостоявших друг другу сверхъестественных сил, долго бытовала устно до ее закрепления в тексте и была создана жрецами. Они же были, надо думать, и авторами иных мифологем и космологических схем, которые в обилии зафиксированы в разных частях Авесты.

Уже в ранних текстах Авесты, например, описывается не только изначальное противоборство сил Тьмы и Света, но также и космогонический процесс, включавший этапы сотворения мира. Считалось, что существовала четырехъярусная модель космоса: орбиты звезд, Луны, Солнца и, наконец, особая светоносная сфера, где обитают Ахура-Мазда и его окружение. Царство Ангро-Майнью, естественно, находилось в преисподней. История сотворения мира началась, когда в мире появился только один созданный Ахура-Маздой первочеловек — культурный герой Йима. Но золотой век его пребывания на земле вскоре сменился периодом ожесточенного конфликта, завершившегося катастрофой, причем перед концом света наступила страшная зима, после чего весь мир погиб в огне. Здесь находится место и злобному дракону, способствовавшему гибели мира, и надеждам на скорое возрождение всего в изначальное состояние золотого века. Существовала и иная космогоническая схема: сначала боги создали каменную скорлупу, нижняя часть ее была наполнена водой, на которой плавала земля. Затем на земле оказались один человек (Гайомарт), одно животное и одно растение. После

этого был разожжен огонь и на нем все трое были принесены в жертву. После такого жертвоприношения священному огню на земле появилось множество людей, животных и растений.

Итак, в одной из схем первочеловек был принесен в жертву огню, тогда как в другой он стал великим символом процветания. Йима (аналог индоарийского Ямы) по велению Ахура-Мазды занимался земледелием и скотоводством, выращивал растения, животных, птиц и, главное, творил добро. Когда ему не хватало для всего этого земли, он взмахивал бичом — и она раздвигалась. Все было бы хорошо, да (если верить записям Авесты) возгордился Йима, перестал слушаться Ахура-Мазду, начал употреблять в пищу мясо священных быков. В наказание его изгнали из райских мест, а все люди лишились бессмертия. Именно после этого закончился золотой век и началась эпоха борьбы. Некоторые тексты Авесты (возможно, более позднего происхождения, созданные под влиянием пересмотревшего основы первоначального маздеизма пророка Зороастра) упоминают даже о том, что Йима стал на сторону лжи, т. е. совершил грехопадение. В Авесте есть и эпизод, повествующий о том, что Ахура-Мазда предупредил Йиму, что миру может вскоре грозить гибель от мороза и наводнений, вызванных таянием снегов, и что ему надлежит построить крепость, в которую следовало бы поместить и тем самым спасти от гибели по паре каждой породы всех животных и птиц, а также все виды растений.

Что касается последней части мифологемы, то напрашивается предположение о связи ее с ближневосточной идеей великого потопа (хотя не стоило бы забывать, что сама идея великого потопа, как о том уже шла речь, была распространена и в космогонии иных народов, даже расположенных весьма далеко от иранцев, в частности у американских индейцев). А вот понятие о первоначальном рае и идея грехопадения, хорошо известные из ветхозаветных преданий Библии, ставят специалистов перед нелегкой задачей определить, кто на кого повлиял. Не исключено, что концепция райской жизни, греха и наказания за него, равно как и разработка проблемы бессмертия души, древнеиранского происхождения. Здесь уместно обратить внимание на исторический факт так называемого «вавилонского плена» иудеев, о котором будет идти речь в главе об иудаизме.

Что касается проблемы бессмертия, которого был лишен Йима за свои грехи, то она характерна для индоиранской мысли, особенно для индоариев, как это будет показано в главах об индийских религиях. Эти верования могли быть основой для возникновения идеи о

бессмертии души, особенно если иметь в виду, что упомянутая идея у иранцев, особенно после реформ Зороастра, была теснейшим образом связана с самой сутью всей религиозной доктрины. Ведь в зороастризме судьба человека после смерти ставилась в прямую зависимость от его активности в борьбе сил добра и зла, от его веры в истинность исповедуемого им учения. Если ты веришь, если ты активен в борьбе со злом, если ты предан силам добра и света, то можешь рассчитывать на успех.

Есть некоторые основания полагать, что мифологема об Йиме не вполне нравилась реформатору и что Зороастр немало сделал, чтобы лишить именно этого столь красочно представленного в маздеизме мифического первочеловека древних иранцев его роли чуть ли не владыки мира в период золотого века и тем более носителя идеи бессмертия. Похоже на то, что и конец Йимы, и вся идея, связанная с его гордыней и грехопадением, были делом рук Зороастра, выступавшего за духовное бессмертие. Это предположение не лишено оснований. Стоит вспомнить о параллельном существовании первочеловека Гайомарта, который в Авесте явно противопоставлен Йиме.

В раннем маздеизме кроме двух основных, противопоставленных друг другу высших божественных сил были и другие божества, в основном — если даже не исключительно — принадлежавшие к числу союзников великого Ахура-Мазды. Это божества неба и земли (Асман и Зам), солнца и луны (Хвар и Мах), два божества ветра — сильно дующий и приносящий благотворные дождевые тучи Вата и олицетворявший дыхание жизни Вайю, милосердный (пока дает дышать) и грозный (когда отнимает эту возможность).

Богиней воды и одновременно плодородия считалась Ардвисура Анахита, олицетворявшая воды горной реки, наполнявшей море. Все эти божества, кроме Анахиты, не были в числе первостепенных, хотя каждое из них играло свою важную роль. Но наиболее значимым среди всех был Митра, вначале вроде бы вполне миролюбивый бог договора, соглашения, затем — божество огня и в конечном счете — бог воинов, великий воитель. Между этими его функциями была определенная связь. В качестве божества соглашения Митра выступал как судья, а в ходе судебного следствия нередко прибегали к огню. Кроме того, в качестве божества соглашения Митра преследовал тех, кто нарушал договор, и уничтожал их, что и превратило его в воителя. Его часто представляли в качестве летящего по небу в боевой колеснице на белых конях.

Божествам, перечисленным выше, обычно не молились. Однако трижды в день — на восходе солнца, в полдень и на закате дня — каждый иранец совершал молитвенный обряд, который, надо полагать, привязывал его к миру света и служил знаком верности верховному божеству Ахура-Мазде. Все остальные божества, видимо, воспринимались как причастные к тому же благому миру и воспринимались как некое единое целое. Они именовались несколькими терминами. Кроме общепринятого «дева» их называли также «бага» (дающий благо — вспомним о древнеславянских аналогиях) и «амеша» (бессмертный). Бессмертность богов явственно контрастировала со смертностью людей, которая стала общим уделом всех живущих после того, как первочеловек Йима перестал быть бессмертным.

Считалось, что после смерти душа человека уходит в подземное царство мертвых, главой которого был все тот же умерший первым Йима. Дабы души умерших родственников не терпели в преисподней лишений, их живые потомки должны были регулярно совершать им приношения. Что касается тела, то нет оснований говорить, были ли уже знакомы иранцы до Зороастра с особыми формами их захоронения в специальных каменных башнях, о которых еще будет идти речь. Возможно, что они просто погребали своих покойников либо даже сжигали их. Об этом свидетельствуют как встречающееся в Авесте энергичное осуждение практики сжигания трупов на костре, так и персидские погребения, например гробница Кира. Существует версия, что трупы оставлялись на каменистых склонах, где их пожирали хищники. Но главной была, как и у всех, забота о душах умерших.

С особой тщательностью приношения им совершались в первые три дня после смерти, когда следовало защитить душу только что умершего от влияния на нее злых сил. Уже в древности существовало представление о некоем мосте Чинват, который душе следовало пересечь, что было небезопасно. Помощь семье умершего сводилась также к скорби, посту и жертвам, в том числе к ритуальному жертвоприношению огню. Огонь все очевиднее становился главной стихией сил Света. Он возжигался и тогда, когда приглашался жрец (надо полагать, из касты профессионалов-магов), который должен был читать для духа покойника соответствующие молитвы. Носитель огня Атар был его символом, подчас даже считался сыном Ахура-Мазды. Именно он тщательно оберегал огонь, дабы дракон Аримана не похитил его. Существует даже миф о том, как огонь едва не был похищен, так что

только отвага его защитников спасла его. Стоит заметить, что в этом древнеиранском мифе огонь воспринимается как символ славы, а также плодородия, богатства и просто уважения.

ЗОРОАСТР И ЕГО РЕФОРМЫ

Маздеизм как сложившаяся система религиозного дуализма просуществовал у древних иранцев достаточно долго. Не вполне ясно, у какой именно части иранцев маздеизм с его культом Ахура-Мазды, Митры, Анахиты и особенно огня существовал и развивался усилиями магов до того, как появился великий пророк Зороастр, проведший ряд важных реформ. Решению эта проблема практически не поддается. Известно, что по Великой степи кочевало немало ираноязычных племенных групп, о религии которых по существу почти ничего не известно и во всяком случае мало что говорит в пользу того, что им был знаком сколько-нибудь развитый и развивавшийся кастой магов маздеизм. Достаточно напомнить о таком народе, как скифы. Но есть некоторые основания полагать — о чем вскользь уже было сказано, — что маздеизм с его магами был известен среди оседлых восточноиранских племен, тех же тохаров.

Не менее сложны проблемы, куда и в какой своей части мигрировали хорошо знакомые с развитым маздеизмом и магами иранцы, а также, где и когда появился Зороастр и как его учение переплелось с развитым маздеизмом. Годы жизни Зороастра приходятся, если считать его реально жившим пророком, скорее всего на VIII–VII вв. до н. э. Но хорошо известно, что первые ахеменидские цари либо не были знакомы с учением Зороастра, либо почему-то не приняли его. Существует версия, что знакомы с зороастризмом были соседи ахеменидских персов мидяне, позже вошедшие в состав империи Кира II Великого. Но эта версия тоже очень слабо подкреплена фактами. Создается впечатление, что Зороастр жил и действовал где-то на окраине мира персов. Часто эту окраину связывают с западными границами империи Ахеменидов. Однако представляется более вероятным, что это были восточные пределы ираноязычного мира. Обратимся, однако, к тому, что известно о пророке.

О его жизни и деятельности сохранились довольно скудные сведения. Согласно некоторым текстам Авесты, Зороастр родился где-то на северо-восточных границах современной территории Ирана

и жил при дворе некоего царя Виштаспы, который, по одной версии, был отцом персидского Дария (что маловероятно), а по другой — представителем более раннего поколения какой-то из ветвей персидской династии Ахеменидов. Известно также, что пророк принадлежал к касте жрецов-магов, имел трех жен, трех сыновей и трех дочерей. В возрасте около 40 лет он сумел обратить в свою веру Виштаспу, что рассорило этого царя с соседними правителями. Все остальные сведения о его жизни и деятельности овеяны легендами и едва ли заслуживают доверия. Однако они весьма интересны и уж во всяком случае о них стоит упомянуть.

Считается, в частности, что его сыновья были родоначальниками трех основных каст-сословий иранцев: жрецов, воинов и земледельцев*. Легенды утверждают также, что силы зла преследовали будущего пророка чуть ли не с детства, что чудесным познанием истины он обязан беседе с самим Ахура-Маздой на небе, куда был вознесен встретившим его как-то на берегу реки после омовения Воху Маной (благая мысль). После этой беседы Зороастр объявил о своей преданности великому Ахура-Мазде и непримиримой борьбе с его антагонистом Ангро-Майнью. Однако главным в этом выборе и соответствующей клятве верности признанному всеми верховному божеству и проклятиях в адрес его противника было то, что пророк сделал акцент на этическом аспекте противостояния. Он громко провозгласил, что основное в непримиримой вражде двух антагонистов не их склонность соответственно к Свету или Мраку, а их приверженность Добру или Злу, Истине или Лжи. Мало того, следуя этому, каждый должен выбрать в своей жизни сторону Добра или Зла и быть верным своему выбору. Мир — арена борьбы Добра со Злом, где конечная победа за силами Добра.

Собственно, именно этот нарочитый акцент в сторону этики побудил Зороастра, как следует полагать, пересмотреть свое отношение к прежним иранским богам и выдвинуть в качестве главных божественных сил, призванных всегда помогать Ахура-Мазде,

* Это утверждение явно несостоятельно по многим причинам, в первую очередь потому, что все три касты явно существовали задолго до появления на свет Зороастра. Но оно интересно потому, что еще раз напоминает о родственной близости древних иранцев и индоариев, имевших, как выясняется именно из этой легенды, одинаковую социальную структуру (индоарии именовали эти касты-сословия варнами).

нескольких новых. Высшая божественная семерка в трактовке Зороастра выглядела не просто как новая совокупность бессмертных (Амеша Спента), но как аллегория благих достоинств Ахура-Мазды, как неотъемлемые от него его шесть эманаций — благая мысль (Воху Мана), истина (Аша Вахишта), божественная власть (Хшатра Вайрья), благочестие (Армайти), целостность как полнота физического благосостояния (Хаурватат) и бессмертие (Амертат), соответственно связанные с шестью основными первосубстанциями: скот, огонь, металл, земля, растения и вода. Ахура-Мазда возглавлял божественную семерку в качестве высшего ее создателя.

По мнению специалистов по зороастризму, именно эта идея о семи божествах стала центральной во всех нововведениях пророка. В его трактовке нового дуализма Ахура-Мазда создал шесть божеств-помощников, которые стали теми «излучающими свет существами», одно из которых (Воху Мана) когда-то на реке помогло Зороастру увидеться и побеседовать с высшим символом Света и Добра. А эти шестеро в свою очередь вызвали к жизни остальных благих и добрых божеств, среди которых Зороастр поместил и Митру. Перенос акцента из сферы религии в сферу этики сопровождался настоящей апелляцией пророка к человеку, стремлением не просто выдвинуть на передний план социальную проблему добра и зла, но соединить этику с космологией и придать новой религии божественный, поистине космический смысл.

В трактовке Зороастра — вспомним о теории осевого времени — этика стала едва ли не главным элементом иранского религиозного дуализма. Он как бы обратился к людям с призывом помочь благородным небесным силам в их непримиримой борьбе, став с этой целью чище, лучше, честнее, и, сосредоточив все свои старания и чаяния на том, чтобы одолеть мир зла, покончить со всякой нечистью. Далеко не случайно в гимнах Авесты люди призывались быть доброжелательными, умеренными в помыслах и страстях, готовыми жить в мире и дружбе, помогать ближнему. Восхвалялись честность и верность, осуждались воровство, злословие, преступление. При этом едва ли не основной идеей этической доктрины зороастризма был тезис о том, что истина и добро, равно как страдание и зло, зависят от самих людей, которые могут и должны быть активными творцами собственной судьбы. Мир осмыслялся Зороастром сквозь призму кардинальных этических категорий, за которыми явственно проглядывала личность самого пророка — человека мощного духом,

признанного вероучителя, одного из первых в истории харизматических лидеров. В этом смысле зороастризм как доктрина принадлежит к возникавшему в тот период истории новому типу религий — к религиям основателя, пророка.

Акцент на этику, однако, отнюдь не превратил Зороастра в моралиста. Напротив, он уделил немало внимания совершенствованию религиозных обрядов и мировоззренческих представлений, хотя все эти новации были тесно связаны с главным — этическим — акцентом в деятельности пророка. Стоит начать с того, что вместо трех ежедневных молитв Зороастр предложил пять, включая молитву в полночь, когда силы зла особенно активны. Именно в это время следовало подкладывать дополнительное топливо и благовония в очаг и совершать молитву. Обряд молитвы был несложен, но требовал внимания и сосредоточенности. Следовало совершить омовение и развязать плетеный шнур-пояс, которые все носили на себе с момента инициации, и сделать им три витка в честь триады зороастрийской этики (благие мысль, слово и дело). При этом взгляд молящегося должен был быть устремлен на огонь. Сама молитва сводилась к восхвалению Ахура-Мазды и проклятиям в адрес Ангро-Майнью.

В тесной связи с созданными им семью великими божествами следовало ежегодно отмечать семь больших праздников. Среди них — праздники середины зимы и лета, уборки зерна и возвращения скота с летних пастбищ. Но самый главный праздник, Новруз, совершался в честь огня и считался — как это считается и поныне в ряде стран Азии — началом нового года. Зороастрийцы полагали, что в этот день из-под земли появляется дух жаркого полудня Рапидвина, который на холодное время года уходил под землю, дабы согреть своим теплом, оберегая их от дэвов, корни растений и источники вод. Неудивительно поэтому, что Новруз и возвращение Рапидвина приходятся на весну, когда наступление нового года и отмечалось.

Чтобы теснее привязать к себе тех, кто шел за ним, пророк создал символ веры Фраваране («Я признаю...» — начальные слова краткого молитвенного изречения), который следовало повторять каждое утро. Это было своего рода заявление о приверженности ко всему тому, что предложил иранцам реформатор. В тексте Фраваране — хвала Ахура-Мазде и Амеша Спенте, проклятия Ангро-Майнью и его дэвам, краткий гимн в честь добра и блага, а также именование себя словом «заратуштри» (сторонник Зороастра).

Не забыл пророк и про важную проблему жизни и смерти. Опираясь на уже существовавшее представление о переходе душ покойников через мост, он значительно изменил суть этой мифологемы. Согласно его нововведению, мост Чинват превратился в нечто вроде судилища, на котором все тот же Митра с помощниками определяли, какая душа чего заслуживает. В качестве критерия брался нравственный потенциал, причем на весах правосудия взвешивались мысли, слова и дела. Если добрые перевешивали, душа при помощи прекрасной девушки отправлялась на небо, в сторону чего-то вроде рая. Если перевешивало зло, то душа шла дальше по мосту, ширина которого сужалась до размера лезвия клинка, с которого дэвы в виде отвратительных злобных старух стаскивали ее вниз, в преисподнюю. Но и это еще далеко не всё.

Во-первых, могло случиться такое, что зло и добро уравнивались. В этих немногочисленных случаях душа направлялась в некое «место смешанных», где нет ни особой радости, ни печали. А во-вторых, пребывание душ в раю или в преисподней не вечно. Все ждали Последнего суда (вспомним Страшный суд в христианстве), когда души праведников и грешников, вновь соединившиеся со своими телами, вынуждены будут пройти через реку из расплавленного металла. Для праведников, как сказано в Авесте, река покажется потоком парного молока, а грешники прочувствуют, что такое расплавленный металл. Естественно, что после этого грешники исчезнут, а вместе с ними уйдут в небытие и все силы зла во главе с дэвами и Ангро-Майнью. Что же касается праведников, то они сольются с Амеша Спента во главе с Ахура-Маздой, т. е. станут такими же, как они, и будут вечно жить на земле без забот, болезней, старости и смерти.

В Авесте есть и мифологема, касающаяся некоторых важных деталей Последнего суда. Все дело в том, когда он произойдет и кто станет его инициатором. Суть этого повествования вкратце сводится к тому, что во всей этой столь важной для будущего истории должны проявить себя сыновья Зороастра, обладающие некоей волшебной силой и частично воплощающие в себе дух самого давно умершего пророка. Вспомним о девяти тысячелетиях власти, которые выпали на долю демона зла Ангро-Майнью, сумевшего, коварно опередив брата-близнеца, первым родиться из чрева Зрвана. Когда шесть из этих девяти тысяч лет прошли и наступило седьмое тысячелетие, а напор демонов зла с востока усилился, первый из сыновей пророка, Гушедар, сумел разбить силы зла. В восьмом тысячелетии это же сумел

сделать его второй сын Гушедар-мах. В последнем, девятом тысячелетии ситуация повторилась еще раз. Но на сей раз силы добра оказались поддержанными эффективнее. Дело в том, что когда-то очень давно в озеро Касав упало семя Зороастра. Некая дева, купаясь в озере, зачала и родила третьего сына пророка, Саошйанта (Спаситель), призванного в зороастризме сыграть роль Мессии. Именно Саошйант на Последнем суде должен был воскресить всех мертвых, затем создать поток расплавленного металла и очистить мир от нечисти, обеспечив всему живущему совершенство и бессмертие.

МАЗДЕИЗМ ИЛИ ЗОРОАСТРИЗМ?

Такими, вкратце, были реформы нового пророка. Если бы они в годы жизни Зороастра оказались общепризнанными среди иранцев, все иранцы стали бы зороастрийцами. Но они не стали ими, и поэтому нет ничего удивительного в том, что в самых ранних иранских (ахеменидских) надписях нет имени Зороастра и упоминаний о его учении. Правда, представители касты магов в империи Ахеменидов не могли не знать о существовании зороастризма. Но каста эта (как то было и с индийскими брахманами) была, видимо, достаточно замкнутой и эзотерической. Она, надо полагать, хранила свои знания при себе, не считая нужным посвящать в детали религиозных споров тех, кто был далек от них. Конечно, при этом играли свою роль не только неприязнь к новому и нежелание принимать реформы отнюдь не всеми признанного пророка, но и естественный консерватизм преданных древнему маздеизму жрецов-магов, да и всех следовавших за своими жрецами иранцев, в первую очередь персов и мидян, по прошествии ряда поколений уже очень мало знавших о зороастризме и предпочитавших ему свою привычную религию. Если это было так, — а скорей всего именно так и было, — то почему? Чем могли быть недовольны жрецы-маги?

Главной причиной было, как следует полагать, вполне естественное первоначальное неприятие реформ нового вероучителя. В этом неприятии нет ничего странного или непривычного. Напротив, реформирование уже давно сложившейся и достаточно развитой религиозной системы всегда и везде было делом нелегким и редко не заканчивалось расколом. В истории религии иранцев открытого раскола не произошло. Во всяком случае, никаких сведений об этом нет. Что же было или могло быть?

Реформы Зороастра, как они запечатлены в Авесте, были радикальными, и уже по этой причине они не могли с легкостью восприниматься всеми и сразу, особенно если учесть факт существования касты магов, ревниво оберегавших основы созданного ими маздеизма. А основы эти явно были поколеблены реформатором. Достаточно обратить внимание на то, что деятельность пророка была связана с явственным стремлением оттеснить некоторых из почитавшихся древними иранцами божеств, в том числе наиболее заметных, таких, как воитель Митра и Ардвисура Анахита, которые до его появления занимали видное место в пантеоне маздеизма. Но суть реформ была намного более серьезной и затронула все стороны древнеиранской религии.

Специалисты полагают, что зороастризм распространял свое влияние сравнительно медленно: вначале его идеи разрабатывались лишь немногими общинами единоверцев, и только постепенно, со временем, последователями нового учения становились адепты маздеизма из касты магов. Можно даже предположить, что на первых порах, причем достаточно долго, несколько веков, сторонники Зороастра, т. е. созданные его последователями общины, жили и проповедовали в тех местах, где им не очень мешало соперничество древнеиранских магов, верных маздеизму.

Это могли быть восточные районы, откуда основная масса иранцев на рубеже II—I тысячелетий до н. э. начала мигрировать в сторону современной территории Ирана. До последнего времени практически не было оснований для подобных утверждений. Однако археологические находки 1980 г. (публикация журнала «Вэнью», 1986, 1, с. 46) в западном Китае, в провинции Шэньси, двух фигурок, датируемых примерно VIII в. до н. э. с кавказоидными, т. е. европеоидными, чертами лица и с выгравированным на темени одной из них крестообразным знаком, который соответствует древнекитайскому понятию «шаман», позволили некоторым специалистам, в частности В. Мэру, высказать в журнале «Early China» (1990, 15) предположение, что этот знак равен иранскому термину «маг», а сами фигурки, возможно, изображение соседних с Китаем того времени тохаров. Подобное предположение подтверждает сам факт существования иранцев рядом с китайцами. Но есть основания говорить о китайских колесницах индоевропейского происхождения, которые, возможно, пришли от тех же тохаров и в этом случае существование тохаров (протоухаров) близ Китая следует датировать по меньшей

мере XIV–XIII вв. до н. э. Теперь же речь идет о VIII в. до н. э. Не исключено, что в первом случае китайцы контактировали с теми древнеиранскими племенами, которые исповедовали ранний маздеизм, тогда как фигурки, возможно, принадлежали уже остаточным общинам мигрировавших из Туркестана иранцев или даже общинам занявших их место зороастрийцев*.

Как бы то ни было, зороастрийцы пребывали в отдалении от основных масс наиболее развитых оседлых иранских народов, видимо, достаточно долго, несколько веков, чем частично может объясняться незнакомство с этой доктриной в годы расцвета империи Ахеменидов. И далеко не случайно одна из наиболее известных авторов книг по зороастризму, М. Бойс, писала о том, что первый период существования зороастризма — это «века безвестности» и что приняли доктрину пророка такие племена, которые мало известны и локализация которых неясна. Очень вероятно, что имеются в виду отдаленные от Ирана, но сравнительно близкие к Китаю некоторые протоиранские племена. Однако, говоря о взаимоотношениях между маздеистами и зороастрийцами и о влиянии тех и других на древних иранцев, следует принять во внимание и всю историческую обстановку той эпохи.

Начнем с того, что, говоря о древнеиранском социуме рубежа II–I вв. до н. э., не следует забывать, что иранцы (как и родственные им индоарии, прибывшие в северную Индию и закреплявшиеся в то же время в долине Ганга) еще не представляли собой единого государства. Это была в том и другом случае некая сумма автономных протогосударственных структур, политически отдаленных друг от друга и к тому же находившихся на разном уровне развития. В наиболее передовых протогосударственных образованиях у индоариев и иранцев существовало деление на три сословия-касты: жрецов, воинов и простого народа, причем именно жрецы играли в структурах, о которых идет речь, едва ли не наиболее важную роль. Они и создавали религиозную систему, которая и в ведической Индии, и у той

* Это последнее тем более вероятно, что в древнекитайских источниках — о чем пойдет речь ниже, в главе о Китае — мы встретимся как с дуализмом противостоящих друг другу сил, так и с пятью первосубстанциями (земля, вода, огонь, металл, растение), которые являют кальку с шести зороастрийских с их Амеша Спента (не хватает только шестого — скота, в первую очередь быков, которых в Китае не знали).

части иранцев, где сложился маздеизм, были ведущей и объединяющей народ силой. Именно их религия компенсировала слабость политической структуры. Но это происходило в развитых структурах, причем в каждой отдельно. Поэтому говорить о маздеизме как о широко распространенной и общей для всех протоиранцев уже вполне сложившейся религии было бы неосмотрительно. Вполне вероятно, что основная часть иранских племен находилась вне влияния маздеизма и была в религиозном плане на уровне так называемых язычников, лишь со временем и постепенно кое-что заимствовавших у более развитых родственников им иранцев, как то было, видимо, в случае со скифами.

Если принять сказанное во внимание, то логично предположить, что мигрировавшие на запад иранцы-маздеисты были в начале I тысячелетия до н. э. лишь сравнительно небольшой группой, а противостоявшие им и оставшиеся на прежнем месте зороастрийцы — еще меньшей. И так как между теми и другими не могла не возникнуть некоторая неприязнь, то опять-таки нет ничего удивительного в том, что зороастрийцы, пребывавшие еще несколько долгих веков на востоке, просто не контактировали с ушедшими в Иран племенными группами, которые в VII–VI вв. до н. э. на территории юго-западного Ирана, в то время наиболее освоенной представителями различных западноазиатских цивилизаций, создали два молодых государства — Мидию и Персию.

Ни мидяне, у которых влияние касты магов хорошо прослеживается, ни персы времен Кира II Великого или его фактического преемника и знаменитого реформатора Дария I на первых порах, скорее всего, практически ничего или почти ничего не знали о зороастризме. Во всяком случае, в ахеменидских надписях, прославлявших этих правителей и покровительствовавшего им Ахура-Мазду, о Зороастре не упоминается. Тем не менее, ситуация понемногу изменялась. Иранские общины зороастрийцев (возможно, узнав об успехах великой Ахеменидской империи, завоевавшей в середине VI в. до н. э. всю Западную Азию и Египет) стали перемещаться на запад в надежде найти взаимопонимание и признание у персов. Неизвестно, как и когда это происходило, но нет сомнений в самом движении, а также в том, что о реформах Зороастра вскоре стало известно в империи. Это не значит, что ахеменидские императоры сразу же сделались поклонниками зороастризма, ибо таких данных нет. Но следы определенного влияния некоторых элементов зороастризма на высокую религиозную культуру завоеванных империей народов проследить можно.

В империи, как иногда предполагают при трактовке некоторых ахеменидских барельефных изображений, стал известен весенний праздник Нового года — Новруз. Правда, весной справляли Новый год и вавилоняне. Однако есть и еще некоторые аргументы. Изображения (например, в гробнице Дария близ персидской столицы Персеполя) шести близких помощников Дария, по трое справа и слева от его фигуры, подчас интерпретируются как отдаленное влияние существования зороастрийской шестерки из Амеша Спента. Конечно, это может показаться не слишком убедительным. Не очень многое свидетельствует в пользу влияния зороастрийских идей и в факте создания ахеменидскими правителями в их дворцах постаментов для священного очага с вечно горящим огнем — ведь огонь был великим символом и маздеизма. Позже стали строиться и храмы священного огня, которые обслуживали маги, превращавшиеся в обычных жрецов. В храмах совершались обряды очищения, перед священным огнем молились. Словом, создается совершенно определенное и уже сформулированное представление о том, что на правителей Ахеменидской империи зороастризм практически не повлиял. А поддерживавшийся ими культ великой божественной троицы: Ахура-Мазды, Митры и Анахиты — явно подтверждает, что они были последователями маздеизма. Но похоже на то, что маздеизм для Ахеменидов был столь же новой религиозной системой, что и зороастризм. Только с маздеизмом они познакомились от мидян чуть раньше. А сходство обеих древнеиранских дуалистических религий способствовало одновременному восприятию и элементов зороастризма, который пока еще не воспринимался ими как учение великого пророка, но был чем-то вроде варианта все той же древнеиранской религии. Не исключено поэтому, что некоторое влияние элементов зороастризма на Ахеменидов следует толковать как естественное развитие древних представлений за счет обогащения их новыми, в принципе им не противоречащими.

Нельзя не принимать во внимание и того, что в гигантской империи иранский дуализм обогатился за счет влияний со стороны более древних культур, в частности вавилонской. Именно вавилонский календарь лег в основу ахеменидского. Ахемениды же — опять-таки, возможно, под влиянием вавилонской идеи о временных циклах — стали уделять внимание проблеме времени. Есть сведения, что именно в это время иранский дуализм обогатился упоминавшейся уже мифологемой о Зурване, породившем братьев-близнецов Аху-

ра-Мазду и Ангро-Майнью. И это в принципе не противоречило ни маздеистским, ни зороастрийским идеям, которые признавали сам факт дуального существования сил Тьмы и Света, чему зурванизм по-своему содействовал.

Словом, учение пророка Зороастра проникало в идеологию ахеменидских персов понемногу и безболезненно, становясь частью привычного иранского дуализма. И очень похоже на то, что власти империи даже не подозревали, что имеют дело с разными вариантами древнего дуализма. В их время и в их восприятии разница практически не ощущалась и уж во всяком случае никак не подчеркивалась. Можно сказать и сильнее: эта разница не ощущалась не только самими не слишком еще развитыми в религиозно-культурном плане персами, но и многочисленными завоеванными ими древними народами с более высокой культурой. Просто некоторые из них отдавали чаще предпочтение тому новому, что стояло за мудростью пророка Зороастра.

Известно, например, что в Вавилонии около полувека проживали вывезенные Навуходоносором из Иерусалимского храма грамотные иудеи, преимущественно из числа обслуживавших храм жрецов. Захватив Вавилон, Кир отпустил иудеев домой. Догматы иранского маздеизма иудейских священнослужителей не интересовали. Но вот идея рая и ада, а также резко противостоящих друг другу сил Добра и Зла, что было созвучно представлениям иудеев, равно как Последний суд и грядущий Мессия явно не могли оставить их равнодушными. Трудно сказать, как и когда эти зороастрийские идеи стали достоянием вернувшихся в Иерусалим иудейских жрецов, но хорошо известно, что для идей нет преград, а Иерусалим продолжал оставаться в составе империи Ахеменидов, что облегчало любые контакты, в том числе и идейные.

Греко-персидские войны также способствовали распространению сведений об иранских религиях, причем из некоторых сообщений Геродота можно заключить, что, никак не разделяя маздеизм и зороастризм, он рассказывает о некоторых элементах именно зороастрийских обрядов (например, о молитве за всю общину). Крушение империи в IV в. до н. э. в результате победоносных походов Александра Македонского, возможно, привело к тому, что маздеизм и зороастризм стали в представлении завоевателей и завоеванных ими народов сближаться между собой и уже в сводном виде распространяться вначале в Западной Азии. К слову, дело это оказалось не слишком простым.

Из иранских текстов известно, что, завоевывая империю, Македонский погубил «многих магов», что его воины грабили храмы и «погасили много огней». Вероятно, эти преследования равно затронули и маздеистские, и зороастрийские объекты культа, но стоит заметить, что ситуация в целом была такова, что разница между теми и другими неиранцами практически не ощущалась. Для них все иранцы были огнепоклонниками и сторонниками Ахура-Мазды — и этим все было сказано. Некоторые косвенные данные позволяют полагать, таким образом, что мирно вписавшись в древнеиранский религиозный дуализм, зороастризм как доктрина незадолго до нашей эры уже не просто существовал, но даже процветал и расширял свое влияние, причем не только в собственно Иране, но и на соседних землях. При этом следует иметь в виду, что речь идет уже о достаточно зрелом зороастризме, вобравшем в себя и кое-что из новаций древнего маздеизма, включая храмовые святилища священного огня, статуи божеств и их барельефные изображения, да и многое другое. Маздеизм со своей стороны при этом не столько сдавал позиции (хотя было и это), сколько вынужден был стирать грани, разделявшие соперничавшие в древности религии. Лишь со временем выяснилось, что в реформах Зороастра было много такого, что оказалось востребовано новой эпохой. А то, что особенно тщательно соблюдалось сторонниками пророка — чистота природных стихий — было принято всеми почитавшими священный огонь иранцами. В частности, речь идет о выставлении на пожирание хищников (а не практиковавшемся при Ахеменидах захоронении) трупов умерших. На эту особенность погребального обряда обратил внимание Александр Македонский, очутившись в Бактрии, где он впервые с ним встретился.

С середины III в. до н. э. и вплоть до начала III в. н. э., после распада царства Селевкидов, иранцы оказались в составе Парфии. Парфянская династия Аршакидов была благосклонна к древнеиранскому дуализму, хотя она одновременно сохраняла пиетет по отношению к принесенной Македонским и Селевкидами греческой культуре, ибо греков в составе их государства было много. Скульптурные изображения иранских богов у парфян часто напоминали греческие. Зевс и Аполлон, например, символизировали Ахура-Мазду и Митру. И хотя эти статуи возводили не жрецы, а правители, сам факт подобного рода смешения стилей позволяет судить, что положение иранской религии не было явно доминирующим. Однако есть сведения, что парфянские жрецы с уважением относились к священному зороастрийскому чис-

ду «шесть» и заботились о том, чтобы у парфянского царя было шесть помощников, имея в виду идею Амеша Спента. Легенда гласит, что они также почитали священный огонь в храме Адур-Барзен-Михр, который считали построенным самим Висташпой, обращенным в веру истинную Зороастром. Неважно, насколько основательна эта легенда и имел ли какое-нибудь отношение к упомянутому храму легендарный Висташпа. Но существенно, что к зороастрийским идеям в Парфии относились с уважением, воспринимая теперь их уже, возможно, именно как одну из основ иранского дуализма — при всем том, что поклонение греческим богам было в Парфии тоже очень заметным.

Примерно такой же была ситуация с захоронением покойников. Как и Ахеменидов, парфянских царей погребали в гробницах. Но некоторые из их подданных придерживались древнего иранского обычая выставления трупов для поедания хищниками с последующим сбором костей в специальные оссуарии. Претерпел изменения и парфянский календарь, причем составление его было увязано, в частности, с поисками документов для восстановления времени жизни Зороастра, что свидетельствует о том, что иранская религия при парфиях все более увязывалась с вероучением пророка Зороастра.

В завоевавшем Северную Индию греко-бактрийском Кушанском царстве, оказавшемся соперником Парфии и отнявшем у нее ряд территорий, ситуация была аналогичной. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что на рубеже нашей эры наиболее известный правитель этого царства, Канишка, оказался инициатором Четвертого всебуддийского собора, на котором были заложены основы северного буддизма Махаяны, одной из главных особенностей которого стало существование в нем рая и ада для поддерживавших буддизм мирян. Идея рая и ада могла в то время и в тех обстоятельствах прийти к буддистам Махаяны только из учения Зороастра, как и идея о будде грядущего Майтрейе, которого сопоставляют с зороастрийским Саошйантом (Спасителем), да еще к тому же иногда полагая, что его имя происходит от иранского Митры. Это опять-таки до известной степени свидетельствует о постепенном превращении доктрины Зороастра в Кушанском царстве в важную и неотъемлемую часть религии иранского населения этого в основном североиндийского царства.

Следует также заметить, что иранский дуализм в это время оказал влияние и на формирование тех иудейских сект, которые впоследствии стали прообразом ранних христианских общин. В частности, резкий акцент на идею добра и справедливости, характерный для секты

есеев, о которой еще будет идти речь, был, вполне возможно, связан с иранским влиянием. Вообще проблема происхождения христианства не может быть полностью решена без учета влияния со стороны древнеиранских религий. И здесь речь должна пойти прежде всего о культе Митры и вообще о митраизме как весьма своеобразном ответвлении иранской религии, резко вышедшем за пределы собственно Ирана.

МИТРАИЗМ

Древний культ Митры за долгие века своего существования всегда оставался в почете у иранцев, как, впрочем, и у индоариев. Это, пожалуй, единственное из божеств, которое столь высоко почиталось вне территории Ирана. Ахеменидская империя способствовала знакомству с иранским дуализмом во всей Западной Азии, ибо там повсюду стояли солидные гарнизоны персидских воинов. Стоит обратить внимание и на то, что среди воинов их покровитель Митра едва ли не выходил на передний план и уже по одной этой причине об этом иранском божестве знали повсюду. В некоторых районах империи, например в Армении, культ его прижился почти как свой. В других о нем знали меньше. Тем не менее, из всех иранских божеств более всего был известен именно Митра, который был еще богом солнца и отождествлялся с аналогичными божествами у других покоренных Ахеменидами народов.

Принесенный Македонским в Западную Азию эллинизм несколько потеснил иранскую религию. Ряд иранских божеств в представлении местного населения как бы слился с греческими, о чем уже упоминалось, когда речь шла о Парфии. Но Митра остался Митрой, особенно после того, как во II в. до н. э. один из римских скульпторов изобразил его на манер античных богов в антропоморфном виде, причем вместе с быком. Распространению культа Митры способствовали и его поклонники из числа иранских магов, которые жили в различных районах Малой Азии, сохраняя, как правило, свои эзотерические обычаи. Придавая культу Митры некую таинственность, они разработали обстоятельный церемониал посвящения, через который должны были пройти все те, кто хотел служить Митре. Этот длительный многоступенчатый церемониал осуществлялся в подземелье, в пещерах, и сопровождался порой тяжелыми для посвящаемого испытаниями.

В честь Митры строились храмы в различных местах. Крупнейшим из них считается храм в городе Дура-Европос. В храмах совершался

ритуальный церемониал, причем культ как таковой превратился в мистерии на греческий манер и именно в этом своем виде вместе с митрейонами начал быстро распространяться, в том числе и за пределами Азии, в Риме. Носителями его оказались многие римляне, но прежде всего — римские солдаты, постоянно и с переменным успехом воевавшие с Парфией и потому имевшие возможность лучше других ознакомиться с культом воителя и покровителя воинов Митры.

Уже в начале нашей эры в Риме хорошо знали о мистериях в честь Митры, а разнесенные римскими солдатами вплоть до Рейна культ этого божества и походные митрейоны в его честь способствовали расширению территорий, знакомых с митраизмом. Показательно, что культ Митры, приносящего в жертву быка (а это наиболее частое его изображение) был воспринят в Риме совершенно спокойно и даже, в отличие от христианства, поощрялся властями. Некоторые авторы полагают, что римские императоры видели в Митре представителя такой религии, которая покровительствует именно имперской структуре, в отличие от предшествовавшей ей республиканской.

Впрочем, существенно обратить внимание на то, что культ Митры был известен не только в Риме и всюду пользовался необъяснимой популярностью. Имя этого божества стало звучать едва ли не везде, вплоть до того, что с ним связывают как махаянистского будду грядущего Майтрейю, так и русский мир (общину). Митра ассоциируется также с индоевропейским термином «бхага», т. е. «бог» — имеется в виду некое высшее существо, распределяющее блага. В чем причина этого?

Первоначально и в древнем Иране, и в древней Индии Митра вместе с Ахура-Маздой (по данным Авесты) и Варуной (по сведениям Ригведы) делили главные функции таким образом, что Ахура-Мазда и Варуна ведали космологическими процессами во Вселенной, тогда как на долю Митры в обоих случаях приходилась роль устроителя социальной структуры, т. е. забота об устройстве жизни людей, общества. При этом на него, естественно, выпадала и роль посредника между небом и землей, богами и людьми. Именно эта медиативная функция, возможно, превратила его (во всяком случае в Иране, где он стоял намного выше остальных божеств) в бога согласия и договора. Договорная и как бы упорядочивавшая мир роль Митры способствовала и приобретению им некоторых других важных божественных функций, связанных с небом и солнцем, с загробным миром, а затем и с покровительством воинам. Не стоит забывать, что в древнем Иране,

как и в древней Индии, войны были особым и весьма значимым словом в обществе, которое также не было чуждо идее договора и согласия хотя бы потому, что логически на его долю выпадало наказание тех, кто договор нарушает. Справедливости ради стоит заметить, что представление о покровительстве воинам вначале играло в культе Митры, возможно, едва ли большую роль. Ведь как успешный воитель ни в одной из мифологем, связанных с Митрой, он вроде бы себя не проявил. Разве что упоминается, что во время битв он едет на боевой колеснице, наводя страх на злых и бесчестных. Правда, хорошо известен часто воспроизводимый образ Митры, поражающего быка. Но это скорее ритуальное жертвоприношение, ибо считалось, что кровь быка способствует плодородию и жизненной силе.

Реформы Зороастра не сыграли заметной роли в культе Митры. Он продолжал оставаться защитником справедливости и оплотом договора, а эти скорее этические, нежели воинственные его обязанности объективно вписывались в пафос реформ пророка, который, к слову, сам оставил за Митрой место судьи на мосту Чинват. Неудивительно, что люди любили Митру и часто обращались в своих мольбах именно к нему за помощью и содействием. Это стремление доверять олицетворению справедливости вполне логично и естественно. Ведь коль скоро именно это божество стало символом честности и защиты договора, если ему поручено определять, кто из людей после смерти заслуживает райского блаженства, а кто адских мучений, если это божество причастно ко всему светлому начиная с солнца, а его воинственность служит только правому делу, то создается идеальный символ, с которым не справиться никому, даже великому пророку. В результате Митра всегда был и оставался центром притяжения всех, кто искал правду. А после фактического слияния древнего маздеизма с зороастризмом и превращения обновленного зороастризма в широко известную религию, чему способствовали века господства империи Ахеменидов чуть ли не во всех цивилизованных странах той эпохи (во всяком случае тех, что были расположены между античным миром и северной кушанской Индией), знающих и любящих Митру стало еще больше.

Словом, неудивительно, что со временем Митра перестал — по меньшей мере частично — быть древнеиранским божеством. Он стал всеобщим любимцем. Его признавали своим и в Риме, и в Армении, и во многих других местах. Ему приносились жертвы, к нему возносились мольбы с просьбами о помощи, о справедливости, богатстве и т. п. 16-е число каждого месяца по реформированному иранскому календарю

считалось днем Митры. Его именем называли себя могущественные правители (Митридат), его присваивали героям эпических сказаний. В его честь создавались специальные сооружения — митрейоны, в которых регулярно проводились праздники-мистерии в честь Митры. Эти мистерии часто сопровождались некими манипуляциями с его изваяниями. Так, фигуру бога вечером в особые дни клали в гроб, а утром с пением гимнов вынимали из гроба, отмечая тем самым воскрешение божества. Конечно, подобные манипуляции могли быть имитациями ближневосточных мифологем об умирающем и воскресающем боге как символе увядания и расцвета всего живого в природе. Но стоит обратить внимание еще и на то обстоятельство, что в ближневосточных мифологемах все ограничивалось мифическими сказаниями, тогда как с фигурой Митры в митрейонах во время мистерий такой обряд совершался как бы в реальности. Если мы вдобавок вспомним, что днем рождения Митры считалось 25 декабря, что его поклонники причащались хлебом и вином, что они, став митраистами, совершали обряд крещения и что некоторые таинства обрядов в честь Митры были в чем-то сходны с будущими раннехристианскими, то сходство митраизма с ранним христианством окажется не только удивительным, но прямо-таки странным.

Как бы то ни было, но вплоть до сегодняшнего дня сохранилось множество изображений Митры в разных районах Евразии. Чаще всего это изображение бога, поражающего быка. Но встречаются и фигуры Митры с головой льва, изображения рождения Митры из камня с кинжалом и факелом в руках, Митры с головой, из которой расходятся солнечные лучи, Митры, разжигающего священный огонь (последнее из перечисленных — на мраморном барельефе из Рима). Все эти детали, как и сам культ Мессии-Спасителя, не оставляют сомнений в том, что митраизм сильно повлиял на развитие исторического процесса, центром которого в то время был Рим. Возможно, он даже до определенной степени открыл путь в Рим формировавшемуся на рубеже нашей эры христианству, внешнее сходство некоторых обрядово-культовых элементов которого с митраизмом очевидно. Сходство, о котором идет речь, можно объяснить тем, что зороастризм влиял и на иудаизм, и на иудео-христианские секты еще задолго до того, как в Римской империи широко распространился и стал популярен митраизм.

Глава 11

Триумф и упадок иранского зороастризма

Мани и манихейство. Маздак и маздакиты • Исламизация Ирана и зороастрийцы • Парсы в Западной Индии • Зороастрийцы в Иране после шаха Аббаса • Зороастрийцы и парсы сегодня

В конце правления парфян, на рубеже II–III вв., иранский дуализм (зороастризм) в связи с ослаблением царства стал испытывать давление со стороны как махаянистского буддизма, распространившего в то время свое влияние на восточной территории Ирана, так и наступавшего с запада христианства. Казалось бы, его история близилась к концу. Однако это было не так. Христианство на востоке ограничилось подпавшими под влияние Византии некоторыми государствами Закавказья (Армения, Грузия), а буддизм Махаяны начал энергично распространяться на восток, где в те времена ощущался религиозно-идеологический вакуум (если иметь в виду господство какой-либо из развитых религиозных систем). Это способствовало не только выживанию, но и расцвету иранского зороастризма. Более того, именно с этого времени, со сменившей парфян новой иранской династии Сасанидов (III–VII вв.), начался подлинный расцвет общепризнанного всеми, включая и высшую власть, зороастризма.

С приходом к власти династии Сасанидов Иран возродился и практически освободился от столь значительного в парфянское время влияния эллинизма и сопутствовавшей ему религиозно-культурной тра-

диции античных греков. Более того, сильные и энергичные правители новой династии открыто выступили не только за усиление роли именно иранской религии, но и за превращение ее в нечто вроде организованной церкви. Первые Сасаниды провели реформу календаря, увязав ее с принципами теории пророка Зороастра. В частности, были установлены праздничные дни в честь каждого из Амеша Спента. Кроме того, из всех храмов были убраны статуи божеств (что не соответствовало древним нормам иранской религии, но было влиянием античных греков) и вместо них возведены постаменты для возжигания священного огня. Это, впрочем, не привело к полному отказу от скульптурных изображений иранских богов. Вне храмов некоторые из них, в первую очередь изображения Ахура-Мазды, Митры и Анахиты, были оставлены. Более того, эти божества часто изображались в скальных барельефных композициях. Что же касается священных огней в храмах, то сасанидские правители ограничили их число, придав каждому из них большое общегосударственное значение. Огни горели в честь великих правителей, если угодно, для блага их ушедших в небытие душ. Иными словами, многие храмы с горящими в них огнями были как бы приватизированы правящей верхушкой династии. Были, однако, и храмы с огнями всеобщего значения, причем некоторые считались принадлежащими соответственно сословиям-кастам жрецов, воинов (включая правителя) и остального народа. К огню воинов, в частности, совершали пешее паломничество все восходившие на престол новые правители династии.

В храмах священного огня практиковались регулярные и длительные богослужения, что было особенно характерно для храма в честь Ахура-Мазды, где наиболее важные службы совершались в дни семи самых значительных праздников в году. Исполняли службы храмовые жрецы, а суть службы сводилась к мольбам и призывам к божествам. При Сасанидах оформилась структура религиозных организаций, нечто вроде зороастрийской церкви. Она имела первосвященника, роль которого при царском дворе была очень высока. Этот первосвященник в разные периоды истории сасанидского Ирана именовался различно (эрбад, мобедан-мобед), но власть его была неколебима. Он, в частности, имел право высекать скальные надписи, что было в основном прерогативой правителей. Он считался главой всех жрецов, всего духовенства царства. Глава иранских зороастрийцев в сасанидском Иране делал все, что в его силах, чтобы изгнать из страны иноверцев. Но самым главным делом высшего зороастрийского духовенства

в начальные годы сасанидского Ирана было приведение в порядок и запись на среднеперсидском языке всех текстов священной Авесты и обширного комментария к ним — Зенда. Имея крайне скудные сведения о древности, сасанидские жрецы не останавливались перед произвольной их интерпретацией, что в истории встречается не так уж и редко. Так, они сумели с помощью различных ухищрений доказать, что Сасаниды родственны знаменитому царю Виштаспе, который приютил в свое время пророка Зороастра.

Из всего изложенного хорошо видно, что сасанидский Иран был тем периодом в длительной истории иранцев, когда их древняя дуалистическая религия, обретшая свои завершенные формы в результате уже всеми признанного пророка Зороастра, достигла подлинного триумфа. И правители страны, и очень близко к ним стоявшие первосвященники всячески прославляли свою религию, сделав ее не только опорой власти, но и Великой Истиной для всех. Те, кто отказывался признать величие иранского зороастризма и принимал иную веру, например христианство, изгонялись либо сурово наказывались. Но их было не очень много. Другое дело — сектанты. В качестве своего рода сектантов в самом начале правления сасанидской династии выступили манихеи, сторонники широко известного вероучителя Мани.

МАНИ И МАНИХЕЙСТВО. МАЗДАК И МАЗДАКИТЫ

Мани не именовал себя пророком, хотя и выступил в роли первооткрывателя новой религиозной идеи, правда во многом сходной с древнеиранской религией. В отличие от митраизма, который был мощным, но сравнительно кратковременным выплеском именно иранской религии, что способствовало росту ее престижа в мире, манихейство оказалось в сущности ересью, что и определило его судьбу. Это учение тоже вышло далеко за пределы Ирана, причем распространилось не менее широко, чем митраизм, от Европы до Китая, а просуществовало намного дольше, почти тысячелетие, не говоря уже о том, что в VIII в. оно на несколько десятилетий стало официальной религией государства уйгуров. Но для иранской религии оно все же было не просто чужим, но ересью, с которой следовало бороться, так как она компрометировала зороастризм. Почему же так? В чем смысл манихейства, и что в нем оказалось неприемлемым для иранского дуализма?

Мани (216–276), сын вавилонянина и знатной иранки, апостол, как он сам себя именовал, родился и жил в то время, когда митраизм уже сходил с исторической сцены, понемногу уступая место христианству, в частности в Риме и в Армении, где он был наиболее популярен. В молодости Мани много путешествовал, посетил страны Средней Азии и Индию, где внимательно знакомился с местными религиями, включая христианство, брахманизм, буддизм, учение гностиков (распространенная в Месопотамии религиозно-философская доктрина — смесь христианства, восточной мистики и греческой философии, — провозглашавшая греховность материального мира и непричастность к нему верховного божества). Обосновавшись в Иране и попытавшись принять во внимание основные идеи господствовавшего там зороастризма, Мани едва ли не впервые в истории попытался создать всеохватывающую религиозную систему, которая вобрала бы в себя наиболее существенное из всех других.

Созданное Мани вероучение, характеризуемое в наши дни как система теософского синкретизма, оказалось достаточно жизнеспособным, получив распространение во многих странах. Суть синкретической системы Мани в самом кратком ее изложении сводится к тому, что окружающий мир — арена жестокой борьбы двух начал, добра и зла, света и тьмы, причем силы зла одолевают мир добра, почему и следует удесятерить усилия, направленные против них. Казалось бы, идея очень близка иранскому дуализму. Но на проверку вышло не так. Манихейский дуализм на деле оказался весьма отличным от зороастрийского, как и вся система взглядов Мани была вовсе не сходна с существовавшими до него.

Начнем с того, что главное для Мани — истина, являвшаяся в мир время от времени и представленная немногими избранными посланниками божественной силы, апостолами, открывавшими всем эту истину. К числу апостолов он относил примерно десяток великих начиная от Адама и нескольких других ветхозаветных персонажей, в частности Авраама, и кончая Зороастром, Буддой и Иисусом. Себя он считал последним, причем отличным от всех своих предшественников тем, что роль его должна проявиться не в отдельном регионе, но во всем мире. Свет истины, который нес миру Мани, абсолютен и совершенен. В чем именно его совершенство?

Во-первых, Мани, опиравшийся на иранский дуализм как на первооснову своего учения, категорически отверг довольно распространенную в сасанидском Иране мифологему о Зрване как родителе

двух братьев-близнецов — Ормузда и Аримана. Согласно его представлению, мир света и добра не мог иметь ничего общего (включая и родителя) с миром Тьмы и Зла. А во-вторых, он настаивал на том, что эти двое не просто антагонисты, а символы двух принципиально различных миров, из которых один ассоциируется с духовным началом, а другой — с материальным.

Своеобразная эсхатология манихейства исходит из того, что главное происходящее в мире — это сменяющие друг друга три длительных периода. Сначала существует идеальное равновесие между силами света наверху и тьмы внизу, затем — это и есть настоящее время — идет непримиримая борьба между этими силами, которые смешиваются друг с другом, причем успех сопутствует то добру, то злу. А в завершающем (будущем) времени все закончится победой света, который навсегда очистится от примеси тьмы.

Свет в учении Мани — это Высшая Сущность, субстанция божества, своего рода Бога Отца. Она не сотворена никем, но вечна, причем включает в себя двенадцать добродетелей: власть, мудрость, победа, примирение, чистота, истина, вера, долготерпение, прямота, благодеяние, справедливость, свет, а также пять самых главных принципов: разум, знание, мысль, осторожность и решительность. Два последних качества тесно связаны с тем неблагоприятным для высшего божества обстоятельством, что, хотя с трех сторон — с востока, севера и запада — царство света бесконечно и ничем не ограничено, с четвертой, с юга, оно сталкивается с царством тьмы. В царстве тьмы и смерти тоже есть пять главных субстанций: дым, огонь, ветер, вода и тьма. У владыки зла неисчислимое количество прислуживающих ему демонов, агрессивных и рождающих хаос. И если в мире света господствует гармония, то в царстве тьмы задают тон хаос и грубая материя, а обитатели этого мира завидуют тем, кто живет вне тьмы. Они готовы к нападению и стремятся смешаться с миром света. Чтобы не допустить этого, нужны осторожность и решительность. Высшая Сущность должна отбросить присущее ей созерцание и настроиться на бескомпромиссную битву с силами зла.

Но как этого добиться, если принять во внимание, что Бог Отец — это воплощенное добро, неспособное бороться? Выход в том, что Бог Отец, он же Отец Величия, апеллирует к Матери Жизни, которая призывает на помощь первочеловека. Им оказывается Ормузд. Взяв своих пятерых сыновей, которые одновременно являются светлыми элементами (огонь, вода, свет, ветер и

эфир*), первочеловек выходит в бой, но терпит поражение, теряя при этом свое воинство. Но, поглотив его, тьма обретает субстанции, которые ей вредят. А Отец Величия тем временем призывает к бою Духа Живого, который вытягивает первочеловека из мира тьмы. Так первочеловек страдает и спасается. Возникает образ пострадавшего, но спасенного спасителя. Однако состояние смешения сил света и тьмы, вызванное пленением воинства спасителя, требует энергичных действий, которые выпадают на Духа Живого, подчас отождествляемого с Митрой. Он карает демонов, вылавливает частицы света, очищает их от загрязнения. Затем следуют еще несколько обманных манипуляций, преследующих цель ослабить мир материи, мир зла. Казалось бы, победа одержана. Как утверждает манихейская космогония, Отец Света (Величия), дабы освободить мир света от примесей, создает из шкур поверженных демонов десять небес, из их костей горы, из мяса и испражнений землю, а из освобожденных из поверженных демонов частей света солнце, луну, звезды, а также ветер, огонь и воду.

Но мир зла не бездействует. Двое демонов, мужской и женский, собирают имеющиеся в их распоряжении смешанные с нечистью элементы света и из этой смеси рождают... Адама и Еву, дабы плоть продолжала поглощать светлые элементы (в человеке, потомке Адама и Евы, та же ситуация, что и во Вселенной, микрокосм подобен макрокосму). Считается, однако, что в Адаме больше светоносных элементов, чем в Еве. Видимо, здесь сыграло свою роль то, что Отец Света послал светоносного Иисуса разбудить Адама от сна и дать ему (заметим, не Еве, как считает Ветхий Завет, а Адаму) вкусить от древа жизни, познать добро и зло. Так была заложена основа превращения человека в нового, открытого для истины. Окончательно же истину и спасение он получил лишь тогда, когда появился Мани. Иными словами, тело и похоть как явления вполне материальные свидетельствуют о демоническом происхождении людей. Но, так как эти люди благодаря Иисусу содержат в себе светоносные элементы, ибо Спаситель открывает глаза Адаму, сообщая ему знание (гнозис), все это помогает Адаму спасти его светлую душу, окованную злой материей.

* Существенно обратить внимание на то, что в манихействе это не те шесть первосубстанций, которые зафиксированы в зороастрийских текстах Авесты (земля, вода, огонь, металл, растение, скот).

Таким образом, перед нами новый вариант сконструированного усилиями Мани ближневосточного умирающего и воскресающего героя. Главное здесь, что отличает этого героя от других, — спасение души и посрамление материального тела. Это вполне логично, если исходить из того, что окружающий материальный мир — это мир зла, а смысл мирового процесса в том, чтобы спасти частицы света, заключенные в человеке (точнее, в его душе), от власти материи. Такая цель, к слову, характерна для многих индийских религий, включая буддизм. Соответственны и средства: истинные манихеи, «избранные», обязаны были вести аскетический образ жизни, не иметь собственности, семьи, жилища, не потреблять вина и мяса, даже не рвать растений, идущих в пищу. Содержать их должны были — опять-таки по индийскому стандарту — миряне, которые могли иметь семью и имущество, нормально питаться и которым давался статус «избранных» лишь перед смертью, в качестве своеобразного причастия.

Итак, повторим и подытожим сказанное. Мифология и эсхатология манихейства являют собой трансформированный вариант зороастризма с весьма существенной примесью иных доктрин — от индийских религий через гностиков до христианских библейских представлений. Первоначально существовало идеальное равновесие сил света, воплощенного Отцом Величия, и сил зла, олицетворенных владыкой тьмы, соотношенным с Ангро-Майнью: свет — идеальное начало гармонии, тьма — символ всего материального. Равновесие нарушилось, когда владыка тьмы был привлечен блеском царства света.

Опасаясь нападения, Отец Света (Отец Величия) вызывает к жизни несколько духовных начал, его эманаций. Поражение их в борьбе с силами тьмы приводит к смешению света и тьмы. Необходимость освободить светлые элементы от примеси тьмы побуждает Отца Света создать видимый материальный мир из шкур и тел поверженных демонов. Вычленение из этого мира луны и солнца было началом высвобождения светлых элементов. Звезды, ветер, огонь, вода также были созданы из светлого начала, но все же с некоторой примесью элементов тьмы.

Дабы закончить процесс высвобождения сил света, Отец Величия вызывает к жизни еще ряд духовных начал (всего их семь — эта цифра у манихеев была сакральной), с помощью которых демоны зла оказываются поверженными окончательно. Но материальный мир продолжает оставаться смешанным, как и представляющие людей Адам и Ева (в Адаме преобладают светоносные элементы, а в Еве проти-

воположные). Наконец, вызванные Отцом Света светоносные силы помогли Адаму, вкусившему от древа жизни, познать добро и зло, вследствие чего истина была открыта и спасение оказалось рядом. Но окончательно все стало на свои места лишь с появлением самого Мани, последнего посланника истины. Только теперь люди поняли и, главное, получили реальную возможность отделить элементы света в себе от элементов тьмы и освободить свой дух от тела. Окончание этого процесса в масштабе всего человечества завершится Страшным судом, после чего земля будет объята пламенем и станет гореть 1468 лет, пока, наконец, все элементы света уйдут на небо, а материя вместе с демонами исчезнет в необъятной бездонной пропасти.

Вероучение Мани, проповедовавшее пассивные методы борьбы за спасение человечества и вроде ничего опасного для сасанидского зороастризма не представлявшее, вначале было даже поддержано властями. Оно пользовалось успехом. Возникали всё новые и новые общины верующих, стремившихся всеми силами поддержать мир добра в его столь трудной борьбе с силами зла. Манихейская этика предписывала «избранным» членам общин, статус которых напоминал монашеский, избегать трех зол («печатей»). Прежде всего, они должны были чураться греховного, имея в виду соблюдение чистоты помыслов и отказ от любых высказываний, которые могут быть сочтены богохульством. Кроме того, члены общин должны были воздерживаться от наслаждений и плотских влечений, ибо то и другое идет от материального мира демонов. Вторая «печать» — запрет на действия, которые могут причинить вред растениям и животным, ибо это способствует торжеству сил зла. Третья «печать» — половое воздержание и, естественно, безбрачие. Избранные праведники были главным боевым отрядом в борьбе с миром зла. Они должны были поститься два дня в неделю и, кроме того, соблюдать более длительный пост в течение месяца наподобие того, как это делают мусульмане. Избранные были не равны между собой, но представляли иерархическую лестницу из четырех ступеней: возглавляющий всех апостол, 12 магистров, 72 епископа и 360 священников.

Остальные члены манихейских общин вели обычный образ жизни, но по воскресеньям и они должны были поститься и воздерживаться от секса. Все нарушения заповедей влекли за собой исповеди и покаяния. Существует версия, что манихеи, подобно христианам, практиковали обряд крещения, но без использования воды. Существовал также обряд причастия в дни празднества в конце месяца

поста. Этот праздник считался главным, наподобие Пасхи у христиан, и касался — в форме, похожей на христианское причастие, — только избранных (остальные на это время покидали главный зал, где устраивался праздник).

Царь царей Шапур I хорошо принял Мани, путешествовавшего по разным странам и прибывшего, наконец, со своими сторонниками в Иран. Около 30 лет Мани и его разраставшиеся численно общины находились под покровительством Шапура. Но после его смерти в 272 г. ситуация кардинальным образом изменилась. Пассивно-пессимистический пафос учения Мани давно уже раздражал сформировавшуюся во влиятельную организацию иранскую религию и прежде всего приближенных к трону ее глав, которые вовсе не склонны были считать современный мир воплощением зла или даже состоянием борьбы, в которой зло вполне может одолеть добро. Преемники Шапура под давлением идеологов зороастризма были настроены объявить манихейство ересью. И вскоре эта идея была воплощена в жизнь.

Манихейство было объявлено ересью, а сам Мани погиб (был казнен?) в темнице, успев, правда, передать высокий титул апостола своему преемнику. Манихейские общины в основном были изгнаны из Ирана и рассеялись по всему миру, оказывая на протяжении долгих веков существенное воздействие на некоторые религиозно-философские концепции и сектантские движения средневековья как в Европе, так и в Азии. В самом Иране манихейцев было мало, но их идеология продолжала существовать и тоже воздействовала на умы. Оставаясь полуетерсью-полуоппозицией официальному зороастризму, иранское манихейство за два-три столетия изменилось, приняв в V в. неожиданную форму. Речь идет о движении Маздака и маздакитов.

Основатель этого движения, многое взявший из арсенала манихейства, в конце V в. возглавил открытое выступление против оппозиционных шаху представителей правящих кругов, обвинив верхушку иранского общества в том, что она живет за счет нищающего народа. Это выступление получило поддержку со стороны шаха Кавада. Суть социальных лозунгов Маздака сводилась к тому, что из учения манихеев о необходимости высвободить смешанные с тьмой частицы света выводилась идея создания уравнительно-справедливого общества (отнять у богатых — отдать бедным). Движение помогло Каваду расправиться с неудобными ему оппозиционерами и тем усилить свою власть в стране. Однако после этого маздакиты Каваду были не нужны. Вскоре после смерти самого Маздака движение пошло на убыль.

Этим воспользовался сын и наследник Кавада Хосров, который в 529 г. уничтожил лидеров маздакитов, заманив их в ловушку. После подавления движения маздакитов лидеры зороастризма вздохнули свободно. Казалось, теперь их власти и влиянию ничто не угрожает. Однако на деле все было не так. Зороастризм в Иране в это время стоял накануне своего заката, причем виной тому были не события, связанные с маздакитами, а приближавшийся уже натиск ислама, о котором подробно будет сказано далее.

Пока же сасанидский Иран расцветал. Хосров I оказался одним из самых ярких и умелых правителей. Он горячо поддерживал основные позиции зороастризма и тесно сотрудничал с духовенством. Этика этого учения тоже не была для него пустыми словами. Уничтожив маздакитов, он тем самым отверг их идею социального равенства с уравнительно-социалистическим подтекстом, но зато громко провозгласил себя сторонником справедливости в духе пророка Зороастра. Разумеется, к этому времени кое-что в зороастризме, как о том уже не раз упоминалось, изменилось. Появился, например, обычай ваджа (слово, изречение), суть которого сводилась к тому, что перед едой или сном люди произносили какое-либо из теперь уже всем известных авестийских изречений, которые как бы определяли содержание всех последующих речей или событий. Широкое распространение в народе письменного варианта священного канона, изложенного в сасанидское время на всем понятном языке и с применением принятого в стране нового и очень удобного алфавита, облегчало эту задачу. Иногда за одним ваджем следовал другой. К слову, после их произнесения следовало помолчать, дабы смысл мудрого изречения лучше был понят.

Усилилось внимание к обряду очищения, который тщательно соблюдался и которому придавали особое значение в знатных семьях, где в гарем брали женщин неиранского происхождения. Смысл очищения сводился отнюдь не только к разовому действию. Напротив, женщин учили, как следует вести себя во время критических для их жизненного цикла дней, когда им полагалось находиться в отдельном помещении и, главное, не смотреть на огонь, даже на свечу. После этого всем им полагалось пройти через специальный обряд очищения. Очищению и вообще физической чистоте зороастрийцы всегда придавали огромное значение.

Вообще зороастрийское духовенство, получив власть, которой оно раньше никогда не имело, очень активно ею пользовалось, управляя людьми и следя чуть ли не за каждым их шагом. Его представители

толковали законы и следили за их выполнением, вели судебные дела, причем отнюдь не всегда решая их по справедливости. Здесь стоит заметить, что Хосров и его преемники были достаточно терпимыми правителями и считали своим долгом время от времени умерять воинствующий пыл зороастрийских священнослужителей, гарантируя право на существование и представителям иных религий, которых в процветающем сасанидском государстве было немало, особенно в городах. Сын Хосрова I Хосров II, правивший страной с 591 по 628 г., тоже считается одним из наиболее преуспевавших шахов сасанидского Ирана. Страна в годы его правления процветала, нередко опираясь на помощь соседней Византии и потому поддерживая хорошие отношения с христианами. Несмотря на это, он был ревностным сторонником иранского зороастризма, славился своим благочестием, строил храмы и возжигал в них священные огни. Конфликт с византийским императором Ираклием закончился поражением Ирана и разрушением одного из самых знаменитых святилищ — Адур-Гушнасп, где шах имел обыкновение проводить много дней в молитвах. Однако после войны храм был восстановлен, а его руины даже сегодня впечатляют, свидетельствуя о могуществе Сасанидов.

После смерти Хосрова II сасанидский Иран стал клониться к упадку. При дворе начались междоусобицы претендентов на трон. Ослабление власти сказалось и на положении зороастрийской верхушки. Священнослужители не только не нашли сил, чтобы помочь укрепить власть и завоевать доверие народа, но, напротив, почувствовав слабость, попытались ловить рыбку в мутной воде. С прихожан взимались высокие налоги и выплаты за оказание им различного рода услуг (очищение, покаяние и т. п.). По мнению специалистов, зороастризм накануне исламизации Ирана нуждался в определенных реформах, ибо был в состоянии упадка. Однако никаких реформ не последовало, а упадок привел практически к окончательному краху древней религии. Виной тому стало победоносное шествие ислама.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ИРАНА И ЗОРОАСТРИЙЦЫ

Мусульмане под зеленым знаменем пророка Мухаммеда в начале 30-х гг. VII в. начали нападать на богатые страны, расположенные рядом с аравийской пустыней. Иран был одним из первых и наиболее желанных объектов исламских завоеваний. Не сразу, но за несколько десятилетий арабы захватили эту

страну. Существенно обратить внимание на то, что первоначально завоеватели относились к зороастрийцам примерно так же, как к христианам и иудеям, т. е. к «людям писания», которые заслуживали уважительное к себе отношение и не подлежали насильственному обращению в ислам под угрозой смерти. В этом был определенный резон, ибо для воинственных бедуинов, выходцев из бесплодной пустыни, цветущие поля и города сасанидского Ирана с его многовековой историей и богатыми административно-политическими традициями были немалой ценностью.

Ценностью отнюдь не только потому, что было что грабить, хотя не обходилось и без этого. Гораздо более важным следует считать то обстоятельство, что у иранцев можно было многое заимствовать из того, в чем нуждались в большинстве своем только что вышедшие из состояния полупервобытности воинственные арабы, в основном — стоит повторить — бедуины аравийской пустыни. Именно в Иране мусульмане заимствовали формы налогообложения, поземельный и подушный налоги с немусульман (хараг-харадж и гезит-джизия), впоследствии господствовавшие в Арабском халифате. На первых порах эти налоги платили и завоеванные арабами иранцы. Мусульмане сохранили даже формы существования зороастрийских общин и иерархию их священнослужителей. Глава огнепоклонников, как с этого момента все чаще называли тех, кто оставался верен древнеиранской религии, получил от арабских завоевателей титул главы гебров (т. е. неверных, в данном случае зороастрийцев).

Несмотря на это, арабы-мусульмане оказывали на иранцев такой же нажим, как и в других странах. Для обращения неверных в ислам они использовали привычные методы принуждения, одним из самых эффективных среди которых была материальная выгода. Принявший ислам переставал платить харадж и джизию. С него брали лишь десятину-ушр. Кроме того, раб освобождался от статуса раба, ибо формально ислам рабство как институт отрицал. К этому стоит добавить, что арабский язык становился если и не обязательным, то широко распространенным и официальным, государственным. Его приходилось учить новым поколениям, как и арабские мусульманские молитвы. Важно также иметь в виду, что молодой, еще только возникший как религиозное учение ислам многое заимствовал у соседей. У тех же зороастрийцев были заимствованы идея моста толщиной с лезвие, по которому только и может душа умершего добраться до рая, а также, по всей вероятности, пятиразовая

ежедневная молитва, тесно связанная, к слову, с культом физической чистоты.

Простота культовых отправлений ислама так же привлекала многих, как и отсутствие необходимости в жрецах, столь запятнавших себя в последний период существования зороастризма тяжелыми поборками. Все перечисленное принадлежало к числу факторов, которые облегчали принятие решения перейти в ислам. Впрочем, принять такое решение было делом весьма нелегким. Ведь в исламе было много такого, что не могло нравиться. Это и обрезание для мужчин, и пищевые ограничения, и изменение в характере молитвы (зороастриец молился стоя, а не ударяя лбом по земле), и, разумеется, отказ от дорогих каждому древних божеств с их привычными святилищами. Наконец, это настойчивые попытки запрета почитания священного огня...

Словом, у иранцев было немало оснований противиться насильственной исламизации и не поддаваться искушению материальными и иными преимуществами для принявших ислам. Однако жесткая политика исламских руководителей во всех завоеванных мусульманами странах, включая и Иран, делала свое дело. Если в VII в. это давление еще можно было как-то вынести, то в VIII в., когда с завоеваниями в основном было покончено, а руководители халифата стали обращать внимание на упорядочение внутренней структуры захваченных ими территорий и институционализацию своей власти, ситуация заметно ухудшилась. В Иране началось повсеместное разрушение храмов огня. Осталась только небольшая их часть, где за сохранение святилища было хорошо заплачено. Знатные персидские роды начали принимать ислам, чтобы сохранить свое имущество и влияние. Оправдываясь, некоторые из них ссылались на то, что в исламе много взято от зороастризма, если не непосредственно, то через иные религии, иудаизм и христианство, заимствовавшие в свое время кое-что у иранцев (идея о Страшном суде, о Мессии-Спасителе и т. п.).

Пытаясь «сохранить лицо», принявшие ислам иранцы создавали легенды, как, например, рассказ о том, что будто бы внук Мухаммеда и сын его дочери Фатимы Хусейн женился на персидской царевне, которая родила сына, ставшего четвертым шиитским имамом. К слову, заслуживает внимания то хорошо известное обстоятельство, что большинство обращенных в ислам иранцев становились шиитами, т. е. оказывались в оппозиции к господствовавшему в мире ис-

лама суннизму. Это была определенная форма протеста развитого государства и его древнего народа. И надо заметить, выбор шиизма после возникновения в 750 г. халифата Аббасидов сыграл свою роль. Принявшие шиитский ислам персы получили важные посты в администрации нового халифата, что позволило воссоздать в Багдаде пышность сасанидского двора и возродить многие его обычаи. В определенном смысле Иран и после принятия ислама сохранил свое лицо — не в пример таким древним центрам культуры, как Египет. Процесс арабизации, столь заметный в Египте и подавляющем большинстве других завоеванных арабами стран, практически почти не затронул Иран, сохранивший свой язык и многие основы древней культуры.

Сыграл ли зороастризм сколько-нибудь значительную роль в том, что в условиях насильственной исламизации (в принципе, такой же, как и в других завоеванных арабами государствах) Иран сумел занять в некотором смысле привилегированное положение, что он нашел форму (шиитская оппозиция), которая помогала ему сохранить такое положение вплоть до сегодняшнего дня? Безусловно, да. Ставшие христианскими в рамках Византийской империи Египет или Сирия не сумели этого добиться, а Иран сумел. Так почему и как это произошло?

Во-первых, потому, что привязанность иранцев к их древней религии была безусловно сильнее, чем связь обращенных в христианство сравнительно недавно тех же египтян или сирийцев, которые, пережив длительную эпоху эллинизма, давно уже забыли о своих древних языках и верованиях. Во-вторых, из-за того, что, откупившись от натиска наиболее агрессивных мусульман первого века исламизации, зороастрийцы не только сумели сохранить сильные и влиятельные общины с храмами, в которых не переставал гореть священный огонь, а также иерархическую церковную структуру, но и продолжали активно разрабатывать свои священные тексты. Наиболее умелые полемисты из числа признанных руководителей твердо стоявших на своем ревностных сторонников древней иранской религии открыто выступали на религиозных диспутах в защиту зороастризма, как то было в IX в. в Багдаде при халифе Мамуне. Акцент на усиление работы с книгами священной Авесты имел и явный внутренний расчет: зороастрийцы стремились убедить новых хозяев жизни, что они — тоже «народ писания» и потому заслуживают тех льгот, которые предоставлялись в мире ислама иудеям и христианам.

Раскол халифата на большое количество эмиратов, начало которому было положено уже в X в., привел к тому, что на территории Ирана возникали различные государственные образования, по-разному относившиеся к уцелевшей общине зороастрийцев. Во время власти Буидов (935–1055) в подчиненной им весьма значительной части Ирана к зороастризму относились спокойно, причем именно в это время его сторонники создали текст, который впоследствии стал основой знаменитой книги Фирдоуси «Шах-наме», оживившей древние предания как для тех, кто принял ислам, так и тех, кто остался верен древней иранской религии. В эти же годы зороастрийцы вновь занялись усовершенствованием своего календаря.

Итак, исламизация Ирана положила конец зороастризму как широко распространенной и тем более официально господствующей религии. В мусульманском Иране огнепоклонники стали едва терпимым, а то и преследуемым меньшинством. Однако они не только выжили, но и продолжали активно развивать и дорабатывать теоретические основы своей религии, о чем свидетельствует немалое количество новых сочинений. Гораздо тяжелее пришлось им, когда на смену устоявшейся администрации арабов пришли сначала (XI в.) турки-сельджуки, а затем (XIII в.) монголы. Турки, сразу же принявшие ислам, интересовались зороастрийцами сравнительно мало и вскоре мигрировали на запад, где ими со временем была завоевана Византия и образована гигантская Османская империя. Монголы же были страшны своей безжалостностью кочевых дикарей. Они сначала уничтожали все, что мешало им быстро продвигаться вперед, и, в частности, без разбора жгли книги и рушили культурные ценности. Когда же спустя ряд десятилетий, на рубеже XIII–XIV вв., монгольский хан Гасан принял ислам и образовал мусульманское государство ильханов, жизнь уцелевших зороастрийцев стала спокойней, особенно в Фарсе, правитель которого откупился от монголов.

При владычестве монгольских ильханов, как стали именовать себя правители Ирана после принятия ислама, главным для сторонников древнеиранской религии было не делать резких движений и не привлекать к себе внимания. Руководители зороастрийцев во главе с мобедан-мобедом обосновались близ нескольких святилищ в районе Йезда, который продолжал существовать и после падения владычества монголов, в том числе при иранских Сеферидах. Религиозный центр в Йезде был описан в XVIII в. одним из посетивших его французских купцов как совокупность великого храма огня и зо-

роастрийской академии, где получали образование сторонники зороастризма. Вместе с мобедан-мобедом, которого теперь именовали более пышным титулом дастур-дастуран, здесь жили и жрецы остальных категорий. Посетить этот центр было священной обязанностью всех зороастрийцев, сохранившихся в Иране, а от мусульманских властей огнепоклонники откупались щедрыми подношениями.

Сефевидский шах Аббас, отличавшийся веротерпимостью, в начале XVII в. переселил из Йезда в район своей столицы группу зороастрийцев, бывших в основном ремесленниками. Посещавшие двор Аббаса европейцы с интересом описывали представителей этой древней религии, отмечая их дружелюбие и вместе с тем замкнутость. Они обращали внимание на отличия сторонников древнеиранской религии от мусульман. Например, иранки не закрывали свое лицо, как это делали мусульманки. Европейцы обращали также внимание на особенности погребения мертвых у зороастрийцев. Об этом уже не раз упоминалось. Важно отметить, что после установления господства мусульман в Иране там появились некоторые новшества, вызванные тем, чтобы обращать меньше внимания ревнителей ислама на то, как хоронят зороастрийцы своих покойников. Рассмотрим этот обряд подробнее.

Исходя из того, что труп покойника считается нечистым и не должен осквернять ни одну из чистых стихий, к числу которых кроме священного огня относятся земля и вода, мертвецов нельзя было ни хоронить, ни сжигать, ни погружать в воду. Вот почему везде, где жили сторонники иранской религии, в том числе и неподалеку от столицы Аббаса города Исфаган, строились массивные и довольно высокие каменные башни, без входа и иных отверстий, которые позволили бы любопытным проникнуть внутрь. Специальные служители-зороастрийцы, к которым остальные относились обычно с некоторой брезгливостью, вносили покойника на вершину башни, где была большая облицованная цементом яма, а по внутренней стене башни — небольшие наклонные вовнутрь (чтобы не задерживалась дождевая вода) выступы, на которые и клали тела умерших. О хищниках, которые могли бы на глазах у всех пожирать тела, теперь уже не было и речи. Эту задачу выполняли грифы — большие птицы, питающиеся падалью. Они пожирали труп, после чего через несколько дней служители снова влезали на башню и сбрасывали в цементную яму — оссуарий — оставшиеся кости. На этом похороны кончались. Плакание же покойника и все обряды, которые бы

помогли покойнику добраться до рая, осуществлялись дома и были делом близких родственников.

ПАРСЫ В ЗАПАДНОЙ ИНДИИ

Начиная с первых веков господства мусульман и в годы наиболее строгих преследований сторонников иранской религии часть этих последних, не выдержав преследований, стала покидать свою страну и активно мигрировать. Наиболее удачная судьба ожидала тех, кто мигрировал в Западную Индию, где уже с начала X в. возникла, а затем в ходе последующих миграций все возрастала община огнепоклонников, которые получили в Индии наименование парсов, т. е. выходцев из Персии. Становление и последующее процветание этой общины на ее новой родине, всегда отличавшейся почти беспредельной веротерпимостью, заслуживает внимания.

Первые поселенцы, как это сохранилось в памяти парсов, высадились на небольшом острове Диа, где прожили около 20 лет, пока правитель прибрежных территорий Гуджарата не пригласил их поселиться на его земле. Парсы основали поселение Санджан, где построили поселок и зажгли священный огонь Аташ-Бахрам, для чего специальные гонцы были посланы на родину, в Хорасан, дабы доставить оттуда все необходимое для ритуальной церемонии зажигания огня. Вскоре поселение и священный огонь стали ритуальным центром, привлекавшим к себе всех зороастрийцев, эмигрировавших ранее из Ирана. Создавались новые поселения, но священный огонь Аташ-Бахрам оставался единственным в этом регионе на протяжении почти 800 лет. Он был объектом паломничества парсов, которые постепенно расселились по всему Гуджарату.

Новопоселенцы со временем хорошо изучили местный язык гуджарати, переняли одежду местного индийского населения, но в доме каждого парса всегда горел очаг, который был как бы частицей священного огня их древней иранской религии. Все гуджаратские поселения зороастрийцев-парсов имели своих священнослужителей, выполнявших необходимые обряды, но ни одно из них не порывало с первоначальным центром, где горел священный огонь. Со временем расселившиеся достаточно далеко друг от друга группы соседних поселений парсов или городов, где среди индийцев жили парсы, создавали свои коллективы обслуживавших их жрецов. Уже в XII в. среди

парсийских священнослужителей появилось немало высококвалифицированных знатоков канона, которые писали новые рукописи или переводили на санскрит древние тексты Авесты. Как и их единоверцы в Иране, парсы строили для захоронения своих умерших высокие башни с цементированной ямой-оссуарием.

С возникновением в начале XIII в. Делийского султаната в Гуджарате появилось много мусульман. Однако исламские руководители султаната в Индии вели политику религиозной терпимости по отношению ко всем представителям иных конфессий, начиная с основной массы индуистов. Это помогало парсам чувствовать себя спокойно и быть всецело преданными своей древней религии. Нашествие Тимура на Иран и соседние с ним страны в конце XIV в. и полное разрушение всей древней культуры этого региона привели к тому, что многие иранские зороастрийцы вынуждены были бежать в Гуджарат, пополнив собой уже довольно многочисленную колонию индийских парсов. Парсы мирно уживались с индуистами. Когда некоторые чересчур ретивые мусульманские правители Гуджарата в XV в. начали войну с местными индуистами, парсы воевали на стороне индуистов. Священный огонь на время сражений был перенесен в одну из пещер недалеко от Сандждана, где он благополучно просуществовал около двух лет, пока положение дел в Гуджарате не нормализовалось. Затем огонь перенесли на новое место — в Навсари, который стал центром парсийского зороастризма.

Показательно, что к этому времени обе общности, иранская и парсийская, стали уже достаточно далекими друг от друга, во всяком случае в языковом отношении. Парсы практически забыли свой язык. И когда из общины близ Навсари был послан в Йезд священнослужитель, который должен был проконсультироваться с иранскими коллегами относительно некоторых деталей обрядов и богослужений, его в Иране просто не могли понять. Посланцу пришлось прожить в Йезде, занимаясь мелкой торговлей, около года, пока он не овладел персидским языком настолько, чтобы получить нужные советы. Зато он привез с собой две ценные рукописи, написанные в Йезде специально для парсов. Этот и ряд последующих контактов в XV–XVII вв. убедили общины зороастрийцев в Иране и Гуджарате в том, что они продолжают одинаково понимать древнеиранскую религию и следовать ее нормам. Различия были в мелочах. Так, парсам в Индии пришлось отказаться от обычая принесения в жертву считавшихся в Индии священными быков и коров. Кроме того,

в Индии парсы стали рассматриваться как особая каста, а это привело к обычаю эндогамии, т. е. к тому, что парсами могли быть лишь парсы по рождению, т. е. только иранцы по происхождению.

Когда Индией (XVI в.) стали управлять императоры династии Великих Моголов, появившиеся вскоре после этого португальцы сумели добиться прав на остров Бомбей, который они быстро превратили в свой колониальный форпост. В борьбе с местными султанами португальцы вели себя жестоко, в результате чего пострадали и парсы. Зато при могольском императоре Акбаре парсы, как и другие конфессиональные общины страны, не говоря уже о сотнях миллионов индуистов, стали процветать. Несколько ученых священнослужителей из их числа были даже приглашены ко двору. Некоторые из них, в том числе и прибывшие из Ирана по соизволению шаха Аббаса, за свою ученость официально были удостоены исламского звания *муллы*. Кроме того, именно Акбар отменил джизию, облегчив налоговое бремя немусульман. К сожалению, после смерти Акбара джизия была восстановлена и отношение к иноверцам снова ужесточилось.

Несмотря на это, количество парсов в районе процветающего Бомбея увеличивалось, одновременно росло и число священных огней. В эти века начались и первые распри между группами священнослужителей, живших в наиболее важных парсийских религиозных центрах с их священными огнями. Споры велись вроде бы по второстепенным вопросам — например, как обвязывать рот умерших при отнесении их на башню. Потом стали возникать разногласия по поводу календаря (из Ирана пришли новые версии летосчисления, и отдельные группы парсов склонны были принять это новшество, тогда как другие отказывались от этого). Споры велись чуть ли не столетие и в результате едва не привели к расколу. Однако раскола все же не произошло. Зато с XVIII в. парсы перестали обращаться к иранским зороастрийцам за советами.

XIX век стал периодом расцвета бомбейских парсов, чему в немалой мере содействовала британская Ост-Индская компания, завладевшая городом и поощрявшая развитие в нем производства и особенно торговли. Всю внутреннюю администрацию компания возложила на конфессиональные общины, создав панчаяты (советы старейшин). Возник панчаят с немалыми административными правами и у бомбейских парсов. И хотя в его составе, как правило, не было священнослужителей, этот панчаят ревностно отстаивал рели-

гиозные принципы парсов, делая особый упор на сохранение принятой в зороастризме ритуальной физической чистоты. Кроме того, английские миссионеры, а также университеты и колледжи, открытые для всех, включая и парсов, сильно расширили традиционные и основанные преимущественно на древних текстах Авесты знания значительной части парсов, по меньшей мере горожан, из которых вскоре в общине сформировался своеобразный средний класс. Появились знакомые с западной культурой учителя, доктора, юристы, журналисты и т.п. Благодаря этим весьма заметным и существенным новациям возникла проблема религиозных реформ.

Получившие западное образование молодые и энергичные парсы, включая разбогатевших торговцев и предпринимателей, не хотели далее быть жестко скованными множеством религиозных предрассудков. К ним присоединилось и молодое поколение из числа священнослужителей, которые тоже давали своим детям не только традиционное религиозное, но и западное светское образование, необходимость получения которого ощущали уже практически все. В XX в. уже большинство парсов были горожанами и, более того, выделялись среди прочих своей деловой активностью, богатством и филантропией — достаточно назвать имя предпринимателя Д. Тата. За последние десятилетия многие индийские парсы мигрировали в разные страны, где подчас составляют значительные колонии. Разумеется, при этом преданность и строгое следование заповедям древней веры уменьшаются. Примерно то же происходило и с иранскими огнепоклонниками.

ЗОРОАСТРИЙЦЫ В ИРАНЕ ПОСЛЕ ШАХА АББАСА

В еротерпимость Аббаса завершилась в конце его жизни печально для зороастрийцев. Услыхав от кого-то, что у огнепоклонников есть книга, будто бы написанная в свое время самим Авраамом и содержащая различные предсказания, Аббас потребовал от главы зороастрийского жречества найти эту книгу, а когда тот не сумел этого сделать, велел казнить его, а вместе с ним и еще несколько священнослужителей. При преемниках Аббаса гонения на зороастрийцев усилились. Во всем Иране их заставляли под страхом смерти принять ислам и лишь немногие сумели бежать в Йезд, где они уцелели. Преследования огнепоклонников то

и дело вспыхивали почти до самого конца периода правления Сефевидов, кроме разве что короткого периода правления тюрка и суннита Надир-шаха, отличавшегося веротерпимостью. В это время зороастрийцы получили передышку, использованную, в частности, для споров. По некоторым данным, в Иране в XVII в. насчитывалось 14 зороастрийских сект, в основном небольших общин. При этом многое из идей зороастризма было воспринято отдельными шиитскими сектами, как, например, исмаилитами. При Керим-хане Зендском, сменившем Надира, убитого в 1647 г., один из видных священнослужителей-парсов Каус прибыл в Йезд в связи с упоминавшимися выше религиозными спорами, возникшими среди жрецов-парсов по поводу календаря. Каус сумел убедить Керим-хана облегчить участь зороастрийцев, и они были освобождены от уплаты джизии. Но с конца XVIII в. к власти в Иране пришла династия Каджаров, просуществовавшая до 1925 г. По авторитетному свидетельству М. Бойс, «иранским зороастрийцам никогда не приходилось так плохо, как в начале периода правления Каджаров».

В те самые годы, когда парсы в Западной Индии успешно укрепляли свои не только религиозные, но и гражданские позиции и экономически процветали, зороастрийцы при первых Каджарах оказались в полной беззащитности. Власть была слабой, а толпы головорезов преследовали иноверцев. В середине XIX в. в Йезде, по некоторым подсчетам, жило всего около 7 тыс. и еще 1–2 тыс. зороастрийцев — в других районах Ирана (в Бомбее и других местах Индии парсов было в это время около 150 тыс.). Но иранские зороастрийцы не сдавались. Они восстанавливали разрушенные храмы священного огня и пользовались активной поддержкой парсов, посещавших Иран и стремившихся помочь им. Одному из таких визитеров удалось в конце XIX в. в очередной раз освободить огнепоклонников от выплаты джизии. В качестве благодарности иранские зороастрийцы обещали парсам больше не приносить в жертву коров и быков.

Вообще же после этого усилились связи иранских и индийских сторонников древнеиранского дуализма, что сильно укрепило позиции огнепоклонников в Иране. Как и в Индии, многие молодые иранцы, включая и сыновей священнослужителей, начали учиться в учебных заведениях западного типа. Росла и богатела столичная тегеранская община зороастрийцев, отличавшихся энергией и предприимчивостью.

Как и в Индии, в XX в. зороастрийцы в Иране стали в основном горожанами. В Йезде их жило уже около 10 тыс., много их было в Тегеране, где построили храм священного огня Адаран. Некоторые зороастрийцы стали членами меджлиса. Они сыграли существенную роль в решении меджлиса покончить с династией Каджаров в пользу нового шаха — Реза-хана Пехлеви.

ЗОРОАСТРИЙЦЫ И ПАРСЫ СЕГОДНЯ

XX век принес немало нового в развитие стран Востока. Это новое коснулось всех сторон жизни людей, в том числе и религии. Главным в ее реформировании было стремление приспособиться к быстро меняющимся обстоятельствам. Казалось бы, какое дело людям разных конфессий до того, что происходит в общинах иной религии? Оказывается, дело есть. И в тех случаях, когда компромиссы оказываются невозможными, возникают религиозные войны, как то случилось в момент обретения независимости Индии в 1947 г. между индуистами и мусульманами. Зороастрийцы и парсы были религиозным меньшинством в своих странах. И им компромиссы были необходимы, что было осознано еще до XX в. И они шли на вынужденные уступки.

Это наиболее наглядно проявилось на примере с жертвоприношением коров, которые издревле считались в Индии священными животными. Вначале и довольно долго парсы не считались с этим и совершали привычные для них жертвы. Но в XX в. и даже несколько ранее стало очевидным, что это вызывает резкое недовольство индуистов и грозит непредсказуемыми осложнениями с религиозным большинством страны. Дабы и без того не всегда спокойная ситуация не обострялась, парсы не только сами отказались от жертвоприношения коров и быков, но и побудили во многом зависевших от их помощи и содействия более отсталых и малочисленных иранских зороастрийцев сделать то же самое. Это один из примеров разумного компромисса в процессе реформирования древней религии, догматы которой не слишком от такой реформы пострадали. Другой пример более показателен и вызван был, видимо, много более серьезными и жесткими претензиями окружавшего сторонников древнеиранского дуализма подавляющего большинства.

Речь идет о традиционной практике захоронения покойников, столь важной и так тщательно отработывавшейся в иранской религии

на протяжении тысячелетий. В Иране под нажимом со стороны властей, включая шаха, была высказана претензия по поводу существования уже описанных башен для погребения (дахм). Последователям Зороастра было предложено хоронить своих покойников — как это везде делается — на кладбищах. И в 1937 г. тегеранские зороастрийцы открыли такое кладбище, где они хоронили своих покойников в могилах, тщательно покрытых изнутри внушительным слоем цемента. Сохранив таким образом свои принципы и не оскверняя ни одну из чистых стихий, тегеранские зороастрийцы отказались от своих дахм. Позже, через несколько десятилетий, это же сделали в Йезде и в других местах, где имелись общины огнепоклонников. Произошла даже не реформа, а почти революция. То же самое с начала XX в. стало происходить в перенаселенном Бомбее, где одно время был даже поставлен вопрос об использовании крематория, от чего парсы, правда, отказались.

Другим существенным новшеством XX в. был упадок, причем очень заметный, роли священнослужителей. В Иране большая часть молодого поколения огнепоклонников покинула священный центр в Йезде и поселилась в Тегеране с его университетами и большими возможностями для служебной карьеры. Этот процесс привел к ослаблению влияния священнослужителей и к упразднению поста главы их дастуран-дастура. Зороастрийская община в Тегеране в результате потеряла прежний ярко окрашенный религиозный облик и практически превратилась в светскую организацию, игравшую ту же роль, что и панчаят парсов в Бомбее. Следствием этого процесса было то, что многие обычаи и религиозные обряды стали постепенно отмирать, причем среди парсов, оказавшихся после раздела Индии 1947 г. в Пакистане (их там несколько тысяч), вынужденный отказ от многого привычного шел быстрее, чем где-либо. Одним из результатов новых веяний и реформ была эмиграция парсов и — в меньшей степени — иранских огнепоклонников. Эмигранты крепко держатся на новых местах за свои общины, наладили регулярные международные конгрессы зороастрийцев, поддерживают активные контакты и играют немалую роль в торговле и предпринимательстве тех (преимущественно западных) стран, где они осели. Заслуживает внимания то обстоятельство, что, хотя в ходе контактов и на конгрессах обычно обсуждается немало вопросов религиозного характера, что, собственно, и продолжает спланивать потомков сторонников древнеиранского дуализма в нечто единое, в целом перед нами

уже люди, для которых религия не самое главное в их повседневной жизни. Религия является своего рода пока еще достаточно прочной, но все же лишь некой оболочкой, которая связывает между собой земляков, выходцев из одной очень древней страны.

Закljučая рассказ о зороастризме, необходимо заметить, что это учение как одна из развитых религиозных систем древнего мира занимает особое место в истории религий. Несмотря на отчетливо выраженный дуалистический характер доктрины, к которому сводится вся ее квинтэссенция, значение зороастризма состоит, во-первых, в выдвижении на передний план этического идеала и, во-вторых, в том, что в его дуалистической структуре на первом месте был резко отделившийся от всех остальных верховный бог-творец Ахура-Мазда. Возвышение и возвеличение бога-творца, высшего символа Света и Добра, было в общем контексте истории религий важным шагом на пути к монотеизму.

Все ранние религии и почти все древние религиозные системы были политеистическими, а существование и почитание верховного божества, своего рода первого среди равных, не мешало господству политеизма как идейно-структурной основы религиозного мировоззрения, что хорошо видно на примере и американских, и ближневосточных, и индоевропейских верований. Правда, тенденция к структурным сдвигам в сторону монотеизма уже намечалась, причем совершенно логично. Прежде всего она ощущалась там, где имелись прочные традиции централизованного государства во главе с обожествленным правителем, свидетельством чему была неудавшаяся реформа фараона Эхнатона. По-своему эта тенденция проявилась и в древнем Иране, где дуалистическая структура, выросшая на фундаменте политеизма, была своего рода вариантом монотеизма и, во всяком случае, важным шагом в его сторону.

Резюмируя, следует заметить, что идея монотеизма в ближневосточной древности носилась в воздухе. Рано или поздно, но она должна была реализоваться. В этом смысле реформы Эхнатона и зороастризм можно считать вариантами общего поиска. Наиболее же удачная, оптимальная с точки зрения результатов модель монотеизма была разработана сравнительно небольшой и находившейся на невысоком уровне развития этнической общностью древних евреев, бывшей одним из ответвлений семитских пастушеских племен.

Глава 12

Ветхозаветный иудаизм*

- Древние евреи и культ Яхве (Иеговы) • Евреи в Палестине*
• *Монотеизм иудеев • Космогония и мифология Ветхого Завета*
• *Нормы повседневного поведения • Иерусалимский храм. Жрецы и пророки • Гибель храма и изгнание евреев*

Из развитых религиозных систем, о которых пойдет речь далее, большинство возникло в эпоху осевого времени или несколько позже и отличается теми особенностями (существование пророков, мастеров теоретического мышления и индивидуальной интерпретации с углублением в теоретические рассуждения), которые этому времени были свойственны. Однако это не означает, что такие системы были сущностно однотипны. Напротив, все они достаточно четко подразделяются на два разряда: на те, где существует богатый пантеон, что было характерно для всех ран-

* Термин «Ветхий Завет» хорошо известен и являет собой — в отличие от «Нового Завета» — не просто древнюю, но именно иудейскую часть Библии. Этот термин часто и резонно употребляют христиане, да и многие другие читатели Библии, дабы отличать иудейский текст от христианского — при всем том, что христиане свято чтут и иудейскую часть священной книги книг. Иудеи же, напротив, термин «Ветхий Завет» не употребляют по той простой причине, что не признают христианского «Нового Завета». Для них «Ветхий Завет» это и есть Библия. Поэтому название главы с точки зрения правоверного иудаизма выглядит несколько некорректно. Однако зато оно до предела понятно всем, ибо выявляет главный смысл того, о чем будет идти речь.

них и развитых систем, не имевших отношения к осевому времени (это так называемый политеизм), и на системы совершенно иного типа, монотеистические, где нет пантеона, но есть лишь один Бог. Таких систем немного, всего три.

Все три монотеистические религиозные системы, известные в истории мировой культуры, концептуально связаны друг с другом, восходят к одной и той же ближневосточной зоне, а также обязаны своим существованием в конечном счете одной и той же, хронологически первой из них религии древних евреев, иудаизму. Об иудаизме написано много. Эта религия со всеми ее догматами и обрядами, богатой историко-культурной традицией, зафиксированной в священных текстах, очень обстоятельно исследовалась специалистами. Впрочем, это не означает, что абсолютно все в ней ясно. Сложность в том, что, хотя огромная часть Библии, Ветхий Завет, посвящена практически исключительно истории иудеев и их религии, иудаизма, не вполне ясно, что в этом собрании книг заслуживает доверия, а что является вольной интерпретацией реальных событий либо даже последующим полулегендарным осмыслением их, не говоря уже об очевидной мифологии с ее чудесами и красочными приключениями. И очень похоже на то, что библеистика или гебраистика (история древних евреев), долго еще будет очень насыщенной неясностями, хотя и весьма актуальной отраслью знания. Но мы не станем вдаваться в подробности и начнем с того, как, когда и почему появилась сама идея о едином великом Боге.

Вообще-то нет ничего удивительного в том, что монотеистическая религия сложилась в ближневосточной зоне, где ранее всего появились древнейшие очаги цивилизации и где еще в III тысячелетии до н. э. сформировались достаточно развитые первые религиозные системы. Неудивительно и то, что именно здесь раньше других возникла такая система, в рамках которой весьма отчетливо проявилась тенденция противопоставления высшего божества (иранского Ахура-Мазды) его антиподу, прообразу будущего дьявола (Ангро-Майнью). И хотя религия иранцев не была монотеистической, ибо в ней помимо Ахура-Мазды существовали и другие боги, явственно выраженный дуализм этой системы был серьезным шагом на пути к монотеизму.

Следует также принять во внимание то немаловажное обстоятельство, что именно в этом регионе планеты существовали древнейшие в истории централизованные деспотии, в первую очередь Египет, а затем Вавилония, Ассирия и особенно персидская империя

Ахеменидов, где доведенные до высшего уровня идеи абсолютной власти и непоколебимого суверенитета обожествленного правителя не только могли, но и должны были привести к монотеизму. Но этого, как известно, не случилось. Почему же? Скорей всего потому, что потерпела неудачу первая попытка такого рода, реформа Эхнатона.

Дело в том, что иранский дуализм долгие века находился на отдаленной периферии ближневосточного мира и не сумел сыграть существенной роли в подготовке правителей империи Ахеменидов к идее монотеизма. В их умах иранский дуализм занимал не слишком большое место. Что же касается египетских фараонов (не говоря уже о правителях Вавилонии или Ассирии, возглавлявших свои империи лишь в недолгий период их реального могущества), то хотя их подданные вполне определенно видели в своем повелителе высший божественный символ, олицетворявший всю разросшуюся этнокультурную и социально-политическую общность, он в их глазах был все же не богом, а лишь сыном бога, что далеко не одно и то же. В лучшем случае исключительная в своем роде концентрация земной власти могла привести к мысли, что и на небесах, т. е. в мире сверхъестественных сил, структура власти являла собой нечто подобное. Именно такие предположения должны были способствовать вызреванию идеи монотеизма. Но тенденция к реализации этой идеи в Египте потерпела крах. Одной этой тенденции и даже попытки ее реализовать оказалось недостаточно.

Религия, как уже говорилось, — автономная система. Ее развитие во многом зависит от сложившихся в ней издревле норм и подчинено силе инерции консервативных традиций. Активно функционируя с целью сохранения существующей системы, привычные нормы и консервативные традиции обычно стоят на страже статус-кво, так что новые религиозные системы сравнительно легко могут заменить устаревшие лишь при исключительных обстоятельствах, в критических ситуациях, сопровождающихся коренной ломкой устоявшейся структуры. При этом нельзя сбрасывать со счетов ту силу, на которую может опереться в своих реформах, включая и религиозные, всевластный деспот типа фараона. Фараон Эхнатон такой силой явно не обладал, а дискредитация его реформ окончательно подорвала ту идейную базу, на которую мог бы опереться кто-либо еще в своих попытках заменить единым божеством культы могущественных и ревниво соперничавших друг с другом древнеегипетских богов и стоявших за ними влиятельных жрецов.

Как бы то ни было, но именно там, где логичнее всего было бы ожидать появления монотеизма, противодействие давно сложившейся и прочно укрепившейся религиозной системы, опиравшейся на мощный пласт традиций, не позволило ему утвердиться. Зато идея монотеизма была подхвачена и развита небольшим полукочевым семитским племенем древних евреев, оказавшимся на какое-то время в контакте с великой империей фараонов. Оставив пока в стороне вопрос о том, сыграл ли этот контакт какую-либо существенную роль в рождении и, главное, реализации идеи монотеизма у древних евреев, ознакомимся вначале с этим народом более обстоятельно.

ДРЕВНИЕ ЕВРЕИ И КУЛЬТ ЯХВЕ (ИЕГОВЫ)

История древних евреев и процесс формирования их религии известны, как о том уже шла речь, в основном по материалам Библии, точнее, ее наиболее древней части — Ветхого Завета. Тщательный анализ библейских текстов и всей ветхозаветной традиции дает основание заключить, что в начале II тысячелетия до н. э. евреи, как и многие другие родственные им семитские племена Аравии и Палестины, были политеистами, т. е. верили в различных богов и духов, в существование души (полагая, что она материализуется в крови), и, видимо, сравнительно легко включали в свой пантеон божеств других народов, особенно из числа завоеванных ими. У каждой группы этой этнической общности в то далекое время существовали свои божества, символические фигурки-фетиши которых — терафимы — ими высоко почитались и тщательно хранились, о чем есть упоминания и в Библии. Вероятно, этим божествам, как то бывает в подобных случаях, регулярно приносились жертвы, что помимо отраженных в фетишах фигурках *своих* божеств у этнической общности древних евреев едва ли не с самого начала их исторического пути был, если верить сказаниям Ветхого Завета, главный Бог, Яхве, к которому апеллировали в первую очередь. Предание сохранило представление о том, что в весеннюю пору евреи выбирали двух козлов, одного из которых приносили в жертву своему Богу, а другого выгоняли в пустыню, возлагая на него все свои накопленные за год грехи. Это был так называемый «козел отпущения», а сам ритуал впоследствии слился с праздником Пасхи, т. е. исхода евреев из плена египетского.

Не исключено, что Яхве был вначале богом или обожествленным предком одного из колен (родственных групп) иудейского народа.

Позже его культ стал постепенно выходить на первое место, оттесняя других и оказываясь в центре внимания всего еврейского народа. В результате древние мифы о легендарном праотце евреев Аврааме, о его сыне Исааке, внуке Иакове (позже его часто называли другим именем — Израиль) и двенадцати сыновьях последнего, по числу которых, как стало считаться со временем, еврейский народ и разделился на двенадцать колен, приобрели довольно заметный монотеистический оттенок: Богом, с которым непосредственно имели дело эти патриархи, советам которого они внимали и по указанию которого поступали, стал считаться один и тот же — Яхве. Почему же Яхве удалось, пусть не сразу, стать единственным Богом древних иудеев?

Библейская ветхозаветная традиция повествует о том, что при сыновьях Иакова все евреи (вслед за попавшим в Египет сыном Иакова Иосифом) оказались в долине Нила, где они были радушно встречены благоволившим к мудрому Иосифу (ставшему министром) фараоном. После смерти Иосифа и его братьев все двенадцать колен евреев продолжали еще несколько веков жить в Египте, однако жизнь их с каждым поколением становилась все более тяжелой. Евреи не только не адаптировались, но, напротив, довольно резко отличали себя от египтян, крепко держась за свои традиционные религиозные представления. И тут — опять-таки опираясь на текст Ветхого Завета — мы снова встречаемся с Яхве, который стал помогать избранному им, но не любимому в Египте народу. Яхве послал на египетскую землю напасти, которые служили явным предостережением фараону. А с рождением Моисея (в колене Левия) еврейский народ обрел своего вождя, подлинного мессию, который сумел вступить в непосредственный контакт с Яхве и, следуя его советам, вывел евреев из «плена египетского» в «страну обетованную», т. е. в Палестину.

Согласно библейским сказаниям, Моисей был первым еврейским законодателем. Именно ему принадлежат знаменитые и хорошо знакомые людям десять заповедей, начертанные на скрижалях по повелению Яхве. Похоже, что именно с того времени, когда признанный пророк всех евреев Моисей взял в свои руки руководство ими, иудаизм как религия этого народа стал обретать свои основные формы, главная суть которых сводилась к элементарной формуле «взаимоотношения между евреями и их Богом — основа основ существования этого народа». Как то известно из Ветхого Завета, с помощью различных чудес (мановением руки он заставил отступить море, и

по этому проходу прошли евреи, преследовавшие же их египтяне утонули в волнах вновь сомкнувшегося моря; жезлом великий пророк высек воду из скал посреди пустыни, он же обеспечил голодающих беглецов манной небесной и т. п.) Моисей спас евреев от гибели во время долгого и трудного пути из «плена египетского» в «землю обетованную», обещанную Господом. Поэтому он справедливо считается отцом иудейской религии, иногда даже называемой по его имени мозаизмом.

Многие серьезные исследователи отмечают, что в исторических документах, в частности древнеегипетских, нет прямых данных, подтверждающих эту легендарную традицию, и что вся версия о египетском плене и исходе евреев из Египта в Палестину сомнительна. Сомнения эти небезосновательны. Но следует учесть скудость древних источников и принять во внимание, что масштабы и значение всей этой тщательно описанной в библейских сказаниях истории могли быть со временем значительно преувеличены и ярко разукрашены. Не исключено, что небольшое семитское племя действительно оказалось в Египте либо близко от него, прожило там ряд веков, затем покинуло эту страну (может быть, даже вследствие конфликта), унеся с собой немало из культурного наследия долины Нила. К числу элементов такого культурного наследия в первую очередь следовало бы отнести, видимо, древнеегипетскую тенденцию к формированию монотеизма.

Не имея прямых доказательств, специалисты обращают внимание на косвенные свидетельства того большого влияния, которое оказала египетская культура на идейно-доктринальные принципы евреев, зафиксированные в Библии. Так, например, библейская космогония (первоначальная водная бездна и хаос; витающий в небе дух; сотворение духом из бездны и хаоса света и тверди) едва ли не буквально повторяет основные позиции египетской космогонии из Гермополя (древнеегипетская религия была знакома с несколькими вариантами космогонии). Еще более наглядные и убедительные параллели ученые зафиксировали между знаменитым гимном богу Атону времен реформатора Эхнатона и 103-м псалмом Библии: оба текста, как на то, в частности, обратил внимание М. А. Коростовцев, почти в одинаковых выражениях и в идентичных контекстах славят великого единого Бога и его премудрые деяния. Эти свидетельства выглядят весьма убедительно. Как знать, может быть, идеи реформатора действительно оказали воздействие на концептуальные представления небольшого

народа, находившегося где-то рядом с Египтом (если даже не под его властью) в середине II тысячелетия до н. э.?

Если все это могло быть так или хотя бы приблизительно так, как то предполагают некоторые маститые авторы, например З. Фрейд, то вполне вероятна и возможность появления в их среде своего реформатора, пророка, харизматического лидера, впоследствии столь красочно описанного в Библии под именем Моисея, которому пришлось не только вывести евреев из Египта, но и кое-что изменить и подправить в их верованиях, решительно выдвинув на передний план Яхве, приписав именно ему реформы и законы, сыгравшие позже столь существенную роль в жизни евреев, их общества, государства, религии. То обстоятельство, что впоследствии все эти деяния были окутаны в Библии ореолом мистики и чудес и приписаны непосредственным связям с Яхве на священной горе Синай, никак не противоречит возможности реального существования реформатора типа пророка-мессии, который мог сыграть действительно важную роль в истории иудейского народа и его религии. Словом, за легендарным образом Моисея, выведшего евреев из «плена египетского» и давшего ему «законы Яхве», вполне может скрываться реальный процесс постепенной трансформации древнееврейского политеизма в монотеизм. Тем более что легендарный «исход» евреев и появление их в Палестине приходятся как раз на те самые XIV–XIII вв. до н. э., когда Египет только что пережил радикальные преобразования фараона Эхнатона. Остается не вполне ясным лишь одно: почему то, чего не удалось добиться в империи, вроде бы уже внутренне готовой к восприятию идеи единого Бога, оказалось реальностью в истории небольшого народа, не имевшего даже своего государства? Это представляет волнующую загадку.

ЕВРЕИ В ПАЛЕСТИНЕ

Но вернемся к исторической реальности. Завоевав Палестину (Ханаан) и жестоко расправившись со значительной частью ее населения (в Библии красочно описываются завоевания иудеев, которые, с благословения Яхве, безжалостно уничтожали целые города и опустошали плодородные области этой благодатной части ближневосточного региона), древние евреи осели в этой стране, перешли к земледельческому образу жизни и через несколько веков создали здесь свое государство. Немалое влия-

ние на развитие их культуры — возможно, также и религии — оказали традиции древних палестинских семитских народов, отныне включенных в состав еврейского государства.

Сначала древнееврейское протогосударственное образование возглавлялось судьями, которые, если верить Библии, назначались из наиболее достойных евреев самим Яхве. Скорей всего, это были люди, избравшиеся все же самими евреями или их старейшинами и призванные быть посредниками между народом и его Богом. Они еще не были царями и не имели не только аппарата власти, но и власти как таковой. Они опирались лишь на свой огромный авторитет, что характерно для многих обществ, находившихся накануне или в ходе процесса политогенеза.

В Книге Судей, включенной в состав Ветхого Завета, довольно подробно рассказывается, как захватившие Палестину евреи перестали слушаться Яхве, и «стали служить Ваалу и Астартам», т. е. сблизилась с ханаанейскими обитателями этой земли, финикийцами и сирийцами. Недовольный этим Яхве наказал евреев, передав их на 8 лет под власть одного из месопотамских правителей. И тогда «возопили сыны Израилевы к Господу», и он откликнулся на их мольбы и поставил над ними судьей Гофонила, после чего на 40 лет восстановилось спокойствие. Однако по смерти судьи иудеи вновь перестали слушаться Яхве и опять на 18 лет попали под власть чужого властителя. Яхве снова помог им, послав Аода, избавившего их от тирана. Но после смерти Аода евреи опять перестали слушаться Яхве, и снова он отдал их в руки чужого жестокого правителя. И снова «возопили сыны Израилевы к Господу».

Так продолжалось, если верить всему тому, о чем сказано в Книге Судей, довольно долго. Видимо, авторитета судей было недостаточно для того, чтобы добиваться успеха за успехом. И иудеи чаще терпели неудачи, хотя у них были такие мужественные силачи, как Самсон, и такие мудрые пророчицы, как Девора, а наиболее удачливые судьи, как Гедеон, разрушали жертвенники Ваала и ставили жертвенник Господу. Словом, много было у них войн и много поражений. А все потому, что, как сказано в заключительной фразе Книги Судей, «в те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым».

Из Книги Судей мы вправе заключить, что после смерти Моисея и его преемника Иисуса Навина, которые выводили евреев из плена египетского и чей авторитет был безусловен, оказавшиеся в Палестине

иудеи лишились признанных вождей и после первых успехов стали терпеть поражения, подпадая под власть то одного, то другого правителя сирийско-финикийского региона. Люди, которые именуются в книге судьями, были авторитетными деятелями, умудряясь сохранять порядок и власть над евреями. Однако они не были великими пророками, и после смерти каждого из них все начиналось сначала. Практически сказанное означает, что иудеи (а их в это время было уже много: в одном из рассказов книги упоминается о 400 тыс.), нуждались в создании хорошо организованного государства. Обычно процесс политогенеза именно к этому и вел. Но в рассказах Библии, как то легко понять, все делалось по воле Господа, что сильно влияло на обычную норму. В 1-й книге Царств, также включенной в Ветхий Завет, сказано, что только после появления у евреев пророка Самуила старейшины Израиля обратились к Яхве с просьбой дать им царя. И, откликаясь на просьбу, Яхве сказал Самуилу: «Поставь им царя». И Самуил, внемля совету и прислушавшись к конкретной рекомендации Яхве, помазал елеем голову Саула.

В тексте нет ни слова о заслугах этого молодого, высокого роста и красивого человека, который вначале даже прятался, узнав о предложенной ему участи. Но так как это была воля Яхве, Саул стал царем. Показательно, что пророк Самуил при этом оставался куратором юного царя и время от времени давал ему советы, больше напоминающие приказы. Саул, однако, оказался недостаточно послушным, чем прогневал Господа, который решил отставить его от должности. После этого по повелению Яхве тот же Самуил помазал на царствование Давида. Далее в книге явно нарушается строгая логика изложения, ибо Давид, уже вроде бы помазанный на царство вместо Саула, оказывается слугой Саула. В этот момент случилась война с филистимлянами — та самая, в которой храбрый Давид в единоборстве одолел с помощью пращи великана Голиафа. Саул испугался юного Давида и захотел убить его, после чего Давид долго скрывался. Тем временем скончался Самуил, и Саул прибегнул к помощи колдуньи, которая вызвала дух скончавшегося, которому Саул пожаловался, что Господь отступился от него. На это дух заметил, что таково решение Яхве: Саул и его сыновья погибнут, а царем станет Давид. После этого филистимляне одолели войско Саула, а сам он и трое его сыновей покончили с собой.

2-я книга Царств начинается с описания оплакивания Давидом Саула и воцарения Давида, чья власть укрепилась после поражения

филистимлян и взятия Иерусалима. Давид правил иудеями долго и успешно. Ему принадлежит, согласно традиции, также авторство многих псалмов в честь Яхве, собранных в Псалтыре, который тоже является одной из книг Ветхого Завета. А после смерти состарившегося Давида царем евреев стал его сын, мудрый Соломон, о деятельности которого подробно рассказано в 3-й книге Царств. В частности, именно он построил на высоком холме Сион Иерусалимский храм. Созданный примерно в X в. до н. э. из крепкого камня и ливанского кедра, этот храм представлял собой впечатляющее сооружение. Центральное место в нем занимал священный ковчег с двумя каменными скрижалями Моисея, который был символом Господа. Строительство храма легло тяжелым бременем на народ, и некоторые авторы предполагают, что именно с этим был связан распад еврейского государства после Соломона на две части — Израиль на севере (уничтожен в 722 г. до н. э. Ассирией) и Иудею на юге*.

Власть царей в обоих государствах была слабой, но зато большим авторитетом и влиянием пользовались в Иудее жрецы Иерусалимского храма и различного рода «слуги божьи», назореи («святые» люди) и пророки, выступавшие с обличением несправедливостей и социального неравенства, становившихся все более заметными по мере развития общества. Эти «слуги божьи», равно как и пророки, видели спасение от всех бед в исступленном культе великого Яхве, в уповании на его милость и волю.

Иерусалимский храм с течением времени, особенно после реформ иудейского царя Иосии в 622 г. до н. э.**, стал не только центром,

* Из текста Ветхого Завета следует, что развал царства Соломона был своего рода наказанием Яхве за непослушание, в частности за поклонение идолам под влиянием чужеземных жен Соломона. В 3-й книге Царств сказано, что у любвеобильного царя было семьсот жен и триста наложниц. Здесь же упоминается о визите к Соломону царицы Савской. А в очень небольшой — на десяток страниц — Книге Песни песней Соломона воспроизведен поэтический гимн любви, связанный с воспеванием возлюбленной Соломона Суламифи.

** Считается, что многое из этих реформ нашло отражение в пятой книге Пятикнижия, Второзаконии. Суть этой книги и заложенных в нее норм сводится к укреплению разницы между теми, кто принял законы Яхве, и всеми остальными. Она сыграла важную роль в последующие годы, когда Пятикнижие составлялось заново и принимало современную форму.

но и практически единственным местом, где совершались ритуалы и жертвоприношения в честь Яхве. Остальные святилища и алтари, равно как и культы других древнееврейских и заимствованных евреями у завоеванных ими народов Ханаана богов, с начала I тысячелетия до н. э. постепенно отмирали. Только одному Яхве возносили теперь молитвы жрецы из колена Левия, т. е. потомки Моисея. Яхве был на устах у собиравшихся близ храма многочисленных пророков, чьи поучения были включены в Библию (в Ветхом Завете большая доля всех его частей и чуть меньше трети общего текста — это книги 16 пророков) и дожили до наших дней. При этом существенно заметить, что пророки соперничали с жрецами Иерусалимского храма, представляя собой нечто вроде оппозиции официальному курсу культа Яхве. В книгах пророков можно встретить идеи о Мессии, о грядущем пророке, который явится и спасет людей. Пророк Исайя связывал с этим моментом наступление царства всеобщей гармонии, когда волк мирно возляжет рядом с ягненком, а люди перекуют мечи на орала. Многие пророки в своих страстных речах выступали в защиту обездоленных. Словом, в известной мере можно сказать, что вся жизнь народа и политика государства концентрировались вокруг Яхве и Иерусалимского храма. Недаром и весь период древнееврейской истории до 586 г. до н. э., когда Иерусалим был завоеван Вавилонией, храм разрушен, а множество евреев во главе с жрецами и пророками были уведены в плен в Вавилон, называется периодом Первого храма.

Период Первого храма — эпоха наращивания мощи жрецов и усиления культа Яхве. Уже тогда сложились те основы иерократии (власти духовенства) и теократии, которые отчетливо проявили себя позже, в период Второго храма. После завоевания Вавилонии персидским царем Киром II евреям в 538 г. до н. э. разрешили возвратиться в Иерусалим, а храм был отстроен заново. Жрецы его утопали в роскоши. Со всех концов страны к ним стекались обильные подношения. В период Второго храма еще резче и последовательнее, чем прежде, стал осуществляться очищенный от наслоений прошлого культ единого и всемогущего Яхве. Жрецы храма, практически забравшие в свои руки всю власть в стране, энергично боролись против политеистических пережитков и суеверий. В частности, они запретили изготовление любых идолов.

МОНОТЕИЗМ ИУДЕЕВ

Применительно к этому времени у нас уже есть все основания считать религию древних евреев монотеизмом. Встает вопрос: что же это такое — вера в единого Бога? Начнем с того, что монотеизм — явление историческое. Возник он далеко не сразу, но формировался постепенно под влиянием, можно сказать, исключительных обстоятельств. Эти обстоятельства нашли свое отражение в Ветхом Завете, но они покрыты густой паутиной красочных легенд и потому далеко не очевидны. Дело в том, что хотя Библия как сумма священных книг начала комплектоваться еще на рубеже II—I тысячелетий до н. э. (первые записи относятся примерно к IX в. до н. э.), монотеистические тенденции, призывавшие видеть только одного Господа для всех и считать этим Богом именно Яхве, стали, причем отнюдь не сразу, проявляться в книгах пророков, деятельность которых приходится на период Первого храма, в основном на VIII—VI вв. до н. э.

Здесь стоит подчеркнуть, что главная сущность монотеизма как формы развитой религиозной системы отнюдь не в том, что данный народ признаёт одного Бога главным или даже единственным. Суть монотеизма в том, что нет и не может быть иного Бога, кроме того, что признаём мы. Но мало этого. Наш Бог готов принять и признать всех, кто придет к нему, отвернувшись от своих прежних божеств. Эта идея звучит в Книге пророка Исайи, да и в других. Это логично и даже само собой разумеется. И все-таки в случае с монотеизмом евреев — в отличие от производных от него монотеистических религий христианства и ислама, добившихся в мире гораздо больших успехов, — едва ли не главной составной частью было и еще одно немаловажное условие: евреи всегда были и навсегда останутся любимым и особо отмеченным Богом народом. Конечно, они вели себя по отношению к Яхве подчас бесцеремонно и, чуть что, не подчинялись его воле. Но Господь великодушен и от своего решения, принятого, если верить легендам, на заре истории, еще при Аврааме, он никогда не отступится. Поэтому монотеизм иудеев особенный. Он возник как религия евреев и всегда оставался именно таким — при всем том, что на протяжении тысячелетий некоторые народы, имевшие свою государственность, как, например, Хазария, воспринимали эту религию. Здесь следует сказать еще об одном крайне важном обстоятельстве.

Монотеистические идеи древних евреев во многом опираются на идею завета, т. е. договора, соглашения, которая является едва ли не квинтэссенцией всей красочной мифологии евреев и особенно всех тех чудес, которые связаны с темой исхода из Египта. Эта идея необычна для любой иной религиозной системы, в которой боги имеют биографию, семью, нередко многочисленную, и человеческие по типу элементы поведения, включая междоусобные войны, жалобы на бытовые неудобства (народ поднимает много шума, не стоит ли устроить потоп?) и т. п. Яхве иной. Он не имеет ни биографии, ни семьи. Он не имеет даже видимого облика, хотя и может обратиться в горящий куст, чтобы побеседовать с перепуганным Моисеем, или в огненный смерч, дабы облегчить бегущим из Египта евреям путь ночью. Вообще эта связь Яхве с огнем показательна и напоминает зороастризм, у которого многие иудейские жрецы, будучи в Вавилоне, черпали свою мудрость. Но речь сейчас о другом: Яхве не похож на других богов с их, как бы это выразиться, нормальными связями.

Его ворчливое раздражение и многочисленные, часто мелочные требования к опекаемому им народу близки к тем, что предъявляются к супругу. Иными словами, перед нами нечто вроде священного брака, но не божественного, а вертикального: Бог–народ. Собственно, эта аллегория не только объясняет тот знаменательный факт, что отношения между Яхве и избранным им народом построены по типу завета, но и лишний раз поясняет, что такое монотеизм в его самом первом, самом раннем, только-только складывавшемся виде. Яхве весьма равнодушен к своему народу, он любит его и за то многое ему прощает. А народ, как любимая женщина, позволяет себе во взаимоотношениях с Яхве немало вольностей и даже едва ли не измен.

Вся эта специфика взаимоотношений евреев с Господом запечатлена, как уже говорилось, в Ветхом Завете, редакция общего свода которого датируется периодом Второго храма. Считается, что именно вавилонский плен дал мощный толчок написанию входящих в Завет книг: увведенные из Иерусалима жрецы не имели более забот по обслуживанию храма и вынуждены были сосредоточить свои усилия на переписывании и редактировании свитков, на составлении новых текстов. После возвращения из плена эта работа была продолжена и в конечном счете завершена. Как она выглядит?

Ветхозаветная часть Библии состоит из трех с лишком десятков различных по объему книг. Во-первых, это знаменитое Пятикнижие, приписываемое Моисею. В книге первой (Бытие) рассказывается о

сотворении мира, об Адаме и Еве, Всемирном потопе и первых древнееврейских патриархах, наконец, об Иосифе и египетском плене. Книга вторая (Исход) повествует об исходе евреев из Египта, о Моисее и его заповедях, о начале организации культа Яхве. Третья (Левит) представляет собой свод религиозных догм, правил, ритуалов. Четвертая (Числа) и пятая (Второзаконие) посвящены истории евреев после египетского плена. Пятикнижие (по-еврейски — Тора) было наиболее почитаемой частью Ветхого Завета, причем впоследствии именно толкование Торы вызвало к жизни многотомный Талмуд и легло в основу деятельности раввинов во всех еврейских общинах мира, о чем более подробно будет идти речь в следующей главе.

Кроме Пятикнижия в Ветхом Завете собраны книги судей, царей и пророков, а также несколько других сочинений — сборник псалмов Давида (Псалтырь), Песнь песней Соломона, Притчи Соломоновы, книги Иова, Екклесиаста и др. Различна ценность этих книг, подчас несравнимы их известность и популярность. Однако все они почитались священными и изучались многими сотнями миллионов людей, десятками поколений верующих, притом не только евреев, но и христиан.

КОСМОГОНИЯ И МИФОЛОГИЯ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Библия — прежде всего церковная книга, воспитывавшая у читателей слепую веру во всемогущество Бога, в его всесилие, в творимые им чудеса и т. п. Ветхозаветные тексты учили евреев смирению перед волей Яхве, повиновению ему, а также говорящим от его имени жрецам и пророкам. Однако этим содержание Библии далеко не исчерпывается. В ее текстах немало глубоких раздумий о мироздании и первоосновах бытия, об отношениях между людьми, о моральных нормах, социальных ценностях и т. п., что обычно встречается в каждой священной книге, претендующей на изложение сути того или иного вероучения. В основном эти раздумья помещены в так называемое Моисеево Пятикнижие т. е. в высоко почитаемую евреями Тору. Внимательное знакомство с содержанием этой части Ветхого Завета, в принципе достаточно известной едва ли не всем, покажет, во что именно верили древние евреи, что составляло основу их представлений о мироздании и нормах поведения, как выглядела — разумеется, в возвышенно-легендарном изложении — история их народа.

Самой главной и наиболее насыщенной интереснейшей информацией, в основном легендарного характера, является книга Бытие, с которой начинается Библия. Космогония иудеев, изложенная в первой главе этой книги, исходит из того, что вначале был только Бог, и именно он, выступая в функции демиурга, создал все в мире. На создание мира Бог потратил всего шесть дней. Сперва он сотворил небо и землю, но земля была пуста и вроде бы представлена только водой, к тому же все было во тьме. Бог сказал: «Да будет свет!» И появился свет, противопоставленный тьме. Тем завершился первый день творения. Затем Господь во второй день творения создал твердь земную. В третий день он отделил сушу от морей и создал растения, в четвертый — создал на небе светила, включая солнце, луну и звезды. Пятый и шестой день ушли на создание живых существ — животных, птиц, рыб и прочих тварей, которым Господь велел плодиться и размножаться. А завершил шестой день Бог созданием человека по своему образу и подобию. Были созданы из праха земного мужчина, а из его ребра — женщина, и Бог, вдохнув в них душу, велел им плодиться и размножаться, а также господствовать над всей живой природой. Жить же первым людям он определил в райском месте, в Эдеме, наказав есть плоды от всякого дерева, кроме одного — познания добра и зла. В седьмой день уставший Бог отдыхал. И благословил он этот день, который у евреев считается священной субботой (шабад).

Но только Бог удалился на отдых, как появился змей-искуситель и стал уговаривать женщину отведать плодов запретного дерева. Она съела и мужу дала. Оба они прозрели и устыдились своей наготы. И узнал о том Господь, и разгневался он на женщину, завещав ей в муках рожать детей. И осудил мужчину, обрек его на тяжелый труд («в поте лица своего будешь есть хлеб»). Затем, прокляв змея-искусителя, Бог изгнал Адама и Еву из рая. Далее идет рассказ о потомках Адама и Евы: вначале это были Авель и Каин, причем земледelec Каин убил скотовода Авеля, затем Ева родила Сифа (как бы взамен Каина), затем оба сына обзавелись женами (о том, когда их родила Ева, если это была она — но кому же еще? — не сказано) и многочисленным потомством. А потом начинается нечто вовсе невообразимое: сыны Божии (кто такие? откуда они взялись?) стали брать себе в жены дочерей человеческих. В мире возникли путаница и разврат, Господь раскаялся в том, что создал людей, выделил из всех праведного Ноя, велел ему построить ковчег и взять с собой вся-

кой твари по паре, после чего организовал великий потоп. Когда воды спали, уничтожив все живое, Ной со своим экипажем вышел из ковчега, а Бог заключил с ним новый договор. Главный пункт в нем был не проливать зря кровь человеческую и не есть никакую плоть, не выпустив из нее предварительно всю кровь. Много интересного содержится и далее в этом тексте.

Как выясняется, самое главное в первой книге ветхозаветных преданий — не те чудеса, которые являл сам Яхве, когда он, например, создавал твердь земную или лепил Еву из ребра Адама. Суть их в той чудодейственной связи, которую будто бы имел Яхве с покровительствуемым им народом, а также в той сверхъестественной мудрости, которой он будто бы щедро наделял избранных им патриархов и предводителей этого народа. Именно это в первую очередь было заложено в текст Бытия.

Вот первый патриарх евреев Авраам, чья жена Сарра уже на старости лет родила единственного сына Исаака, готов по первому слову Яхве принести ему в жертву своего первенца. И в награду за столь ревностное почитание и повиновение Господь благословляет Авраама, Исаака и все их племя. Вот сын Исаака Иаков, уже несущий на себе благословение Господне, преодолевает все сложности своего жизненного пути, добывает себе любимую жену Рахиль, умножает свои стада, обзаводится большой семьей и огромным имуществом. Вот прекрасный Иосиф, любимый сын Иакова от его любимой жены, преданный своими завистливыми братьями, попадает в рабство в Египет. Но Яхве бдительно следит за его судьбой: фараону снится вещий сон, будто на берег выходят семь тучных коров, за ними — семь тощих, тощие набрасываются на тучных и пожирают их. Фараон требует, чтобы ему растолковали смысл сна, но никто не в состоянии сделать это, пока не вспоминают о сидящем в темнице оклеветанном Иосифе, который к тому времени уже получил известность в этой области. Иосиф объясняет смысл сна: придут семь урожайных лет, затем — семь неурожайных; нужно вовремя подготовиться, принять меры. Обрадованный фараон делает Иосифа министром, после чего братья, в голодные неурожайные годы прибывшие за милостыней в Египет, признают свою вину, просят прощения и переселяются — числом вместе с семьями всего в семьдесят душ — в Египет.

Вторая книга Пятикнижия — Исход повествует о жизни иудеев в Египте и об уходе их оттуда. Вкратце суть проблемы была в том, что египтяне не очень жаловали размножившихся в их стране евреев.

А новые фараоны опасались увидеть в лице озлобленных и держащихся особо от египтян евреев нечто вроде пятой колонны. Поэтому власти приказали уничтожать еврейских младенцев мужского пола при их рождении. И когда в колене Левия родился красивый младенец, в будущем получивший от дочери фараона имя Моисей, его мать оставила сына в тростниковой корзине недалеко от того места, где купалась царевна. Дочери фараона понравился младенец. Она поняла, что это был еврейский мальчик, и взяла его на воспитание. А когда Моисей вырос (его выкормила мать, нанятая царевной в качестве няни), он стал на защиту справедливости, помогая угнетенным сородичам. И как-то у горящего тернового куста («неопалимая купина») явился к нему Яхве и позвал по имени. И сказал ему Бог, что видит «страдание народа моего в Египте». И поручил он Моисею вывести еврейский народ. А чтобы все поверили, Моисей должен был сказать евреям, что сам Сущий (Иегова), Господь их, послал его к ним с тем, чтобы вывести евреев из Египта в страну обетованную — Ханаан. А в качестве доказательства Бог дал Моисею несколько советов, как делать чудеса (жезл превратить в змея и обратно, воду — в кровь и т. п.).

Чудеса в Пятикнижии следуют за чудесами — и всё по милости Яхве, благословившего свой народ, наделившего его мудростью и бдительно следившего за его судьбой. И Моисей, после первой встречи чуть ли не регулярно консультировавшийся с Господом, заимствовавший у него заповеди и законы, получивший при его помощи и манну небесную, и воду из скалы, и многое другое, выполнил свое предназначение — не без борьбы с сопротивлявшимися ему, которых он убеждал с помощью всё новых чудес.

Яхве хранит свой народ и открывает ему все пути. С его благословения евреи обрушиваются на цветущие города Палестины, безжалостно уничтожают ее население и овладевают, наконец, землей обетованной, обещанной им Яхве. Правда, это дается нелегко: противник борется, временами даже одолевает — и тогда Господь посылает силача Самсона, который уничтожает врагов, мудрого отрока Давида, убивающего великана Голиафа, наконец, великого мудреца Соломона. И все они ведут народ от успеха к успеху. Правда, после Соломона менее мудрые правители привели народ к упадку, и за все неугодные Господу дела евреи были наказаны гибелью Иерусалима, храма и пленом вавилонским. Но слишком долго Яхве не мог сердиться — и за наказанием следовали прощения. С помощью Яхве

еврейский народ возвратился в Иерусалим, отстроил новый храм и вновь стал ревностно почитать своего Бога.

НОРМЫ ПОВСЕДНЕВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Итак, судя по первым двум книгам Пятикнижия (Торы), квинтэссенция Ветхого Завета в идее богоизбранничества и некоего священного договора, связывающего Бога с его народом. Бог един для всех — это великий Яхве. Но всемогущий Господь из всех народов выделил один, еврейский. Еще прародителю евреев Аврааму Яхве дал свое благословение, и с тех пор этот народ со всеми его успехами и неудачами, бедствиями и радостями, благочестием и неповиновением находится в центре внимания великого Бога. Характерно, что в период Второго храма, т. е. примерно с V в. до н. э., иерусалимские жрецы весьма строго следили за тем, чтобы евреи не вступали в брачные связи с иноплеменниками, с «необрезанными язычниками» (обряд обрезания, совершавшийся над всеми младенцами мужского пола на восьмой день их жизни и заключающийся в отрезании «крайней плоти», символизировал приобщение к народу иудейскому, к вере в великого Яхве).

Как и другие монотеистические религии, иудаизм не только резко выступал против многобожия и суеверий, но и был религией, не терпящей существования наряду с великим и единым Богом никаких других богов и духов. Отличительная черта иудаизма выражалась в его требовании исключительной веры во всемогущество Яхве; идея же этого всемогущества лучше всего, пожалуй, нашла отражение в Книге Иова, где рассказано о страданиях Иова, у которого Яхве, решивший провести своего рода эксперимент, отнял богатство, детей, здоровье и привел его к краю гибели, как бы испытывая, возропщет ли отличавшийся благочестием Иов, отречется ли он от великого и всеблагого Яхве. Долго терпел Иов, страдая и по-прежнему благословляя Господа. Но на краю гибели он не выдержал и возроптал. Господь через верных ему посланцев сурово осудил Иова за малодушие и неверие, за ропот и противодействие — и посрамленный Иов смирился, после чего Бог вернул ему здоровье и богатство, жена родила ему еще десятерых детей, а сам он прожил многие годы. Притча об Иове поучительна, причем не столько в плане богоборчества, которое в ней подчас искали отечественные атеисты, сколько в плане воспитания покорности и смирения,

умения не пасть духом в несчастье и начать все сначала, уповая на помощь всемогущего Яхве.

Яхве вмешивается во все, не забывая мелочей. В книге Исход накануне ухода из Египта он учит евреев, как праздновать Пасху и как поедать мясо ягненка во время этого праздника, когда и как потреблять пресные хлебцы. Там же он вместе с десятью заповедями напоминает, что следует помнить день субботний, когда не надлежит делать никаких дел. Яхве учит, чтобы не создавали для него идолов из драгоценных металлов, и напоминает, как должен выглядеть жертвенник его. Особо и с мельчайшими подробностями рассказано, как сделать скинию (шатер), жертвенник и ковчег, в котором будут храниться заповеди на скрижалях, какие подношения, в том числе ценности, следует подносить в качестве даров, как все оформлять. Даже о деталях одежды и о посвящении священников-жрецов, об изготовлении устройства для воскурений, о миро для помазания и о составе курений рассказано до предела подробно. Столь же подробны указания жрецам, как готовить животное к принесению его в жертву.

Много указаний социального и экономического характера. Купленный раб должен работать на хозяина не более шести лет, после чего он должен быть отпущен на волю. Не следует брать процентов с денег, данных бедному соотечественнику. Господь дает много пищевых запретов и рекомендаций. Трижды в году следует праздновать в честь Яхве, причем кровь жертвенного животного следует сливать аккуратно, чтобы не попасть куда не надо. Не следует также варить козленка в молоке его матери. Остатки растерзанного зверем животного есть нельзя. Нельзя потреблять кровь, ибо в ней душа всего живого.

В книге Левит тоже идет речь о различных жертвах Господу (по разным поводам). Здесь же указания жрецам, как поступать с жертвой в зависимости от случая, как одеваться во время жертвоприношения. Особо дано указание о том, какие животные чистые и какие нечистые. К чистым относятся большинство парнокопытных, к нечистым — верблюды, тушканчик, заяц и особенно свинья. Пресмыкающиеся, равно как и многие виды птиц и живущие в водах существа также отнесены к нечистым, которых не следует употреблять в пищу. Нечиста, естественно, падаль. Нечисты люди, которые страдают выделениями. Нечиста женщина после рождения (мальчика — на 33 дня, девочки — на 66), причем после окончания срока она должна принести жертву в виде ягненка и голубя. А младенцу мужского пола на восьмой день его жизни следует сделать обрезание.

От имени Господа в книге даются строгие указания по проблемам пола. Не следует видеть наготы родителей и иных родственников. Нельзя мужчине ложиться с женщиной или со скотиной — это мерзость. В книге дается множество иных рекомендаций морального характера, в том числе поощряется гостеприимство, осуждаются обман, недовес, неправда в суде, злословие, адюльтер, инцест и очень не советуется — под страхом серьезного наказания от самого Яхве — обращение к разного рода волшебникам. Что касается земляных работ, то поле шесть лет может работать, а на седьмой должно отдыхать. А завершается глава напоминанием, что десятина ежегодного дохода принадлежит Господу.

Можно было бы продолжать и далее. Но пока сказанного достаточно. Кое о чем из обычаев и праздников евреев будет сказано в следующей главе. Сейчас же стоит обратить внимание, что, судя по содержанию, по акценту на этический стандарт и многим другим деталям, Пятикнижие появилось на свет достаточно поздно. Это детище осевого века. Стоит обратить внимание на то, что здесь собраны в основном сочинения не только сравнительно позднего времени, но и, возможно, частично заимствованные в годы вавилонского плена из других религий, в частности у зороастрийцев (идеи рая и змея-противоборца, выступающего против всеблагого божества и др.). В тех разделах Торы, где речь идет о будничных делах, много любопытных указаний на привычный образ жизни, обряды и праздники ветхозаветных евреев.

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ХРАМ. ЖРЕЦЫ И ПРОРОКИ

И Из сказанного ясно, что после Соломона государство древних иудеев, к тому же расколовшееся на части, перестало быть значимым политическим образованием. Как только был выстроен храм, центр религиозной жизни иудеев переместился именно туда. Конечно, правители еще некоторое время продолжали существовать, но роль их все время падала, тогда как роль жрецов храма постоянно возрастала. Это вело к естественному ослаблению государственной структуры. Сначала она просто распалась на части, обе фактически недееспособные. Северная, Израиль, была уничтожена в VIII в. до н. э. Ассирией, о чем уже было упомянуто, а южная, Иудея, фактически превратилась в арену жестокой

политической борьбы. В 4-й книге Царств рассказывается о попытках Ассирии захватить и Иудею, а также о борьбе царя Езекии против этого. Но Езекию сменил его сын Манассия, который процарствовал полвека и «поставил жертвенники Ваалу». Только при его внуке Иосии, взошедшем на трон восьми лет от роду и просидевшем на нем 31 год, евреи вновь обратились лицом к Господу. Все чужеземные жертвенники были уничтожены, иноземные жрецы изгнаны или казнены. Реставрация храма Иосией, обычно датируемая 622 г. до н. э., свидетельствует о том, что после Соломона и почти вплоть до вавилонского плена Первый храм переживал тяжелые времена.

Тем не менее именно Иерусалимский храм все это время — после Соломона — был не только духовно-религиозным, но и политическим центром евреев. Как бы ни вели себя цари и как бы ни угрожали существованию еврейского государства его более сильные соседи, все взоры евреев всегда были устремлены к Иерусалиму, а жрецы храма и его пророки пользовались авторитетом, практически равным, а чаще и превосходившим авторитет и даже власть царя. Показательно, что когда Иосия восстановил прежние нормы беспрекословного монотеистического преклонения перед Яхве, он собрал всех старейшин, жрецов и пророков и пошел с ними в храм, где перед лицом Господа подтвердил готовность соблюдать его заповеди. И сразу же после этого Иосия приказал первосвященнику вынести из храма все те вещи, которые имели отношение к Ваалу или Астарте, и сжечь их. Это было не просто знаком почтения к своему Богу, но неким символом, означавшим приоритет храма во всех вопросах, включая и политические.

Жрецы Иерусалимского храма вплоть до завоевания Иудеи Навуходоносором и вавилонского плена не были слишком влиятельными фигурами. Среди них, насколько можно судить, не было мыслителей крупного масштаба. Иное дело — пророки. Хотя в книгах Торы пророчества представлены, что называется, задним числом (пророк предсказал — так и случилось), на деле из книг этих пророков видно, что пророки отличались незаурядным и глубоким, в том числе и провидческим талантом, умели видеть и анализировать события, на чем и держался авторитет их высказываний и предостережений. Ситуация несколько изменилась в пользу жрецов после возвращения имевших отношение к храму (а именно они, иудейские интеллектуалы, в первую очередь были уведены в плен) из Вавилона.

Второй храм, построенный — точнее, восстановленный — после возвращения образованной верхушки иудеев из Вавилона пример-

но в середине V в. до н. э., стал совсем другим. Во-первых, не стало царей. Иудея вошла в состав Ахеменидской империи в качестве, скорей всего, части какой-то сатрапии. Упоминается лишь о неких «областена начальниках», которые наблюдают за евреями и сообщают о своих наблюдениях персидским царям. Справедливости ради важно заметить, что ахеменидские правители, о которых говорится в этой связи в Ветхом Завете (Кир II Великий, Дарий и Артаксеркс), не слушали наветов и содействовали восстановлению Иерусалимского храма, вернув все конфискованные в свое время вавилонянами церковные драгоценности. А во-вторых, Второй храм, жрецы которого за полвека вавилонского плена оказались авторами большого количества книг Библии и, более того, сумели создать из всех этих книг вполне стройную и в основных своих чертах непротиворечивую концепцию истории народа и его взаимоотношений с Господом (разумеется, приняв во внимание все легендарные предания и даже описания чудес), стал уже не просто религиозным центром, но неким великим святилищем всех евреев. К слову, существенно принять во внимание, что, возвращая иудейских пленников домой в Иерусалим, Ахемениды назначили главными ответственными за управление евреями и восстановление храма двух уважаемых жрецов, Ездру и Неемию. В Ветхом Завете есть книги их обоих, из которых можно почерпнуть немало интересных сведений.

Из Книги Ездры мы узнаём, сколько народа вернулось в Иерусалим сразу же после разрешения Кира (поехали не все; немалая часть предпочла остаться в Вавилоне). Узнаём также, что сам Кир повелел восстановить храм, но строительство несколько раз приостанавливалось, и только после подтверждения решения Кира Дарием из Вавилона в Иерусалим отправился Ездра с большими полномочиями и льготами. Служители храма были освобождены Ахеменидами от налогов, а Ездра получил право назначать администраторов и судей, а также учить евреев, уже позабывших о том, законам Господа. Главным, что узнал Ездра по прибытии в Иерусалим, было то, что за годы плена произошло смешение многих евреев с другими народами. И он резко прекратил это смешение, настоятельно предложив всем отпустить «чужих» жен. Вслед за Ездрой в Иерусалим выехал из Вавилона Неемия в функции областеначальника, получившего от Артаксеркса разрешение и некоторые средства (материалы) на восстановление Иерусалима. Город и его стены вскоре были отстроены, несмотря на недоброжелательство соседей. Неемия, кроме

того, заставил тех, кто разбогател в тяжелые годы за счет голодающих соотечественников, вернуть заложенные бедняками земли и дома. В некотором смысле именно Неемия оказался тем, кто воссоздал общину евреев как религиозное сообщество.

Итак, Иерусалим и его храм — Второй храм — были отстроены, и народ, празднуя это, собрался на площади. Перед собравшимися выступил Ездра и стал читать Книги закона Моисеева, т. е. Пятикнижие. Как можно понять (Неемия, гл. 8–10), речь идет как раз о том заново созданном тексте Торы, который был составлен в Вавилоне во время плена. Именно после этого законы Моисея как бы заново были всеми осмыслены, восприняты и даже скреплены печатями наиболее уважаемых лиц, поименно упомянутых в тексте. Начиная с этого времени Второй храм стал не только религиозным, но и политическим центром евреев. Сюда приходили, здесь спорили и работали как официальные служители-жрецы из колена Левия, потомки Моисея, так и многочисленные их оппоненты, причем теперь уже не только пророки.

ГИБЕЛЬ ХРАМА И ИЗГНАНИЕ ЕВРЕЕВ

Первые десятилетия существования Второго храма были временем расцвета и наибольшей прочности евреев как этноса и религиозной общности. Именно в эти годы главной женой Артаксеркса стала жившая в Вавилоне красавица Эсфирь, а ее дядя Мордехай оказался в числе ближайших советников царя, причем оба они сыграли решающую роль в спасении евреев, когда против них готовилась их недругами очередная провокация и, в частности, предполагалось истребление всех евреев, живших в Сузах, столице империи (Книга Эсфирь). В честь этого события евреи и по сей день празднуют праздник Пурим.

Восстановленный усилиями всех евреев Второй храм сыграл важную роль в укреплении иудаизма как религии. Евреи наконец получили писанный закон, который резко усилил власть жрецов во главе с первосвященником. Именно они составили этот закон и ревностно следили, чтобы он тщательно соблюдался, они же распоряжались десятиной, собираемой со всех во имя Господа. Они пользовались, естественно, и немалым политическим влиянием, так что — вне зависимости от того, кто был областеначальником, даже более того, вне зависимости от того, кому позже были подчинены евреи, завоевателю Александру Македонскому, Египту, Селевкидам или Риму, —

структура их реальной административно-политической власти была обусловлена близостью к храму и имела характер, напоминающий теократию и уж во всяком случае иерократию. Главное было в том, что евреи теперь имели свободу богослужения.

Правда, не было общепризнанного единоначалия в религиозных вопросах. Ни жрецы храма, ни первосвященник не обладали монополией на толкование религиозного закона. Любой знающий закон грамотный еврей мог предлагать свое толкование отдельных его положений. Правда, число признанных пророков, мудрецов и провидцев, выступавших индивидуально и только от своего лица, которых было немало во времена Первого храма, заметно уменьшилось. Но на смену им пришли, несмотря на резкое усиление власти жрецов, целые группы хорошо организованных единомышленников, представлявших при храме своего рода оппозиционные религиозные партии, подробнее речь о которых пойдет чуть далее. Пока же следует сказать о другом.

Хотя завоевание Александра не внесло никаких заметных нарушений в функционирование храма, оно оказало огромное влияние на евреев вне храма, как, впрочем, и на весь Ближний Восток, ставший объектом эллинизации. Заселившие к тому времени немалые пространства и особенно города всего Ближнего Востока и занимавшиеся там преимущественно торговлей, евреи не могли оказаться в стороне от того сильного влияния греческой культуры, которое шло вместе с эллинистической политикой Александра. Греческий язык становился необходимым для общения в городах, куда культура античных греков проникала вместе с их языком и обычаями. И хотя евреи диаспоры всегда ощущали свою связь с храмом и обычно честно отдавали ему десятину, они не могли не чувствовать дискомфорта в связи с отсутствием рядом с ними чего-то вроде филиала храма. Не раз и не два пытались евреи в разных местах создавать такие филиалы, но эти самовольные попытки сурово осуждались жрецами Иерусалимского храма, а незаконные постройки уничтожались. Вместо них стали появляться синагоги, вначале, возможно, имевшие характер своего рода религиозных собраний типа клубов, где могли встречаться и спорить по религиозным вопросам образованные евреи, и в первую очередь специалисты-книжники. Уже в III в. до н. э. важнейшие книги Ветхого Завета начиная с Пятикнижия-Торы стали переводиться на греческий язык, а некоторые сочинения типа комментариев писались по-гречески. Была переведена практически вся Библия, причем перевод ее на греческий получил иное наименование — Септуагинта.

Естественно, что греческое влияние постепенно проникало и в Палестину, включая и Иерусалим.

Вот здесь-то и начались серьезные проблемы. Власти сирийской Антиохии (государство Селевкидов) в начале II в. до н. э. попытались было всерьез эллинизировать Иерусалим с его храмом. Естественно, что евреи резко выступили против этого. Показательно, что движение возглавили не жрецы храма (некоторые авторы считают, что среди них были сильны позиции так называемых *саддукеев*, которые были склонны сделать шаг навстречу эллинистическим веяниям), а как раз те оппозиционные им круги, которые постепенно складывались вокруг него. И вот здесь на передний план вышли *хасидим* — или хасидеи, благочестивые — одна из таких группировок, отличавшаяся консервативным традиционализмом и готовностью идти на все ради чистоты веры. Именно выходцы из этой группы, знаменитая семья Маккавеев, подняли в 167 г. до н. э. победоносное восстание против антиохийских правителей. Поводом для восстания послужило уничтожение жертвенника Яхве в храме и попытка заменить его алтарем в честь Зевса. Восстание завершилось успехом, и в 142 г. до н. э. Иудея вновь, спустя ряд веков, стала политически независимым государством. Правда, ненадолго.

Вскоре потомки победоносных Маккавеев потеряли политическую власть, а еще через несколько десятилетий, в 63 г. до н. э., Иудея оказалась, наряду с многими другими странами, под властью Рима. В 40 г. до н. э. римляне восстановили здесь царскую власть, передав трон династии царя Ирода, а с 6 г. Иудея была превращена в провинцию Рима. К этому времени среди группировок вокруг Иерусалимского храма вновь усилились позиции хасидим, которые с конца II в. до н. э. стали называться *фарисеями*. Фарисеи резко выступали против жрецов храма и саддукеев. Они строго стояли на страже религиозного закона, не желая идти ни на какие уступки и ждали появления Мессии, который защитит его и наведет в Иерусалиме — если даже не во всем мире — должный порядок.

Примерно в это же время появилась в Иерусалиме еще одна, причем на сей раз воинственная группировка — *зелоты*, резко настроенные против римлян. Наиболее радикальная часть зелотов позже получила наименование *сикариев*. И если фарисеи при всей своей жесткости в борьбе за сохранение иудейского религиозного закона к оружию не призывали, зелоты и сикарии сделали это. Им удалось в 66 г. захватить Иерусалим, но сразу же после этого римляне снача-

ла во главе с будущим императором Веспасианом, а затем его сыном Титом захватили город и храм. Восстание, получившее наименование Иудейской войны (под этим названием оно было описано Иосифом Флавием), было в 73 г. жестоко подавлено. Храм был разрушен, а Иудея как государство на этом фактически прекратила свое существование. Однако последнее слово было сказано чуть позже.

Дело в том, что римляне после победы не без основания чувствовали себя полными хозяевами положения в Иерусалиме. А разрушенный, но все еще как бы существовавший храм с его невероятными вселенскими претензиями им, видимо, все больше казался бельмом в глазу. Император Адриан решил построить в Иерусалиме храм в честь Юпитера. Кроме того, он счел варварским обычай евреев обрезать младенцев мужского пола и попытался запретить его. Это решение вызвало в Иудее взрыв негодования, нашедшего отражение в восстании Бар-Кохбы (132–135). Мужественно продержавшись несколько лет, восставшие были уничтожены римским полководцем Севером, после чего остатки Иерусалимского храма вместе с городом были снесены с лица земли, а евреям под страхом смертной казни воспрещалось появляться на этой территории. Вот здесь и была поставлена точка не столько над Иудеей как государством и даже не столько над храмом как символом этого государства и иудаизма как религии евреев, хотя то и другое следует считать бесспорным фактом, сколько над всеми надеждами еврейского народа сохранить в резко меняющихся исторических условиях свою уникальную самобытность.

Но значит ли это, что действительно не осталось никаких надежд и что евреи вместе с гибелью Иерусалима потеряли всё? Сначала, возможно, именно так и казалось. Но скоро на передний план вышла элементарная идея — евреи и их религия могут существовать и без храма, без Иерусалима и вообще без страны, где им больше не было места. Ведь Яхве-то остался и останется с евреями везде и всегда. Больше того, он позаботится о своем народе. А народ в качестве благодарности найдет форму почитания своего Бога. Пусть он не сможет никогда более приносить жертвы Яхве в храме, пусть у него не будет больше облаченных в специальные одеяния жрецов, которые совершали жертвоприношения. Разве в этом суть дела? Отнюдь! Она в том, чтобы всегда и везде тщательно соблюдать заветанный Яхве и выработанный тысячами светлых умов еврейского народа религиозный закон. Будет соблюдаться закон — будет жить, а может быть, и процветать защищаемый Яхве еврейский народ, что бы ни выпало на его долю в будущем.

Глава 13

Синагогальный иудаизм

*Синагогальный иудаизм • Тора и Мишна • Талмуд • Каббала
• Трансформация средневекового иудаизма*

Эллинизация и романизация Ближнего Востока сильно изменили политическую структуру этого региона и оказали огромное влияние на привычные нормы жизни населяющих его народов. Возникло множество новых городов, в которых задавали тон античные порядки, резко расширились торговые и иные связи, мощным потоком шло влияние античной культуры. Все это сыграло на руку предприимчивым людям, среди которых оказалось довольно много евреев. Выходцы из Палестины обосновывались чаще всего в больших городах, где не только квалифицированно занимались ремеслом, торговлей и мелким предпринимательством (хотя эти виды занятий были особенно широко распространены среди евреев диаспоры, т. е. рассеявшихся), но и административным, а также умственным трудом. Еще до завоеваний Александра упоминавшийся уже Мордехай был видным придворным в империи Ахеменидов. А Филон Александрийский занимал почетное положение ученого знатока истории и писателя в столице Египта Александрии.

Словом, уехавшие из Палестины евреи в создавшейся обстановке смешения разных культур ориентировались достаточно хорошо и умело, быстрыми темпами находили свое, чаще всего прибыльное и дающее обеспеченный доход место. Распространение евреев не ограничивалось близлежащими районами Востока. С возникновением Римской империи ее города тоже оказались заполнены иудеями. По некоторым

данным, в середине I в. на территории Рима, охватывавшей значительную часть Евразии, проживало свыше 4 млн. евреев, причем только в Палестине около 700 тыс. Стоит прибавить к этому немалую колонию евреев на востоке, где со времен вавилонского плена осело и занялось активной деятельностью во всех сферах жизни множество выходцев из Иудеи. После небольшого периода акклиматизации евреи довольно прочно освоились в Месопотамии, которая вскоре попала под власть Парфии, а затем сасанидского Ирана, и даже в более северных районах вплоть до Кавказа. Иными словами, многочисленная еврейская диаспора стала складываться и внушительно выглядела задолго до того, как римляне уничтожили Иерусалимский храм и разрушили город.

СИНАГОГАЛЬНЫЙ ИУДАИЗМ

Уже шла речь о том, что религиозные потребности живших постоянно и далеко от храма евреев начали удовлетворять заново создававшиеся институты. Речь идет о синагогах. Не вполне ясно, как выглядели эти учреждения вначале. Но с течением времени они обрели достаточно четкую и общераспространенную форму, ставшую канонической и возобновлявшуюся в случае массовых гонений иудеев на новых местах их жительства. Главная суть синагогального иудаизма сводилась к тому, что синагога была религиозно-культурным и в некотором смысле административным центром всех евреев данной местности, органом их общинного самоуправления. И хотя прежде всего синагога являла собой молитвенный дом и место споров знатоков-книжников по различным вопросам толкования Торы, она в то же время обычно имела свою казну, составлявшуюся из добровольных приношений, имущество и, главное, избранное из наиболее авторитетных членов общины и, что немаловажно, признававшееся страной, в которой жили евреи, руководство. Главным авторитетом в религиозных вопросах были раввины, к мнению которых все прислушивались и которые в случае необходимости брали на себя функции посредника и судьи. Раввины и другие служители в синагогах исполняли обряд обрезания и иные существенные для правоверных иудеев обряды. В синагогальных школах-хедерах мальчики учились ивриту и умению читать священные книги под руководством учителей-меламедов.

Синагогальная форма исповедания иудаизма в общем и целом мало в чем изменила привычные формы религиозных верований

и обязанностей евреев. Они не имели права приносить жертвы Яхве нигде, кроме как в храме. Не стало храма — перестали приносить жертвы, исчезли жрецы, а вместе с ними и иные активные посетители храма, фарисеи, саддукеи и пр. Но осталось главное — священные тексты Торы и столь же священное право толковать их и спорить по этому поводу. Оказавшиеся на чужбине, причем часто в положении если и открыто не преследуемого, то уж во всяком случае не приветствуемого, зато обычно зажиточного меньшинства, именно в синагоге, среди своих, евреи чувствовали себя как дома. В этом смысле можно сказать, что синагогальная организация иудаизма не только сохранила основы религии, но и помогла самоорганизации иудеев как этнической общности в условиях, когда эта общность была лишена государства и могла (как то случалось со многими иными народами) легко ассимилироваться и вообще исчезнуть в новой обстановке. Но евреи, как правило, не ассимилировались. В большинстве своем они легко овладевали разговорным языком страны, в которой жили, умели читать тексты на этом языке, начиная с греческого, на который была даже переведена Библия, но при всем том после работы, дома и тем более рядом со своими, в синагоге, они оставались всё теми же правоверными евреями, какими были прежде. И для этого были немаловажные причины.

Ведь именно иудеи, по их представлениям, владели истиной, знали Бога, причем Бога единого и общего для всех. Однако этот великий и всемогущий Бог, отвечавший евреям взаимностью и выделявший их среди прочих, практически был если не только, то прежде всего и главным образом их Богом, т. е. божеством одного народа. Это противоречие вело к тому, что иудеи вынуждены были замыкаться в своем кругу, что рожденные иудаизмом действительно немалые духовные и интеллектуальные потенции евреев до поры до времени как бы загонялись внутрь, в глубины самой религии.

Синагогальная организация, авторитет раввинов — все было направлено на то, чтобы иудаизм в условиях отсутствия социального, политического, территориального, даже языкового единства рассеянных почти по всему свету евреев диаспоры служил интегрирующим моментом. Именно религия предков — иудаизм — должна была сохранять этнокультурную общность потомков древних евреев. Кроме того, весьма насущные нужды повседневного быта, необходимость локального объединения в интересах защиты, с целью устройства, приспособления евреев в чуждых им этнокультурных и

религиозно-политических обществах обуславливали их тягу к единению, находившую отражение в естественных для того времени религиозных организациях. Все это способствовало тому, что в иудаизме евреев диаспоры большое внимание уделялось молитвам (как в синагоге, так и дома, особенно перед каждой едой, не говоря уже о таких чрезвычайных случаях, как смерть кого-либо из семьи), а также многочисленным ритуалам — обрезания, омовений, постов — и строгому соблюдению всех обрядов и праздников.

Правоверный еврей должен был потреблять только кошерную (т. е. разрешенную для еды) пищу, но ни в коем случае, например, не свинину. Кошерное мясо продавалось в специальных лавках мясников-резников, шохетов, обучавшихся приемам резать животных по специальным правилам. Существовали запреты на потребление определенных видов рыб (например, без чешуи и плавников) и птиц. Молоко (молочные продукты) и мясо считались несовместимыми — между потреблением того и другого должно было пройти не менее получаса. Категорически нельзя было употреблять в пищу кровь, причем это касается даже пятнышка в разбитом яйце. В дни пасхальных праздников полагалось есть мацу — пресные лепешки, испеченные без дрожжей и соли. Обычно евреи строго соблюдали эти правила. Впрочем, не все и не всегда, особенно в наше время.

Что касается важнейших моментов жизненного цикла, то и на этот счет существовали достаточно четкие правила. Рождение детей всегда приветствовалось («плодитесь и размножайтесь»), хотя и отличали рожденных в законном браке от мамзеров. Новорожденные мальчики получали имя в момент обрезания, девочки — в первую субботу после рождения. Фамилий евреи, как правило, не имели, а все мужчины именовались по старому семитскому обычаю (такой-то либо такой-то, сын такого-то). В 12 лет девочка и в 13 мальчик считались достигшими совершеннолетия, причем по этому поводу обычно устраивалось большое торжество с приглашением многочисленных гостей.

Законный брак — это обряд, осуществляемый раввином в синагоге и соединяющий еврея с еврейкой. Он сопровождается немалым количеством церемоний, брачным контрактом и завершается семидневным праздничным пиром. Развод очень нежелателен, но возможен, причем он, как и повторный брак, тоже сопровождается религиозной церемонией. Если у женщины муж пропал и не подает о себе вести, она по иудейскому закону не может выйти замуж. Если она

все же вступает в гражданский брак, ее дети считаются незаконнорожденными, мамзерами. Смерть каждого иудея сопровождается определенным ритуалом, включающим не только подготовку тела к погребению (прежде всего омывание), но оплакивание и молитвы близких, что тоже совершается согласно древним обрядам и длится довольно долго.

Вообще обряды и ритуалы в иудаизме занимают немало места и времени и служат приучению к религиозной строгости и дисциплинированности, создают ощущение общности иудеев. Это же ощущение призваны создавать праздники и посты. Пасха (песах) — первый, наиболее древний и, пожалуй, главный праздник евреев, восходящий еще к воспоминаниям об их жизни скотоводов, когда приносили в жертву ягненка, чьей кровью мазали перекладины над входом в шатер. Позже он тесно связывался с воспоминаниями о легендарном исходе из Египта под водительством Моисея. Считалось, что пасхальные праздники следует проводить дома. Кроме Пасхи евреи диаспоры отмечали и ряд других праздников. Это весенний шавуот — день, когда Моисей получил от Яхве Тору. Затем праздник судного дня, йом кипур, приходящийся на осень (сентябрь — октябрь), вскоре после наступления еврейского лунного нового года (рош га-шана). Считалось, что это день смирения и покаяния, очищения и молений за грехи: именно в этот день Бог должен был определять судьбу каждого человека на следующий год. К судному дню, как и к Пасхе, полагалось особо готовиться, совершать посты, омовения и т. п.

К числу важных праздников относится осенний суккот, приуроченный к сбору урожая и связанный с воспоминаниями о странствиях евреев по пустыне на пути к земле обетованной и о помощи Господа в то нелегкое время. Восьмидневный праздник огней ханука приходится на зиму и связан с памятью об освящении храма после успешного восстания Маккавеев, выступивших против осквернения Иерусалимского храма. Лишь один из светильников храма оказался неоскверненным, но налитого в нем из расчета на один день масла хватило на все восемь дней ритуала, что было сочтено чудом и отмечается в дни этого праздника. А ранней весной отмечается пурим в память о спасении евреев в Сузах благодаря Эсфири и Мордехаяу. В дни этого праздника пекут сладкие пирожки с маком и медом. Сам праздник обычно сопровождается массовым карнавальным весельем, разыгрыванием сценок на тему отмечаемого события.

Нельзя забывать и о том, что в число священных дней евреев всегда входила и суббота (шабад), день, когда не следовало заниматься

какой-либо работой, вплоть до приготовления пищи, зажигания огня. Кроме субботы и праздников иудеи соблюдали немало постов, в том числе накануне многих праздников. Посты имели цель подчеркнуть значимость праздника, отдалить его от будничных дней. Существовали также посты в память траурных событий, как, например, захвата Иерусалима римлянами (пост 17 таммуза — имеется в виду лунный месяц еврейского календаря).

ТОРА И МИШНА

Все эти и многие другие праздники и обряды, а также многие иные особенности, обычаи и привычные нормы жизни правоверного иудея, как, например, ежедневная многократная молитва, не были мертвым грузом далекой старины. В этом случае они со временем могли бы постепенно забыться. Но в том-то и суть синагогального иудаизма, что он не позволял этого. Тора оставалась не только знаменем, но и в некотором смысле сущностью всего, во что верил, должен был верить правоверный иудей. А для того чтобы каждое слово Торы было хорошо известным, ее по частям регулярно зачитывали во время молитвенных собраний в синагогах и не забывали цитировать при любом удобном случае дома или в беседах.

Как известно, объем текста Торы невелик (200–300 страниц в русском переводе), и ученые евреи знают ее наизусть, а остальные помнят из нее самое важное. Но главное в том, что Тора — это основа, центральный и прочный стержень, вокруг которого существовало огромное множество комментариев. Причем они создавались едва ли не постоянно, как до того времени, когда был уже оформлен много томный Талмуд, так и после. И это очень важно принять во внимание, ибо благодаря этому Тора и вообще иудаизм на протяжении тысячелетий, причем в отсутствие какой-либо централизованной формы организации*, оставались живым учением, умеющим достаточно

* Имеется в виду отсутствие центра типа Иерусалимского храма или христианской церкви с ее иерархами. Только на первых порах после разрушения храма существовали еще своеобразные патриархи, главы синедриона (собрания видных представителей иудаизма при храме). Но вскоре вместо них появились неформальные интеллектуальные центры иудаизма, которые довольно долго существовали на протяжении всей истории

быстро и эффективно реагировать на перемены в мире. Неважно, что эта реакция вызывала противоречия, которые позже следовало как-то сглаживать. Гораздо важнее то, что евреи диаспоры, опираясь на Тору и все комментарии и толкования, призванные разъяснить ее канонический текст, всегда шли в ногу со временем, не забывая о самом главном, восходящем к глубокой древности.

Теперь несколько слов о комментариях. С древности существовало два понятия: писаная Тора (т. е. Пятикнижие в той форме, которую оно обрело в начальные годы существования Второго храма) и устная. В отличие от четко зафиксированных формул Пятикнижия устная была чем-то вроде толкования этих формул. Толкования принадлежали признанным авторитетам и передавались из поколения в поколение, постепенно уточняясь, изменяясь, накапливаясь и обретая иногда новый оттенок. На иврите устная Тора так и называлась — «Тора в памяти». Записаны же были первичные комментарии лишь примерно в 200 г. в рамках Мишны («повторение», «учение»), причем все те, кто имел отношение к устной Торе до появления Мишны, назывались «танаим», т. е. учителями, а те, кто продолжал аналогичную работу после этого — «амораим» («толкователи»), а еще позже — другими сходными наименованиями («савораим», «геоним»).

Расцвет устной Торы относится к рубежу нашей эры, к периоду наиболее обостренных взаимоотношений разноречивых группировок вокруг доживавшего свои последние годы Иерусалимского храма (стоит напомнить, что именно в это время обстановка была особо осложнена тем, что рядом с иудеями там появились первые иудео-христианские секты, а затем и последователи Иисуса). Фарисеи, которые задавали тон в идеологической борьбе, внесли немалый вклад в развитие устной Торы. Они были самыми известными учителями

евреев диаспоры в разных местах, прежде всего в Вавилоне, хотя и не только там. Обычно существование такого центра было связано не с административными решениями, а с тем, где жил тот либо иной из видных и общепризнанных авторитетов, к кому с письмами и просьбами высказать мнение обращались коллеги из разных стран. Нередко результатом такой переписки было создание новых текстов комментариев, высоко ценившихся знатоками и служивших весомым дополнением к уже имеющимся сборникам, в первую очередь к Талмуду. Со временем исчезли и духовные центры, и общепризнанные авторитеты, а в разных странах появились должности главных раввинов. Но церковной властью иерархов они, как правило, не обладают.

той поры, имели свои школы, и именно по отношению к некоторым из их последователей на рубеже I—II вв. впервые стал использоваться термин «рабби» («мой учитель»), откуда и пошло слово «раввин». Первые рабби были великими знатоками Торы, что не мешало им ожесточенно спорить по отдельным вопросам, весьма мелочным с точки зрения основ иудаизма, но жизненно важным для людей, например о том, как толковать фразу из Торы «что-нибудь постыдное» (речь о поведении жены, дающем право на развод).

Главным принципом устной Торы, провозглашенным этими первыми ее почитаемыми мастерами, было то, что если письменный текст Пятикнижия каноничен, то устное толкование его постоянно открыто. Пятикнижие неизменно, но благодаря устной Торе оно указывает на свое отношение к всегда меняющейся жизни. После разрушения римлянами храма святость и незыблемость иудаизма должна была постоянно опираться на что-то другое. И это «другое» должно было рано или поздно обрести реальные формы, канонический облик. Именно ради этого и появилась Мишна с ее шестью основными разделами: религиозными законами, касающимися земледелия (1); субботы, праздников и постов (2); брака и развода (3); гражданских и уголовных дел (4); жертвоприношений и ритуального убоя (5); ритуальной чистоты (6). В каждом из разделов несколько небольших, но развернутых текстов, именуемых трактатами. Всего их 63. Естественно, что все то, что, например, имело отношение к храму и жертвоприношениям, уже утратило свою актуальность. Но оно сохранялось как священная память. В целом же Мишна являла собой собрание различных мнений авторитетов, прежде всего фарисеев, сторонников тщательного отношения к древнему религиозному закону, хотя и не только их.

Важно обратить внимание на то, что в Мишну не вошло многое из обсуждаемого в ряде заново созданных в Палестине и вне ее (в частности, в Вавилоне) своеобразных духовно-интеллектуальных центров иудаизма, именуемых подчас академиями, где трудились и спорили по различным проблемам ученые-книжники. Эти академии возникли в различных городах после разрушения храма и для замены его. Это были в известной мере конкурирующие друг с другом группы ученых знатоков Торы, мудрецов-профессионалов в сфере теории ветхозаветного иудаизма. Все обсуждения, шедшие в академиях или даже в судебных спорах, обычно записывались и со временем обобщались. Сначала они становились неким добавлением

к тому либо иному разделу Мишны. Но со временем, особенно после окончательного оформления Мишны как текста примерно в 200 г., большинство такого рода дискуссий стали рассматриваться как своего рода дополнение к какому-либо из шести разделов. Однако, поскольку они достаточно отчетливо отделялись от первоначальной Мишны, то неудивительно, что вскоре стали восприниматься как иная комментарий к Торе под названием Гемара («стремление к совершенству» или «завершение»).

Гемара не противостояла и не противопоставлялась Мишне. Это был в общем-то примерно такого же типа комментарий к Пятикнижию. Только составлен он был другими еврейскими мудрецами преимущественно в палестинских академиях в Тивериаде и некоторых других уже в другое время (в основном на протяжении III—IV вв.). Палестинская Гемара не оставила без внимания и по-своему прокомментировала многие из трактатов Мишны. Но дополнения к Мишне в эти же века писались и в другом важном центре духовной мысли иудеев — в Вавилоне, куда перебрались и некоторые ученики тех рабби, что создавали в свое время палестинскую Мишну. Стоит при этом заметить, что условия в отдаленном от Рима и Византии Вавилоне были более подходящими для независимого развития иудейской религиозной мысли, что и сказалось на более высоком качестве вавилонских текстов, создававшихся в заново созданных академиях.

Главное же в том, что все эти тексты, как и сама Мишна, оказались фундаментом для возникновения много более обширного сборника комментариев к Торе — Талмуда. Однако прежде чем вести речь о Талмуде, важно сказать еще об одной форме членения комментариев, которая была принята в те же самые века, что создавались Мишна, Гемара и вавилонские комментарии. Речь идет о двух видах текстов, отличных друг от друга.

Первый из них — Галаха («путь», «норма», «закон»). Это сборник комментариев, имеющих отношение к поведению людей, к соблюдению основных правовых норм. Указания Галахи регулировали поведение в очень широком плане, но не столько в виде кодекса с его запретами и строгими распоряжениями, сколько в форме напоминания о том, как и что следовало бы делать в тех либо иных обстоятельствах. Это описательно-предписывающие советы, т. е. то, чему раввины рекомендовали следовать правоверным евреям во всех случаях их жизни. К Галахе обращались тогда, когда люди затруднялись в выборе пути, в принятии решения. И на помощь в таких случаях обычно приходил раввин.

Второй — Агада («рассказ»). Это тексты свободного повествования, включающие и легенды, и элементы народной мудрости, и притчи типа анекдотов, и многое-многое другое. Рассказы эти разбавляли более скучные для чтения другие комментарии. Галаха и Агада являли собой достаточно свободные тексты, открытые для пополнения. Со временем потребовалась систематизация их, особенно Галахи. Это было тем более важно, что тексты входили в Талмуд, разросшийся до невообразимых размеров. Обратимся же теперь к его характеристике.

ТАЛМУД

сновное, что надлежит сказать о Талмуде, — это то, что именно в нем были собраны все толкования и пояснения к Священному Писанию, Торе. В отличие от Писания, каждое слово которого канонично, Талмуд — нечто вроде записи преданий старины и сборника тщательно собранных устных суждений и комментариев, в основу которых легли сначала Мишна и Гемара, а затем добавлявшиеся к ним новые тексты ученых-книжников, число которых в истории синагогального иудаизма никогда не уменьшалось.

Создание Талмуда шло вначале параллельно в двух местах — в Палестине, где были написаны Мишна и Гемара и где наиболее активно действовали духовные центры мудрецов-книжников, и в Вавилоне, входившем в состав Парфии, а затем и сасанидского Ирана. В Вавилоне и близ него, в различных районах Месопотамии, было много еврейских колоний, свои духовные центры и немалое количество мудрецов-книжников, которые на базе все тех же Мишны и Гемары, а также собственных комментариев создавали некий сводный текст. Оба они, палестинский и вавилонский, были оформлены примерно около 400 г. и получили одинаковое наименование. Не слишком сильно они различались и по содержанию. Это были, по сути, два очень близких друг к другу варианта Талмуда. Стоит добавить, что вавилонский вариант, известный как Бавели, оказался много более объемным и подробным, чем палестинский. Когда не определяют, какой именно Талмуд имеется в виду, то это означает, что речь идет о Бавели, который со временем, привлекая к себе все больше внимания и обрастая деталями и новыми обширными комментариями, стал основным вариантом толкования Торы. В современном английском переводе это многотомное издание общим объемом около 15 тыс. страниц.

На протяжении истории многие выдающиеся ученые-книжники из особо знающих и способных раввинов разных стран пополняли своими комментариями чаще всего именно Бавели, причем в ряде случаев — как это было, в частности, с толкованием Раши раввина XI в. Шломо бен Ицхака, или с более поздним дополнением к Раши V Тосафот, начало созданию которого положили потомки Шломо, — такого рода соображения сильно обогащали прежнее понимание и Талмуда, и Торы. Если поставить вопрос, о чем идет речь в Талмуде, то легче сказать, о чем в нем не говорится. Уже в 63 трактатах Мишны говорилось о самом разном (шесть разделов ее, к которым имеют отношения эти трактаты: о земледелии, о субботе, праздниках и посте, о браке и разводе, о гражданских и уголовных делах, о храме и его делах, о ритуальной чистоте), а точнее, обо всем том, что надлежало знать и иметь в виду правоверному еврею. Талмуд дополнил все эти рубрики, разработав до мелочей содержание трактатов Мишны и не оставив без внимания ни одну из сторон жизни, которая имеет хоть какое-то значение для обычного обывателя или для еврея, имеющего дела со многими иноземцами в разных странах.

Разумеется, указания Талмуда не регламентировали каждый шаг на все случаи жизни. Но они четко поясняли, как в этих случаях следовало себя вести, имея в виду такие-то нормы и законы, сформулированные очень давно, но от этого не потерявшие силу. И хотя жизнь шла вперед и многое из древних норм естественно устаревало, именно для этого все время совершенствовались и пополнялись необходимые разделы и указания мудрецов, практически постоянно совершенствовавших текст Талмуда. Особенно заметно это на примере всего того, что касается Галахи, т. е. свода законодательных предписаний. Рекомендации изначально были разбросаны по разным томам, так что далеко не просто оказывалось в случае нужды найти то, что нужно. Это, а также динамика жизни, видимо, послужили причиной появления нескольких специальных сводок типа кодексов, которые создавались в XI–XVI вв. виднейшими мудрецами иудаизма, в частности Маймонидом. В кодексах было немало важного для евреев диаспоры, вызванного новыми условиями их существования. Именно в соответствии с этим были, например, уточнены нормы Галахи: факт принадлежности к евреям стал устанавливаться через мать. Это значит, что на определенном этапе существования диаспоры, что всегда неизбежно связано с тенденцией к ассимиляции и метисации, биологическая чистота стала пользоваться приоритетом по сравнению с преданностью вере отцов.

Талмуд насыщен рекомендациями отнюдь не только правового характера. Для ортодоксального иудея, каких до определенного времени всегда было абсолютное большинство, в нем есть все, что может разъяснить человеку, как ему поступать в любом случае, — идет ли речь о пище, о проблемах жизни и смерти, о браке или образовании, о субботе или праздниках и постах и т. д. и т. п. Нужно только найти это место, для чего обычно и прибегают к помощи раввина. Собственно, авторитет раввина и держится прежде всего на том, что он знает все или хотя бы то, в каком месте Талмуда можно найти разъяснение проблемы, которая интересует обратившегося к нему еврея. Отсюда видно, что такое Талмуд и какую роль он играет вот уже на протяжении свыше полутора тысячелетий в жизни религиозно ориентированных иудеев.

И все-таки, о чем из наиболее важного для иудеев сказано в Талмуде? Главная идея — это вера в Единого для всех Господа и при этом в богоизбранность евреев. Бог всемогущ и вездесущ, бестелесен и всеведущ, а также вечен. Он готов помочь людям создать нечто вроде Божьего царства на земле, но сделать это должны сами люди, возглавленные обычным смертным Мессией (машиах), который когда-нибудь появится и приведет народ к восстановлению его государства в Палестине, что будет способствовать духовному возрождению человечества. А это окажется прологом для окончательной реализации провидения, что связано с Судным днем и воскрешением. Естественно, что это будет сложным и долгим делом и что люди на земле хлебнут еще много горя и страданий. Зато будущее после Судного дня даст возможность душе каждого укрепить связи с Богом.

В Талмуде немало сказано о том, что спасения можно добиться путем раскаяния и что оно зависит от личного поведения. Естественно, что при этом не раз повторены и растолкованы основные десять заповедей, причем с явственным уклоном в сторону обеспечения уважения к человеку, к его праву на достойную жизнь. Здесь же немало сказано о душе и загробном возмездии за грехи, о необходимости помнить и чтить день субботний, поддерживать бедных, заботиться о нуждающихся в помощи, выкорчевывать из людей их пороки, а также ждать Мессию, с которым придет обновление мира, а добро окончательно восторжествует над злом. Есть рассуждения о месте женщины, которой не стоит слишком активно вмешиваться в общественные дела, тем более в мудрость Талмуда, и чье главное дело — дом и семья. Много сказано о Боге, а также об ангелах и противостоящих им

демонах. Стоит обратить внимание, что рассуждения на эту тему тесно связаны с тем новым, что впитали в себя иудеи на протяжении столетий после того, как Пятикнижие уже было написано. И еще: многое из заимствованного тесно сливается с той мистикой, которой в самом Талмуде — как, впрочем, и в Торе — весьма немного.

Нет слов, Тора хорошо знакома с чудесами вроде неопалимой купины, где Моисей беседовал с Яхве, огненного смерча, манны небесной, воды из скалы и расступающегося моря. Немало чудесного и в процессе космогенеза, когда Господь шесть дней трудился, дабы создать мир и всех его обитателей. Но все же мистики здесь мало, даже очень мало. Ведь не считать же за мистику искусство Иосифа разгадывать сны! Это скорее забавные притчи или — в том, что касается не столь уж многих повествований о Яхве, — необходимые мифологемы, разъясняющие людям, как все начиналось... Показательно, что чем дальше от начала, тем чудес и чего-то вроде космогонических метафизических конструкций и мистики становится меньше. Идет повествовательный текст с минимумом сверхъестественного. Соответственно и Талмуд, насыщенный комментариями и мельчайшими деталями, не очень склонен к мистике. Но тем не менее кое-что в этом плане в нем есть сверх того, что можно найти в Торе. И на это интересно обратить внимание.

Дело в том, что Талмуд создавался очень многими людьми и испытал в ходе своего появления на свет немало чуждых первоначальному Пятикнижию внешних влияний. Достаточно напомнить о тех же ангелах и демонах, особенно о вредной Лилит, препятствующей нормальной супружеской жизни, деторождению и т. п. Можно заметить в этой связи, что в Талмуде у самого Яхве появляется немало других имен, среди которых наиболее интересное и насыщенное мистикой — Шехина, обозначающее нечто вроде духовного *alter ego* Яхве. С одной стороны, это вроде бы тот же Яхве. Но с другой — иная его ипостась, которая, в частности, устраивает свадьбу Адама и Евы. Ведь нужна же была первой паре свадьба! И она была, причем с ангелами, с музыкой, с важными гостями в виде небесных светил. В Талмуде есть также повествование о семи небесах, о царстве тьмы, где пребывают демоны, да и немало другого в том же духе.

И все-таки, если обратить внимание на то, что Талмуд — это 15 тыс. страниц текста, стоит подчеркнуть, что мистики в нем сравнительно немного. Пусть значительно больше, чем в Торе, но все-таки немного. Намного больше ее в другом собрании иудейских текстов, которое по значимости уступает Талмуду, но по содержанию

вполне может с ним соперничать. Хотя бы потому, что намного интереснее. Речь идет о Каббале. Обратимся к краткому ее описанию.

КАББАЛА

Этот сборник сочинений, формировавшийся в основном на протяжении ряда веков вплоть до XIII в., когда была написана основная его часть, Зогар, но пополнявшийся и позже, весьма своеобразен. Он насыщен мистикой, и вся суть его содержания и влияния на читателя именно в этом. Каббала впитала в себя не только все то, что имело отношение к мистике в Талмуде, но и охватила более ранние элементы иудаистской мистики, не говоря уже об обширных заимствованиях из различных древних учений, склонных к мистицизму, будь то школа пифагорейцев, неоплатонизм, манихейство или гностицизм.

Начнем с того, что излюбленное занятие любителей и мастеров каббалистики — игра с цифрами, произвольным комбинациям которых придается определенное и порой весьма серьезное значение. Так, в текстах Каббалы утверждается, что первые десять цифр плюс двадцать две буквы алфавита в иврите — это те важнейшие 32 элемента, которые являют суть мира и выражают волю Господа. Сам Бог выступает в качестве бесконечной внепредметной беспредельности (Эн-соф) и не в состоянии создать мир без помощи того, что символизируют числа, во всяком случае первая их десятка, имеющая отношение к неким творческим силам, сефирот, которые включают в себя очень разные субстанции, будь то Дух Божий и его дыхание или вода, огонь и шесть направлений (четыре стороны, высота и глубина). В акте творения именно через субстанции сефирот Господь создает мир, который является в этом варианте чем-то вроде эманации трансцендентного Эн-соф. А буквы алфавита суть душевное наполнение всего сущего, уже созданного, причем и здесь все не просто: алфавит делится на три главных, семь двойных и двенадцать простых букв, из которых первые имеют отношение к воде и огню, которые вроде бы уже вошли в число сефирот, а также к воздуху, вторые — к семи планетам и семи отверстиям в теле человека, а третьи — к 12 месяцам и 12 способностям и свойствам человека, т. е. к его органам чувств, речи, движению, мысли, сну и т. п.

Встречаются и иные попытки числовых выкрутасов. Иногда сторонники каббалистической мистики раскладывают тексты Торы и особенно имена, включая разные наименования Бога, на буквы

и играют (трудно иначе выразиться — при всем том, что для самих сторонников Каббалы это вовсе не игра) в использование числовых значений этих букв с тем, чтобы найти вариант, при котором сумма цифр составляла бы некую значимую для их восприятия величину. Считалось, что эти поиски способствуют установлению неких прямых связей с сефирот, а также влияют на ускорение движения в мире, жаждущем прихода Мессии.

Мистика цифр — едва ли не самое безобидное в Каббале. Она только настраивает на суть учения в целом. Смысл же всех текстов этого собрания сочинений в запутывании самого простого и понятного в Торе и Талмуде с целью выискивания будто бы скрытого в этом понятном чего-то гораздо более сложного. Иногда это неожиданные аллегории: так, например, рассказ об Аврааме и Сарре Каббала толкует как взаимодействие материи и формы вещей. Иногда — попытка связать хорошо известные позиции Торы и Талмуда с явно заимствованными идеями о рае, аде и переселении душ, противоборстве добра и зла в мире. И что характерно: все эти новации даются не в виде комментария, к чему читатели Талмуда давно привыкли, а в форме совершенно неожиданных «открытий», явно призванных потрясти верующих мрачно-беспорядочными аналогиями или вовсе невероятными картинками выдуманного. Так, например, в текстах Каббалы можно найти утверждения, что вся Вселенная уподобляется гигантской цепи, в которой движения нижнего земного звена отражаются на верхних, где находятся сефирот. Или рассказы о том, что все души людей как-то связаны с теми же сефирот и могут на них воздействовать.

Из этого собрания можно к тому же узнать, что человек своими добрыми поступками в состоянии и сам — без посредства души, как следует полагать, — влиять на взаимоотношения Эн-соф с сефирот, и что простая сумма всех десяти сефирот — это и есть совершенный человек Адам Кадмон, олицетворяющий духовное начало человека или даже некоего прачеловека, а также мистическую связь между беспредельностью Бога и его самоопределением в мире. Символика Адама Кадмона впоследствии была увязана с масонской и с эмблемой шестиконечной звезды Давида.

Каббала насыщена эсхатологическими и мессианскими пророчествами, а в так называемой практической ее части можно найти утверждение, что обычный человек посредством ритуалов, молитв и усилиями воли может активно вмешиваться едва ли не во все перечисленные выше божественные процессы. Он может способствовать приближению

момента появления страстно ожидаемого Мессии и вообще воздействовать (особенно если находится на святой земле Палестины) на небесные сферы. Разумеется, при этом нужно хорошо знать, как молиться. Каббалистические тонкости в этом деле поражают: каждое слово, слог, движение, символ в момент молитвы такого рода крайне важны.

Практическая Каббала, получившая достаточно широкое распространение среди иудеев, вызвала к жизни индустрию амулетов с заклинаниями или готовыми формулами, с помощью которых будто бы можно изгонять демонов и призывать ангелов. В некоторых текстах Каббалы мастера мистики доходили до того, что призывали обращать внимание на черты лица человека, которые тоже можно интерпретировать с помощью различного рода символов. Но справедливости ради важно в заключение рассказа о Каббале заметить, что ее мистика в синагогальном иудаизме не заняла слишком большого места и что подавляющее большинство раввинов, от которых прежде всего и главным образом зависело воспитание подведомственной каждому из них религиозной общины, не принимали каббалистические построения всерьез*. Это, впрочем, не означает, что все иудеи были ориентированы одинаково и представляли собой адептов единого во всех своих основных пунктах учения. Напротив, в синагогальном иудаизме было немало несходных направлений. Большинство принадлежало к так называемому ортодоксальному направлению. Но были — точнее, со временем появились — и неортодоксальные, о которых тоже следует сказать несколько слов.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИУДАИЗМА

Вообще-то, несмотря на отдельные расхождения и многочисленные споры, результатом которых в конечном счете стали объемистые тексты Талмуда, до определенного времени, причем достаточно долго, существенных расхождений в иудаизме не было. Евреи под руководством своих раввинов изучали

* Парадоксально, но факт, что еврейская Каббала со всей ее сложнейшей и весьма запутанной мистикой оказала немалое влияние и пользовалась большой популярностью среди европейских христиан, как протестантов, противопоставлявших ее построения средневековой схоластике в теологии католицизма, так и склонных к эзотерике мистиков.

в меру своих сил и возможностей Тору и Талмуд, тому же учили всех мальчиков с юного возраста. Интерес к мистике Каббалы был до известной степени личным делом каждого или, в крайнем случае, слабостью того либо иного раввина, результатом чего было распространение среди какой-то части иудеев мистических толкований некоторых текстов Пятикнижия и комментариев к нему. И хотя это не вписывалось в классику Торы и Талмуда, оно в целом не наносило этой классике (во всяком случае, если иметь в виду всех верующих иудеев) заметного вреда. Можно говорить лишь об определенных отклонениях, может быть даже в психике.

Но евреи диаспоры жили не в безвоздушном пространстве. Теснясь в своих синагогах определенную часть своей жизни, остальную они проводили вне их, причем далеко не всегда в населенных своими же евреями местечках. Чем дальше, тем большая часть евреев, перемещаясь по разным причинам из одной страны в другую, расселялась в больших городах, сначала в Европе, а затем и в Америке, не говоря уже об Азии, откуда они в конечном счете родом и где им удавалось временами влиять на идеологию некоторых ранних государственных образований (вспомним об южноаравийском государстве Химьяритов в IV–VI вв., о Хазарии, каганы которой приняли иудаизм в качестве государственной религии, причем как раз накануне возникновения Киевской Руси, чья территория находилась на ее раннем этапе в составе той же Хазарии). Следы существования в средневековье еврейской общины специалисты обнаружили и в китайском городе Кайфыне.

Столь широкое в территориальном плане расселение (я оставляю в стороне гонения, вызывавшие насильственные перемещения масс евреев из одной страны в другую) вело, естественно, к тому, что внешний мир оказывал свое постоянное и энергичное воздействие на сторонников иудаизма. Именно это воздействие вело, с одной стороны, к ассимиляции, в том числе к крещению или переходу в ислам некоторой части евреев (в этом случае потомки изменивших веру уже во втором–четвертом поколениях по сути даже этнически переставали быть евреями), а с другой — к появлению некоторых, подчас существенных, различий среди иудеев, что стало особенно заметным в позднем средневековье и тем более в постренессансное время, в эпоху Просвещения, т. е. уже в XVII–XVIII вв. и тем более в XIX–XX вв.

Начнем с того, что исламские завоевания еще в VII и последующих веках затронули большую часть тех территорий, где прежде была

основная зона иудейской диаспоры, включая Палестину и Вавилон с их центрами религиозной мысли. К IX–X вв. этот факт (при всем том, что мусульмане обычно относились к евреям, по крайней мере на первых порах, с уважением, как к «людям писания») привел к миграции большей части жителей восточных территорий диаспоры, и прежде всего Вавилона, на далекий запад, в Испанию, где отделившийся от халифата Кордовский эмират (позже халифат) был заинтересован в развитии культуры. Результатом было появление в Европе *сефардов*, т. е. евреев с явно выраженными признаками уроженцев Востока (обратим внимание хотя бы на преобладание брюнетов, иногда, что называется, жгучих). В то же время основная часть Европы была в это время заселена евреями *ашкенази*, в основном блондинами. Это не отразилось на приверженности тех и других к синагогальной структуре с ее культом Торы и Талмуда, но было как бы предвестником некоторого размежевания среди мирового еврейства.

Иудаизм получил распространение у части горцев Кавказа (горские евреи), в Средней Азии (бухарские евреи), в Эфиопии (*фалаша*, или «черные евреи»). Переход некоторых этнических общностей в иудаизм сопровождался, видимо, проникновением в их среду определенного количества евреев, смешивавшихся с местным населением. Как правило, иудаизм здесь не встречал религиозно сильных противников и побеждал по всем пунктам. Более существенными оказались различия между европейскими евреями и *караимами*, которые примерно в то же время сформировались как группа (можно считать ее чем-то вроде еретической секты) евреев Персии и Египта, которые чтили Тору, но не признавали Талмуд. Впрочем, караимы навсегда остались ничтожным меньшинством и серьезной роли в истории иудаизма не сыграли.

Иное дело — последовательные сторонники Каббалы или ультра-ортодоксальный хасидизм, основатель которого, И. Бешт, в XVIII в., оживив многие полузабытые мистические формулы Каббалы, создал учение, направленное на упрощение талмудического иудаизма. Получившие наименование *хасидов* последователи этого учения вначале распространились на западной территории Российской империи (Польша, Литва), где встретились с активным недоброжелательством местных еврейских общин, обвинявших их в лицемерии и нарушении иудаистских религиозных норм. Действительно, основоположники хасидизма выступали против обрядовой мелочности Талмуда, подчас предпочитая им мистику Каббалы. Не будучи слишком многочисленными и отличаясь социальной пассивностью, хасиды зато резко

выделялись своей черной одеждой с обязательной шляпой, а также пейсами, что призвано было подчеркнуть их несходство с другими евреями. В этом своем сохранившемся до наших дней внешнем виде хасиды очень заметны прежде всего в современном Израиле, хотя встречаются и в других странах, в том числе и в России. Смысл их учения сводится к молитвам с некоторой долей экстатической экзальтации и к значительному месту каббалистической мистики в представлениях о мире. Возглавляющие общины хасидов цадики пользуются очень большим авторитетом, а подчас и деспотической властью, граничащей с представлением о непогрешимости. При всей их кажущейся свободе от догматического талмудизма хасиды являют собой крайнюю степень ухода в религию.

Словом, среди иудеев в Средние века появились различные группы. Однако это не означало ни серьезного религиозного раскола среди всех евреев диаспоры, ни тем более активной вражды между ними. Гораздо большие по своей значимости для судеб иудаизма последствия принесло нечто другое: активное развитие постренессансной Европы в сторону свободной демократии и рыночной экономики. Именно этот процесс, ставший судьбоносным для всего мира, едва ли не раньше всех затронул евреев, оказавшихся практически в самом его центре.

Дело в том, что незаурядные способности этого народа, прежде едва ли не целиком уходившие (если не считать повседневных занятий в сфере ремесла, особенно высококвалифицированного, торговли, ростовщичества, банковского дела и т. п.) в неимоверно трудные интеллектуальные манипуляции с многотомным Талмудом и столь важной для каждого еврея Торой, стали медленно, но вполне ощутимо переключаться на иные сферы. Прежде всего это стимулировалось развитием новоевропейской науки, расцветом университетского образования и академических естественно-научных исследований.

Чем больше развивалась европейская наука и чем важнее становились ее открытия для бурно растущего хозяйства перестраивавшейся раннекапиталистической Европы, а затем и Америки, тем больший спрос был на умы, как в сфере обществоведения, так и в еще большей степени в естественных науках. А среди умных людей доля евреев была очень значительной, непропорционально большой, если принять во внимание численность иудейских колоний. Здесь можно было бы поставить весьма непростой вопрос: почему это так, и почему вплоть до сегодняшнего дня антисемитизм питается в ос-

новном слепой и неутолимой завистью к процветающим евреям и особенно к численности их в таких сферах, как финансы и предпринимательство, политика, литература и искусство, наука и медицина или даже элементарные занятия, требующие энергии, инициативы, разумных рассуждений и решений? Можно было бы заметить, что с точки зрения правоверного иудея здесь нет вопроса, ибо все само собой разумеется: евреи — избранный народ Господа, причем не иудейского, а единого и общего для всех. Но вопрос все-таки есть, и он слишком важный и больной, чтобы затрагивать сейчас его всерьез. Для нас гораздо важнее констатация самого факта.

Факты же свидетельствуют о том, что среди западноевропейских евреев в первую очередь уже с XVII в. стали появляться выдающиеся деятели именно европейского масштаба. Их умы не были заняты только Торой и Талмудом. Напротив, они стали активно стремиться к получению неиудейского светского университетского образования, а получив такое, нередко оказывались в числе наиболее передовых умов своего времени. Нечто в этом роде бывало и раньше. Но именно теперь появились фигуры, можно сказать, мирового масштаба. Среди них известный нидерландский философ Б. Спиноза, чье имя явно не нуждается в комментариях. Будучи, насколько можно судить, человеком светским по духу и интересам, к тому же занимавшимся философскими проблемами в широком смысле этого слова, он не принадлежал к числу сторонников ортодоксального иудаизма. Более того, во многих изданиях об истории иудеев о нем пишут как о человеке, чьи труды были насыщены резкими выпадами против ортодоксального иудаизма. Нет смысла вдаваться в подробности. Важно отметить, что европейски образованный и в силу этого светски ориентированный университетский ум уже в XVII в. не мог мириться с иудейской ортодоксией в ее веками устоявшейся форме. Тем более это относится к XVIII в. — веку Просвещения. Новые условия жизни диктовали необходимость обновления как принципа догматической веры, так и отношения евреев к достижениям современной им светской сферы существования. А Великая французская революция конца этого века знаменовала собой еще больший толчок в этом направлении.

В XIX и особенно в XX в. потребность в умных и талантливых просвещенных светских деятелях во всех сферах жизни возросла многократно. И евреи, обладавшие соответствующими интеллектуальными потенциями, откликнулись на этот призыв. В Америке знамя

свободы и демократии поднял (среди прочих немногих так называемых «отцов-основателей») Авраам Линкольн. В Англии одним из самых блестящих премьеров стал Б. Дизраэли, получивший за свою деятельность графский титул. В Германии поднялся на борьбу за интересы пролетариата К. Маркс. Во Франции самым известным и богатым банкиром еще в XVIII в. стал М. Ротшильд. Думаю, этого достаточно для некоторого вывода: ортодоксальный синагогальный иудаизм быстрыми темпами переставал быть если и не единственной, то основной формой существования и выживания для практически всех евреев диаспоры. Он сыграл свою историческую роль, сохранив евреев как хорошо осознающий свою этническую общность народ в условиях рассеяния по всему миру и очень слабой связи между разрозненными общинами. Сохранил до тех пор, когда ситуация в мире стала резко меняться, а общинные этнические и религиозные рамки, характеризующие человека, начали отходить на задний план, уступая место иным качествам и достоинствам, в первую очередь индивидуально-интеллектуальным.

Разумеется, это не означает, что вышедшие на широкую арену политической либо финансовой и какой-либо иной деятельности евреи сразу же порывали с иудаизмом как родной для их предков и близких религией. Бывало по-разному. Но одно вне сомнений: позиции ортодоксально-талмудического иудаизма ослабевали. Возникла ситуация, широко открывавшая двери для иудаизма неортодоксального, современного, реформистского, в рамках которого влияние религии и ее представителей, начиная с раввинов, ослабевало. Не будем вникать в детали (обрезание как важный обряд приобщения к этому народу сохранялось дольше других, что и неудивительно: эту операцию проделывали над младенцем), но примем сказанное во внимание.

Что же представлял и представляет собой неортодоксальный иудаизм? С одной стороны, как уже о том было сказано, это отход от синагогально-раввинской ортодоксии с ее повышенным вниманием к Торе и Талмуду (о Каббале всерьез речь вести не стоит). Просвещенные и хорошо образованные евреи, быстро занявшие видные места в мировой элите или довольствовавшиеся обычным средним уровнем бытия и реализации своих способностей (а таких становилось все больше, что было заметно на примере уменьшения количества и населения еврейских местечек и увеличения числа евреев среди городского и особенно квалифицированного и неплохо обеспеченного населения практически во всем западном мире, включая и Россию), все

реже посещали синагоги и обращались к раввинам, все меньше уделяли внимание знакомству своих детей с иудаизмом. Возникли еврейские воскресные школы, позволявшие сочетать это знакомство в его минимальной форме со светским школьным и тем более университетским образованием. А образование делало свое дело.

Вчерашние правоверные евреи становились в ряды активных граждан той страны, где они жили. А в некоторых из этих стран, где общий интеллектуальный уровень народа был по каким-либо причинам ниже среднего, как, например, в России с ее к тому же очень большим количеством евреев, появившихся при Екатерине после присоединения Польши, они энергично выходили на передний план общественно-политической жизни. Более того, в ситуации политической неустойчивости именно они начинали играть очень заметную, а по мнению некоторых исследователей, чуть ли не решающую роль в революционных организациях. Там, где политическая ситуация была достаточно устойчивой, они шли иным путем, делая немалый вклад в иные сферы жизни общества. И как результат, многие евреи — особенно это касается России и СССР — переставали или почти переставали быть евреями в главном, что было характерным для этого народа ранее на протяжении веков — в своей преданности или даже просто причастности к религиозному иудаизму. Часть их ассимилировалась в процессе метисации, другие оставались евреями только по национальной принадлежности, что, к слову, в условиях никогда не утихавшего антисемитизма, было для них огромным социальным минусом (знаменитый пятый пункт в старых советских паспортах: национальность).

И вот здесь важно сказать о реакции ортодоксального иудаизма на эти тенденции. Главным его направлением в новых условиях, отягощенных к тому же, особенно в России, еврейскими погромами, стало стремление хорошо образованных и интеллектуально выдающихся представителей мирового еврейства к радикальному изменению места евреев в современном мире. Это направление получило наименование *сионизма* (напомню, что Сион — название холма, на котором свыше тысячелетия стоял Иерусалимский храм и где до сегодняшнего дня сохранился фундамент, так называемая Стена Плача, священное место для всех евреев). Сионизм получил особое развитие в Австрии и в России, где жили основные его идеологи — Т. Герцль, В. Жаботинский и др. Целью этого движения, исходившего прежде всего из необходимости сохранить евреев как народ перед реальной

угрозой его ассимиляции в рамках набирающих силу соответствующих тенденций, стала агитация евреев за переселение в малонаселенную тогда, свыше века назад, и малоплодородную Палестину с целью воссоздания там своего государства.

Как известно, именно это движение привело в свое время, уже после Второй мировой войны и нацистского Холокоста, унесшего жизни 6 млн. европейских евреев, к созданию государства Израиль, вот уже свыше полувека в тяжелейших условиях враждебного окружения отстаивающего свое существование. Здесь мы невольно сталкиваемся с проблемой современного иудаизма, как в государстве Израиль, так и во всем остальном мире. Насколько сильно влияние этой религии на евреев, по-прежнему рассеянных во всем мире, хотя и имеющих свое государство?* Вкратце можно сказать примерно так: позиции иудаизма и в Израиле, и во всем остальном мире примерно одинаковы. Есть немалое число сторонников традиционного ортодоксального иудаизма, в Израиле представленных своими политическими партиями. Но большая часть евреев не принадлежит к их числу. Это не означает, что они вовсе равнодушны к религии и к еврейству как этнической общности, исторически сложившейся в глубокой древности и своим сохранением в условиях диаспоры в основном обязанной именно религии. Но преданность их религиозной идее в современных условиях весьма невелика и ограничивается чаще всего соблюдением важнейших обрядов, праздников, а также обучением основам иудаизма в общеобразовательных школах (вне Израиля есть еврейские школы или воскресные школы). Университетское образование везде, в том числе и в Израиле, остается, как правило, светским и соответствующим современным мировым стандартам.

Иудаизм как монотеистическая религия, как развитая культурная традиция с мифо-поэтическим и философским интеллектуальным потенциалом сыграл немалую роль в истории культуры. Наиболее

* По некоторым данным, число евреев в 1986 г. равнялось примерно 13 млн. Из них в Израиле тогда жило 3,5 млн. (сегодня намного больше — около 4,5; прирост в основном за счет выходцев из СССР), в США — почти 6 млн., в СССР около 1,5 (стоит обратить внимание на загадочность ситуации — сотнями тысяч евреи уезжали до недавнего времени в Израиль, но в СССР и теперь в России их всегда оставалось не менее 1,5, а то и 2 млн.).

заметна эта роль в том, что через христианство и особенно через ислам религиозно-культурные принципы монотеизма стали широко распространяться. Это заметно, в частности, в том, что многие народы мира, тесно связанные с иудаизмом общими корнями и культурно-генетической близостью, вместе с идеей монотеизма восприняли и мифо-поэтическую традицию библейских текстов с их легендарными героями и пророками, патриархами и царями. Это религиозно-культурное наследство иудаизма оказало огромное воздействие на христиан и мусульман, хотя многие из сравнительно малообразованных представителей упомянутых конфессий подчас не готовы признать это, а иногда и не подозревают о первоисточнике мудрости заповедей и предписаний, о реальных прототипах мудрецов и пророков.

Глава 14

Древняя Греция: боги, герои, мифы

*Пантеон божеств. Зевс — глава небожителей • Подвиги героев
Эллады. Геракл • Героический эпос Гомера. Троянская война.
«Илиада» • Тема приключений в эпосе. Одиссей и аргонавты
• Религия и мифы в жизни эллинов*

Как известно, страны ближневосточной древности оказали значительное влияние на цивилизацию античной Греции. Более того, первые очаги высокой культуры и государственности, в частности, на острове Крит и в Микенах, возникли на рубеже III–II тыс. до н. э. под непосредственным воздействием близлежащих стран, таких как Египет, Сирия, Финикия, или достигших высокого уровня развития малоазийских народов, в первую очередь хеттов. Это влияние заметно на примере дворцово-храмовых сооружений на Крите с его культом получеловека-полубыка Минотавра, равно как и успехов, достигнутых в кораблестроении, столь необходимом для насыщенного островами юга Балкан. Несомненно, Греция испытывала значительные внешние воздействия с разных сторон, как с севера, откуда на ее территорию волнами шли индоевропейские переселенцы, так и с юга или востока, где имелись развитые очаги цивилизации. Неудивительно, что в итоге самые ранние древнегреческие культуры не имели особых отличий от соседних с ними ближневосточных. Это относится и к критскому, и к материковым очагам древнегреческой цивилизации, которые довольно

скоро были уничтожены в результате природных катаклизмов и нашествия с севера варваров-дорийцев, сыгравших роковую роль в гибели так называемой ахейской Греции, предшествовавшей им.

Новый исторический этап в истории Греции, иногда не без оснований именуемый гомеровским (XI–IX вв. до н. э.), сравнительно мало известен историкам и археологам. Этот период не случайно называют по имени величайшего из древних поэтов: едва ли не все, что известно о том времени, почерпнуто именно из приписываемых Гомеру масштабных эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», посвященных Троянской войне и приключениям одного из самых активных ее участников. Однако самое интригующее – это реальные события, связанные с дорийским завоеванием и той загадочной социально-политической мутацией, которую испытала страна за несколько так называемых «темных веков».

Результатом мутации, о которой идет речь (иногда ее называют архаической революцией, что не совсем корректно, ибо мутация, в отличие от революции, есть нечто случайное и неповторимое), явилась Великая бифуркация в истории человечества. Эта бифуркация, как известно, привела к расколу между теми народами, которые традиционно шли по единому пути, определенному восточными цивилизациями и восточным типом государственности, и народом Греции, который избрал античный путь эволюции. Новому пути соответствовали и принципиально новые социально-политические структуры, и другая экономика, и, главное, совсем иные мировоззренческие представления. Далее некоторые вопросы будут рассмотрены более подробно. Однако основное внимание будет уделено проблемам, имеющим отношение к античным формам религиозных представлений и верований. Ведь как раз они были теснейшим образом связаны с принципами нового образа жизни и более того, задавали тон в эволюции новаций, как в быту, так и во взаимоотношениях людей с окружающим их миром сверхъестественного.

В отличие от представлений и верований, свойственных первобытным коллективам или древним ближневосточным государственным образованиям, будь то ранние религиозные комплексы примитивных этнических общностей или более развитые системы многочисленных очагов городской цивилизации, религии античных греков, а позднее и римлян, представляют особый интерес главным образом своим отношением к богам и героям, которое, заметим, отнюдь не означало «панибратства», а свидетельствовало о высоком

достоинстве человека. В античном мире люди не падали ниц перед богами. Они восхищались героями и воздавали им должное, воспевая их подвиги. Но при этом герои с их полубожественным статусом и происхождением, да и сами боги, их покровители, а то и родители, — нечто если и не очень близкое, то во всяком случае всем хорошо понятное, созданное и «отшлифованное» десятками поколений. Это именно те представители сверхъестественной силы, которые при всем их величии и всемогуществе чем-то напоминают людей.

Стоит обратить внимание на то, что изображаются они в виде совершенных телом и обликом людей. И это не случайно. Античные греки — а именно с них берет начало традиция, о которой идет речь, — с легкостью включали богов и героев в свои предания-мифы, где эти божественные либо полубожественные персоны существовали рядом с обычными людьми. Более того, эти «феноменальные» силы не только находились около них, но и чаще всего действовали вместе с ними, помогая им либо мешая, — все зависело от вложенной в фабулу интриги.

Даже в иудаизме, где Яхве был крайне милостив по отношению к избранному им народу и явно потворствовал иудеям, запутавшимся в созданных ими же противоречиях, нет ничего похожего. Там Яхве совсем не появлялся перед народом и лишь изредка общался с ним через избранных им пророков-посредников. О других божествах в иных религиозных древневосточных системах и говорить нечего. Они, как правило, были лишь объектом страстного почитания. И во всем этом таится неумолимая закономерность: в обществах, где человек несвободен в принципе, независимо от его принадлежности к тому либо иному сословию, боги или даже великий единый Яхве не могут быть рядом с ним. Всемогущие сверхъестественные силы высокомерно **стоят над** морем их земных почитателей и лишь изредка милостиво спускаются, дабы получить законную жертву вместе с исступленными мольбами людей и обрядами посредников-жрецов.

Иное дело — мир небольших древнегреческих полисов, мир полноправных граждан, которые сами управляют своими мини-государствами и ежегодно переизбирают весь несложный аппарат администрации, призванный заботиться о **всеобщем** благе и именно с этой целью управлять полисом. И даже когда древнегреческие полисы в процессе синойкизма начали разрастаться, расширяться и структурно усложняться, превращаясь в весьма развитые, пусть даже не очень крупные государства, отношение между гражданами и аппаратом

власти оставалось прежним. А если правители не обожествлены, если каждый может встать в их ряды, то стирается та непреодолимая грань между правящими верхами и управляемыми подданными, которая всегда была столь естественной и неизменной на Востоке. Отсюда и отношение в античном мире к богам и героям. Да, конечно, боги не чета обычным людям, однако они не претендуют на то, чтобы управлять этими людьми с высот Олимпа, своей обители. Разумеется, они вмешиваются в жизнь людей, подчас диктуют им свое решение (это касается богов — герои ведут себя иначе, ибо сами де-факто остаются людьми и живут рядом с ними), но не более того. К тому же их вмешательство, причем зачастую без особых и тем более унижительных просьб, идет на пользу людям, пусть даже по выбору: одни боги помогают одним, другие — их противникам.

Словом, мир античных богов и героев, равно как и его отражение в великих эпических поэмах Гомера, бесчисленных мифах и драмах других авторов, будь то Гесиод, Софокл, Еврипид и многие-многие другие, — это нечто совершенно иное по сравнению с классическим Востоком. Конечно, и там всегда существовало множество разного рода верований и представлений, богов и героев, мифов и преданий. Более того, немало заимствований из восточного эпоса перекочевало и на эллинскую почву. Однако все почерпнутое из другой культуры было настолько глубоко усвоено и тщательно переработано с учетом античной реальности, что порой весьма трудно найти его следы, сохраняющиеся чаще всего лишь в фабулах, реже в именах.

Что же представляли собой древнегреческие боги и воспетые в эпических сказаниях герои? Что было основным содержанием эллинской религиозной системы и как оно отражалось на повседневной жизни древних греков?

ПАНТЕОН БОЖЕСТВ. ЗЕВС — ГЛАВА НЕБОЖИТЕЛЕЙ

Если излагать проблему исторически, то, опираясь на построения Гесиода, можно предположить, что олимпийским богам во главе с великим Зевсом предшествовали иные божественные силы — титаны. Их было шесть пар, причем все они были сыновьями и дочерьми божества Неба Урана и богини

Земли Геи. Младший из титанов, Кронос, будто бы по наущению матери оскопил серпом отца за его чрезмерную плодovitость, после чего занял его место. Сын Кроноса Зевс, последовав примеру отца, покончил с ним и сам занял пост главы нового поколения богов-олимпийцев (все титаны после битвы их с новыми богами были низвергнуты Зевсом в тартар, т. е. в подземную бездну, где их стали стеречь так называемые сторукие — чудовища, которые в свое время были рождены теми же Ураном и Геей, но изгнаны титанами). В отличие от низвергнутых титанов, олицетворявших грубые силы природы* и не слушавших разумных советов некоторых из них, в том числе знаменитого Прометея, жившие на горе Олимп боги нового поколения, отличавшиеся чисто человеческими качествами, причем чаще всего лучшими из них, стали символом мудрости и отваги, справедливости и искреннего желания помогать людям. Судя по всему, именно олимпийцы были теми близкими эллинам небожителями, которые не только активно помогали почитавшим их людям, но и стали неотъемлемой частью их высокой духовной культуры.

Теогония Гесиода, отразившая, видимо, в мифологической форме отличие древневосточных божеств от древнегреческих и исторический процесс завоевания Эллады греками-дорийцами, интересна как факт осмысления революционного переворота в древнегреческой мысли, свершившегося вследствие этого завоевания и приведшего в конечном счете к созданию на планете принципиально новой политической структуры — античных полисов. Греки-дорийцы, частично смешавшиеся с населявшими Элладу до их появления другими народами, в том числе греками-ахейцами или жителями Крита, со временем взяли на себя задачу мифологически осмыслить предшествовавшие им события. Это нашло свое воплощение как в теогонии Гесиода, так и в художественно совершенном эпосе великого Гомера. Именно в его поэмах впервые перед изумленными читателями и почитателями древних сказаний встают во весь рост едва ли не все боги Олимпа, втянутые в сказочную историю о так называемом яблоке раздора, которое стало поводом для знаменитой Троян-

* Титаны, в том числе Кронос, согласно преданиям, собранным Гесиодом, имели обыкновение пожирать своих детей. Когда родился Зевс, которому была уготовлена та же участь, его мать Рея подсунула отцу завернутый в пеленки камень, который и был проглочен, а затем извергнут Кроносом. Позже этот камень стал объектом почитания в Пифоне близ Парнаса.

ской войны. И хотя в ходе этой войны симпатии и антипатии богов и богинь были различными, именно это вполне жизненное обстоятельство привело к тому, что могущество небожителей-олимпийцев гармонично вплелось в земные страсти борющихся сторон.

О мифах и эпосе речь пойдет чуть позднее. Пока же несколько слов о самих богах-олимпийцах. Начнем с громовержца — как его определил еще Гомер — Зевса. Специальные исследования дают основания видеть в этом божестве следы разных эпох и соответственно различные ипостаси. Возможно, что под видом священного Минотавра на Крите в свое время, еще во II тыс. до н. э., почитался именно он (вспомним, что, согласно мифам, красавицу Европу Зевс похитил в облике быка). Но в любом случае он считался после низвержения титанов главой мира небожителей. Сумев еще при жизни отца достать из его утробы проглоченных им ранее сыновей, Зевс поделил с ними, Посейдоном и Аидом, весь мир. Посейдону достались моря, Аиду — подземное царство мертвых. Одно время Зевс сам считался божеством жизни и смерти, но затем остался лишь главой живых.

Нельзя сказать, что утверждение Зевса в качестве верховного небожителя прошло гладко. Ему приходилось сражаться не только с титанами, но и с гигантами и другими полубожественными чудовищами. Иногда он вынужден был подавлять сопротивление и со стороны недовольных его всевластием богов-олимпийцев, включая ближайших к нему персон — его сестры и жены Геры, брата Посейдона, дочери Афины Паллады. Но из всех столкновений Зевс неизменно выходил победителем. Он, как и все греки, верил в судьбу и предсказания (эта вера была очень широко распространена в Элладе, судьба-рок была священна; чтобы узнать о своем будущем, греки, в том числе цари и герои, обращались обычно к оракулу в Дельфах). Именно по этой причине Зевс проглотил свою первую жену Метиду и отказался от брака с Фетидой (от каждой из них должен был родиться сын, который станет сильнее отца). Второй женой его стала богиня справедливости Фемида, среди дочерей которой были мойры, богини судьбы, которых побаивался даже их отец. Ну а иным богиням и простым женщинам, родившим Зевсу детей, буквально нет числа. Мнемосина, богиня памяти, родила всех девяти муз; богиня Лето — влиятельнейших богов Аполлона и Артемиду. Что касается его третьей и главной жены, Геры, то она, став богиней супружества и законных брачных связей, прославилась не столько рождением новых богов, сколько преследованием тех женщин, от которых у Зевса

рождались боги (например, Дионис, бог вина и веселья) и такие герои, как Геракл. В отместку за неверность Гера даже родила без участия мужа Гефеста, бога огня и кузнечного дела.

Зевс как глава олимпийского сообщества небожителей, живших где-то на горе и питавшихся божественными напитками, нектаром и амброзией, со временем стал считаться главным покровителем людей. Он почитался в качестве прародителя всего живого, был отцом законов и городов-полисов, великим воином, защитником обиженных и т. д. и т. п. Однако в заботе о благе людей Зевс не всегда оказывался последовательным. Именно Зевс велел приковать к скале Прометея за то, что тот принес людям из кузницы Гефеста огонь. Но, тем не менее, со временем утверждается этическая ипостась верховного небожителя. Считается, что именно он вложил в людей понятия о стыде и совести, о порядке и основах государственности.

Среди наиболее почитаемых древнегреческих богов следует назвать в первую очередь Аполлона, Афину и Афродиту. Аполлон (Феб) — божество высшей гармонии, покровитель муз и светлого, чистого начала в мире, пророк и оракул. Убив чудовище близ Дельф, он, по преданиям, основал там свой великий храм судьбы и прорицания. От его имени жрицы-пифии, служительницы дельфийского оракула, в ответ на вопросы обычно отвечали краткими и порой не очень ясными, но всегда полными глубокого смысла и назидания прорицаниями. Именно жрица дельфийского оракула, по преданию, от имени Аполлона сначала предсказала фиванскому царю Лаю и его жене Иокасте, что их сын убьет отца. А после того, как брошенный младенец Эдип, оказавшийся в доме коринфского царя, воспитавшего его как сына, узнал, что он подкидыш, и в свою очередь пошел к оракулу, ему было предсказано пифией, что он убьет отца и женится на матери. Так и вышло. Трагедия Эдипа — одна из величайших в истории, а связанное с ней понятие «Эдипов комплекс» вошло в современную науку благодаря теоретическим разработкам знаменитого психоаналитика З. Фрейда.

Аполлон активно вмешивался в жизнь людей, помогая им и прекращая распри. Будучи олицетворением тонкого вкуса, красивый и изящный покровитель искусств он общался со всеми девятью музами. Его храмы в разных городах всегда были переполнены почитателями. В этом смысле он был близок к дочери Зевса и Метиды Афине, богине мудрости, справедливости и одновременно военной мощи, покровительнице героев и защитнице греческих городов. По преданию, Зевс, опасаясь зловещего предсказания, что сын Метиды лишит его высшей вла-

сти, проглотил жену и сам родил дочь из головы. Это и была Афина, будто бы появившаяся на свет в полном боевом облачении.

Как и Аполлон, она принадлежала к высшему, наиболее почитаемому слою эллинского пантеона. Именно ее именем назван известный древнегреческий полис, ставший впоследствии символом великой эллинской демократии. Почиталась она во всей Элладе, а празднества в честь Афины (панафинеи) были едва ли не самыми многочисленными. Со времен знаменитого реформатора Солона они проходили в Афинах ежегодно и сопровождались состязаниями и принесением жертв. Статуи богини были широко распространены, хотя до нашего времени дошли лишь небольшие статуэтки и рельефы с ее изображением, в том числе на фронте Парфенона.

Афродита, дочь Зевса (согласно другой версии — рожденная близ Кипра из пены, образовавшейся в море из крови Урана, который был оскоплен Кроносом), богиня любви и красоты, великий символ плодородия и вечной молодости, изобилия и всевластия любовной страсти. Мужем ее, по представлениям греков, был хромоногий труженик Гефест, а любви ее домогались многие, в том числе Посейдон и бог войны Арес, которого родила Гера, опять-таки без участия мужа (интересная деталь, характеризующая облик ревливой главной жены великого небожителя). Сыном Афродиты от Ареса иногда называют бога любви Эроса (Амура), часто изображаемого в образе шаловливого мальчика с луком и стрелами, которые, попадая в кого-либо, рожают в нем неодолимую любовь.

Афродита щедро покровительствовала героям, обещая им любовь. Однако этим ее роль не ограничивалась. Она активно вмешивалась в военные дела, особенно в события, связанные с Троянской войной, виновницей которой отчасти была именно она, обещавшая троянскому царевичу Парису любовь Елены Прекрасной и тем самым вынудившая его отдать именно ей яблоко раздора, послужившее причиной войны. Сыном Афродиты считается участник Троянской войны Эней, один из тех немногих троянцев, кто после гибели Трои сумел не только спастись, но и добраться до Италии, стать одним из основателей Рима. Множество храмов Афродиты всегда были полны ее почитателями. Среди сохранившихся античных скульптур именно изображения Афродиты (она же римская Венера) в виде обнаженной красавицы занимают одно из первых мест.

Сестра Аполлона, богиня охоты Артемида, строгая, решительная и своенравная, менее известна. Окруженная спутницами-нимфами,

девственница и защитница целомудрия, Артемида бродила по лесам и, в частности, следила за сохранением там порядка. Она мстила за потравленную дичь и безжалостно убивала тех, кто посмел взглянуть на ее случайно обнажившееся тело.

Перечисленные персоны принадлежат к числу наиболее заметных и являются олицетворением олимпийских небожителей, однако ими список богов Олимпа не исчерпывается. Но важно иметь в виду, что даже мимолетное знакомство с ними свидетельствует о том, что боги классической Эллады были чем-то вроде отражения представлений античных греков как обо всем окружающем их мире, так и в значительной мере о самих себе. Война, любовь, работа, храмы, жрецы, жертвоприношения — вся жизнь античных людей была связана с божествами, созданными воображением эллинов. При этом, как уже отмечалось, многое заимствовалось и приспособлялось к тому, что соответствовало нормам жизни и представлениям граждан греческих полисов.

Боги Олимпа — высший и наиболее могущественный слой сверхъестественных сил, которым подвластно то, что неподвластно человеку. Однако их необычные возможности не столько подавляли людей, сколько помогали им. И это немаловажное обстоятельство отразилось в отношении к небожителям. Богов уважали, почитали, им приносили жертвы, но не испытывали при этом страх перед ними. И — в отличие от богов — совсем другое дело герои, т. е. отдельные представители людей, которые оказывались близко от небожителей и чьи действия затрагивали их интересы. С ними все было намного сложнее. Именно их истории и являют собой едва ли не самое интересное из всего того, что запечатлело на века в выдающихся произведениях литературы и искусства, как драматического, так и изобразительного, воображение эллинов.

ПОДВИГИ ГЕРОЕВ ЭЛЛАДЫ. ГЕРАКЛ

Древнегреческие герои — мужи, как правило, гордые и отважные, — богами не были и бессмертием не обладали. Однако почти все они были либо связаны родственными узами с тем или иным божеством, либо были выходцами из царской среды. Словом, по своему происхождению они были людьми не простыми, что всегда отмечается, коль скоро речь заходит об их происхождении. Этот момент был очень важным для характеристики ге-

роя, ибо все должны были знать, что герой — явно не простолюдин. Им мог стать лишь тот, кто уже по своему рождению был возвышен над обычными людьми и именно поэтому обладал возможностями, заурядным людям не свойственными.

Такое отношение к эпическим героям свойственно едва ли не всем народам мира, у которых есть более или менее развитая мифология и тем более красочный героический эпос. Объяснить это несложно: кто как не те, на чьи плечи с детства пала нелегкая миссия возглавлять простых людей и вести их по верному пути, демонстрируя свое врожденное умение преодолевать всевозможные препятствия и побеждать грозных противников, должны быть в глазах всех остальных людьми выдающимися? И разве эти выдающиеся (а все герои, в отличие от богов, смертны и в этом равны простым людям) не являются прежде всего и главным образом именно теми, кто управляет остальными и тем самым оказывается если и не рядом с богами, то ближе к ним, нежели другие? Как бы то ни было, не стоит забывать, что почитаемые древними греками герои были людьми необычными, и эта неординарность очень часто, если не всегда, оказывалась тесно связанной с их высоким происхождением.

Первым (и по времени появления, и по заслугам перед людьми) из известных героев Эллады по праву считается Прометей. Сложна и весьма запутанна история его жизни, описанная к тому же несколькими авторами в разных вариантах. Но суть подвигов этого едва ли не главного героя античной Греции в том, что именно он, принадлежавший к титанам, почти богам, по рождению и ставший, в отличие от своих сородичей, на сторону Зевса, принимал участие в создании рода людского. Вызвав недовольство Зевса своим своеобразием (прежде всего, он любил людей и, желая помочь им, выкрал из кузни Гефеста искру божественного огня и передал его на землю, дабы люди смогли согреться и приготовить себе пищу), Прометей не раскаялся в своем проступке. Более того, он активно продолжил свою деятельность. В ряде текстов, например у Эсхила, сказано, что именно Прометей, а не великий Зевс наделил людей разумом и научил их всем полезным занятиям и искусствам. Он даже будто бы кощунственно научил их обманывать богов, подсказав им приносить в жертву ту часть тела животного, которая не годится в пищу для людей.

За все это Прометей был сурово наказан: его друг Гефест по приказу Зевса приковал его к одной из кавказских скал у берега бушующего моря. Мало того, каждые третий день к нему прилетал

посланный Зевсом орел, выклевывавший его печень, которая заново отрастала за ночь. Но Прометей мужественно выносил все страдания и хранил глубоко в сердце поведенную ему матерью Фемидой тайну о том, что брак Зевса с Фетидой завершится рождением сына, который низвергнет отца. Зевс всячески пытался узнать эту тайну. Прометей долго не сдавался, пока Зевс не пошел на уступки. Он приказал своему сыну Гераклу убить терзавшего Прометея орла. Затем велел разорвать его оковы, после чего послал к Прометею Гермеса. Прометей раскрыл тайну своему другу. В итоге Зевс выдал свою невесту за Пелея, на свадьбе которого боги праздновали окончательное примирение с некогда низвергнутыми ими в тартар титанами, одним из которых и был все тот же Прометей.

Миф о Прометее не вполне обычен, да и сам Прометей как великий герой не типичен. Прежде всего, он принадлежит к числу божественных персон, титанов, и потому практически бессмертен, чем и отличается от людей. Кроме того, ему приписываются креативные функции, уравнивающие его с богами, начиная с великого Зевса. Но как великий герой, мужественно перенесший нестерпимые страдания во имя людей и ради сохранения собственного достоинства, Прометей являет собой знаковую фигуру. Его можно рассматривать как важнейший эталон, как совокупность качеств, свойственных настоящим героям, готовым на все во имя великой и благородной идеи. И потому нет ничего удивительного в том, что все биографии и подвиги последующих древнегреческих героев в какой-то степени напоминали если не деяния, то мужественный характер непокорного Прометея.

Тесей (Тезей) был сыном афинского царя Эгея и в то же время потомком нескольких богов-олимпийцев. Тексты упоминают Гефеста, Посейдона и даже самого Зевса, причем существует версия, что подлинным отцом героя был не его напившийся до опьянения в брачную ночь отец, а Посейдон. Воспитанный матерью (его отец побоялся взять мальчика с собой в Афины, где всем заправлял его властолюбивый брат), Тесей лишь в юношеском возрасте, опоясанный оставленным ему отцом мечом, прибыл в Афины. Эгей вначале не узнал его и по совету жены-волшебницы Медеи, стремившейся посадить на афинский трон своего сына, решил отравить юношу. Но когда Тесей вынул отцовский меч, чтобы разрезать поданный ему кусок мяса, Эгей узнал сына и разбил чашу с ядом.

Заняв в Афинах свое место и расправившись с возможными соперниками, в том числе с пятьюдесятью кузенами, Тесей узнал о том, что

раз в девять лет в Афины прибывает критский царь Минос, требуя в качестве дани семерых юношей и столько же девушек, предназначенных на съедение чудовищу Минотавру. Тесей решил отправиться на Крит и сразиться с Минотавром. На острове ему помогла полюбившая его дочь критского царя Ариадна, которая дала ему клубок нити, чтобы он не запутался в лабиринте, где обитал волшебный бык. Убив Минотавра, Тесей бежал. Но, подплывая к Афинам, он забыл сменить паруса, о чем заранее условился с отцом. Увидев черные паруса, Эгей в отчаянии бросился в море, которое позже было названо его именем. Тесей же по возвращении домой уже в качестве афинского царя принимал участие в битвах с амазонками и кентаврами, дружил с Гераклом, не раз спасавшим его в опасных ситуациях.

По преданиям, свои последние годы Тесей провел в рискованных путешествиях, например, в подземное царство мертвых с целью похитить богиню этого царства Персефону. За это боги жестоко наказали героя, отняв у него Афины (царем там стал родственник Тесея, некогда изгнанный им). Тесей был вынужден бежать на затерянный остров, правитель которого коварно столкнул его со скалы в море. Несмотря на столь бесславный конец, Тесей, много сделавший для укрепления Афин, был одним из почитаемых правителей города. В годы греко-персидских войн афиняне, вняв гласу дельфийской пифии, разыскали прах Тесея, привезли его в город и стали приносить ему как сыну Посейдона жертвы, устраивая праздники в его честь. В отличие от Прометея с его креативными функциями и полубожественным статусом, Тесей, несмотря на версию об отцовстве Посейдона, почитался как обычный смертный, но при этом знаменитый герой, прославившийся своими подвигами, а также реформами во благо Афин.

Геракл — самый известный среди древнегреческих героев. Сын Зевса и красавицы Алкмены, в младенчестве он совершил свой первый подвиг, задушив у себя в колыбели двух посланных ревливой богиней Герой змей. Затем он прославился убийством терроризировавшего окрестности Фив киферонского льва (откуда взялись львы в Греции — вопрос праздный), однако Гера не успокаивалась. После женитьбы Геракла на дочери фиванского царя и рождения у него детей, она искусно привела его в состояние безумия и заставила убить отпрысков. Вновь обретя разум, Геракл ушел в добровольное изгнание. Оракул велел ему исполнять приказы тиринфского царя Эврисфея, которому он был обязан служить 12 лет. Исполняя свой

долг, Геракл по приказу Эврисфея совершил еще несколько подвигов. Он добыл шкуру немейского льва, которого сумел задушить, убил губившую скот девятиглавую лернейскую гидру, поймал принадлежавшую Артемиде неуловимую кернейскую лань с золотыми рогами, за которой гонялся около года, затем страшного эриманфского вепря. После этого он сумел с помощью направленного потока речной воды очистить от навоза конюшни элидского царя Авгия, изгнал пожиравших людей стимфалийских птиц с железными перьями, овладел свирепым критским быком царя Миноса, сумел добыть кормившихся человеческим мясом кобылиц фракийского царя Диомеда, пояс царицы амазонок Ипполиты. В заключение, отрабатывая свое преступление, Геракл пригнал с отдаленного заокеанского острова Эрифия в Микены стадо коров, достал с острова Гесперид золотые яблоки и привел — а затем отвел обратно — пса Кербера (Цербера), стража преисподней.

Во время всех этих приключений Геракл не раз попадал в ловушки и становился жертвой обмана. Но ему всегда удавалось перехитрить своих недоброжелателей и выполнить возложенное на него поручение. Так было, например, в случае с золотыми яблоками, когда Гераклу пришлось дойти до края земли, где гигант Атлант держал на своих плечах небесный свод. Атлант пообещал достать яблоки, поручив Гераклу подержать за него небесный свод. Принеся яблоки, хитрый Атлант предложил Гераклу еще немного постоять, пока он отнесет добычу Эврисфею. Почуввав недоброе, Геракл попросил Атланта взять на себя свод, а он тем временем положит на плечи подушку. Гигант согласился, а Геракл схватил яблоки и был таков.

Традиция утверждает, что Геракл совершил всего двенадцать великих подвигов, хотя цифры не всегда сходятся. Но не это важно. Важнее то, что подвигами на службе Эврисфею его великие свершения не ограничились. Геракл принимал участие во многих приключениях и сражениях. По преданию, в конце жизни боги даже приняли его в стан бессмертных. Правда, это единственный в своем роде случай в героическом эпосе эллинов, когда герой оказывается равным богам и становится бессмертным. Но, если уж на то пошло, именно Геракл, самый выдающийся из древнегреческих героев, заслужил столь исключительную награду. Что же касается остальных известных эллинских героев мифов и эпических сказаний — а имя им легион — то они родились и оставались людьми, т. е. простыми смертными. Впрочем, это никак не умаляет величия их подвигов, о которых написаны

толстые тома прекрасных изданий едва ли не на всех языках мира. Рассказать обо всех невозможно, поэтому ограничимся несколькими важнейшими событиями древнегреческих преданий.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ГОМЕРА. ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА. «ИЛИАДА»

В первую очередь это подвиги героев, связанные со знаменитой Троянской войной. Детальный отчет о ней представлен в эпической поэме Гомера «Илиада» (Илион — древнее наименование Трои). Не пересказывая сюжета поэмы, посвященной в основном осаде Трои, обратимся к наиболее интригующим моментам фабулы. Прежде всего, важно еще раз сказать о причине войны, т. е. о яблоке раздора, которое поднесла богиня Эрида трем другим богиням — Гере, Афине и Афродите — с провокационной надписью «прекраснейшей». Зевс поручил Гермесу привести богинь к избранному им в качестве судьи троянскому царевичу Парису. Соблазненный обещанием Афродиты обеспечить ему любовь прекраснейшей из женщин Елены, жены спартанского царя Менелая, Парис отдал яблоко именно ей, чем снискал ненависть Геры и Афины. Тем временем Парис прибыл в Спарту, где, воспользовавшись отсутствием Менелая, сумел уговорить Елену бежать с ним в Трою. В ходе разгоревшейся войны Афродита и Аполлон помогали троянцам, а Гера и Афина — грекам-ахейцам.

«Илиада» полна описаний героических подвигов спартанских царей Менелая и его брата Агамемнона, возглавившего ахейцев, а также бывших женихов Елены Прекрасной, связанных с Менелаем клятвой верности. В войне приняли участие и многие другие ахейские правители, например Одиссей. Активную роль в ней сыграл Ахилл (Ахиллес), сын уже упоминавшихся Пелея и богини Фетиды, которого мать в младенчестве искупала в водах подземной реки Стикса, держа его при этом за пятку (благодаря этому тело Ахилла стало неуязвимым для вражеского оружия, а слабым местом его осталась лишь пятка — «ахиллесова пята»), а также его друг и побратим Патрокл. Длительная война с троянцами достигла кульминации на десятом году осады. Именно тогда стали разворачиваться основные интриги. Обиженный Агамемноном Ахилл (у него отняли пленницу) отказался сражаться. Тем временем предводитель троянцев Гектор убил Патрокла. В ярости Ахилл бросился в гущу битвы, убил

Гектора, но вскоре сам погиб, пораженный в пятку стрелой, выпущенной Парисом.

В одном из сражений погиб и Парис, а троянцы укрылись за мощными стенами города. И вот здесь вышел на авансцену хитроумный Одиссей, который и считается автором идеи о знаменитом троянском коне.

По его совету греки построили деревянного коня, спрятав внутри несколько воинов. Основное войско греков сделало вид, что готовится к отступлению. Осмелевшие троянцы забрали коня. Ночью из него вышли греческие воины, которые открыли городские ворота для возвратившегося основного войска, после чего началось избиение троянцев. По воле богов убежать удалось лишь Энею с несколькими спутниками (о них речь впереди). Город погиб в пожаре. А наиболее известные его женщины, в том числе жена Гектора Андромаха и дочь престарелого троянского царя Приама и Гекубы Кассандра, попали в плен. Кассандра была известна как пророчица, которую Аполлон, отчаявшись добиться ее любви, наказал тем, что ее прорицаниям никто не верил. В частности, именно она накануне гибели Трои тщетно призывала не вносить в город троянского коня. Что же касается Елены, жертвы яблока раздора, то она, судя по некоторым данным, в ходе войны втайне даже сочувствовала грекам. После падения Трои Елена вернулась к своему мужу Менелаю, который вначале искал ее в городе с мечом в руках, но затем простил красивейшую из женщин.

После гибели Трои в лагере ахейцев начались распри, что многих из них привело к гибели. Бушевали суровые ветры и насланные разгневанными богами бури, в которых пропадали корабли ахейцев. Жертвой своей ревливой жены Клитеместры стал привезший в качестве добычи Кассандру предводитель ахейцев Агамемнон. Длительными и порой смертельно опасными приключениями был наказан возвращавшийся домой Одиссей. Словом, Троянская война не принесла славы грекам. Однако поэтический рассказ о ней, обработанный со временем великим Гомером и обретший бессмертие, сыграл свою роль. Герои Трои стали общеэллинским достоянием. В мифах и многократно сочинявшихся и переписывавшихся преданиях их доблести восхвалялись, а приключения становились темой для новых эпических сказаний. Одним из таких сказаний стал рассказ об Одиссее.

ТЕМА ПРИКЛЮЧЕНИЙ В ЭПОСЕ.
ОДИССЕЙ И АРГОНАВТЫ

Греция — страна полуостровов и островов, развитой морской торговли и колонизации заморских земель. Неудивительно, что с глубокой древности эллины были хорошо знакомы с мореходством и совершали на кораблях дальние путешествия. Некоторым путешественникам удавалось даже достичь Кавказа. Другие попадали порой в весьма опасные переплеты. Великая эпическая поэма Гомера «Одиссея» посвящена детальному описанию такого рода приключений. Одиссей, один из главных героев Троянской войны, был, по преданию, внуком Гермеса. Иногда считают, что именно от этого бога он унаследовал столь присущие ему хитрость и острый ум, хотя непонятно почему, ибо Гермес, как его описывают мифы, ни тем, ни другим особо не отличался. Как уже отмечалось, мифология эллинов была склонна к созданию генеалогий, которые искусственно связывали героев родственными узами с тем или иным богом. Тем не менее, Одиссей не претендовал на родство с богами, был скромным правителем небольшого острова Итака, где, похоже, он был даже не единственным властителем.

Как и многие другие вожди греков-ахейцев, Одиссей стал активным участником Троянской войны и благодаря своим способностям быстро вошел в плеяду самых известных стратегов греческого воинства. Во многих конкретных ситуациях, описанных в «Илиаде», Одиссей проявлял свою мудрость и улаживал разного рода конфликты. Его умением убеждать и строить хитроумные планы восхищалась, если верить поэме, сочувствовавшая и помогавшая грекам богиня Афина. В свое время, еще до войны, Одиссей был в числе женихов, помогавшихся руки Елены, но вскоре он предпочел ее кузину Пенелопу. Отправляясь на войну с дюжиной своих кораблей (всего со стороны греков, если верить «Илиаде», их насчитывалось около тысячи), Одиссей сумел обнаружить на одном из островов спрятанного там матерью Ахилла и взять его с собой. Вместе с Менелаем до начала войны он пытался уладить дело миром. В разгар войны ему удалось тайно проникнуть в осажденный город и похитить из храма Афины ее скульптурное изображение, палладий, обладание которым, согласно одному из пророчеств, было условием победы греков. Заслуги Одиссея в войне бесспорны, даже не упоминая о выдумке с троянским конем, благодаря которой была одержана победа.

После войны Одиссей спокойно отправился домой, рассчитывая под покровительством равнодушной к нему Афины на быстрое возвращение. Однако путешествие заняло десять лет и оказалось насыщенным разного рода приключениями, описаниям которых и была посвящена поэма «Одиссея». В ней собраны многочисленные мифологические сюжеты, вошедшие в обиход и хорошо известные многим почитателям древности. Остановимся на важнейших из них.

Описание приключений Одиссея начинается с его собственного повествования о них на острове Схерия, в гостеприимном доме царя феакийцев Алкиноя, куда его забросила судьба уже в самом конце странствий, перед возвращением домой. Он рассказывает, как в начале своего долгого пути его корабли были прибиты бурей к фракийскому побережью, где в сражении с киконами многие из его воинов погибли. Следуя дальше и снова попав по воле Зевса в бурю, корабли занесло к волшебному острову лотофагов, питавшихся лотосом. Поев вместе с ними, все высадившиеся на берег члены команды сразу же захотели остаться на этом острове навсегда, так что Одиссею с оставшимися воинами пришлось силой вернуть беглецов и быстро отчалить. Затем судьба забросила его суда на остров одноглазых гигантов-циклопов, у которых земля щедро родит без участия людей, а стада сами пасутся рядом с их жилищами, расположенными в огромных пещерах. Попав с двенадцатью воинами в плен к циклопу Полифему, не брезгавшему никакой пищей, включая и людей, Одиссей, потеряв половину съеденных Полифемом спутников, сумел спить великана вином и, когда тот уснул, выколол единственный глаз врага. Утром он с трудом выбрался из пещеры вместе с прятавшимися там ночью баранами. Полифем ощупывал их перед выходом, но хитроумный Одиссей связал баранов попарно и велел уцелевшим воинам уцепиться снизу за их животы и таким образом выбраться незаметными. Сам он вцепился в брюхо огромного барана-вожака, покинувшего к удивлению Полифема пещеру последним. Бежав на корабле, Одиссей уже с моря выкрикнул слепому циклопу свое имя, и тот проклял его, призвав на помощь своего отца Посейдона, который из сострадания к сыну с яростью преследовал Одиссея.

Оказавшись на острове бога ветров Эола, уже неподалеку от родной Итаки, Одиссей получил в подарок крепко завязанный мех, в котором были все ветры. Однако в пути Одиссей уснул, а его спутники из любопытства открыли мех и освободили тем самым ветры. Поднялась буря, которая, в конечном счете, пригнала флот к остро-

ву великанов-людоедов лестригонов, уничтоживших 11 кораблей. На последнем корабле Одиссей с трудом сумел спастись и вскоре пристал к острову волшебницы Цирцеи, где по воле хозяйки провел целый год, посетив за это время подземное царство мертвых и узнав кое-что о своей дальнейшей судьбе. По пути домой Одиссей оказался близ побережья, на котором сладко пели сирены. Пришлось замазать всем уши воском и привязаться самому к мачте. Едва миновав эту опасность, корабль оказался между двумя движущимися волшебными чудовищами-скалами, Сциллой и Харибдой. Пока корабль пробирался по узкому проливу между скалами, шестиголовая Сцилла успела схватить и сожрать шестерых воинов Одиссея.

Прибыв на очередной остров, проголодавшиеся спутники Одиссея убили там пасущихся на нем быков бога солнца Гелиоса, в наказание за что Зевс поразил молнией вышедший в море корабль. Все люди погибли в пучине. Один лишь Одиссей был выброшен морем на остров нимфы Калипсо.

Добиваясь его любви, нимфа сумела продержать Одиссея у себя семь лет и лишь после этого по воле богов разрешила ему продолжить путь. Одиссей сколотил плот и плыл семнадцать дней, пока узнавший об этом Посейдон не наслал на него очередную бурю, разбившую плот. Наш герой оказался в водах бушующего моря. Но богиня Левкофея, сжалившись над ним, окутала его волшебным покрывалом. С помощью этого одеяния Одиссей благополучно доплыл до острова Схерия и, усталый, заснул на берегу, где его встретила царская дочь Навсикая. В результате Одиссей оказался гостем царя Алкиноя и рассказал ему всю свою историю. Алкиной посадил его на корабль, щедро одарив сокровищами, и помог доплыть до родной Итаки, где в это время женихи осаждали жену Одиссея Пенелопу, верно ждавшую возвращения мужа. Дабы избавиться от их притязаний, она дала зарок не выходить заново замуж, пока не закончит ткать погребальный саван для свекра. Днем она его ткала, а ночью распускала.

Нелегким было возвращение. Одиссей вместе со своим подростком сыном Телемахом с трудом одолел наглых женихов. Устроив состязание, он, не раскрывая себя, выиграл его, затем вместе с сыном расправился с женихами. Радость Пенелопы и всего населения Итаки была неопишуемой. А тени погибших женихов в подземном царстве рассказали теням Агамемнона и других мертвых героев Троянской войны о происшедшем. Естественно, что герои войны были рады за Одиссея.

Одиссей, один из наиболее известных и, безусловно, самый хитроумный герой эллинской мифологии, в некотором смысле может считаться олицетворением ее как эпического жанра. Тема скитаний, мотив постоянно угрожающей путешественникам бури, удивительные и с редкостной выдумкой созданные красочные описания приключений, из которых герой выходит победителем, — это жизнеутверждающая основа многих эллинских мифов. Разумеется, не все они имели благополучный финал. «Одиссея» в этом смысле, как и подвиги Геракла, скорее редкое исключение на фоне более трагических мифологических сюжетов. Достаточно вспомнить мифы о взлетевших к солнцу Дедале и Ираке, о вызванной вроде бы простительной небрежностью гибели отца Тесея Эгея, о несчастном Эдипе и т. п. Но в жанре путешествий именно «Одиссея» задает тон. Она словно приветствует и оживляет вечное стремление эллинов освоить окружающий их мир. И доказательством тому может служить еще одна серия мифов, собранных в эпосе о приключении аргонавтов. После рассказов об Одиссее это самое яркое, но в то же время трагичное описание одного из наиболее известных и — в отличие от маршрута Одиссея — весьма дальних путешествий. Путешествий, которые были наполнены не только вызванными обстоятельствами и усугубленными волей богов разными приключениями, но и живыми человеческими страстями, поднимающимися на уровень высочайшей трагедии.

Аргонавты («плывущие на корабле “Арго”») — это группа героев, которые отправились в плавание за золотым руном в далекую Колхиду. Странствие началось с того, что Пелий, сын Посейдона, убив правителя, захватил власть в фессалийском Иолке. Сын убитого Ясон, явившись к Пелию в одном сандалие (второй он потерял при переправе через реку), потребовал вернуть ему царство. Перепуганный Пелий, который в свое время получил предсказание, что ему следует остерегаться того, кто обут на одну ногу, обещал вернуть Ясону царство, если тот добудет в Колхиде шкуру некогда уведенного туда золотого барана. Ясон, заручившись помощью богини Афины, построил корабль, набрал команду из известнейших героев Эллады, включая Геракла, и отправился в путь.

Сначала аргонавты достигли острова Лемнос, где незадолго перед тем женщины уничтожили всех мужчин. Их царица предложила Ясону стать ее мужем и остаться со всеми спутниками на острове. Юноша готов был согласиться, и только уговоры Геракла заставили его отправиться в путь.

Во время пира в одном из городов близ Геллеспонта на корабль аргонавтов напали шестирукие чудовища, в битве с которыми отличился опять-таки именно Геракл. А вскоре на одном из островов, когда Геракл отправился в лес, чтобы найти замену для сломанного весла, его спутник был захвачен в плен очарованными им нимфами. Геракл долго искал юношу, а корабль с аргонавтами тем временем отправился дальше без него. На рассвете взволнованные аргонавты обнаружили пропажу и готовы были повернуть назад, но перед ними появился морской бог Главк и сказал, чтобы они этого не делали, ибо Геракл не должен участвовать в их походе — такова воля Зевса.

Следуя дальше, корабль «Арго» достиг Вифинии, царь которой захотел померяться силой с кем-нибудь из его экипажа. Вызов принял Полидевк, который и убил царя в кулачном бою. На очередном острове аргонавты спасли слепого старика, которого одолевали страшные птицы гарпии, отнимавшие у него пищу. В благодарность старик дал им несколько полезных советов, в частности, о плавучих островах-скалах. Наученные им аргонавты выпустили вперед себя голубку, которая сумела пролететь между скалами, оторвавшими у нее лишь кончик хвоста. Сочтя это благоприятным предзнаменованием, аргонавты смело направились вперед и проскочили между скалами, которые только чуть повредили корму их корабля и после этого навсегда стали недвижимыми.

Достигнув Кавказа, аргонавты увидели прикованного к скале Прометея и слышали его стоны. Войдя через устье реки в Колхиду, они оказались во владениях царя Ээта. В то время покровительствовавшая им Афродита попросила своего сына Эроса, чтобы он воспламенил в сердце дочери Ээта волшебницы Медеи любовь к Ясону. И когда Ясон со спутниками пришел во дворец, увидевшая его Медея мгновенно вспылала к нему страстью. Ээт, узнав о цели путешественников, рассвирепел и предложил им сначала вспахать священное поле на огнедышащих быках бога войны Ареса и засеять его зубами дракона. Ясон справился с этой задачей. Но не успел он закончить работу, как из зубов дракона стали на его глазах вырастать вооруженные воины. По наущению Медеи Ясон бросил в них камень, а сам затаился. Воины начали сражаться друг с другом, Ясон уничтожил оставшихся и вместе с бежавшей к нему Медеей, которую он пообещал взять в жены, отправился на корабле к тому месту, где страшный змей охранял золотое руно. Медея усыпила змея, и Ясону удалось похитить руно. В погоню за аргонавтами бросился

сын Ээта, требовавший вернуть Медею. Аргонавты были готовы оставить ее в храме богини Артемиды на одном из островов, но Медея напомнила Ясону о его обещании и решила заманить корабль брата в ловушку. Кончилось дело тем, что Ясон предательски убил сына Ээта, за что навлек на себя гнев Зевса, который пригрозил, что аргонавты не вернутся назад, пока их не очистит от злодеяния Цирцея.

Достигнув того района Средиземного моря, где жила Цирцея, некогда целый год державшая в плену Одиссея, они добились от нее очищения. По пути назад аргонавты оказались близ острова поющих сирен и спаслись только тем, что в их команде был сладкозвучный Орфей, который своей песней заглушил голос сирен. Затем они, как и Одиссей, благополучно миновали узкий пролив между Сциллой и Харибдой, но здесь их достиг еще один корабль, посланный Ээтом. Тогда Ясон и Медея обвенчались на близлежащем острове, воспользовавшись помощью его гостеприимного правителя, но и после этого долго еще блуждали по отмелям Ливии, затем в районе озера Тритона, который помог им выбраться к морю. Когда аргонавты вернулись домой, они встретили отпор со стороны коварного Пелия, уверенного, что Ясон не вернется. Конфликт кончился тем, что сам Пелий погиб, а его сын сумел изгнать Ясона и Медею из Иолка.

На этом история аргонавтов, по фабуле напоминающая «Одиссею», вроде бы и завершилась. Герои путешествия вернулись домой, выполнив порученное им дело и проявив при этом чудеса храбрости и выносливости. Как и в повествовании о приключениях Одиссея, здесь великое множество чудес, иногда тех же самых либо похожих, активное вмешательство божественных сил, интереснейшие сюжеты, вошедшие в тезаурус мировой культуры (одни зубы дракона чего стоят!). Казалось бы, на этом можно поставить точку. Однако история Ясона и Медеи не закончилась.

Более того, эпическое сказание, прервавшись на своем благополучном финале, плавно перетекло в совсем иное русло. На его основе выросла подлинно человеческая трагедия, почти лишенная мифологических чудес. Суть ее в том, что, поселившись в Коринфе и обзаведясь двумя детьми, Ясон надумал жениться на дочери местного правителя. Узнав об этом, Медея (а в ее сердце все еще ярким пламенем горела страсть, попавшая туда вместе со стрелой Эроса!), будучи женщиной с сильным характером, пришла в ярость и уничтожила не только соперницу, но и обоих своих детей, рожденных от Ясона. Покинув Коринф, она, по одной из версий, некоторое время

жила в Афинах, а затем вернулась на родину. Далее версии расходятся, но главное уже сказано: страстно полюбившая женщина наказывает мужа тем, что убивает рожденных от него детей. Такой финал потрясает воображение. Неудивительно, что написанная Еврипидом на этот сюжет драма стала одной из наиболее ярких трагедий, которыми увлекались любившие театр афиняне, да и остальные эллины. И здесь самое время поставить точку в повествовании о древнегреческих мифах и затронуть новую, более широкую, связанную с ними тему.

РЕЛИГИЯ И МИФЫ В ЖИЗНИ ЭЛЛИНОВ

Религия была основой духовной культуры античных греков в той же мере, как и всех народов древности, да и не только древности. Но при этом эллины выделялись целым рядом существенных особенностей. Прежде всего, в отличие не только от индоевропейских народов, для которых это было жесткой нормой, но и едва ли не от всех остальных, кроме разве что китайцев, о которых речь впереди, они почти не были знакомы с влиятельным сословием жрецов. Конечно, в отдельных случаях жрецы-профессионалы все-таки встречались. Достаточно вспомнить пифий в дельфийском храме Аполлона. Но в целом функции жрецов выполняли все. Как и в Китае, каждый мог принести жертву в честь любого из богов. Причем мифы полны красочных картин этих ритуалов. Жертвы приносились обычно в знак благодарности за помощь. Обряды и праздники чаще всего проводились совместными усилиями всех граждан и, как правило, превращались в яркие зрелища, будь то состязания типа олимпийских игр, Великие Панафины в честь богини Афины или различного рода мистерии, даже беспорядочные оргии в честь бога вина Диониса. В особо значительных случаях функции жрецов брали на себя высшие избранные полисами администраторы — как в древнем Китае, где религиозная система как таковая вообще отсутствовала.

Все ритуалы, обряды, праздники часто сопровождались красочными шествиями, исполнениями песен, показательными спортивными состязаниями, а то и вовсе веселыми играми. Мистериям, как правило, сопутствовали различные обряды очищения, к которым допускались далеко не все и которые были связаны с таинственными откровениями, напоминавшими первобытные обряды инициации.

Интересен мир демонов и чудовищ, олицетворявших нечистую силу, с которой приходилось бороться эллинским героям. Если оставить в стороне таких животных, как быки и львы, которые просто символизировали непреодолимую физическую силу, то следует напомнить о разного рода многоголовых гидрах, драконах, змеях, чудовищах, о сладкозвучных сиренах и иных выдуманных воспаленным воображением монстрах. Успешная борьба с ними и была одной из заслуг, даже более того, одной из самых важных функций героев. Однако необходимо учитывать, что подавляющее большинство представителей этой нечисти, мира демонов, не только не противопоставляли себя миру великих богов-олимпийцев, но, напротив, нередко были их подручными, оружием в их руках, которое пускалось в ход достаточно часто.

Существовали и различного рода духи типа нимф, дриад (связанных с деревьями) или наяд (с водами), а также козлоногих сатиров и пьяных силенов, этих вечных спутников Диониса. Явно к числу злых и нечистых сил следует отнести великанов-людоедов, с которыми встречались Одиссей и аргонавты. Но при этом весьма важно принять во внимание, что, в отличие от зороастризма, где силы Добра и Зла были очень четко противопоставлены друг другу, у греков все было иначе (и в этом отношении их верования тоже напоминают китайские). Силы Зла нередко оказывались в тесном контакте с богами, выступали в роли исполнителей их намерений, а то и, как Полифем, были их близкими родственниками.

Проблемы космогонии эллинов мало интересовали. Однако самое главное мифы из вида не упускали. Согласно собранным в них сведениям, процесс мироздания начался с появлением Хаоса, который затем был упорядочен усилиями первого поколения богов, Урана и Геи, породивших полудиких титанов, которых сменили, как о том уже шла речь, более благообразные и человекоподобные олимпийские боги во главе с Зевсом. Много внимания в мифах уделялось и должному отношению к смерти и загробной жизни. Пренебрежение сложным погребальным обрядом считалось недопустимым, ибо оно влекло за собой непредсказуемое поведение оскорбленной души мертвеца. Только после достойного обряда душа покойника в виде тени уходила в подземный мир мертвых. Впрочем, бывали и иные версии, вплоть до скитания душ, суда над ними и т. п.

Мифология эллинов играла в их жизни едва ли не большую роль, чем религия сама по себе. Во-первых, потому, что основная часть религиозных представления и верований была зафиксирована имен-

но в мифах и эпических сказаниях и оттуда приходила к каждому новому поколению. Во-вторых, в связи с тем, что именно из мифов древнегреческая культура, которая их и создавала, черпала столь живые и яркие, волновавшие людей детали, которые так сближали эллинов с привычными для них богами, героями и всеми прочими населявшими в их воображении мир сверхъестественными силами, включая различных демонов и чудовищ.

Говоря о роли и месте религии и мифов в жизни эллинов, нельзя не заметить, что именно этот единый и общий для всех них мир высокой духовной культуры, с ее развитыми представлениями о Добре и Зле, о близости богов к людям и тесной связи людей с богами, на помощь которых они надеялись, спланивал разрозненные и соперничавшие друг с другом протогосударственные образования, полисы, в единую суперэтническую общность. Здесь стоило бы отметить некоторое сходство эллинов с их дальними родственниками, индийцами, где тоже именно общая религия – вначале брахманизм, позже индуизм – соединяла всех в некую великую общность. В этом смысле у эллинов, как и у индийцев, коммуникативно-интегрирующая функция религии была едва ли не наиважнейшей. Именно она обеспечивала близость их друг к другу, при всем том, что внутренних войн в Элладе всегда было более чем достаточно.

Роль религии и особенно мифологии в жизни эллинов была весьма важной еще в одной сфере духовной культуры. Речь о том, что мир богов и героев, столь близкий к жизни простых эллинов, вызывал у них не столько стремление к подражанию, сколько пристальное внимание к деталям и воспеванию тех чувств, которые двигали наиболее яркими персонами, олицетворявшими этот мир. Страсти оскорбленной Медеи, мучения обиженного жизнью Эдипа, гнев и иные чувства других мифических героев – все это вылилось на подмостки любимого древними греками театра. Древнеэллинский театр, рожденный из мистерий и ритуальных песнопений и обретший своих великих драматургов, усилиями которых мифы были если и не переделаны, то, во всяком случае, умело и искусно интерпретированы с тем, чтобы вычленивать и развивать в поступках театральных персонажей двигавшие ими высокие чувства, поразителен. Греция в этом смысле не только родина театра, но и страна, которая придала этому важнейшему виду искусства, воздействующего на облагораживание души, его подлинную силу. Силу, которая действует на зрителей, смотрящих комедии и особенно великие трагедии древнегреческих авторов, вплоть до сегодняшнего дня.

Трагедия как жанр уникальна. Она могла появиться на свет лишь в обществе, где человек ощущал себя свободным и имел воспитанное веками свободы и демократических норм чувство собственного достоинства. Только там, где страстям, тем более высоким и благородным, были открыты души людей, где каждый человек чувствовал себя свободным и не были знаком со структурой, в рамках которой он оказывался мелким винтиком мощного, стоящего над ним административного механизма деспотического государства, могли появиться трагедии столь высокой силы. По сравнению с ними даже самые интересные и животрепещущие комедии, которые тоже были любимым жанром эллинов, представляются если не второстепенными, то уж точно менее значимыми в смысле духовной культуры. Впрочем, в защиту их стоит сказать, что подчас и они рождали высокие чувства, как то свойственно некоторым комедиям Аристофана, например «Лисистрате», где женщины устроили бунт против войн, пригрозив мужьям отлучить их от супружеского ложа.

Завершая рассказ о религиях, мифах, богах и героях античной Греции, необходимо еще раз подчеркнуть, что развитая религиозная система эллинов заметно отличалась от тех, что были характерны для древневосточных обществ. Выделялась она именно тем, что создававшие ее на привычной общечеловеческой основе, на базе древних традиций греки пошли в своем развитии по иному пути, по пути полисной античности. Здесь даже трудно сказать, какое влияние превалировало, скорее оно было взаимным. Переставленные в интерпретации древних традиций и сказаний акценты были тесно связаны с социальными и политическими реалиями Эллады и в свою очередь укрепляли эти реалии, обеспечивая их соответствующей духовной культурой.

В заключение очень важно напомнить о том, что религия — при всем уважении и даже наказаниях за небрежение к ней (вспомним великого Сократа, выпившего чашу яда за нечто подобное) — никогда не была единственной и подавляющей все остальное духовной ценностью эллинов. В Элладe активно развивались различные отрасли науки, прежде всего философия, которые подчас имели очень мало общего с религией, но зато давали немало полезных практических знаний. Но при этом религия как форма общественного сознания никоим образом не вставала на пути мудрецов, занятым сугубо светскими и подчас весьма близкими к современной науке проблемами. Свободные греки и в этом отношении были свободны.

Глава 15

Древний Рим: от политеизма к христианству

*Древнеримский пантеон. Боги и духи • Храмы и жрецы в Риме
• Рим и Восток • Возникновение христианства • Иудаизм
и христианство • Евангельская традиция и споры об Иисусе
Христе • Раннее христианство и его трансформация
• Христианство как официальная религия Римской империи*

Возникновение Рима легенды связывают с именем сына Афродиты троянца Энея, который после гибели Трои добрался по воле богов в Италию и осел где-то в районе будущего Рима. Подробно эпическая поэма о путешествии и приключениях Энея была записана Вергилием сравнительно поздно, в I в. до н. э. Впрочем, сколько-нибудь заметной роли в основании Рима Эней не сыграл, да и не мог этого сделать, ибо жил, если верить сведениям об его участии в Троянской войне, еще в конце II тыс. до н. э. А Рим был основан несколькими веками спустя, когда, согласно другой легенде, воспитанные волчицей Ромул и Рем оказались на берегу Тибра. Именно там после ссоры между ними и гибели Рема Ромул заложил основы будущего великого Вечного города.

Если отойти от легендарных преданий, хотя они и играли немалую роль в духовной жизни римлян, то главное, на что следовало бы обратить внимание, это — как и в случае с древними греками — значимость внешних воздействий на формирование религиозных представлений первых жителей Рима. Такое влияние шло с разных

сторон. Во-первых, с севера, от этрусков, которые очень рано стали одной из важных этнических составляющих римского общества (в числе первых римских царей было немало этрусков). Во-вторых, причем в гораздо большей степени, с юга, из района создававшихся в ту эпоху первых на территории Италии греческих колоний с центром в Сицилии. Вместе с тем стоит отметить, что в самом начале религиозные представления римлян были весьма неразвитыми. Первые жители Рима особо почитали духов своих предков, своего рода (манов), духов-покровителей поля и дома (ларов), а также пенатов (духов домашнего благополучия) и гениев (духов процветания рода). Чуть позже эти представления значительно обогатились за счет новых заимствований.

ДРЕВНЕРИМСКИЙ ПАНТЕОН. БОГИ И ДУХИ

Первый исторический период истории Рима, связанный с правлением царей, был отмечен упорядочением религиозных верований и созданием основ древнеримского пантеона великих богов, во многом аналогичных эллинским. Начало этого процесса приписывается Нуме Помпилию и Сервию Туллию. Нума будто бы создал в городе храм богини Весты, который обслуживали жрицы из числа девственниц-весталок, поддерживавшие в нем вечный огонь. При Сервии Туллии был построен храм в честь богини Дианы (греческая Артемида, покровительница природы). Вскоре высшим божеством и покровителем города стал Юпитер (вариант всемогущего Зевса). Затем появились и начали почитаться римские варианты других греческих богов и богинь — богиня любви Венера (Афродита), жена Юпитера, покровительница женщин и брака Юнона (Гера), богиня мудрости Минерва (Афина), бог моря Нептун (Посейдон), покровитель ремесла и торговли Меркурий (Гермес), богиня счастья и удачи Фортуна. В начале III в. до н. э. был с пышностью воспринят культ Аполлона. Вслед за ним появился греческий культ Диониса (Вакха, Бахуса) с сопровождавшими его вакханалиями. Особое место в древнеримском пантеоне стали занимать бог войны Марс (греческий Арес). Были заимствованы у греков и иные, менее значимые боги.

Войны были частым явлением в жизни римлян. При этом стоит заметить, что в ходе успешных войн и присоединения к Риму соседних территорий римляне обычно включали в состав своего пантеона и их богов, причем делали это с должным благочестием. Среди подоб-

ных «новоприобретений» был двуликий Янус, божество договоров и союзов (где всегда представлены как минимум две стороны). Иногда без особого стеснения заимствовались и боги более отдаленных земель. Так было, например, с богиней фригийского происхождения Кибелой, которая стала своего рода подательницей благосостояния. Но таких божеств было не слишком много, ибо их появление, особенно в тех случаях, когда обряды и праздники в их честь сопровождались обилием мистических процедур, обычно не приветствовалось.

Дело в том, что римляне были еще более склонны, нежели эллины, считать, что боги — это просто обожествленные в далеком прошлом великие люди. Возможно, такой подход во многом обуславливался тем, что как мифология, так и эпос в Риме оказались несоизмеримо менее богатыми, чем в Элладе. За отсутствием героев, которых древние греки старались уподоблять людям, т. е. смертным, в отличие от бессмертных богов-олимпийцев, боги словно опустились в обыденном представлении как бы на ступеньку ниже по сравнению с эллинскими олимпийцами и стали кем-то вроде возвеличенных и обожествленных героев. Правда, здесь нужна существенная оговорка: фантазия более прагматичных и не слишком эмоциональных римлян была намного скуднее эллинской, а потому и огромного числа приключений и любовных эпизодов, коими были столь насыщены повествования о древнегреческих героях, в Риме практически не появилось. Разве что некоторые заимствования из эллинской мифологии оказались со временем им знакомы. Оказали свое влияние, конечно, эллинская драматургия и особенно театр с его великими трагедиями. Об огромном культурном воздействии более развитых греков следует рассказать более подробно.

Не только связанные с древнегреческими богами мифы, но и сам обычай возводить величественные храмы в честь богов, создавая при этом их скульптурные антропоморфные изображения, пришел вместе со многими заимствованными богами от эллинов. До того примитивные изображения богов полупервобытных племен, заселявших среднюю часть Италии, обычно изготавливали из глины, о чем свидетельствуют археологические находки. От эллинов пришло в Рим то огромное внимание, которое было принято уделять предсказаниям. Важно также учесть роль гигантского мира духов и демонов, который тесно сплетался в представлении римлян с примитивными суевериями и существовал в их сознании на протяжении долгих веков. Этот мир скромных сверхъестественных сил не слишком резко вторгался

в жизнь общества в целом, но в рамках семьи, дома, повседневных обычаев и норм поведения он оказывал достаточно большое влияние. Именно у римлян он «сконцентрировался» в рамках дома, большой патриархальной семьи, которая не была в такой форме и столь широко распространена у эллинов. В быту больших семейных групп уже ранних обитателей Рима (*familia*) практиковался пышный культ предков, особо заметный в среде привилегированного меньшинства населения, патрициев. Существовали также особые культы божеств и духов у представителей разных профессий или социальных групп, полисов, гражданских общин, городов.

Стоит начать с того, что культ предков, восходящий к незапамятным временам, всегда включал в себя представление о том, что умершие родители уходили в какую-то божественную сферу, где их духи едва ли не вечно продолжали существовать где-то рядом с богами. Само по себе это, правда, не породило большого интереса к культу предков как таковому, однако немало способствовало укреплению связей в рамках семейной группы. Все римляне, например, почитали своих домашних духов-покровителей, пенатов, которые охраняли дом, имущество, припасы и т. п. Количество пенатов и их функции со временем менялись. В позднюю эпоху считалось, что все духи дома и домашнего очага были именно пенатами. В клятвах обращения к пенатам использовались наряду с призывами к Юпитеру. Свои пенаты имелись и в рамках общины, какой-либо иной территории, даже всего Рима как государства. Предполагалось, что пенаты находятся под заботливым покровительством богини Весты, в храме которой будто бы хранились их изображения. Даже вход в дом обычно связывался с именем Весты, откуда и пошел всем известный термин «вестибюль».

Еще одним аналогичным культом, тесно связанным с пенатами, был культ семейных духов-покровителей ларов, которые обеспечивали благополучие в доме, сохранение в нем нравственных устоев и издавна установленного предками порядка взаимоотношений всех членов *familia*, включая и рабов. Поклонение ларам не только было тесно связано с культом предков, всего рода и пенатов, но и воспринималось как средство обеспечения благополучного исхода родов у женщин. К ларам обращались по поводу важных семейных событий, будь то рождение, инициация, бракосочетание или смерть. Обращение к ларам сводилось, как правило, к неким обрядам, которые исполнялись главой семейной группы. Существовали покровители-лары и в рамках общины и более масштабных территорий, особенно

на дорогах и перекрестках, где иногда возводились святилища, близ которых главы соседних с перекрестком домохозяйств вывешивали символы людей, входивших в число данной familia, в том числе рабов. Все они обычно изображались в виде кукол или шаров.

Духи-гении, прародители рода или хранители генеалогии, почитались наряду с семейными предками. Они воспринимались как вечная, прежде всего мужская животворящая сила, заботливо сохранявшая преемственность семьи по ее мужской линии. Это был культ родового гнезда, родового имени. В честь гения главы семьи обычно устраивали торжественные празднества. Со временем стало считаться, что у каждого есть два гения, добрый и злой, а гении присуши и различным сообществам — городам, местностям, корпорациям, даже воинским соединениям. В период империи свой особый гений имели, среди прочих, Рим, римский сенат и император.

В число уважаемых римлянами духов входили бесчисленные разнообразные полубожественные силы, которые были призваны охранять человека буквально на каждом шагу на протяжении всей его жизни. К ним, как и к богам, римляне обращались достаточно часто. Своих духов благодарили, им молились, их именами клялись при заключении соглашений. Римляне часто прибегали к различного рода предсказаниям и гаданиям, особенно связанным с поведением птиц. В меньшей степени, но тоже достаточно часто обращались к гаданиям по внутренностям жертвенных животных. Уважали тексты древних пророчеств, например «Сивиллины книги», хранившиеся в храме Юпитера на римском холме Капитолии.

ХРАМЫ И ЖРЕЦЫ В РИМЕ

Для принесения богам жертв и совершения обрядово-культовых церемоний в Риме очень рано были созданы коллегии жрецов-понтификов. Но, как и у эллинов, жрецы не составляли особого и тем более высоко почитавшегося наследственного сословия. Они были обычными храмовыми служителями, чаще всего обыкновенными или чем-то проявившими себя гражданами, избиравшимися в специальные коллегии и отнюдь не ставившими своей задачей создавать пышный культ и возбуждать перед обслуживаемыми ими богами священный трепет у народа. В отличие от большинства древневосточных религий, в Риме (как и у эллинов, правда, в несколько смягченной форме) господствовал прагматичный

принцип *do ut des* (даю, чтобы получить). И никакого священного трепета. Даже обряды типа оргий, вызывавшие возбуждение, испытываемое опьяневшими участниками вакханалий, обычно осуждались, а позже были официально запрещены.

Успешная борьба численно все возраставшего низшего слоя римского населения, т. е. плебеев (это были в основном пришельцы, мигранты), с патрициями, завершившаяся постепенным их уравниванием в правах, обусловила появление жрецов из числа плебеев. Но очень важно подчеркнуть, что в Риме с ранней поры его существования религиозные культы, храмы и жрецы не были поставлены в обществе и государстве в какое-либо особое положение. Запрещение давать или дарить земли храмам, что в древневосточных обществах, кроме, может быть, Китая, всегда обогащало жрецов и давало им в руки вместе с богатством большую реальную силу, включая и политическое могущество, избавило Рим, как, впрочем, и Элладу, от давления со стороны касты жречества. На передний план здесь, как и в греческих полисах, вышла гражданская община. Более того, римляне пошли дальше эллинов и приложили немало усилий для создания и усовершенствования системы частного права, охранявшей статус и привилегии граждан, как патрициев, так и не сразу получивших полные гражданские права плебеев.

Отсутствие сильной, властной и хорошо организованной жреческой касты, какой она была в Египте, Двуречье и тем более в Индии, практически оставило религиозные дела за самими гражданами. Это вовсе не значит, что кто хотел, тот верил в богов и уважал их, а кто не хотел, не делал этого. Имеется в виду нечто другое: в стране не существовало жестких религиозных догм, обязательных для всех. Не было привычной для развитого общества стройной и логически завершенной религиозной системы, хотя бы такой, как у эллинов. Это проявлялось, в частности, в том, что публично все были обязаны почитать богов. Открытого богохульства в Риме, как и в Афинах (стоит в связи с этим снова упомянуть о Сократе, который позволял себе делать в адрес богов некие замечания, недопустимые с точки зрения его сограждан, за что и поплатился жизнью), тоже не потерпели бы. Но, тем не менее, говорить и даже писать о богах многое, включая и соображения об их существовании, дозволялось практически всем. И это было великим завоеванием римского демократического общества.

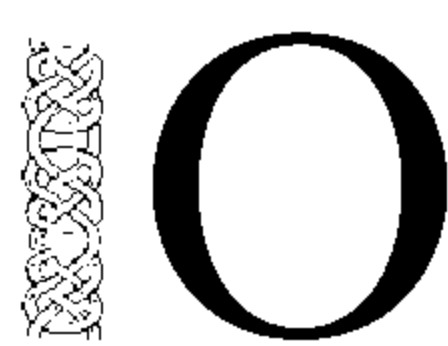
Религия и мифы (особенно так называемый римский миф, в котором со временем слились все славные страницы истории древно-

сти римлян, начиная с Энея и Ромула) стали заметно оживать по мере угасания республики и окончания жестоких гражданских войн, предшествовавших появлению в Риме военных диктаторов типа Суллы или Мария и, наконец, Цезаря. Для идеологического обоснования права на диктатуру, а затем и почти ничем не ограниченную власть императора, необходимо было заручиться если и не божественным происхождением, то хотя бы весомым покровительством богов. Именно в этот период ведущие и наиболее могущественные политики Рима, в частности Сулла, стали претендовать пусть не на божественное происхождение, но во всяком случае на высокое и весомое покровительство того или иного влиятельного божества (в случае с Суллой, как известно, — Венеры).

Практика такого рода незадолго до нашей эры начала расширяться и становиться едва ли не нормой. После утверждения Цезаря в качестве высшего руководителя империи (в 63 г. до н. э. он был избран великим понтификом, т. е. главой жреческой коллегии Рима) как бы сам собой встал вопрос о деификации императора, что и было официально сделано после смерти всесильного императора. А его преемник Август был не только избран верховным понтификом, но и стал именоваться «сыном божественного» (усыновившего его Цезаря). Вдобавок к культу божественного императора все чаще стало появляться упоминание о «божественном Риме». Иными словами, само понятие божественности обрело некую до того почти неизвестную римлянам, но свойственную восточным религиям сакральность, святость.

Понятие «сакральность» стало служить для обозначения не только всего божественного, включая императоров, но и для подчеркивания дистанции, отличавшей все сакральное от обыденного, профанного. Храмовая утварь стала практически неприкосновенной для обычного ее использования в быту. Само по себе это столь очевидное для иных стран и религий явление оказалось для Рима эпохи империи неким важным нововведением, подчеркивавшим усиление роли религиозного обоготворения тех, кого должно было обожествлять.

РИМ И ВОСТОК

чевидная ориентализация религиозного сознания римлян периода империи была в немалой степени связана с выходом римлян на мировую арену, прежде всего с тесными контактами между великой империей и завоеванными ею стра-

нами Ближнего Востока. Именно с территории Римского Востока, как эта вновь обретенная часть империи стала после ее завоевания римлянами именоваться, шли в Рим вместе с пленными-рабами и многочисленными переселенцами либо торговцами различные восточные верования. Более того, по меньшей мере часть их, как например культ зороастрийского божества Митры, начала появляться в Риме вместе с возвращавшимися домой легионерами, которым почему-то понравился этот древнеиранский бог, в чьи функции входило покровительство представителям различных профессий, в том числе воинам. В его честь воины Рима, как о том уже шла речь в главах о древнеиранских религиях, устраивали специальные митраические мистерии, создавали ритуальные сооружения-митрейоны. Все это приводило, в частности, к тому, что в представлении многих, не слишком искушенных в тонкостях римского пантеона людей Митра становился некоей ипостасью великого Юпитера. Воителя Митру почитали и некоторые наиболее деспотически настроенные императоры, начиная с Нерона.

В Риме всегда было немало иноземцев. А после завоевания Римского Востока их число резко возросло. Совершенно естественно, что иностранцы приносили с собой свои традиционные верования и обряды, продолжали почитать своих богов, строить в их честь храмы и т. п. Таким образом, Рим императорской эпохи, да и вся огромная империя, стали превращаться в страну, в пределах которой существовало множество различных местных религий, богов, храмов и культов. Римские власти, начиная с богопочитаемых императоров, это не слишком беспокоило. Однако со временем в сфере религии, к которой всегда относились более чем терпимо, все определеннее создавалась ситуация не столько религиозного синкретизма, сколько религиозного хаоса. Богов было великое множество, все они вроде бы заслуживали уважения и не причиняли людям и империи в целом никакого вреда, но в то же время очень мало содействовали выполнению тех главных функций, ради которых религия как социально-культурный феномен возникла и всюду существовала.

Это не могло не породить в обществе и особенно на его верхах некоторый дискомфорт. Разумеется, в принципе неплохо, когда каждая, даже ничтожная сфера деятельности обретала своего божественного покровителя, которые с легкостью деифицировались (снова трудно удержаться от сопоставления с Китаем, правда, не древним, а средневековым). Не слишком большую озабоченность вызывал и тот факт, что в некоторых случаях в качестве обожествленного покровителя высту-

пал чужой бог, как то было с воителем Митрой. Несколько сложнее стали обстоять дела с религией, когда в Рим в первых веках нашей эры стали проникать с Ближнего Востока христиане, довольно быстро осваивавшиеся в нем и создававшие все новые и новые общины. Здесь мы вплотную подходим к новой теме, связанной уже не только и даже не столько с историей религий (с политеизмом) в античном Риме, сколько с христианством как великой мировой религией.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Христианство как развитая монотеистическая религия, каковой она была с самого ее возникновения, появилось в условиях сравнительно развитого общества, когда претендующий на мировое господство Рим стал великой и чуть ли не всемирной империей, распространившей свое влияние далеко на Восток. Это был период расцвета Древнего Рима, начальной стадии Римской империи, так что говорить о кризисе, пожалуй, не стоило бы. Однако альтернативой кризиса оказались явные противоречия между античным западным устройством римского общества и столь непохожими на него восточными окраинами, не говоря уже о некоторой неустроенности всего того римского Востока, который сравнительно незадолго до возникновения христианства стал фактической колонией Рима.

Словом, христианство не было порождено кризисом империи и всего римского мира, как иногда принято считать. Оно возникало само по себе, развивалось своим путем и было прежде всего реакцией на запутавшийся в своих внутренних спорах и противоречиях иудаизм, оказавшийся к тому же под давлением оккупировавшего Иудею Рима. Однако этот важный факт, который нельзя не принять во внимание, отнюдь не противоречит тому, что основные идеи и постулаты христианства с их явственными претензиями на вселенский характер имели отношение к тому миру, который окружал Иудею и окраинной частью которого это небольшое государство евреев накануне нашей эры оказалось.

Великий Рим с его многобожием был вполне удовлетворен издавна существовавшей в нем религией, которая активно укрепляла имперскую власть и фактически обожествляла сменявших друг друга императоров. Но обширные и постоянно расширявшиеся границы империи способствовали включению в него множества чуждых римской античной традиции народов, у которых были свои боги, отнюдь

не всегда находившие себе место в пантеоне Рима. Было у римлян и немало рабов-пленников из дальних стран, тоже обычно имевших свои религиозные представления и поклонявшихся своим богам. Словом, создавалась ситуация, объективно требовавшая навести в рамках гигантского государства некий религиозно-идеологический порядок, найти для всего разнородного населения страны своеобразный общий религиозный знаменатель.

Снова стоит повторить, что само по себе такого рода объективное положение еще нельзя считать кризисом. Империя была прочна, как никогда. Более того, подавляющее большинство ее населения, как самих римлян, так и прибывших или включенных в состав империи, в том числе и правящие верхи во главе с императорами, не осознавало необходимости в общем религиозном знаменателе. Рим привык к многобожию и не видел ничего странного и тем более пугающего в том, что у всех свои боги. Но это не меняло того обстоятельства, что объективно великой империи нужна была новая, общая для всех религия. Важно было лишь найти такую, которая подошла бы.

Новая религия должна была откликаться на запросы времени и предложить пути и способы объединения людей с разными религиозными представлениями в нечто более крепкое и цельное, связанное единой мировоззренческой системой, приемлемой для подавляющего большинства населения. Такая система должна была удовлетворять нескольким важным условиям.

Во-первых, новая религия должна быть этнически нейтральной, т. е. не разделять, но соединять все разнородное население империи. Это условие было важнейшим, ибо в противном случае население огромной страны не сумело бы увидеть в ней нечто такое, что было способно постепенно сблизить людей и сгладить существующие между ними мировоззренческие расхождения. Религия должна была овладеть умами всех.

Во-вторых, новая религия должна быть интеллектуально насыщенной и включать в себя все то, что уже было известно существовавшим до нее и достигшим весьма высокого уровня развития религиозным системам Ближнего Востока, о которых многие римляне, например солдаты, уже немало знали, а иногда и считали пригодными для себя (вспомним о митраизме).

В-третьих, это должна быть принципиально новая религия, которая еще не была чьей-то уже апробированной системой. Римляне были достаточно высокомерны, чтобы позволить себе просто заимствовать у своих колонизованных подданных их религии.

Удовлетворить всем этим условиям было нелегко. И все-таки вызов эпохи, потребности времени объективно вели к тому, что такого рода система должна была появиться. И она появилась. Собственно, сначала появились возможные ее прототипы. Одним из них был уже упомянутый митраизм. Однако это была явно чужая религия, заимствованная лишь небольшой, хотя и влиятельной частью населения империи. Другим кандидатом мог стать достаточно близкий античному Риму неоплатонизм, складывавшийся на основе религиозного осмысления философии Платона. Но это, пожалуй, было бы слишком сложно для всего населения империи. Наконец, этой религией мог бы стать испытывавший острый кризис иудаизм — при условии резкого разрыва со своей национальной ограниченностью. Собственно, именно нечто в этом роде и произошло. Но стоит обратить более пристальное внимание на то, как конкретно это самое «нечто вроде иудаизма» стало религией, со временем удовлетворившей Рим.

Итак, ирония судьбы оказалась в том, что потенциальные очаги новой вселенской религии, впоследствии принятой могучим Римом и ставшей официальной и государственной системой религиозных верований, по ряду важных причин не могли появиться в самом Риме. Они существовали на его далеких восточных окраинах, в тех издревле освоенных человечеством центрах мировой цивилизации, где пласты культурной традиции были наиболее мощными и где находились центры пересечения различных идейных влияний. Имеются в виду влияния и иудейских сект, и ранней античной философии, и некоторых религий Востока.

Оставив в стороне античную мысль, хорошо известную Риму, а также религии Востока, сыгравшие хоть и значительную, но в основном лишь косвенную роль в этом процессе великого синтеза, обратим первостепенное внимание на то, что представлял собой иудаизм на рубеже нашей эры. Частично, хотя и очень кратко, выше об этом уже говорилось. Но теперь настало время для более внимательного анализа ситуации.

Иудаизм в это время, как упоминалось, переживал серьезный кризис. Хотя число иудеев исчислялось несколькими миллионами (цифра весьма заметная для той эпохи) и солидные еврейские, в основном торговые, колонии уже распространились по всему Ближнему Востоку, кризис постоянно углублялся, что стало особенно заметно после подчинения Иудеи Риму. Светская власть поддержанной римлянами династии Ирода не пользовалась авторитетом. Жрецы Иерусалимского храма и находившиеся рядом с ними различные

идейные группировки (фарисеи, саддукеи, zeloty и др.) также постепенно утрачивали в ожесточенной борьбе власть и влияние, чему вполне очевидно способствовала явная зависимость всех их от римских прокураторов.

Неудивительно, что это состояние перманентного и все более явно нараставшего политического и религиозного кризиса вело к резкому оживлению эсхатологических пророчеств и к активизации все новых и новых сект с их нетерпеливым ожиданием Мессии, который вот-вот придет и от имени великого Яхве спасет запутавшийся в сложных противоречиях богоизбранный народ. Мессию (греческий эквивалент этого термина — Христос) ждали все со дня на день. И он не мог не прийти.

Действительно, мессии — точнее, кандидаты на этот высокий статус — стали время от времени появляться. Все чаще то в одном, то в другом месте Иудеи, а то и вне ее, на периферии, среди евреев диаспоры, руководители различных сект или бродячие проповедники объявляли себя мессиями, призванными спасти заплутавшихся иудеев. Обычно официальная власть болезненно реагировала на проповеди подобных деятелей. Все они сразу объявлялись лжемессиями, а их деятельность пресекалась. Это, однако, не могло приостановить сам процесс. На смену неудачникам приходили новые, а иногда главы влиятельных сект не останавливались перед тем, чтобы бросить вызов всемогущему Риму.

Обострение отношений с Римом вело к ослаблению Иудеи и в конце концов привело к римско-иудейским войнам и разрушению Иерусалима и его храма. Но, как бы то ни было, именно постоянные гонения на спорадически появлявшихся пророков вели к закреплению в умах людей идеи о том, что великий Мессия, Иисус Христос, все-таки приходил. Он не был всеми узнан и признан, да и не стремился к этому. Но он творил чудеса, тщательно сохранявшиеся и явно преувеличивавшиеся в памяти поколений, и, главное, достойно погиб, будучи распят на кресте, после чего, взяв на себя все грехи человечества, чудесным образом воскрес и стал считаться Сыном Божьим и божественным Спасителем человечества.

Эта идея стала широко распространяться в ряде принципиально новых иудео-христианских сект, возникших как в самой Иудее, так и в ближайших к ней районах расселения евреев диаспоры. Идея, как то и подобает подобного рода мифологемам, росла как снежный ком и обрастала подробностями о чудесном зачатии (от Бога) и о рож-

дении Мессии от непорочной девы. Мифологема обогащалась за счет новых подробностей, включая, в частности, рассказы о бегстве родителей с младенцем от царя Ирода, приказавшего уничтожить всех мальчиков, рожденных в это время, а также о дарах волхвов. Предания повествовали о возвращении Иисуса после смерти Ирода и об обретении им верных учеников, будущих 12 апостолов, которым он открывал великие истины и велел помогать больным и убогим, несчастным и нищим. Сам Мессия занимался тем же и потому довольно быстро снискал поклонение среди многих соотечественников. Так гласит запечатленная в христианском Новом Завете и хорошо известная многим традиция.

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СПОРЫ ОБ ИИСУСЕ ХРИСТЕ

Эта традиция сложилась не сразу. Она оформилась лишь примерно столетие спустя после распятия и воскресения Христа. И хотя четыре Евангелия, биографии Спасителя, приписываются апостолам, т. е. современникам Христа (Марку, Матфею, Луке и Иоанну), на самом деле вошедшие в состав Нового Завета тексты более позднего происхождения. В письменных и затем канонизированных вариантах Евангелий подробно, хотя подчас и весьма противоречиво, говорится о жизни иудейского проповедника Сына Божия Христа, т. е. давно ожидавшегося евреями Мессии. Здесь рассказывается о его поучениях, деяниях, творимых им чудесах, о благоговевших перед ним его последователях, о преследованиях, предательстве, о распятии Христа и его воскрешении и вознесении на небеса.

Стоит заметить, что в евангельских текстах вина за преследования Иисуса, который был Мессией, пусть не всеми признанным и признанным, возлагается прежде всего на иудеев, которые нетерпеливо ожидали Мессию и тем не менее привыкли отвергать «лжемессий» (само имя предавшего Иисуса одного из его учеников, апостола Иуды, с легкой руки авторов Евангелий стало символизировать весь народ, не принявший и предавший пришедшего спасти его Христа). Из текстов Евангелий известно, что даже римский прокуратор Понтий Пилат попытался было спасти Иисуса от казни, но под давлением иудейских священников и наученной ими толпы отступил, «умыл руки».

Евангельские описания Христа и всей его весьма недолгой, но активной жизни, ознаменованной приписываемыми ему чудесами и мудрыми поучениями, создали всем хорошо известный облик божественного Спасителя, великий подвиг которого, потрясший человечество, как раз и открыл всем глаза на единственно истинную религию, названную его именем, — христианство. Трудно сказать, где и когда в реальности были написаны или неоднократно передавались из уст в уста, от поколения к поколению, а потом оказались собранными и позже канонизированными Евангелия, о которых идет речь. Скорей всего, это было результатом многократной интерпретации разных событий и восхищенных пересказов деяний, очевидцы которых давно ушли в прошлое. Все-таки столетие, а может быть, и столетие с лишком — срок немалый. Нечто подобное, как известно, являются собой хадисы исламской Сунны, о которой речь впереди, в главе об исламе. Но, как бы то ни было, перед нами факт, с которым мы не можем не считаться. Вопрос теперь только в том, как воспринимать этот факт, как к нему относиться.

Надо сказать, что споры по этому поводу возникли давно, принимали различные формы и со временем обрели немало аргументов, весомость которых изменялась в зависимости от обстоятельств. Нет сомнений в том, что на первых порах еще не канонизированные тексты и вся запечатленная в них евангельская традиция были безусловной истиной лишь для ревностных адептов новой религии. Эта религия распространялась, видимо, где-то неподалеку от Иерусалима, т. е. тех мест, которые описаны в Евангелиях. На это обстоятельство необходимо специально обратить внимание, ибо, хотя эти места тоже были частью Римской империи, преувеличенное представление о том, что основная масса христиан, последователей только что возникшей новой религии, сразу же сконцентрировалась в самом Риме, где их часто отдавали на съедение львам или уничтожение гладиаторам на потеху римской публике, красочно расписанное и в древних текстах, и в более поздних романах («Камо грядеши» Г. Сенкевича, например), не соответствует реальности.

Реальность же была в том, что первые общины христиан, уже четко противопоставлявших себя иудеям или не вполне себя с этими иудеями идентифицировавших (в данном случае термин «иудей» используется только в религиозном смысле, но не в этническом, ибо этнически все те, о которых идет речь, вначале были в подавляющем большинстве именно иудеями), находились как в самой Палестине, так и в со-

седних с ней Сирии и Египте. Немало их было также в позд-неантичной Греции и Малой Азии, где христиане продолжали находиться и позже, составляя заметную, хотя и весьма разноречивую массу последователей новой и с трудом складывавшейся религии. Не вдаваясь в сложные споры по этому вопросу и просто фиксируя внимание читателя на том, что новая религия медленно распространялась из центра, где она возникла, и что по одной этой немаловажной причине в Рим она пришла не сразу, обратим теперь внимание на научные споры религиоведов об Иисусе Христе и на их основные аргументы.

Споры, о которых идет речь, достигли своего едва ли не наивысшего накала в XIX в., когда в изучении истории христианства выделились две школы — мифологическая и историческая. Вначале явно одолевала первая, одним из наиболее видных представителей которой был Бруно Бауэр. Сторонники этой школы полагали, что никакого Христа вообще не было, не было даже схожего с ним судьбой его прототипа, ибо в основе всей евангельской традиции лежат мифы, прежде всего хорошо известный ближневосточный миф об умирающем и воскресающем божестве, а также миф о непорочном зачатии (связь бога с женщиной) и немалое число других аналогичных сюжетов и представлений, заимствованных из более ранних религий. В представлении адептов мифологической школы вся евангельская традиция — это в основном образно воспетая, ярко расцвеченная запись интерпретированных событий, явлений и божественных деяний, уже встречавшихся прежде. Вопрос лишь в том, что и откуда взято и что просто сочинено.

Справедливость и привлекательность построений этой школы состоит в том, что мифологическая основа евангельской традиции действительно вне всяких сомнений, ибо заимствования и переработка чуждых влияний в рамках нового синтеза действительно были — или, во всяком случае, многим казались — едва ли не важнейшей основой, фундаментом новой религии. Однако слабостью аргументации представителей этой школы, в конечном счете предопределившей ее поражение, было то, что ее концепция сводила христианство до уровня эклектической системы и не признавала не столько даже оригинальности этой великой религии, сколько вообще хоть какой-либо исторической реальности, которая, судя по тем же евангельским притчам и именам (Понтий Пилат, Ирод и т. п.) вполне могла лежать в ее основе.

Вторая школа, историческая, ныне фактически признанная, исходит из того, что в основе легенд и преувеличений евангельских

рассказов все-таки лежат какие-то реальные события. Но какие именно? И как их обнаружить? Можно ли, вспоминая хотя бы роман гениального М. А. Булгакова, считать, что в действительности был когда-то бродячий проповедник типа Иешуа Га-Ноцри? И если был кто-то, на него чем-то похожий, то как это можно подтвердить? На эти вопросы сторонники исторической школы долго не могли дать убедительных ответов, и потому их аргументация не воспринималась в религиоведении как вполне заслуживающая внимания. Ситуация изменилась сравнительно недавно, в середине XX в., в связи с сенсационными находками в районе Мертвого моря.

В 1946—1947 гг. в горных пещерах Кумрана близ Мертвого моря арабские бедуины нашли обрывки древних свитков. Рукописи, среди которых были некоторые библейские тексты, проповеди, уставы общин и т. п., принадлежали некой мистико-аскетической секте ессеев (эссенов), общины которой, как следует предполагать, располагались примерно на рубеже нашей эры именно в этом районе, достаточно далеко от густонаселенных плодородных земель Палестины. Общины, о которых идет речь, являли собой группы подвижников, живших коммунами, по большей части в монашеском стиле, без женщин и детей. Их учение, основанное на принципах иудаизма, тем не менее заметно отличалось от него. В текстах явно доминировали эсхатологические идеи и пророчества о скором конце света, о грядущем суде над грешниками. Ессеи осуждали богатство, стремились к нравственному очищению и, главное, ждали Мессию из рода Давида (заметим, что евангельский Иисус именно из этого колена).

В рукописях ессеев упоминается о некоем «учителе справедливости», который был, возможно, основателем секты, пророком-проповедником, выступившим против официального иудаизма и внесшим в доктрину те изменения, которые позволяют считать эту секту переходной по своему характеру, т. е. иудео-христианской. Всего этого, конечно, еще далеко не достаточно для того, чтобы совместить таинственную личность «учителя справедливости» с мистическим обликом Иисуса. Но, ведя дело к реконструкции гипотетического процесса генезиса христианства, следует учесть все: и общую обстановку в недовольной царем Иродом Иудее с ее напряженным ожиданием божественного вмешательства, и связанный с этим ожиданием активный мессианизм, и деятельность различного рода пророков и «учителей», ведших за собой многих недовольных, и практику разоблачения «лжемессий», да и многое другое.

Имея все это в виду, вполне можно представить, как обрывочные, но достаточно тесно связанные друг с другом общей идеей события и явления, личности и деяния со временем слились в нечто единое и цельное. Это цельное, вначале еще не имевшее ни облика, ни имени, со временем обзавелось тем и другим, выступило в облике столь страстно всеми ожидавшегося Мессии, а также обрело биографию, наполненную вмешательством высших божественных сил, которые, собственно, и сыграли решающую роль как в его появлении на свет (непорочное зачатие), так и в его драматическом уходе из мира (распятие, смерть и — самое главное — воскрешение). Осталось лишь привести все эти обрывочные данные в некоторый порядок и снабдить их достаточным количеством мелких, но весьма небезынтересных деталей, что и было сделано авторами Евангелий.

Суть же того, что в итоге получилось, однозначна: в мир, страстно ожидавший Мессии, пришел этот Мессия, символизировавший и как бы подытоживший своим пришествием всю совокупность «лжемессий». Он пришел, демонстрировал чудеса, но не был признан (как то и было с большинством «лжемессий»), а, напротив, оказался предан, схвачен и осужден властями, после чего распят на кресте. Божественность же свою он доказал, чудесным образом воскреснув. Собственно, именно этот последний момент следует считать центральным во всех спорах о Христе. Воскресал и Лазарь, которого, если верить евангельским преданиям, спас от смерти сам Христос, демонстрируя чудеса, чтобы в него поверили. Но воскрешение Лазаря изображено в текстах не вполне убедительно. А может быть, он и не умирал, а был, скажем, в состоянии летаргического сна? Иное дело — сам Иисус.

Он не просто воскрес, он даровал миру великие истины и, взяв на себя грехи человеческие, удалился на небо. И удаление его на небо — а это самое главное из чудес, которые он будто бы сотворил за свою короткую жизнь, — последнее и непостижимое его чудо. Правда, именно для его доказательства свидетельств немного. Факты, которыми мы располагаем, сводятся лишь к тому, что из закрытого помещения без следов его взлома исчезло мертвое тело. Как и когда это произошло, никто не видел. Правда, имеется хорошо известная специалистам так называемая Туринская плащаница, некогда покрывавшая мертвое тело Иисуса и сохранившая очертания его тела. Эта ткань до сих пор существует, но специальное исследование ее вызывает споры по поводу того, настолько ли она древняя, чтобы считать ее покрывавшей тело мертвого Иисуса, не говоря уже

о загадочности рисунка (отпечатка) на ней. Впрочем, в любом случае в проблему исчезновения тела она мало что вносит, ибо не решает главного вопроса: как именно исчезло тело.

Оставив это последнее чудо из чудес на совести авторов Евангелий, для которых оно, естественно, является центральным пунктом всего их повествования, заметим в заключение, что у адептов исторической школы есть немало оснований для того, чтобы зафиксировать некие вполне реальные черты того или тех, кто позже был канонизирован как Мессия, но не иудейский (иудеи не признали и не приняли его, как и многих других до него), а иной, спустившийся на грешную землю для того, чтобы спасти всех, взяв на себя их грехи и оказавшийся тем самым принципиально новым Богом, принадлежащим всему миру.

Итак, оставив в стороне споры, зафиксируем главное: в мир пришел страстно ожидавшийся многими религиями, прежде всего восточными, Мессия. Он был из рода Давида и рожден матерью-еврейкой, что сближает его с иудеями, с их монотеизмом. Но сложность ситуации в том, что иудеи не знали иного Бога, кроме своего Яхве. И потому парадокс в том, что едва ли не все иудеи в этот самый для их истории период ждали Мессию, готовы были принять его с распростертыми объятиями и в то же время не могли бы сделать этого просто потому, что никакой Мессия не вписывался в их очень крепко сложенную монотеистическую религию, в которой ему просто не было места. Либо он Бог (а это никак не возможно), либо просто самозванец (тогда — «лжемессия»).

Вот почему любой Мессия в иудаизме был обречен на распятие. Но, будучи распят, Иисус оказался знаменем тех, кто — наподобие ессеев (и далеко не только их одних, ибо вокруг Палестины в то время существовало множество аналогичных удалившихся от иудаизма сект) — мог принять именно такого Мессию. И не только принять его со всеми его многими учениками-апостолами (а они были опять-таки евреями), но и обожествить, поставить в центр некой новой религии, столь страстно ожидаемой многими, и не в последнюю очередь в сильно разросшейся многонациональной Римской империи. Именно так и именно поэтому, скорее всего, Иисус Христос и был принят как не просто новое божество, но единый и великий всеобщий Бог, символ той новой религии, в которой объективно столь нуждалась империя. Но произошло это, как известно, не сразу.

РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО
И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ

Секты, которые раньше других приняли и признали Христа Мессией и Богом, которые ждали нового Бога, пусть даже теснейшим образом связанного с иудаизмом, но отвергнутого этой религией и потому как бы свободного для всех, столь жаждавших новой развитой всеобщей религиозной системы, не были группами римлян. Это были секты восточных окраин империи, где жили в основном потомки различных ближневосточных народов. И хотя в большинство из таких сект вместе с Мессией Иисусом вошли многие элементы иных учений, будь то митраизм, гностицизм* или неоплатонизм, главное было в ином: все они (и здесь сыграл немалую роль синагогальный иудаизм, широко распространившийся со своим монотеистическим видением мира во всем регионе, о котором идет речь) так или иначе стремились именно к монотеизму. Наступило его время. Ожидание Мессии сконцентрировало внимание на одной великой божественной персоне. Чего же ждали или могли ожидать люди от Мессии, ставшего Богом?

Разумеется, такого, чего не было раньше, когда практически везде господствовал политеизм. Чем же принципиально монотеизм отличался от политеизма? Частично выше уже затрагивалась эта проблема, во всяком случае в теоретическом плане. Но теперь вопрос стоит несколько иначе. Чего ожидали от монотеизма те, кто уже давно был знаком с этим видом религиозной культуры, но не был удовлетворен тем его вариантом, который процветал у иудеев — даже если в сектах преобладали те же иудеи?

Ждали, если в двух словах, спасения и умиротворения, причем для всех. Ведь основная идея христианства, как она была разработана уже первыми последователями новой религии, — это именно идея греха и спасения. Люди грешны, причем именно это уравнивает всех их —

* Гностицизм — одно из учений начала нашей эры, ныне хорошо изученное специалистами благодаря находкам коптских текстов в Наг-Хаммади (Египет). Его сторонники уделяли огромное внимание углубленному анализу мира и себя в мире. Они разрабатывали проблему познания, откуда и название их учения. В числе объектов их познания, конечной целью которого было спасение, немало сведений из Нового Завета.

эллинов и иудеев, варваров и римлян, рабов и свободных, богатых и бедных. В грехе они равны перед Богом, для которого все они тоже должны стать одинаково близкими. Могут ли люди очиститься от грехов начиная с первородного греха Адама и Евы, который тяжелым камнем висит на человечестве? Да, могут. Но только в том случае, если они сами осознают, что грешны, если исправят свои помыслы в сторону сознательного самостоятельного очищения от грехов и если — последнее, но и наиважнейшее — поверят в великого божественного Спасителя, который не просто указал путь к спасению, но и, взяв на себя грехи человеческие и приняв смертную муку за них, умер, а затем чудесным образом воскрес, став для поверивших в него Богом.

Правда, в этом пункте с первых же шагов христианства возникла неувязка, которая явилась поводом для многочисленных веками длившихся и породивших немало расколов христологических (лучше сказать тринитарных — от Троицы) споров. Речь о едином Боге в трех лицах — Боге Отце, Боге Сыне и Боге Святом Духе. К этим спорам мы еще вернемся. Но пока заметим, что вера в единого Бога и Святую Троицу, благочестивая жизнь, покаяние в грехах с облегчающей душу исповедью и надежда на царствие небесное после смерти и тем более второго пришествия Христа и Страшного суда — вот основа того, что каждому следовало принять. Эти заповеди раннего христианства стали фундаментом новой религии, причем они быстро обрели широкую популярность, а адепты христианства начали распространяться по всей империи.

Римские верхи вначале не только не приняли христианства, но и организовали на него гонения (откуда и избиения сторонников новой религии). Неудивительно, что религия ответила своим гонителям ненавистью. Будучи бесправными и гонимыми, сторонники ее не были лишены энергии неофитов и пафоса радикального переустройства общества. В одном из наиболее известных произведений Нового Завета — в Апокалипсисе (Откровение святого Иоанна Богослова, автора одного из Евангелий) с огромной силой прозвучало осуждение Рима как «великой блудницы», как нового развратного Вавилона со всеми его «мерзостями». Ангел Божий предрекает падение этого Вавилона, после чего силы небесные победят мрак и мерзость, произойдет Страшный суд, и на обновленной земле возникнет «новый Иерусалим» во всем величии своей славы, с древом жизни, активно плодоносящим во имя всеобщего блага.

Мистика Апокалипсиса красноречива. Она не забывает о корнях христианства («новый Иерусалим») и клеймит развратный Рим. Если добавить к ней проповедь всеобщего равенства, что в наполненном рабами Риме немало стоило, а также осуждение богатства и стяжательства («скорей верблюд пройдет через игольное ушко, чем богач попадет в царствие небесное») и подчеркивание обязанности трудиться («не трудящийся да не ест»), то не окажется ничего удивительного в том, что к христианству тянулись в первую очередь бедные и угнетенные, рабы и изгои, обиженные и униженные. Неудивительно и то, что верхи Рима на первых порах восприняли новую религию как нечто сомнительное, если не вредное. Но проходили немногие десятилетия, и ситуация постепенно менялась.

Первые христианские общины заимствовали от предшественников (типа ессеев, коллективы которых пополнялись лишь за счет новых сторонников) черты аскетизма, самоотречения и благочестия. Позже к ним были прибавлены акты крещения, причащения и некоторые другие. Но все различные раннехристианские секты достаточно долго оставались замкнутыми и обычно возглавлялись харизматическими лидерами, каждый из которых имел возможность самостоятельно толковать некоторые — чаще всего не очень ясные — проблемы. Такого рода лидеры — пророки и учителя, проповедники и аскеты — обычно отличались от остальных тем, что имели «видения», прислушивались к «гласу Божьему», «внутреннему голосу» и считались «осененными благодатью». Легко понять, что часто они были людьми возбудимыми и психически неуравновешенными, и это не могло не сказываться на том, о чем они вещали идущим за ними последователям. Практически как раз на этом раннем этапе развития в различных христианских общинах и закладывались основы того смешения реальных фактов недалекого прошлого с мифо-поэтическим наследием, которое затем и обретало черты достоверного предания, о чем уже вскользь упоминалось.

Процессу становления новой религии, особенно уже после появления и тем более канонизации Евангелий и других текстов христианского Нового Завета, многочисленные варианты и отклонения не могли не мешать. Это означало, что первоначальную пестроту мнений, ритуалов и догматов в многочисленных общинах следовало ликвидировать, заменив канонической жесткостью новой и на

многое претендовавшей религии. Примерно это и было основной тенденцией развития и трансформации раннего христианства, в котором вначале отчетливо выделились два противостоявших друг другу течения — проиудейское, представленное, в частности, Апокалипсисом, и антииудейское, связанное прежде всего с деятельностью апостола Павла и его учеников.

Проиудейское направление вскоре заглохло, а паулинизм получил распространение и стал внутренней основой христианства. Именно в рамках паулинизма с его тезисом, что для христианства нет ни эллина, ни иудея, что Богу угодны все, обрезанные и необрезанные, произошел окончательный разрыв новой монотеистической религиозной системы со свойственной иудаизму национальной ограниченностью. Такого рода переосмысление христианства в духе паулинизма и стало отправной точкой его трансформации в сторону организованной вселенской церкви. В этом смысле Павла можно было бы считать первым патриархом, если даже не основателем христианства как новой монотеистической вселенской религии. С паулинизма берет свое начало и раскол, даже антагонизм между христианством и иудаизмом.

Паулинизм способствовал переключению радикальной активности своих приверженцев с критики существующих в Риме порядков на критику соперничающей религии, представители которой оказались теперь виновны во всех грехах и даже преступлениях — они ведь, в конце концов, распяли Христа. Кроме того, паулинизм сделал резкий акцент на загробное воздаяние, на вознаграждение за терпение и страдания блаженством на том свете. Эти два очень существенных нововведения сыграли важную роль в процессе всей дальнейшей трансформации раннего христианства.

Она сводилась, помимо всего прочего, также и к укреплению всей церковной структуры. В условиях постоянно становившейся все более жесткой догматической основы вероучения уходила в прошлое ранее отличавшаяся свободой духа жизнь первоначальных общин, которые возглавлялись харизматическими лидерами. На смену пророкам приходили избиравшиеся верующими (а затем утверждавшиеся сверху) должностные лица — дьяконы, епископы, пресвитеры. Из их числа на переднем плане со временем оказались епископы, в чьих руках вначале были только казна и хозяйственные дела общины. Уже со II в. именно они занимались толкованием сложных проблем догматики и культа и начали играть не толь-

ко в своих общинах, но и в целых группах соседних общин руководящую роль.

Замена харизматических лидеров церковной бюрократией была неизбежным условием укрепления иерархии церкви и всей структуры новой религии. А те из лидеров, кто все еще отличался своими «видениями», «внутренним голосом» и т. п., не только решительно отстранялись от руководства общинами (если это не были группы еретиков), но и просто вынуждены были изменять привычный образ жизни. Как правило, они становились монахами и добровольно уходили в монастыри, которые стали в обилии возводиться прежде всего в восточной части Средиземноморья. Авторитет монастырей и живших там «святых отцов» не только не препятствовал церковным иерархам строго следить за паствой, но и придавал религии в целом немалый дополнительный вес.

ХРИСТИАНСТВО КАК ОФИЦИАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Все эти новации сыграли огромную позитивную роль в истории христианства. Более того, римские императоры уловили ту ценность, которую может представлять собой новая и очень организованная религия. Первым это ощутил Константин (годы правления 324–337), который принял важное решение сделать христианство официальной религией, перенеся одновременно столицу из пришедшего в упадок Рима в античный Византий, переименованный в Константинополь. Этот город был расположен неподалеку от местонахождения христианских общин, что стало дополнительным подспорьем для расцвета новой государственной религии.

Вскоре после перемещения императора и его аппарата власти на Восток, в зону наибольшего и наиболее раннего распространения христианства, вся империя вплоть до ее далеких западных окраин стала христианской. Более того, христианство начало проникать и в соседние государства, а после крушения Рима в V в. оно постепенно становилось религией возникших на его земле варварских государств. В этой ситуации центром западного христианства стал, как известно, все тот же Рим, а главой его — римский епископ, или Римский Папа, чья роль (не только духовно-религиозная, но и политическая) в истории средневековой Европы постоянно возрастала.

На Востоке же, под властью римского императора*, христианство не имело единого главы, но оказалось раздробленным на епископаты, причем все они подчинились власти византийских императоров, которые провозглашали именно себя если и не формальными, то всегда фактическими главами христианской церкви.

,

* После перемещения на Восток император был правителем всей империи, однако в 395 г. Рим окончательно разделился на Западную и Восточную империи. Восточным Римом продолжала именоваться Византия. Важно, однако, прибавить к сказанному, что в годы правления императора Юстиниана (527–565) была ненадолго завоевана часть Западной империи, включая и Рим. Видимо, это способствовало проникновению в Рим созданного Юстинианом кодекса права — наивысшего достижения древних в области частного права. В Риме, где к праву относились с гораздо бо́льшим вниманием, чем в Византии, которая в этом плане была ближе к Востоку, нормы этого кодекса сыграли существенную роль.

Глава 16

Формирование идейно-институциональных основ христианства

- Богословские дискуссии • Иконы и иконоборчество в Византии*
- *Восточное православие и нехалкидонские церкви*
 - *Христианизация Рима и Западной Европы*
 - *Монастыри и монахи*

Перенос столицы Римской империи на Восток с последующим расколом этой империи на две части, Восточную и Западную, сыграл важную роль и в последующей истории Рима, и тем более в истории христианства, ставшего теперь официальной его религией. Вначале центром развития христианства как господствующей религии с формирующейся в ней крепкой централизованной структуры, церковью, был именно восток, Византия. Во-первых, потому, что император восточной части империи довольно долго, практически все время, что еще было отпущено историей Римской империи, продолжал оставаться главным из двоих его властителей. Во-вторых, вместе с этим императором на Восток переместилась и основная часть наиболее авторитетных представителей новой религии.

Кроме того, именно Римский Восток, особенно северная часть Египта и восточное побережье Средиземноморья (Палестина, Сирия, значительная часть Малой Азии) были местом наиболее раннего и интенсивного расселения христиан, как обычных мирских общин,

так и древнейших монастырей. На этой территории с ее примерно 50-миллионным населением к моменту перевода столицы императора Константина в Византий около 10 % были христианами. Словом, все свидетельствовало о том, что центр официального христианства переместился вместе с императором на восток, где и оставался на протяжении ряда веков. Именно там шли ожесточенные теологические споры на время от времени созывавшихся византийскими императорами Вселенских соборах.

БОГОСЛОВСКИЕ ДИСКУССИИ

В центре внимания первых теоретиков официального христианства в Византии (имеются в виду споры IV–V вв.) оказались, как того и следовало ожидать, наиболее щекотливые христианские и тринитанные проблемы доктрины. Щекотливость ситуации несложно понять: на Востоке было немало религиозных систем, в которых на передний план выходило сразу трое великих богов. Но нигде не было такого, чтобы все эти трое были не различными, но как бы взаимопроницаемыми и неразделимыми фигурами. Сложность была в том, чтобы расставить эти фигуры по своим местам и — если это только возможно — прочно, навсегда закрепить за каждым из них свое место.

Следует заметить, что все это было бы не столь трудно сделать, если бы не Иисус Христос, который был то ли Богом, то ли человеком, то ли богочеловеком. Неудивительно, что тринитарные споры о сущности Троицы постоянно переплетались с христологическими — о сущности Христа. А решить эту последнюю проблему было не очень просто именно потому, что она тесно переплеталась с философско-антропологическими представлениями о месте человека и его роли. Может ли человек подняться до невиданных в античности, да и до нее, божественных высот, или он всегда подчинен божественному началу? В ожесточенных спорах вырисовывались разные точки зрения на этот счет и рождались очень разные богословские позиции, имевшие своих сторонников. Следовало разобраться, где истина, а где заблуждение, толкуемое как ересь. Именно этим и занимались первые Вселенские соборы, созывавшиеся время от времени, обычно не слишком часто, в различных давно сложившихся религиозных центрах восточного христианства, как в самой Византии, так и неподалеку от нее.

Первым широко известным богословским течением, выработавшим свою точку зрения по этому поводу, считается арианство, названное по имени священника Ария из египетской Александрии. Суть этого учения сводилась к рационалистическому (свойственному именно эллинам) объяснению проблемы: Христос, согласно евангельской традиции, — творение Бога Отца. Стало быть, он не единосущен ему, но зависим от него. Поэтому Христа не следует считать человеком, он божественный Логос, говорящий от имени высшего Бога, являющийся посредником между Богом и людьми. Но это все же не сам Бог, но лишь его Сын, ибо было время, когда его еще не было. Отсюда естественный вывод о неравенстве Бога Отца и сотворенного им Бога Сына.

На I Вселенском соборе в Никее, созванном в 325 г., учение Ария было объявлено ересью, а Христос провозглашен единосущным Богу Отцу. В противовес арианству собор выработал ортодоксальный православный символ веры, суть которого сводилась к ряду тезисов, включая триединство Бога, единосущного и недоступного разуму, а также боговоплощение, искупление, крещение, воскресение и т. п.

Никейский собор сурово осудил еретиков, отправив Ария в ссылку. Но император Константин не только проявил собственное мнение, но и счел возможным вмешаться в церковный спор на стороне ариан, предложив заменить термин «единосущный» на «подобосущный». Эта поправка не была принята. Последовали длительные споры, в ходе которых церковь одержала победу и на соборе 381 г., после смерти Константина, арианство было еще раз осуждено и отвергнуто, что, впрочем, не помешало сторонникам этого учения мигрировать на запад и со временем получить некоторую поддержку со стороны постоянно соперничавшей с византийским христианством католической церкви, особенно в окружавших Рим варварских королевствах остготов и вестготов.

На смену арианам в V в. пришли несториане и монофизиты. Суть учения несториан, основателем которого был константинопольский епископ Несторий, сводилась к тому, что Иисус прежде всего человек, что человеческое и божественное начала в нем никогда полностью не сливались воедино, но всегда находились лишь в некоем неясном соединении. Только через наитие Бога Святого Духа Христос стал Мессией. Ожесточенная борьба вокруг учения несториан возникла на III Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. В эту борьбу на стороне противников несториан вмешался через своего посланника

и Римский Папа*. Борьба была длительной и ожесточенной и завершилась осуждением несторианской ереси. Несторий был отправлен в ссылку, а его сторонники в отличие от ариан ушли на Восток, расселившись в Иране, Средней Азии и более отдаленных районах вплоть до Китая. Стоит заметить, что несториане стояли за весьма тесный союз церкви с политической властью, что, видимо, вызвало недовольство Папы, но не византийского императора, который явно колебался. Известно, что окончательно несторианская ересь была осуждена лишь спустя четыре года специальным императорским постановлением.

Что касается монофизитов, то их учение было наиболее активным и имело намного больше сторонников, чем арианское и несторианское. Возникшее в Константинополе в качестве своего рода противовеса несторианам, их толкование сущности Христа сводилось к тому, что ему присуща только одна природа — божественная. На созванном в том же Эфесе Вселенском (позже названном «разбойничьим») соборе 449 г. возникла ожесточенная борьба. Основными противниками в споре выступили константинопольский (поддерживавший монофизитов) и противостоявший ему александрийский клир, соперничавшие в то время за преобладающее влияние на церковь. Римский Папа в споре поддержал константинопольцев, но император выступил на стороне александрийцев, в результате чего монофизиты одержали победу. Правда, она была недолгой. На IV Вселенском соборе в Халкидоне в 451 г. новый византийский император не только осудил решение Эфесского собора 449 г., но и выступил против несторианской ереси, восстановив Никейский символ веры. Здесь сыграл свою роль союз константинопольского патриарха** с Римским Папой. Оба, напуганные призраком не столько религи-

* В принципе уже в эти годы богословские проблемы восточного и западного христианства различались. В Риме, испытывавшим влияние латинского уважения к юриспруденции, на передний план выходили не те проблемы, что заботили восточнохристианскую церковь, унаследовавшую тягу к античному спекулятивному мышлению. Однако это не мешало Папе до поры до времени посылать своих представителей на Вселенские церковные соборы и занимать при обсуждении проблем христианства ту либо иную позицию. Это прекратилось тогда, когда Папы стали всемогущими и окончательно перестали ощущать не только единство с византийским христианством, но и хотя бы малую зависимость от него.

** На Халкидонском соборе все восточнохристианские церкви были объединены в четыре патриархата — Константинопольский, Александрийский, Иерусалимский и Антиохийский.

озного, сколько политического сепаратизма, проявившего себя в момент победы александрийцев, активно поддержали императора.

Халкидонский собор сыграл важную роль в истории христианства. Во-первых, он признал формальное верховенство Папы* (вторым в христианском мире стал считаться Константинопольский патриарх). А во-вторых, он привел к первому в истории церкви серьезному расколу. Если ариане и несториане были осуждены как еретики и фактически просто отринуты ортодоксальной церковью, то с многочисленными монофизитами так поступить было невозможно. В итоге произошло нечто вроде разделения ряда уже сложившихся и явно претендующих на самостоятельность в основном восточных христианских церквей на халкидонские и нехалкидонские (монофизитские). При этом в числе последних оказались египетская, сирийская, позже также армянская и эфиопская. Неудивительно, что после судьбоносного Халкидонского собора византийские императоры на протяжении V–VII вв. стремились к компромиссу. Наиболее полно условия компромисса были изложены императором Ираклием в 638 г.: у Христа признавалось наличие двух природ — божественной и человеческой, но при одной божественной воле. Этот тезис положил начало так называемому монофелитству, которое, впрочем, тоже со временем было объявлено ересью.

Надо заметить в заключение истории богословских споров в рамках ортодоксального восточного христианства, что на этом практически они и закончились. Зато именно с этого времени на передний план вышли разногласия между греко-византийской православной церковью и римско-католической. Получив формальное первенство на все том же Халкидонском соборе, Римский Папа обрел в Европе огромную силу, как религиозную, так и политическую. Здесь имеет смысл напомнить, что западнохристианское богословие, не слишком вникая в содержание развернувшихся в Византии христологических споров**, интересовалось преимущественно антропологическими

* Это формальное верховенство на деле мало чего стоило. Римским Папам было важно не оно, а реальная независимость от восточнохристианской церкви и императорской Византии, к чему вскоре развитие событий и привело.

** Только в середине VII в., параллельно с монофелитством императора Ираклия на Западе было сформулировано очень важное добавление к византийской христологии, впоследствии сыгравшее едва ли не решаю-

проблемами, в частности отношениями между свободой воли и божественным провидением. Постепенно христианство на Западе и на Востоке все дальше отходило друг от друга, что и привело в конечном счете не только к расколу, но и к резкому противостоянию между греко-православным и римско-католическим христианством.

Чтобы поставить точку на этой проблеме, заметим, что обрядово-литургических и догматических различий между обеими церквами было не слишком много. Православие отвергает западное *filioque* и считает, что Бог Святой Дух исходит только от Бога Отца, выступает против идеи чистилища и возможности откупа от грехов (индальгенций). В православии нет такой степени жесткости централизованной иерархии с единым главой, к тому же признанным непогрешимым, а церковные соборы оно ставит выше патриархов. Очень важно отсутствие в нем целибата (запрета на брак) для так называемого белого духовенства, т. е. обычных рядовых священников. Можно упомянуть и о некоторых других различиях, в частности в причащении. Но, пожалуй, из всех них на первый план выступают иконы, присущие только православию. Проблема икон в свое время сыграла важную роль и в истории Византии. Обратимся к ней.

ИКОНЫ И ИКОНОБОРЧЕСТВО В ВИЗАНТИИ

Как то хорошо известно, восточное христианство в отличие от западного отличилось пристрастием к писанию икон. Большие того, расписные иконостасы с довольно раннего времени стали неотъемлемой частью внутреннего убранства каждой церкви. Немало икон находилось и в восточнохристианских монастырях, количество которых за первые века христианства сильно возросло. Более того, именно в монастырях чаще всего и писались эти иконы, которые были важным источником их обогащения. Вообще монастыри в Византии к VIII–IX вв. стали не только многочисленными и хорошо внутренне организованными, со строгим уставом и почти железной дисциплиной для рядовых монахов и послушников, но и очень богатыми, что весьма способствовало росту их значения и политического влияния в стране. А в сочетании с

щую роль в разделении церквей православной и католической: исхождение Святого Духа происходит не только от Бога Отца, но и от Бога Сына, Иисуса. На латыни это звучит очень кратко — *filioque*.

некоторым ослаблением политической власти в империи, вызванным не в последнюю очередь ее поражениями и сокращением ее прежней территории в борьбе с победоносными исламскими завоевателями, это богатство и рост политического влияния иерархов церкви, включая монастыри, стали вызывающими и даже в определенной степени опасными для императоров Византии.

Результаты не замедлили сказаться. Стремясь восстановить свой престиж и укрепить расшатавшуюся административно-политическую структуру империи, правители вынуждены были направить главный удар против выходящей из-под их влияния и проявлявшей стремление к некоторой самостоятельности церкви. Этот удар обрел несколько специфический и даже странный на первый взгляд характер: он оказался направленным против икон. В империи началась хорошо организованная политика иконоборчества.

Следует обратить внимание на то, что христианская религия, во всяком случае вначале, не очень приветствовала культ икон, приравнивая их почитание к идолопоклонству и сакрализации мощей. Но с течением времени это направление в христианстве ушло в прошлое, а почитание икон, напротив, заняло важное место в системе церковных культов и обрядов. Новый и несколько неожиданный взлет иконоборчества был вызван, наряду с уже указанными причинами, возможно, также и тем, что в Византии на рубеже VII–VIII вв. дали о себе знать народно-сектантское движение павликиан, именовавших себя христианами, но достаточно резко выступавшими против церквей и монастырей, а также влияние ветхозаветных принципов отказа от изображения Яхве и норм ислама, тоже принципиально отвергавшего изображения людей и тем более Аллаха. Как бы то ни было, но византийский император в 726 г. официально выступил против иконопочитания, а очередной церковный собор 754 г. активно поддержал это начинание.

Оплотом иконоборцев стали восточные провинции империи, прежде всего Армения, где движение павликиан обрело наибольший размах. Стоит добавить ко всему сказанному, что едва ли не все отвергнутые ранее восточным христианством ереси — несториане, монофизиты и монофелиты — тоже выступали против икон, причем иконоборческий пафос всех еретических движений, вплоть до павликиан, был тесно связан с недовольством роскошью церкви и распущенностью многих иерархов, т. е., в конечном счете, с избыточным богатством верхов византийского христианства. Поэтому, несмотря на факт осуждения упомянутых ересей, сама постановка проблемы

икон была имела — помимо чисто религиозных проблем — немалый политический и тем более экономический смысл.

Основной удар был направлен против богатых монастырей, многие из которых были закрыты с конфискацией всего их имущества. Но вместе с тем иконопочитание было официально объявлено античной языческой ересью, а развешивание икон в храмах и в частных домах было запрещено. В стране началось открытое противостояние двух влиятельных сил — иконоборцев, временно преобладавших, и иконопочитателей, поддерживавшихся, несмотря на решение собора, значительной частью церковных иерархов и некоторыми деятелями из числа политической элиты, включая подчас и членов императорского дома. Борьба шла около столетия, пока в 843 г. иконопочитание не было окончательно восстановлено.

Это, однако, было не столько победой церкви, сколько результатом компромисса. Церковно-монастырское имущество было сильно урезано, все иерархи подчинены светской власти, а византийский император был окончательно признан главой восточнохристианской церкви. Оценивая иконоборческое движение в целом, нельзя не заметить, что помимо всех политических, экономических и сектантско-антицерковных причин, о которых шла речь, среди аргументов сторонников борьбы с иконами было все то, что копилось веками, обсуждалось чуть ли не на каждом церковном соборе и имело немалый чисто богословский смысл. Смысл этот сводился к тому, что христианская Троица с ее единством трех божественных персон формально должна считаться неопикуемой, непостижимой разумом и потому не подлежащей изображению в антропоморфном виде, который предстает с икон. Иными словами, берясь за писание иконы и пытаясь изобразить Бога, иконописец впадает в ту либо иную ересь. Логично, что при такой постановке вопроса церковный собор вполне мог проголосовать за иконоборцев.

ВОСТОЧНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И НЕХАЛКИДОНСКИЕ ЦЕРКВИ

Восточное христианство с центром в Византии просуществовало до середины XV в., причем последние четыре столетия после резкого окончательного разрыва с западным католицизмом оно продолжало существовать лишь по инерции, ибо сила и престиж империи убывали с каждым веком. Показательно, что, хотя иногда в споре с Римским Папой одерживало победу все-таки именно византийское христианство (христианизация в IX в.

Болгарии, например), чаще Византия терпела от своих западных коллег-христиан унижительные поражения, как то случалось в годы крестовых походов. В XIII–XV вв., когда положение Византии стало особенно слабым, она унизилась до просьб об унии, обращенных к Римскому Папе. Однако и унии ей не помогли. В 1453 г. Константинополь пал под ударами турок-османов, а великолепная София, самый красивый православный храм, была превращена в мечеть. С падением Константинополя восточное христианство с центром в этом городе перестало существовать. На смену ему пришли другие православные государства и прежде всего Московская Русь.

Как обстояло дело с православием в этой обстановке? Надо заметить, что в Византии в отличие от Рима не было строгой иерархической системы во главе с понтификом, persona которого была выше всякой критики. Напротив, здесь, на Востоке, где возникало и складывалось христианство, всегда было множество сект, направлений и церквей, которые, правда, после Халкидонского собора были объединены в четыре патриархата, но, несмотря на это, продолжали стремиться к самостоятельности. Особенно это стремление выявило себя после фактического раскола на Эфесском (449) и Халкидонском (451) соборах, когда число монофизитов в империи оказалось достаточно большим для того, чтобы в рамках восточного православия возникли разные по характеру церкви.

К числу ортодоксальных относились те верующие, которые считали себя прихожанами глав четырех патриархатов, что продолжалось и тогда, когда эти патриархаты оказались на территории, завоеванной мусульманами, арабами или турками. Православных на этой земле стало после завоевания весьма немного, но они всё же оставались со своими церквями, епископами и патриархами. К сказанному стоит добавить, что некоторые более отдаленные от Константинополя восточные церкви, не покидая ортодоксального православия, получили автокефалию (самостоятельность) раньше, задолго до исламского нашествия (в Грузии, где христианство было официальной религией уже на рубеже III–IV вв., автокефальную церковь возглавил Картлийский католикос).

Но гораздо существенней обратить внимание на те православные церкви, которые фактически порвали с константинопольской церковью и предпочли ей свои нехалкидонские варианты. Речь прежде всего о монофизитах. После 451 г. большинство их оказались сначала в Египте, где вскоре они распались на несколько групп, споривших по отдель-

ным богословским вопросам. Со временем почти все эти группы консолидировались и создали свои церкви, ставшие религиозными центрами той либо иной этноконфессиональной общности. Особенно заметными стали монофизитские церкви Сирии, Египта и Армении.

Сирия. Восточное Средиземноморье раньше всего стало одним из важных районов, где складывались первые христианские общины и возникали монастыри. Будучи близкой к Палестине и египетской Александрии периферией Византии, местные христиане всегда чувствовали себя достаточно независимо от константинопольских церковных иерархов. Этим в немалой степени объясняется и то обстоятельство, что значительная часть православных сирийцев после Халкидонского собора осталась монофизитской. В середине VI в. Эдесский епископ Иаков создал здесь Сиро-Иаковистскую церковь, сохранявшую влияние на свою паству и после арабо-исламского завоевания, которое заметно изменило состав населения Сирии, превратив это государство в мусульманское и к тому же населенное арабами. Когда в 685 г. на VI Вселенском Константинопольском соборе было решено, что во Христе следует исповедовать две естественные воли, из которых божественная главная, осужденные как еретики монофелиты удалились в монастырь св. Марона в Сирии и основали маронитскую церковь. Позже крестовые походы принесли в Сирию новые потоки христиан, в основном католиков, что способствовало сближению маронитов с Римом. В итоге в Сирии и соседнем с ней Ливане за последние века создалась весьма сложная религиозная картина. Мусульмане там сегодня в большинстве. Однако немало и христиан разного толка.

Египет. Коптская монофизитская церковь сложилась в первые века нашей эры и, невзирая на постановление Халкидонского собора, не изменила своих позиций. Обогащенная гностицизмом, эта церковь в 536 г. окончательно порвала с константинопольской ортодоксией и, избрав своего коптского патриарха, успешно просуществовала почти два тысячелетия, хотя исламизация и арабизация Египта нанесла ей огромный ущерб. В процессе вызванной этим трансформации сильно изменились прежде всего сами египтяне-копты. Внешне они почти ничем не отличаются от живущих рядом с ними арабов-мусульман. Тем не менее копты остаются христианами. Их община насчитывает примерно 3 млн. членов.

Эфиопия. Христиане монофизитского толка составляют в Эфиопии примерно половину всего населения (остальные — мусульмане). Египетские копты в свое время приложили руку к формированию нехалкидон-

ского христианства в Эфиопии. Они всегда оказывали и ныне оказывают определенное влияние на эфиопскую монофизитскую церковь, чьи высшие иерархи долгое время (фактически до 1948 г., когда Эфиопия добилась автокефалии) назначались и утверждались Коптским патриархом. При этом существенно упомянуть, что формально главой эфиопской православной церкви всегда считался сам негус, т. е. император Эфиопии (ситуация, схожая с византийской). Стоит напомнить, что после исламизации Египта Эфиопия, где ислам долгое время являлся религией меньшинства, на протяжении свыше полутора тысячелетий была единственной африканской страной, где христианство православного толка считалось официальной государственной религией.

Армения. Армяно-григорианская церковь издревле представляла христианство в Армении, ставшее там государственной религией в 301 г. Не приняв решений Халкидонского собора, христиане Армении предпочли быть монофизитами и отстаивать свою церковную самостоятельность. В середине VI в. армянская церковь приобрела желанную автокефалию, после чего ее глава стал именоваться католикосом (патриархом). Религиозный центр страны находится в Эчмиадзине, который является древним культурным очагом Армении. С XI в. много армян оказалось в Сирии и Ливане, где со временем был создан второй, Киликийский, католикосат, сотрудничающий — но не соперничающий — с Эчмиадзинским.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РИМА И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

На первых порах христианство в западной части Римской империи было на некоторое — правда, очень недолгое — время как бы периферийным. Разумеется, это не означает, что число христиан там было ничтожным. Нельзя не учитывать, что в Риме активно действовали продолжатели дела святых апостолов Петра и Павла. Их усилиями в Италии и на соседних с ней территориях, включая Галлию, Германию, североафриканское побережье с центром в Карфагене и даже Британию, постоянно возникали новые христианские епископаты, а число верующих, по некоторым подсчетам, достигло к началу IV в. двух миллионов. Тем не менее, позиция римского епископа, претендовавшего на первенство среди прочих, еще не была всеми признана официально. Титулом «Папа» (отец, свя-

той отец) именовались в то время подчас и александрийский, и даже карфагенский епископы. Однако по мере консолидации западной христианской церкви как фактически самостоятельной религиозно-иерархической структуры, что было формально подкреплено окончательным разделом империи на две части в конце IV в., ситуация стала изменяться. К тому моменту число христиан в Западной Европе возросло в два-три раза. И это увеличение имело объективные причины.

Прежде всего, за век-полтора после начала раскола Рима в западной половине империи постепенно образовался политический вакуум. Конечно, там еще существовали сменявшие друг друга императоры, сохранялась столетиями формировавшаяся система администрации, но и власть правителей в Риме, и влияние административных органов на местах довольно резко ослабевали. Западный Рим вступал в полосу острого многостороннего кризиса и довольно быстрыми темпами шел к своему концу. Этому процессу способствовали варварские нашествия, знаменитое Великое переселение народов, которое сравнительно мало затронуло Византию, но со всей своей силой обрушилось на Рим. В попытках отразить нашествие варваров Рим терпел поражение за поражением, что и привело к его упадку и возникновению на месте некогда мощной державы бессильной ее тени.

Разумеется, это не означало, что варварский вихрь вот-вот сметет Рим. Судьба распорядилась иначе. Дело в том, что Западная Римская империя имела немало колоний на территории средней и северной (Британия) Европы, где римские ветераны уже достаточно давно получали земли и более того, превратили их в римские города-муниципии с окружающими их земными угодьями. Варвары, в основном кочевники или полукочевники, перемещавшиеся прежде всего в такого рода частично уже освоенные римлянами земли, отнюдь не всегда стремились уничтожить эти оазисы необычной для них сельскохозяйственной и урбанистической культуры. Напротив, многие из них оседали рядом с римскими колониями и, подвергаясь интенсивному процессу трибализации и аккультурации, воспринимали не без пользы для себя новые формы хозяйства. Несмотря на то, что значительная часть племенных групп (гуннов, вандалов, некоторых из готов и др.) продолжали свое разрушительное движение, предпочитая не оседать на земле и двигаться в поисках добычи, ситуация в целом сложилась отнюдь не безнадежно для римлян.

На протяжении IV–VI вв. перемещение пришлых этнических общностей в основном завершилось (неприкаянными в своих набе-

гах остались разве что северные викинги). Западный Рим как великая и могущественная держава перестал существовать, но на занятой римлянами территории, как в самой Италии, так и на большей части Европы к северу от нее, возникло немалое количество так называемых варварских королевств, которые в процессе своего развития начали очень многое перенимать у римлян. Этот процесс аккумуляции был формально возглавлен все тем же Римом, который, однако, за прошедшие века кардинально изменился. Теперь он уже не являлся столицей великой империи, а стал местопребыванием римского первосвященника, главы христианской церкви, которая считала своей основной задачей энергично воздействовать на пришедших в Европу язычников с целью обратить их в христианскую веру. И надо сказать, весьма преуспела в этом.

Римская община и ее епископ, Римский Папа, взяли курс на постепенное укрепление своих позиций. Они направляли в варварские королевства своих священников-миссионеров, которые призывали новопоселенцев принимать христианство. Эти призывы находили отклик среди учившихся у потомков римских поселенцев подданных новых королевств, которые, к слову, численно заметно уступали колонистам. Христианизация вчерашних варваров шла достаточно быстро. Франки, например, приняли новую религию еще в 496 г. Заимствовав у римлян основы христианства – иногда в форме ранних ересей, преимущественно арианства, о котором уже шла речь (это касается прежде всего вестготов и лангобардов), – население пришедших на смену Западной Римской империи королевств вместе с развитой религиозной системой воспринимало многие элементы тесно связанной с ней культуры. Это и неудивительно. Ведь призывы принять новую религию подкреплялись сооружением церквей, в которых регулярно совершались обряды и шли многочисленные службы, эмоционально воздействовавшие на посетителей храмов.

Строительство церквей и монастырей и активное их влияние на новопоселенцев, довольно быстро забывавших своих языческих богов и активно приобщавшихся к новой духовной культуре и проповедуемым ее адептами идеям, делали свое дело. Нельзя не отметить в этой связи и огромную роль только что упомянутых церковных служб со всеми их торжественными и красочными обрядами. Эти службы происходили на новообращенных огромное впечатление, как, впрочем, и те величественные соборы, в которых наиболее значительные из обрядов производились и которые очень наглядно символизировали

связь земного начала с божественным. И хотя многие из них строились веками — а быть может именно поэтому — они нередко воспринимались не только как шедевр архитектуры, но и как очередное рукотворное чудо, поставленное на службу религии и церкви.

МОНАСТЫРИ И МОНАХИ

Большое воздействие на вчера еще совсем не знакомых с высокой культурой людей имел и образ жизни трудолюбивых и образованных монахов из многочисленных монастырей, появившихся на территории Европы в III–IV вв. и достигших заметного процветания веком-двумя спустя. Именно тогда монахом Бенедиктом был создан знаменитый бенедиктинский устав, требовавший от монахов жить в простоте и бедности, постоянно трудиться физически и умственно, быть образцом целомудрия и послушания. Этот устав, благодаря поддержке Рима, вскоре стал очень широко распространенным, что сыграло немалую роль в усилении авторитета монастырей и монахов. В результате нелегкой физической и умственной работы они создавали островки высокой культуры. Неудивительно, что простому народу у них всегда было чему поучиться. Аккуратно возделанные поля и грядки, своевременный и заботливый уход за посевами, регулярное удобрение полей, забота о скоте, инвентаре, да и многое другое, что было нормой в жизни трудолюбивых монахов из близлежащих монастырей, не могло не оказывать своего воздействия на потомков кочевников, практически незнакомых с высокой культурой римской агротехники.

Прибавьте к этому знакомство с учеными монахами, всегда готовыми научить чему-то полезному подрастающее поколение. При монастырях нередко создавались школы, в которых желающие и имеющие для этого возможности могли научиться грамоте и получить хотя бы начальное образование. Приняв все это во внимание, легко понять, сколь большую роль играли первые западноевропейские монастыри и монахи в трудном деле приобщения вчерашних кочевников и их потомков к культуре урбанистического труда и быта.

Монастыри и монахи в некотором смысле были символом тех преимуществ оседлой жизни, которые позволяли создавать высоко ценимые варварами ценности, те самые, что они по традиции привыкли добывать грабежом. В новых условиях грабеж и разорение больших городов переставали быть основной целью перемещавших-

ся по миру кочевых и полукочевых популяций. Многие из них теперь стали задумываться, прежде чем заняться этим привычным делом. Не исключено, что знакомство с христианством, храмами и монастырями даже вселяло в них некий мистический страх или уважение ко всему тому, что было связано с непонятым им Богом и церковными деятелями, служившими ему.

Здесь важно отметить то особое значение, которое подчас имел для некоторых из варварских племен сам Рим, ставший священным центром западноевропейского христианства. Христианство и Рим как его центр, в котором жил первосвященник, Папа Римский, еще в пору создания первых варварских королевств мистически воздействовал на некоторых из тех варварских предводителей, которые сами еще не были христианами. Существует предание, будто в 452 г., когда потерпевший поражение в знаменитой битве на Каталаунских полях вождь гуннов Атила вихрем прошелся по северной Италии и подошел к Риму, Папа Лев I вышел навстречу ему с одним лишь крестом в руках и сумел убедить предводителя варварских орд отказаться от намерения захватить Рим и разграбить его. Правда, это не помешало варварам (пусть не гуннам, но вандалам) спустя некоторое время разгромить Рим до основания. Но само по себе это печальное событие не изменило той значимости, которую обрело христианство в раннесредневековой Европе. Христианизация вчерашних варваров внесла большой вклад в организацию их общества, в формирование новой системы взаимоотношений между потомками римлян и заполонившими Западную Европу кочевыми и полукочевыми племенами, оседавшими на землю под влиянием побежденного ими римского населения.

Учебное издание

Васильев Леонид Сергеевич

ИСТОРИЯ РЕЛИГИЙ

Учебное пособие

Том I

Оригинал–макет подготовлен в издательстве «КДУ».

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Заказ № Т-1617

Печать цифровая. Заявленный тираж 1000 (печать по требованию).

Издательский дом «КДУ»: тел. +7 (495) 638-57-34, www.kdu.ru.